
200
А.Б. Мартиросян
МИФОВ О СТАЛИНЕ
СТАЛИН
ПОСЛЕ ВОЙНЫ
1945–1953 годы

200

МИФОВ

СТАЛИНЕ

А.Б. Мартиросян

СТАЛИН
после войны.
1945—1953 годы

Москва
Вече
2007

ББК 63.3(2)631
М29

Мартиросян А.Б.
М29 Сталин после войны. 1945—1953 годы / А.Б. Мартиросян. — М. : Вече, 2007. — 448 с. — (200 мифов о Сталине).

ISBN 978-5-9533-2235-5

Существует огромное количество «демократических» мифов о политике Советского Союза под руководством И.В. Сталина в первые годы «холодной войны». Между тем именно лидеры Запада с грохотом опустили «железный занавес», а затем разработали множество планов ракетно-ядерной агрессии против СССР и стран народной демократии. Советские руководители послесталинской эпохи, опорочив все дела и замыслы генералиссимуса, не смогли достойно ответить на вызовы времени и фактически довели до полного развала величайшую державу мира.

«Сталин после войны. 1945—1953 годы» — пятая и завершающая книга уникального пятитомного проекта А.Б. Мартиросяна «200 мифов о Сталине». Она рассказывает не только о мифотворчестве «демократов» по поводу внешней и внутренней политики СССР после Великой Отечественной войны, но и о «Ленинградском деле», о загадках смерти И.В. Сталина и представляет собой попытку автора разобраться в реальном положении дел.

ББК 63.3(2)631

ISBN 978-5-9533-2235-5

От автора

Книга «Сталин после войны. 1945-—1953 годы» завершает пятитомный проект «200 мифов о Сталине». В ней проанализированы главным образом те знаковые мифы о послевоенном времени, которые занимают слишком большое место в антисталиниане.

Одновременно представлен анализ и некоторых других ходовых мифов, формально не имеющих отношения к названной эпохе, но постоянно используемых для клеветнических нападок на Сталина. Потому-то нам представляется столь важным их аргументированное разоблачение.

Миф № 167. Едва только закончилась Великая Отечественная война, Сталин отдал приказ готовиться к Третьей мировой войне.

Миф № 168. Сталин объявил «холодную войну» Западу и отгородился «железным занавесом».

Миф № 169. Сталин готовился к нападению на Запад, прежде всего на США.

Чрезвычайно распространенный в последние годы миф. Многие псевдоисторики от «демократии» в буквальном смысле слова носом роют землю в попытках

доказать это. И в итоге создали ложное впечатление совершенно на пустом месте. А что же было в реальности?

1. Действительно, сразу после окончания Великой Отечественной войны такой приказ был отдан. Об этом автору говорил еще его отец и его ближайший друг — Константин Мефодиевич, в прошлом высокопоставленный сотрудник личной разведки Сталина. Но такой приказ был отдан отнюдь не потому, что Сталину так уж хотелось вновь воевать. Ведь полстраны лежало в руинах. Напротив, он вовсе не желал новой войны. В этом смысле очень характерны выводы доклада Совета по планированию политики госдепартамента США под названием **«Резюме международной политики».** То, что на нем стоит дата — 7 ноября 1947 года, — не должно смущать. Этот вывод относится и к 1945 году, и тем более к последующим годам. Итак, там было написано следующее: **«Опасность войны многими значительно преувеличивается. Советское правительство не желает и не ожидает войны с нами в обозримом будущем... Крайние опасения по поводу опасности войны исходят из неверной оценки советских намерений. Кремль не желает новой большой войны и не ожидает ее... В целом нет оснований полагать, что мы внезапно будем вовлечены в вооруженный конфликт с СССР».**

В этой цитате Подлинная Правда соседствует с Откровенной Ложью. Да, действительно, Кремль вовсе не желал новой войны. Это сущая правда. Но в Кремле сидели не наивные дети, а прекрасно знавшие международную ситуацию, располагавшие мощнейшей разведкой опытнейшие политические и государственные деятели, только что вместе со своим народом победившие в невиданной за всю историю человечества войне. Именно поэтому они, не желая новой войны, пре-

красно были осведомлены о том, что Запад готовит новую войну против СССР. И именно поэтому Сталин и был вынужден отдать приказ о подготовке к Третьей мировой войне, так как, по сообщениям разведки, ему стало известно о плане нападения англосаксонских союзничков по антигитлеровской коалиции на Советский Союз! **Нападение было назначено на 1 июля 1945 года!** Всего 10 лет назад на Западе рассекретили этот план нападения на Советский Союз объединенными силами англосаксонского Запада, который имел очень уж характерное название — **«Unthinkable», то есть «Немыслимое»!** Воистину немыслимое задумали тогда англосаксонские правители — напасть на главного победителя во Второй мировой войне! Не случайно вся документация на этот счет хранилась в особо секретном личном досье премьер-министра Великобритании — Уинстона Черчилля.

2. Не надо путать Гегеля с Бебелем и тем более с Бабелем. Не Сталин произнес пресловутую фултонскую речь, которой было положено начало «холодной войне», а сэр Уинстон Черчилль! 6 марта 1946 года. С какой стати Сталин должен быть виноват в этом?! И не Сталин с грохотом опустил «железный занавес», а Запад. И это тоже непреложный факт Истории. Как, впрочем, и то, что это произошло далеко не впервые. Еще Петр I в одном из писем своему сыну — цесаревичу Алексею — указывал на то, что Европа опустила перед Россией «железную завесу». Черчилль, естественно, этого не знал, потому и украл термин «железный занавес» у нацистов.

Небольшой комментарий. Кстати говоря, он украл не только это и не только у нацистов. В октябре 1942 года, когда гитлеровцы завязли в бес-

крайних просторах России и соответственно перестали быть непосредственной угрозой для Англии (в смысле организации вторжения), Черчилль без зазрения совести украл у «классиков научно обоснованного бандитизма» принципиальные основы звериной русофобии и организации борьбы с Россией. Соблаговолите ознакомиться.

Ф. Энгельс, **1849** г. — **«Европейская война, народная война, стучится в дверь... О немецких интересах, о немецкой свободе, немецком единстве, немецком благосостоянии не может быть и речи, когда вопрос стоит о свободе или угнетении, о счастье или несчастье всей Европы. Здесь кончаются все национальные вопросы, здесь существует только один вопрос! Хотите ли Вы быть свободными или хотите быть под пятой России?»**

У. Черчилль, октябрь 1942 г. — **«Все мои помыслы обращены, прежде всего, к Европе как прародительнице современных наций и цивилизации. Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств. Хотя и трудно говорить об этом сейчас, я верю, что европейская семья наций сможет действовать единым фронтом как единое целое под руководством европейского совета. Я обращаю взоры к созданию объединенной Европы».**

Обратите внимание на поразительнейшее единодушие между, казалось бы, непримиримыми идеологическими противниками. А мы пели дифирамбы «основоположникам научного коммунизма»! Злобные негодяи и русофобы, вот кем

были в действительности «основоположники»! Позиция Черчилля в этом смысле честнее — он с пеленок был ярым врагом России, как бы она ни называлась, а уж Советов тем более. Он никогда этого не скрывал. И потому, при необходимости, готов был целоваться даже с Гитлером, лишь бы «противостоять русскому варварству». Одно слово — англосакс...

3. Что же касается того, что Сталин якобы готовился напасть на Запад, прежде всего на США, то это вообще полнейшая, несусветная чушь. Потому как не Сталин планировал подобное преступление, а англосаксонские союзники по антигитлеровской коалиции. И началось это еще в середине Второй мировой войны.

В самый разгар Второй мировой войны из-под пера тесно связанного с Королевским институтом международных отношений и британской разведкой директора Лондонской экономической школы, члена **Комитета 300** состава 1930—1940-х гг., влиятельнейшего геополитика англосаксонского Запада, на идеях которого базируются все западные концепции по установлению мирового господства — Хэлфорда Маккиндера, — вышла уникальная по беспрецедентной агрессивности по отношению к фактически в одиночку ведшему смертельную борьбу с нацизмом СССР статья под названием **«Круглая земля и выигрыш мира».** От имени еще ничего существенного не сделавшего для разгрома нацизма англосаксонского Запада Маккиндер открыто указал: **«Наш следующий враг — Советский Союз».** По сути дела, статья была ничем иным, как выдающейся по своему коварству геополитической инструкцией всей правящей элите англосаксонского Запада по вопросу, что и как делать дальше, так

как, по его мнению, **«грядущая борьба должна быть решающей для мирового господства, ибо конечная цель — доминирование над Евразией. Поэтому грядущая неумолимая схватка за власть над этим решающим геополитическим пространством является решающей схваткой современной эпохи».**

Лидеры англосаксонского Запада — Рузвельт и Черчилль — услышали эти «рекомендации» и по старинке попытались договориться между собой насчет третьего по счету в XX веке запуска в действие «механизма приводного ремня», обеспечивающего перевод Перманентной мировой войны в «горячее состояние». Намерение базировалось на попытке очередного расчленения Германии. **Не вышло.** Обложивший своей агентурой всю администрацию Белого дома и ведущие министерства США выдающийся советский разведчик-нелегал Исхак Абдулович Ахмеров сумел своевременно и документально известить Сталина об этой попытке.

Небольшой комментарий. Вопрос о будущем разделе территории побежденной Германии на зоны оккупации обсуждался в руководящих кругах США и Великобритании уже в январе—марте 1943 г. То есть почти за полтора года до открытия второго фронта в Европе! Впрочем, будем исторически точны. Вообще, обсуждение послевоенного будущего Германии и выдвижение всевозможных проектов тотального физического ее уничтожения началось еще в 1941 году. Кто только из американского истеблишмента не упражнялся на эту тему?! Ничего еще не сделав для разгрома гитлеровской Гер-

мании, эти шакалы западной демократии пытались делить шкуру неубитого нацистского вепря, намереваясь вновь раскромсать Германию, дабы заранее спровоцировать неизбежный в таком случае оголтелый германский националистический реваншизм под лозунгами объединения страны и нации. В параграфе № 8 добытого советской нелегальной разведкой (И.А. Ахмеров) информационного сообщения от 28 марта 1943 г. британского министра иностранных дел А. Идена премьер-министру У. Черчиллю о ходе англо-американских переговоров в Вашингтоне по вопросу послевоенного устройства в мире говорилось:

«При обсуждении вопроса о Германии президент вновь выдвинул предложение о ее расчленении, которое, как он склонен думать, будет способствовать обеспечению безопасности Европы... Я заявил, что мы также изучаем этот вопрос, однако в основном я согласен с необходимостью расчленения Германии, поскольку Вы сами неоднократно высказывались в пользу этого. Президент заметил, что объединенная Германия существует не так уж давно и вполне вероятно, что там могут появиться тенденции расколоться на ряд отдельных государств. Такие тенденции, по мнению президента, нужно поощрять». Однако на Ялтинской 1945 г. конференции Сталин напрочь порушил все эти намерения Запада.

Одновременно И.А. Ахмеров добыл и секретный **Меморандум № 121** (август 1943 г.), в котором лидеры англосаксонского Запада всерьез рассматривали

идею еще времен Первой мировой войны, суть которой была в следующем: повернуть всю оставшуюся мощь пока еще нацистской Германии против СССР и дать ей возможность окончательно разгромить СССР, чтобы затем уже напасть на Германию и прийти в Россию в ипостаси «спасителя-освободителя». И это в 1943 г., когда советская армия уже поломала хребет вермахту!? В общем-то это была судорожная попытка на ходу изменить уже тогда очевидную послевоенную конфигурацию в Европе. **Прежде всего для изъятия Восточной Европы из орбиты влияния СССР в целях последующего установления там своего господства. Думы о послевоенном господстве в Восточной Европе как о прологе-плацдарме к мировому господству их не оставляли.** Не ударив даже палец о палец, чтобы хоть как-то помочь Советскому Союзу в крайне кровопролитной борьбе с германским нацизмом, а, по сути-то, с консолидировавшейся в общеевропейском масштабе всей западной сволочью, англосаксы размышляли о своем будущем мировом господстве.

Естественно, что ничего из всего этого не вышло по той простой причине, что и выйти-то не могло по определению. На Ялтинской конференции трех глав антигитлеровской коалиции предупрежденный и, следовательно, прекрасно вооруженный точным знанием Сталин так прижал Рузвельта и Черчилля, а в сущности-то, так пообломал им обоим рога, что на десятилетия вперед обеспечил относительно безопасное существование Советского Союза! Да и России по сей день. Конечно, не вина Сталина, что Германия все-таки была разделена — под конец войны, когда уже очевидно было, что пора задуматься над послевоенным устройством мира, он не планировал расчленения Германии.

Небольшой комментарий. Это подтвердил в своих мемуарах и выдающийся советский разведчик П.А. Судоплатов, и на это же прямо указал один из наиболее видных историков Великобритании А. Тейлор. После разгрома нацизма Сталин планировал воссоздание единого, сильного, демократического германского государства. Однако Запад преднамеренно расколол Германию — первой была создана Западная Германия в лице ФРГ. В ответ Сталину пришлось создавать Германскую Демократическую Республику. Объективности ради обязан упомянуть, что в пользу англосаксов на советской стороне пытался играть М.М. Литвинов — агент стратегического влияния англосаксонского Запада не мог оставаться в стороне. Но у Мейера Валлаха-Финкелынтейна ничего не вышло, потому как и не могло выйти. Зато его писульки в архиве МИДа сохранились. Даже при беглом их чтении видно, как он носом рыл землю, чтобы протащить выгодные англосаксам затеи. Но Сталин уже давно прекрасно знал англосаксонскую цену рвению Валлаха-Финкельштейна.

За беспрецедентный проигрыш в конце войны Рузвельт был убит выстрелом в голову. Потому, вопреки его же завещанию, его родным не дали попрощаться с ним и похоронили в тщательно запаянном цинковом гробу. А Черчилль санкционировал срочную разработку операции «Немыслимое» (Unthinkable), целью которой было нападение на СССР совместными англо-американскими силами уже 1 июля 1945 года.

Небольшой комментарий. По плану предусматривалось использование даже нескольких

польских воинских соединений? Ну, как же без таких патологических русофобов планировать столь грандиозный антисоветский замысел?! Замысел против того государства, войска которого потеряли громадное количество своих великих солдат, чтобы освободить Польшу от гитлеровской оккупации. От тех самых гитлеровцев, которые убежденно считали, что поляки — подлежащая уничтожению низшая раса.

Сталин своевременно был предупрежден своей разведкой об этом плане — «кембриджская пятерка» лучших агентов советской разведки не дремала. Не без элегантного «содействия» Сталина Черчилль тогда вылетел с поста премьер-министра прямо во время Потсдамской конференции. Потерпев сокрушительное поражение даже в личном плане, но, по-прежнему опасаясь за свою шкуру — это посмертно ему воздают едва ли не королевские почести, а тогда запросто могли убить, как и Рузвельта, — Черчилль во спасение своего реноме «защитника истинных ценностей» Сити и Уолл-стрит вынужден был согласиться на исполнение унизительной роли «всемирного забияки». В знаменитой речи, произнесенной 6 марта 1946 года в Фултоне (США), У. Черчилль от имени всего Запада объявил Советскому Союзу «холодную войну» и с грохотом опустил «железный занавес».

Началось великое противостояние Запад—Восток, добычей в котором, по мнению того же Маккиндера, должен был стать Хартленд, ибо, как он сам же и провозглашал, «кто господствует в Хартленде — господствует над Мировым островом, кто правит Мировым островом — тот господствует над миром». А господство в Хартленде, согласно геополитическим выклад-

кам англосаксонского Запада, немыслимо без господства в Восточной Европе. Как никто из его преемников, Сталин превосходно понимал, на добычу какого приза нацелился Запад. В состоявшейся в 1947 г. беседе с известным тогда югославским коммунистом М. Джиласом Сталин, проведя рукой по карте мира, на которой СССР был обозначен красным цветом, воскликнул в адрес англичан и американцев: **«Никогда они не смирятся с тем, чтобы такое пространство было красным — никогда, никогда».** Дело, конечно, не в красном цвете, а в том, что Запад принципиально не смирился со своим проигрышем. И это нежелание смириться не столько со своим проигрышем, сколько с объективно сложившейся по итогам войны реальностью привело к разработке многочисленных планов нападения на Советский Союз, в том числе и с применением атомного оружия.

Небольшой комментарий. И это несмотря на то, что в госдепартаменте США более или менее трезво оценивали складывавшуюся под конец войны обстановку в мире и тем более будущую мировую ситуацию. Так, в добытых советской нелегальной разведкой «Рекомендациях» (от 3 августа 1944 г.) государственному секретарю К. Хэллу говорилось: **«Успешное завершение войны против наших нынешних врагов приведет к глубоким изменениям соответственной военной мощи в мире, которые можно сравнить за последние 1500 лет только с падением Рима. Это имеет кардинальное значение для последующих международных урегулирований и всех обсуждений, касающихся их. Помимо устранения Германии и Японии как военных держав, изменения соот-**

ветственной экономической мощи главных государств, технические и материальные факторы значительно способствовали этим изменениям. Среди них: развитие авиации, общая механизация вооруженной борьбы и заметный сдвиг в военном потенциале великих держав.

После поражения Японии первоклассными военными державами останутся только Соединенные Штаты и Советский Союз. В каждом случае это объясняется сочетанием их географического положения, размеров и громадного военного потенциала. Хотя США могут перебросить свою военную мощь во многие отдаленные районы мира, тем не менее, относительная мощь и географическое положение этих двух держав исключают возможность нанесения военного поражения одной из них **другой, даже если на одной стороне выступит Британская империя».**

Еще даже не имея атомного оружия, США уже в 1944 году стали планировать его использование против СССР. Так, в дневнике военного министра США Стимсона есть одна запись о встрече с президентом Рузвельтом, в которой говорится: **«Необходимо ввести Россию органически в лоно христианской цивилизации... Возможно использование S-1 для достижения этого...». S-1 — это условное название атомной бомбы по состоянию американского планирования на 1944 год! Вот этим самым S-1 Россию (СССР) намеревались ввести в лоно христианской цивилизации... в виде послеатомного пепелища!**

Не дожидаясь капитуляции Японии во Второй мировой войне, против которой во исполнение своих союзнических обязательств воевал Советский Союз,

комитет начальников штабов США приступил к разработке планов новой войны — непосредственно против Советского Союза. Они были зафиксированы в директивах № **1496/2 от 18 сентября 1945 г. «Основа формулирования военной политики» и № 1518 от 9 октября 1945 г. «Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США».** Несмотря на высшие степени секретности, эти директивы не стали для Сталина «тайнами за семью печатями»... И вот что до чрезвычайности интересно. По этим документам четко видно, что ни один из американских мерзавцев ведь не верил даже в иллюзорную «агрессивность» Советского Союза — в документах прямо было указано, что **«Советский Союз не представляет собой непосредственной угрозы».** Тем не менее командование вооруженных сил США исходило из того, что советские возможности, независимо от намерений Советского Союза, **«представлялись достаточным основанием считать СССР потенциальным врагом». Вот же «логика»! Да, именно «логика», потому что в сентябре 1945 г. США приняли на вооружение доктрину превентивного «первого удара». На том, к слову сказать, стоят и поныне...**

Небольшой комментарий. К слову сказать, наш заклято подлый «союзник» по антигитлеровской коалиции — пресловутый американский генерал Д. Эйзенхауэр — в бытность командующим американскими войсками в Европе во исполнение упомянутых директив в конце 1945 г. состряпал план нападения на СССР под названием **«Тоталити».** По плану предполагалось нанесение атомного удара 20 атомными бомбами по 17 городам Советского Союза. Вот вам и «союзник»...

Дальше все покатилось как снежный ком с горы. Один план нападения на СССР за другим. Как будто блины... пардон, сэндвичи стряпали. Директива **№ 1496/2 от 18 сентября 1945 г. «Основа формулирования военной политики»** превратилась в официальный документ — **СВНКК-282** — координационного комитета, объединявшего представителей государственного департамента, военного и военно-морского министерств. **14 декабря 1945 года** выходит директива **№ 432/д** Объединенного комитета военного планирования, в которой были указаны **20** основных промышленных центров Советского Союза и Транссибирская магистраль, по которым планировалось нанести атомные удары **196** атомными бомбами.

В июле 1946 года появляется план **«Пинчер» («Клещи»),** предусматривавший удар по 20 городам СССР с использованием 50 атомных бомб и вторжением американских войск на советскую территорию.

18 августа 1948 г. **за № 20/1** появляется новая директива Совета национальной безопасности США, в основе которой доклад Совета планирования политики под названием **«Цели США в отношении России».** Все цели США в отношении России (СССР) уже тогда были сведены всего к двум:

«Свести до минимума мощь и влияние Москвы;

Провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России».

А средство достижения этих целей было указано в этой директиве столь же откровенно: **«Наша конечная цель в отношении Советского Союза — война и свержение силой Советской власти»! Простенько, но** с **каким англосаксонским «вкусом»!..**

Небольшой комментарий. 1. «Вкус», надо сказать, действительно англосаксонский. Таким «вкусом» обладают только англосаксы и людоеды. Впрочем, это одно и тоже. И вот что поразительно. Прежде чем у Совета Национальной безопасности США «прорезался» такой «вкус», нечто подобное постановило собрание представителей высшего эшелона финансово-экономической и индустриальной элиты США, состоявшееся в том же 1948 г. В очередной раз облаяв Россию самыми грязными словами — рука не поднимается их приводить в тексте, — они потребовали от правительства США, чтобы **оно добивалось неограниченного права для контроля за всеми промышленными предприятиями других стран, а также для размещения своих атомных бомб «во всех регионах мира, где есть хоть какое-то основание подозревать уклонение от такого контроля или заговор против этого порядка», и при необходимости «немедленно и без всяких колебаний сбрасывать эти бомбы везде, где это целесообразно». И дело завертелось. Штамповали планы бомбардировок СССР, как гамбургеры. И всякий раз география бомбардировок расширялась, количество объектов атомных бомбардировок увеличивалось.**

2. Попутно любопытный факт. В ноябре 1945 года в США из Франции британской разведкой был направлен злейший враг Советского Союза и России, в пух и прах разбитый еще в Гражданскую войну генерал А.И. Деникин, чьи отнюдь не святые мощи недавно с помпой перетащили в Москву. Через свою агентуру в кругах русской эмиграции в США бритты организова-

ли ему приглашение в Америку якобы для чтения лекций. Выполняя, в период сильно затянувшегося «турне» по США, поручение британской разведки, в июне 1947 г., то есть незадолго до своей смерти, Антон Иванович Деникин обратился с посланием к президенту США Г. Трумэну, в котором четко расписал дураковатому главе Белого дома, как нужно бороться с Россией, **чтобы раздолбать ее наверняка! Подчеркиваю, с Россией, а не с Советской властью и Советским Союзом!** Старинная практика британской разведки —действовать чужими руками с чужого плацдарма. Главным пунктом Деникин сделал **«борьбу с культом личности» Сталина! Так ведь и написал, что начинать надо с разрушения культа личности Сталина, потому как «падение главной опоры большевистской иерархии (авторитета Сталина) приведет к разрушению и гибели всей структуры». А «государственный переворот в России, — писал далее "патриот" Деникин** (еще раз обращаю внимание, что не в СССР, а в России. — *А.М.)* — **приведет к фундаментальным переменам в режиме, а не к одним лишь персональным перестановкам»! И при этом заклинал Трумэна учесть все ошибки Гитлера — надо полагать, как «искренний патриот» России, Деникин страсть как сожалел, что Адольфу Алоизовичу не удалось уничтожить Россию!**

Обратите, кстати говоря, внимание и на тонкость проведения операции британской разведкой. Деникин был вывезен в США незадолго до приезда туда — кстати, тоже для чтения лекций, — У. Черчилля. Как уже указывалось выше, 6 марта 1946 г. в Фултоне прозвучала преслову-

то знаменитая речь Черчилля, с которой и начался отсчет «холодной войны». И вот тут-то Деникина и понесло... учить уму-разуму главу Белого дома. И не его ли мысли затем оказались во всех американских директивах об организации войны против Советского Союза? Британская разведка исстари обожает не напрямую кому-то что-то объяснять и тем более вдалбливать, особенно туповатым янки. Она любит это делать исподволь, и не просто чужими руками с чужого плацдарма, а именно такими, которые внешне очень трудно заподозрить в связи с ней. Тут и битый-перебитый генералишко сгодится. Ну а едва только он выполнил поставленную перед ним задачу, так тут же его и хватанул сердечный приступ, и 7 августа 1947 г. его не стало. Обычная практика бриттов: мавр сделал свое дело — мавр может спокойно отправиться к праотцам.

Параллельно, но в том же 1948 г. появляется план **«Чариотир»,** согласно которому война против СССР должна была начаться **«с концентрированных налетов с использованием атомных бомб против правительственных, политических и административных центров, промышленных городов и избранных предприятий нефтеочистительной промышленности с баз в западном полушарии и Англии».**

В первые тридцать дней планировалось обрушить на Советский Союз **133** атомных бомбы на 70 советских городов, в том числе 8 атомных бомб — на Москву и 7 атомных бомб — на носивший тогда название Ленинград Санкт-Петербург. Затем еще **200** атомных бомб и **250** тысяч тонн обычных бомб!

Этого показалось мало, и к **1 сентября 1948 года** был разработан новый план — **«Флитвуд»,** который также предусматривал массированные атомные бомбардировки СССР. Согласно этому плану, война должна была начаться не позднее **1 апреля 1949 года! Во** исполнение этого плана командование американских ВВС разработало оперативный план **САК ЕВП-149,** в котором были определены задачи и цели этого варварства, а также составлены навигационные карты для экипажей для осуществления бомбардировок одновременно **70** городов Советского Союза. Карты были розданы до 1 февраля 1949 года. К концу 1948 года и этого показалось мало. Заокеанские "деятели" разработали новый план **«Сиззл» («Испепеляющий удар»),** ставший бессмысленным плагиатом плана **«Чариотир», так как полностью его повторял.**

Не приемля факта ликвидации американской монополии — в сентябре 1949 г. была взорвана первая советская атомная бомба, — комитет начальников штабов США на основе директивы Совета национальной безопасности США **СНБ-58 от 14 сентября 1949** г. (утверждена президентом Трумэном) разработал новый план нападения на Советский Союз с датой нападения 1 января 1950 года. План назывался **«Дропшот» («Моментальный удар»).** Согласно нему, планировалось сбросить на Советский Союз в течение первых трех месяцев войны свыше **300** атомных бомб и **20** тысяч тонн обычных бомб на **100** городов Советского Союза. План воздушного наступления по плану **«Дропшот»** назывался **«Тройан».**

Чуть позже **«Дропшот»** был переработан в «Основной план войны», по которому предусматривалось нанесение атомных ударов по **2100** важнейшим промышленным и военным объектам СССР с применением до **750** атомных бомб.

Убедившись, что и этот план ничего не даст, перенесли войну на **1 января 1957 года.** Но перед этим **30 сентября 1950** г. дураковатый президент Америки Г. Трумэн подписал директиву **СНБ-68,** на основе которой были внесены новые дополнения и изменения в уже существовавший план **«Дропшот».** Переработанный вариант назывался **«Шейкдаун»» («Встряска»),** Согласно этой «встряске», атомные удары были запланированы уже по **104** советским городам с применением **220** атомных бомб.

Вот такое количество планов нападения на Советский Союз было разработано только США с момента окончания Второй мировой войны и до смерти Сталина.

Мог ли Сталин, прошедший через горнило такой страшной войны, как только что минувшая Великая Отечественная, не реагировать на такие угрозы, если ему не просто информацию представляли, а непосредственно документальные данные об этих планах, включая и карты, в том числе и навигационные карты для летных экипажей, где были указаны объекты бомбардировок?! Разведка работала не покладая рук.

Естественно, что Сталин не мог игнорировать такую информацию. Ведь США обладали атомной бомбой и недвусмысленно ею грозили. Причем настолько недвусмысленно, что на проходившей в Лондоне в сентябре 1945 г. сессии Совета министров иностранных дел четырех великих держав госсекретарь США Бирнс нагло заявил представителю СССР: **«Если вы не откажетесь от своей позиции, то я выхвачу из кармана атомную бомбу и обрушу ее на вас»!** Даже Гитлер и то не вел себя подобным образом на официальных переговорах.

Хуже того. Такие же планы разрабатывала и Великобритания, военный потенциал которой, к слову ска-

зать, тщательно учитывался янки в своих людоедских планах нападения на СССР. Но если с янки и прочими англосаксами все более или менее понятно, то более всего поражает агрессивная наглость послевоенной Франции. У этой страны «свободы, равенства, братства» хватило ума и «чести» поднять руку на Советский Союз, без которого она никогда бы не поднялась после Второй мировой войны в разряд великих держав. Ведь англосаксы-то никак не желали допускать Францию к мировым делам. И только Сталин обеспечил возврат Франции статуса великой державы. **И каково же было его возмущение, когда в апреле 1949 года разведка положила ему на стол секретный документ Института национальной обороны и военной экономики Франции под названием «Стратегическая проблема. Фаза войны "49"», в котором рассматривался вариант начала войны против Советского Союза уже в 1949 году!**

В крайне тяжелых условиях — ведь полстраны было в разрухе — Сталин вынужден был пойти на дальнейшее массированное укрепление оборонной мощи Советского Союза. Тревожная информация с Запада не давала возможности по-иному решать задачи послевоенного развития страны. Естественно, что и высшее военное командование Советского Союза одновременно разрабатывало планы ответных массированных ударов по агрессорам. Это вполне обыденная, в чем-то даже рутинная практика полностью адекватного реагирования на угрозу вооруженного нападения.

Так что не Сталин планировал развязать Третью мировую войну, а Запад. Не Сталин собирался напасть на Запад, а Запад, прежде всего Соединенные Штаты, намеревался напасть на Советский Союз и **подвергнуть его варварским бомбардировкам с при-**

менением атомного оружия. Даже Франция и то планировала нападение на СССР. И не Сталин объявил «холодную войну». И не Сталин грохотал «железным занавесом». Все это дело рук Запада.

Такова подлинная правда истории. Кстати говоря, такой же правдой является и тот факт, что ни один из упомянутых выше планов до сих пор не отменен: они «плавно» были доработаны с учетом новых реалий, прежде всего ракетно-ядерного кулака СССР. Кстати говоря, дорабатываются они и поныне...

Миф № 170. В начале 1950-х гг. Сталин развязал войну на Корейском полуострове.

В последние лет двадцать этот несносно идиотский миф получил чрезвычайно широкое распространение. Кто только и как только его не использовал в тщетных потугах доказать некие сверхагрессивные экспансионистские амбиции Сталина. И все ведь впустую. А оно иначе-то и не могло быть. Потому как никаких, тем более сверхагрессивных и экспансионистских, амбиций Сталин тогда не проявлял. Тем более в отношении Кореи. Но разве втолкуешь это «демократическим» историкам и журналюгам?! Им ведь подай западную точку зрения — в представлении этих интеллектуальных убожеств только она и есть «истина в последней инстанции». Что ж, на этот раз «уважу». **С помощью современной американской исследовательницы К. Везерсби, автора отличной книги «Советские цели в Корее, 1945—1950// Холодная война». М., 1995.**

На основе тщательного исследования новых документов, в том числе и закрытых вплоть до 90-х гг. прошлого столетия, К. Везерсби пришла к следующему ка-

тегорическому выводу. **Широко распространенное мнение, что будто бы советское руководство, прежде всего Сталин, было заинтересовано и потому толкнуло Северную Корею на вторжение на юг с целью объединения страны, расширения зоны влияния СССР и оттеснения США, не соответствует реалиям того времени.** Еще в ходе Второй мировой войны Советский Союз пошел на большие уступки Соединенным Штатам по вопросу о послевоенной судьбе Кореи. Более того, согласился со всеми американскими предложениями на этот счет. К. Везерсби фактами доказывает, что Сталин не имел никаких претензий на Южную Корею. Во имя поддержания союзнических отношений он даже отказывался помогать южнокорейской компартии в американской зоне оккупации. Американская исследовательница убедительно, с помощью документов и фактов доказала, что Сталин однозначно ограничивался двуединой целью:

— сохранить установившийся баланс сил союзников в Корее

— сохранить жесткий контроль над Северной Кореей, которая играла бы роль буферного государства, способного защитить границу СССР в данном регионе, а также быть источником определенных индустриальных ресурсов, в первую очередь урановой руды.

К. Везерсби четко доказывает, что Сталин упорно сдерживал Ким Ир Сена от похода на юг из-за опасений перерастания локальной войны в новую мировую и согласился с Ким Ир Сеном на военные действия с Южной Кореей по просьбе Мао Цзедуна, стремясь избежать обвинений «в сдерживании дела революции на Востоке». Сталин, по данным К. Везерсби, не желал участия СССР в военных действиях даже после включения в войну американцев и крупных поражений северокорейцев. К. Везерсби отмечает, что **Сталин**

«даже злобно отверг предложение Хрущева послать русского генерала для организации эффективного сопротивления. Советский лидер стремился избежать риска прямой конфронтации между СССР и США. В то же время, он не хотел и потерять Северную Корею. Когда Сталину сказали *2* октября, что Мао принял решение о направлении войск в Корею на помощь Киму, он очень обрадовался тому, что китайцы помогли разрешить мучившую его дилемму».

Изучив массу ранее недоступных документов, К. Везерсби четко и однозначно доказала, что сталинская политика в отношении Кореи отличалась **исключительной осторожностью.** Суровым смертным приговором всей глупейшей болтовне о сверхагрессивных экспансионистских устремлениях Сталина в Корее звучит окончательный вывод американской исследовательницы: **«Цели Сталина были очень далеки от безудержного экспансионизма, который приписывали ему руководители Запада»!**

Кстати говоря, точно такой же вывод был сделан и в отношении сталинской политики в Китае. На состоявшейся в 1996 г. международной конференции в Гонконге на основе документов убедительно было доказано, что, исходя из интересов всеобщего мира, Сталин не поддержал и просьбу Мао Цзедуна ускорить вооруженный захват Тайваня!

Такова подлинная правда о том, что-де, «руководствуясь сверхагрессивными экспансионистскими соображениями и амбициями, в начале 50-х гг. Сталин развязал войну на Корейском полуострове»! И, что самое главное в данном случае, эта подлинная правда документально точно изложена представительницей именно той страны, которая более всего и всегда обвиняла Сталина в проведении агрессивной внешней политики!

Миф № 171. В силу личной неприязни, а также вследствие серьезных идеологических разногласий в 1952 году Сталин приказал ликвидировать лидера Югославии Иосипа Броз Тито.

Откровенно говоря, это не миф в чистом виде. В данном случае правда соседствует с очень искусной, беспрецедентно тщательно замаскированной ложью и умышленными фальсификациями. Возможность же для формулирования мифа появилась прежде всего потому, что советская разведка длительное время не могла рассекретить свои данные, относящиеся к этому делу.

Одним из авторов этого то либлефа, то ли мифа, то ли бес его знает, что еще, был Н.С. Хрущев. На XX съезде КПСС он ляпнул с трибуны, что якобы потерявший под конец жизни чувство реальности Сталин как-то заявил: **«Достаточно мне пошевелить мизинцем, и Тито больше не будет».** Это, конечно же, полнейшая чушь. Сталин был чрезвычайно опытнейшим политическим и государственным деятелем мирового масштаба, а потому не имел ни привычки, ни склонности делать столь залихватские заявления.

Что же до идеологических разногласий, то здесь следует иметь в виду следующее. Они действительно имели место, и были даже очень острыми. Нередко это выливалось даже в личные оскорбления со страниц прессы. Автору как-то довелось видеть один из номеров легендарного в советское время журнала «Крокодил» за 1952 г. с карикатурой на Тито, где он был изображен чуть ли не фашистом и с окровавленным топором в руках. Но, поверьте, не в этом вся суть приказа Сталина. Точнее^ вся суть этого приказа состоит в том, что никогда вслух не говорится и что — вот уж дей-

ствительно парадокс парадоксов — никогда и не скрывалось. Чуть ниже именно об этом и пойдет речь.

В отношении приказа Сталина на ликвидацию Тито обязан сказать, что он действительно его отдал. Более того. За значительное промедление с исполнением этого приказа кое-кому в руководстве разведки дали по шапке. Все это действительно было. А теперь вникните в суть того, из-за чего был отдан такой приказ. Это же будет и ответом на вопрос о сути возникших разногласий между Сталиным и Тито.

Как правило, изложение всего того, что связано с этой историей, начинают с состоявшейся еще в 1948 году острой размолвки между Сталиным и Тито по вопросу о создании федерации Болгарии и Югославии. Мол, Тито отказался поддержать идею о создании такой федерации, а не привыкший встречать сопротивление Сталин вышел из себя. И тут все закрутилось. Здесь все бред. Кроме одного — упоминания идеи о создании федерации Болгарии и Югославии. А теперь пусть говорят разведывательные данные той поры. Ибо только так можно понять суть возникновения самой этой идеи у Сталина, а соответственно и то, почему он так взъелся на Тито, когда тот отказался ее поддержать.

Начиная с середины 1947 года советская внешнеполитическая разведка стала регулярно добывать информацию о попытках западных держав, прежде всего США и Великобритании, создать **Средиземноморский военный блок,** ориентированный против Советского Союза. **Суть этих попыток сводилась к планам создания «Антанты в восточной части Средиземноморья, направленной против славянской экспансии».** С чего это англосаксам привиделась «славянская экспансия»?!

Как бы там ни было, но именно это обстоятельство и послужило первым импульсом для возникновения у

Сталина идеи создания федерации Болгарии и Югославии. Сталин вовсе не намеревался потерять советское влияние на Балканах, где исторически роль России была особенно велика. Федерация же могла стать форпостом обороны Советского Союза на дальних подступах на этом направлении. Две страшных мировых войны, в которых роль Балкан была чрезвычайна, не оставляли шанса для иного варианта реакции руководства Советского Союза на попытки западных держав создать Средиземноморский военный блок. И когда Тито отказался поддержать идею федерации Болгарии и Югославии, то у Сталина были более чем серьезные основания рассвирепеть.

Потому как, **во-первых,** именно советские войска освобождали Югославию, да и практически все Балканы (Румынию, Болгарию), и потерять плоды этой победы советского оружия Сталин вовсе не намеревался. **Во-вторых,** Тито был обязан своей жизнью лично Сталину — ведь когда во время войны гитлеровцы прижали его в Дрварском ущелье, то только советские летчики по приказу Сталина спасли Тито, вывезя его буквально под носом у фашистов. Сталин действительно был уязвлен проявленной Тито черной неблагодарностью, а также его нежеланием укреплять славянскую солидарность. Однако все это послужило в основном только толчком к резкому проявлению идеологических разногласий и к не менее резкому охлаждению межгосударственных и межпартийных отношений.

Советские военные и гражданские советники были отозваны из Югославии, а на состоявшемся в июне 1948 года в Бухаресте заседании Информбюро (преемник Коминтерна, распущенного в 1943 г.) А.А. Жданов огласил доклад «О положении в КП Югославии», в котором лично Сталиным было вписано следующее:

«Всю ответственность за создавшееся положение несут Тито, Кардель, Джилас и Ранкович. Их методы — из арсенала троцкизма. Политика в городе и деревне — неправильна. В компартии нетерпим позорный, чисто турецкий террористический режим. С таким режимом должно быть покончено». Хотя эти обстоятельства очень важные, но тем не менее и они все-таки не основные.

Дело в том, что по мере нарастания вала информации о попытках США и Великобритании создать Средиземноморский военный блок в ней все отчетливей стал проявляться югославский акцент. И те и другие активно пытались втянуть в будущий блок также и Югославию. Соответственно отказ Тито от поддержки идеи создания федерации Болгарии и Югославии буквально вынудил Сталина заподозрить Тито в двойной игре, естественно, не в пользу Советского Союза.

Но что более всего тогда настораживало советское руководство, так это то, что этот акцент стал проявляться на фоне ожесточенной подковерной борьбы между США и Великобританией за контроль над будущим Средиземноморским военным блоком. Активно пытаясь втянуть в будущий блок также и Югославию, США и Великобритания предлагали Тито различные условия членства в нем. В результате складывалось впечатление, что Тито не просто отказался от поддержки выдвинутой Сталиным идеи, но еще и выбирает, по какому варианту ему будет выгодней вступить в альянс с западными странами. Это впечатление усиливалось еще и тем, что со времен войны Сталину хорошо были известны конфиденциальные контакты Тито с представителями британской разведки.

К началу 1952 года сложилась ситуация, когда советская разведка представила Сталину убедительные

доказательства того, что, в сущности Белград ведет какой-то торг с ведущими державами Запада как напрямую, так и через посредников. Так, советская разведка информировала Сталина о конфиденциальных визитах в Белград для переговоров с Тито министра обороны США, а также видных государственных и политических деятелей США и Великобритании — А. Гарримана и А. Идена. В тексте добытого разведкой секретного отчета итальянского посла в Вашингтоне об итогах визита А. Гарримана говорилось: **«США устроил бы любой вариант, позволяющий осуществить действенный контроль над Югославией и полностью использовать ее потенциал в такой форме, которая не угрожала бы югославскому правительству внутренним кризисом и не давала бы серьезных поводов к открытому проявлению в стране левой оппозиции». Вот только «любого варианта действенного контроля» США над Югославией Сталину и не хватало! Потому как в случае реализации такой идеи СССР получил бы «троянского коня» Вашингтона непосредственно на Балканах. А это нужно было обеспокоенному собственной безопасностью СССР?! Ведь и так США своей блоковой стратегией создавали военные базы по периметру советских границ.**

Почти одновременно Сталину были представлены и данные о содержании тайных зондажных переговоров турецкого министра иностранных дел с югославским послом в Париже. В частности, было установлено, что министр иностранных дел Турции доказывал послу Югославии выгоды последней от участия в **«непрерывном фронте Альпы—Дарданеллы», обращенном на защиту Средиземноморья от Советского Союза.** Опять-таки, не могу удержаться, чтобы не прокомментировать действия турецкого министра

иностранных дел. К тому времени Турция уже была членом НАТО, а соответственно выполняла указания главарей североатлантического блока. В те времена Турция проводила сугубо зависимую от Запада, прежде всего от США, политику и потому никакой самодеятельности не проявляла. Это было прямое поручение США и НАТО. Однако же с чего североатлантическим заправилам и их турецкому прихвостню привиделась советская угроза на этом направлении? Ведь не Советский Союз разрабатывал планы нападения на Запад, а Запад в силу своей патологической ненависти к России, хотя бы и в лице СССР, разрабатывал такие планы.

Чуть позже советская разведка проинформировала Сталина об особо ревнивой заинтересованности Италии принять участие в попытках вовлечения Югославии в Средиземноморский военно-политический блок.

Обобщив все данные, в середине 1952 года разведка направила Сталину спецсообщение. В нем говорилось, что **«в целях укрепления антисоветского плацдарма на Средиземном море руководящие круги США пытаются в настоящее время создать наряду со средневосточным командованием военно-политический блок в составе Югославии, Греции и Турции, в котором могли бы также принять участие Италия, другие средиземноморские страны и Австрия». Создание военно-политического блока в районе Балкан, тесно связанного с НАТО, подчеркивалось в спецсообщении, позволит американцам укрепить свои стратегические позиции вблизи стран народной демократии и южных районов СССР. Далее в документе отмечалось, что США намерены связать создаваемый военно-политический блок с Североатлантическим союзом и возло-**

жить на него часть задач этого союза на южноевропейском стратегическом направлении. В спецсообщении также указывалось, что генерал Эйзенхауэр провел ряд переговоров с руководителями Греции и Турции по вопросу создания блока, в ходе которых рассматривались наиболее подходящие формы привлечения в него Югославии.

Все это создавало колоссальную угрозу безопасности СССР и союзным с ним странам народной демократии. Вот почему еще только при первом поступлении информации о попытках США и Великобритании создать Средиземноморский военно-политический блок в качестве меры активного противодействия таким планам Сталин выдвинул идею создания федерации Болгарии и Югославии. Отказ же Тито поддержать этот план вызвал у Сталина серьезные подозрения в двурушничестве югославского лидера, тем более что Иосифу Виссарионовичу хорошо было известно, вновь обращаю на это внимание, о конфиденциальных контактах Тито с британской разведкой еще со времен войны. Великобритания исторически «пасет» этот важнейший регион мира.

Когда же попытки добиться согласия Тито были окончательно сорваны его упрямством, а разведка доложила о том, что **«США устроил бы любой вариант, позволяющий осуществить действенный контроль над Югославией и полностью использовать ее потенциал в такой форме, которая не угрожала бы югославскому правительству внутренним кризисом и не давала бы серьезных поводов к открытому проявлению в стране левой оппозиции»,** то терпение Сталина, судя по всему, лопнуло. И последовал жесткий приказ ликвидировать Тито. Ситуация не давала иного шанса для более мягкого варианта отстранения его от власти. Ни внешнеполитическая, ни внутренняя. О внешнеполитической

только что было сказано выше. Что же касается внутренней, сиречь внутриюгославской, то речь вот о чем. Проведение операции по ликвидации Тито осложнялось тем, что отдел контрразведки Управления государственной безопасности (УДБ) Югославии, возглавляемый генералом Е. Шашичем, уничтожил на территории страны практически всю агентуру советских спецслужб. Были арестованы завербованные МГБ СССР военный атташе Югославии в Москве генерал Б. Полянец и его сотрудники — офицеры УДБ М. Перович, С. Павич и С. Стоилкович. Чуть позже по обвинению в шпионаже были арестованы заведующий военным отделом ЦК КП Хорватии генерал Р. Жигич, заместитель министра тяжелой промышленности М. Калафатич, офицеры Генштаба Народно-освободительной армии Югославии И. Корду и А. Зорич, сотрудники аппарата Коминформа Н. Ковачевич, Д. Озрен и А. Штумпф и еще целый ряд поддерживавших линию Москвы югославских коммунистов. Всего же в 1948—1953 гг. в Югославии было арестовано 29 советских агентов.

В результате советской разведке пришлось искать иные пути для осуществления операции по ликвидации Тито. К поздней осени был разработан новый план этой операции с участием агента "Макса" — нелегала МГБ, участвовавшего в свое время в операциях по ликвидации А. Нина в Испании и Л. Троцкого в Мексике. Агент "Макс" — Иосиф Ромуальдович Григулевич, гражданин СССР. Об организации операции по ликвидации Тито с участием этого агента, как и о нем самом, написано очень много. Самая последняя книга о Григулевиче, к тому же самая лучшая — «Суперагент Сталина» (В.М. Чиков, М., 2007). Поэтому повторяться не будем. Желающие могут обратиться также и к мемуарам П.А.Судоплатова.

Впоследствии, когда после убийства Сталина Хрущевым и К° операция была отменена, И.Р. Григулевич стал одним из видных советских ученых-историков, специалистом по истории Латинской Америки, а также по католицизму и истории Ватикана. В СССР не было лучше него знатока этой темы. Его перу принадлежит ряд блестящих книг по истории католицизма, инквизиции, ордена иезуитов и другим вопросам.

Такова подлинная правда о тех событиях. Конечно, кого-то она и не устроит. Однако именно таким хотелось бы напомнить вот о чем. То время было совершенно иным. Вопросы войны и мира решались крайне жестко. Причем что Западом, что СССР. Ни Запад, ни СССР в средствах ликвидации угроз своей безопасности особенно-то не стеснялись. Тем более когда был хоть малейший шанс за счет «причинения меньшего ущерба избежать более крупного», что, как правило, характерно для тайных операций разведок. Так что огульно обвинять Сталина и его спецслужбы нет ни малейших оснований. Против СССР велась война, и оттого, что она, видите ли, была холодной, Советскому Союзу уютней не становилось. После Великой Отечественной войны все, что касалось безопасности государства, делалось зачастую превентивно, с громадным запасом и, подчеркиваю это вновь, в выборе средств особенно не стеснялись. Ибо по ту сторону баррикад тоже никто в выборе средств не стеснялся.

Кстати говоря, даже сейчас, когда вроде бы в России демократия, когда формально вроде бы уже отсутствует якобы пугавшая западных заправил «советская угроза», все равно они действуют по-прежнему, особенно англосаксы. По-прежнему пускают в ход самые острые, самые неприемлемые даже по нормам их цивилизации «общечеловеческих ценностей» методы. Спец-

службы России постоянно с этим сталкиваются и в настоящее время. И не только сталкиваются, но реагируют адекватно угрозам безопасности России, в том числе и при необходимости и крайне жестко. По-другому безопасность, суверенитет, независимость и территориальную целостность Великой Державы отстоять невозможно. Пора бы всем уяснить эту простую истину.

И вот еще о чем. Хотя, как известно, Ее Величество История не терпит сослагательного наклонения, тем не менее рискну высказать следующую точку зрения. Убежден, что если бы удалось тогда ликвидировать Тито, то развитие событий на Балканах, в том числе и в самой Югославии, пошло бы по более приемлемому для народов этого региона сценарию. И по меньшей-то мере не произошла бы под конец XX века столь ужасная, кровавая национальная катастрофа Югославии, не было бы косовской проблемы, в возникновении которой повинен лично Тито. Ведь именно он инициировал процесс усиленного заселения исконного сербского края — Косово, которое, кстати говоря, для сербов имеет такое же значение, как для русских Куликово поле, — албанцами, которые не только исповедовали ислам и были крайне враждебно настроены против сербов. Дело еще и в том, что еще с конца XIX века албанцев особо тщательно «пасет» британская разведка, используя их как «троянского коня» против славянских народов Балкан. Есть вполне серьезные основания полагать, что план Тито по усиленному заселению Косово именно албанцами, испокон веку поголовно склонными к сепаратизму и вооруженному бандитизму а также к криминальной деятельности, был навязан ему именно же британской разведкой. Итог же всем хорошо известен. И тут уж волей-неволей пожалеешь, что Тито не был вовремя ликвидирован...

Миф № 172. В конце войны Сталин разрешил советским летчикам нападать на союзников по антигитлеровской коалиции.

Ранее малоизвестный у нас, но очень многозначительный миф, который нередко всплывает в западных исторических писаниях, дабы тем самым показать «коварство неблагодарных русских». Ну, по части обливания грязью русских бывшим союзникам, опыта не занимать. Только вот врут они, как говорят на Руси, как сивые мерины. Даже хуже того. Потому как не русские в конце войны нападали на союзников, а союзники вполне сознательно бомбили советские войска.

А суть дела в следующем. 7 ноября 1944 года две группы по 25—30 американских самолетов «лайтинг» внезапно атаковали двигавшиеся колонны советских войск в районе югославского города Ниш, что в 84 км от Приштины (Косово, бывшая Югославия), а также взмывшую на помощь своим войскам восьмерку «яков» 866-го истребительного авиаполка. Командование авиаполка приказало без применения оружия принять все меры для предотвращения боевого столкновения с американцами. Не зная радиоволну обмена между американскими экипажами, наши летчики всеми возможными способами пытались в воздухе показать американцам, что они атакуют союзные советские войска. Однако, несмотря на прекрасно различимые красные звезды на советских истребителях, американцы по-прежнему упорно бомбили двигавшиеся колонны 37-й армии 3-го Украинского фронта, а заодно непрерывно обстреливали наши истребители. Во время этого налета американцев трагически погиб боевой генерал, командир корпуса Г.П. Котов.

В какой-то момент воздушной карусели все самолеты смешались, и потому так и не удалось установить, что, как и почему произошло. Во всяком случае, впоследствии летчики молчали как немые. Тем не менее то, о чем они молчали, было более чем красноречиво — после неоднократных увещеваний на языке летчиков (покачивание крыльями, различные фигуры пилотажа, демонстрация звезд на самолетах) наши от всей души «завалили» шесть американских самолетов. При обследовании места падения американских самолетов было установлено, что на полетных картах американских летчиков оба города — Приштина и Ниш — были отмечены как цели для бомбардировок. То есть американцы совершенно сознательно летели бомбить советские войска.

Данные об инциденте вместе с обнаруженными полетными картами американских летчиков были доложены Сталину. В результате командир группы советских истребителей, дважды Герой Советского Союза, капитан (впоследствии маршал авиации) Александр Иванович Колдунов был награжден, как сообщалось в официальных документах, за проявленную смелость находчивость в сложной обстановке. К слову сказать, если американцев не образумили бы подобным способом, то пришлось бы поднимать в воздух весь авиаполк, и тогда обе группы американских самолетов валялись бы на земле. И вот тогда было не миновать более крупного столкновения с американскими войсками, не говоря уже о серьезном межгосударственном скандале.

Впрочем, скандал и так произошел. В личном послании американскому президенту Рузвельту Сталин так дал волю своему гневу по поводу этого беспрецедентного безобразия — ведь ни за что погибло очень

много советских солдат и офицеров, был причинен огромный ущерб советской боевой технике, — что президент Рузвельт лично и письменно извинился перед Иосифом Виссарионовичем. В сохранившихся до наших дней материалах переписки между Сталиным и Рузвельтом по сию пору находится это извинительное письмо американского президента. А затем и американские генералы вынуждены были извиниться перед советским командованием.

А теперь сравните мудрое и справедливое решение Сталина и его принципиальную позицию в отношениях с союзниками со злобной злопамятностью американцев и подлостью Горбачева. Американцы запомнили, что именно А.И. Колдунов командовал той восьмеркой советских истребителей, что «завалила» шесть американских самолетов. Указ о его награждении был напечатан в прессе. Да и не запомнить-то его трудно было. Это был выдающийся советский ас, имевший на своем счету 46 сбитых немецких самолетов.

Так вот, десятилетия спустя, когда ведомый американцами (и англичанами) Горбачев, к глубокому сожалению, возглавил СССР, то по наущению тех же янки он жестоко расправился с дважды Героем Советского Союза Александром Ивановичем Колдуновым, который к тому времени был главнокомандующим войсками ПВО СССР и маршалом авиации. Заслуженного фронтовика, авторитетнейшего военного специалиста, которого любили в войсках, без каких-либо объяснений сняли с поста и отправили на пенсию, на которой он не так уж и долго протянул. «Сгорел» очень быстро-

Так что Сталин никаких указаний бомбить союзников не давал. Не давало таких распоряжений и командование авиаполка. Но наши летчики вынуждены

были пойти на такой шаг — сбивать американские самолеты — потому что, несмотря на отчаянные попытки наших соколов показать янки, что они бомбят союзные советские войска, те упорно продолжали свою провокационную бомбардировку, да еще и яростно обстреливали наши истребители. И лишь мгновенно сбитые шесть самолетов оказали на остальных болванов-янки вразумляющее воздействие. Такая вот история. Не хотели союзники, чтобы Югославию освобождала Советская Армия.

Миф № 173. Депортация в конце войны крымских татар, чеченцев, ингушей, калмыков и других из мест их постоянного проживания стала актом сталинского геноцида этих народов.

Очень коварно раздутый так называемой демократией комплекс мифов, являющийся, кстати говоря, одним из излюбленных для нагнетания антисталинской истерии. Его очень часто используют не только для заведомо клеветнических нападок на Сталина, но и для разжигания злобного националистического сепаратизма некоторых малых народов. Но что же было в действительности?

А в действительности основой для столь сурового решения о выселении и переселении некоторых малых народов СССР в конце войны послужило **массовое дезертирство их представителей из Красной Армии, их сотрудничество с врагом, их массовый переход на сторону врага, их служба в рядах вооруженных сил врага, осуществление ими многочисленных актов вооруженного насилия (включая и диверсионные действия) в тылу собственной страны, в том числе против тылов**

воюющей Красной Армии, раненых красноармейцев, вплоть до их массового вырезания. Речь идет о крымских татарах, крымских армянах, крымских греках, а также чеченцах, ингушах, калмыках.

В то время как немногочисленные сыны этих народов мужественно сражались с ненавистным врагом — ведь мало кому известно, что среди героических защитников Брестской крепости было немало, например, тех же чеченцев, — едва ли не большая часть этих народов, к глубокому сожалению, пошла по пути оголтелого предательства. А предательство испокон веку жестоко карается во всех государствах мира вне зависимости от существующих в них режимов. И всегда эта жестокая кара является высшей мерой справедливости. Попробуйте найти в истории и современности хоть одно государство, которое сквозь пальцы смотрело бы на предательство, тем более в массовом порядке. Можете даже не искать, ибо не найдете. Тем не менее «демократический плач Ярославны» по этому поводу у нас не прекращается. Как будто те, кто стращает современников ужасами сталинской депортации, не знают и не понимают, что речь идет о предателях. А то, что это было массовое предательство, — свидетельствуют факты. По данным за 1939 г., например, в Крыму проживали:

— русские — 558 481 человек, или 49,6% от всей численности населения Крыма;

— украинцы — 154 120 чел.(13,7%);

— крымские татары — 218 179 чел. (19,4%);

— немцы — 51 299 чел. (4,6%);

— евреи — 65 452 чел. (5,8%);

— болгары — 15 353 (1,4%);

— греки — 20 652 (1,8%);

— армяне 12 873 (1,1%);

— прочие — 29 276 (2,6%). Всего 1 126 385 человек.

Из крымского населения в Красную Армию в начале войны было призвано 90 тысяч человек, в том числе 20 тысяч крымских татар, которые при отступлении 51-й армии из Крыма в 1941 г. поголовно дезертировали. К примеру, только в одной деревне Коуш из 132 призванных в РККА дезертировали 120 человек. Так что дезертирство крымских татар было действительно поголовным. Ну, а от дезертирства до прислужничества гитлеровским оккупантам — менее чем полшага. Впоследствии историки установили, что в дислоцировавшихся в Крыму подразделениях вермахта состояло, по приблизительным данным, более 20 тысяч крымских татар. То есть и предательство в форме перехода на сторону врага у крымских татар было также поголовным.

Конечно, были и исключения, но всего лишь те, которые подтверждали основное правило. На **1 июня 1943** г. в партизанских отрядах Крыма было **262** человека, однако из них лишь 6 человек были татарами, а **212** — русскими. По состоянию на **15 января 1944** г. в Крыму насчитывалось, по данным крымских архивов, 3733 партизана, но татар среди них было всего **598** человек, а русских — **2292** человека. В апреле того же 1944 года количество татар в партизанах даже уменьшилось — их было всего **391** человек, в то время как число русских увеличилось до **2502** человек. **При самом элементарном подсчете выходит, что в 1943 г. в немецкой армии крымских татар служило в 3333 раз больше, чем их было в партизанах, в апреле 1944 г., когда крымские татары стали, наконец, задумываться над будущим, все равно в 51 с лишним раз больше! Это ли не поголовное предательство?!**

Стоит ли после этого удивляться обращению Президиума Мусульманского комитета от 10 апреля

1942 года, которое было опубликовано в газете «Азат Крым» («Свободный Крым», с 1942 по 1944 г. издавалась в оккупированном немцами Крыму): **«Освободителю угнетенных народов, сыну германского народа Адольфу Гитлеру. Мы, мусульмане, с приходом в Крым доблестных сынов Великой Германии с Вашего благословения и в память долголетней дружбы стали плечом к плечу с германским народом, взяли в руки оружие и начали до последней капли крови сражаться за выдвинутые Вами общечеловеческие идеи — уничтожение красной жидовско-большевистской чумы до конца и без остатка. Наши предки пришли с Востока, и мы ждали освобождения оттуда, сегодня же мы являемся свидетелями того, что освобождение нам идет с Запада. Может быть, первый и единственный раз в истории случилось так, что солнце свободы взошло с запада. Это солнце — Вы, наш великий друг и вождь, со своим могучим германским народом».**

Ну, что касается «великого друга и вождя» крымских татар Адольфа Гитлера и его «могучего германского народа» Советская Армия полностью разобралась к 9 мая 1945 года. Но вот стоит ли после такого обращения крымских татар к Гитлеру поражаться той суровости, с которой советская власть наказала их. Они более чем заслужили свое жесткое наказание. Все честно и справедливо. Практически весь крымско-татарский народ встал на сторону врага, хотя и были редчайшие исключения[1]. За то и получили столь жесткое на-

[1] Например, одним из Героев Советского Союза стал выдающийся представитель крымских татар, летчик-истребитель, а затем и летчик-испытатель - знаменитый Ахмет-хан. В благодарной памяти советских людей он навечно. Но вот крымские татары его память не очень-то жалуют. Впрочем, они даже своего выдающегося мыслителя и философа Исмаила Гаспринского и то не жалуют. И всего лишь потому, что он ратовал за дружбу с Россией!

казание. Ни одно государство мира не терпит предательства, тем более в столь массовых формах. Суровая кара всенепременно настигнет изменников и предателей. Так что жаловаться и тем более выставлять себя несчастными жертвами сталинского режима им не следовало. Особенно если учесть, что их всего лишь выселили, а не расстреливали и не резали поголовно, как они поступали с красноармейцами, особенно ранеными.

> **Небольшой комментарий.** Явно небезынтересно заметить, что болтовня насчет пресловутых «общечеловеческих ценностей» в западной упаковке началась еще тогда — в виде «общечеловеческих идей». То есть Президиум Мусульманского комитета уже тогда, в апреле 1942 года, с головой выдал то, что происходит на наших глазах, когда всему миру пытаются навязать эти пресловутые «общечеловеческие ценности». Более того. Выходит, что послевоенный «демократический» Запад попросту украл у нацистов даже сам тезис об «общечеловеческих ценностях»!

После освобождения Крыма от гитлеровцев у арестованных агентов германских спецслужб, изменников и прочих пособников из числа крымских татар — их общее число 5381 человек— было изъято: 5995 винтовок, 337 пулеметов, 250 автоматов, 31 миномет, огромное количество гранат и патронов. А в ходе самого выселения крымских татар дополнительно было изъято: минометов — 49, пулеметов — 716, автоматов — 724, винтовок — 9888 и боеприпасов к стрелковому оружию в количестве 5 млн шт. Такого количества оружия хватило бы на комплектацию по штатам военного времени как минимум двух дивизий.

Мог ли Сталин в условиях военного времени оставлять в тылу такую массу вооруженных бандитов, опиравшихся к тому же на массовую поддержку местного крымско-татарского населения?! Особенно, если учесть, что при отступлении гитлеровское командование везде стремилось оставить многочисленные вооруженные банды для борьбы с Советским Союзом в тылу. Естественно, что нет. Такого не сделает ни один здравомыслящий государственный руководитель. Так что незачем охаивать Сталина, тем более что он еще весьма мягко обошелся с крымскими татарами — всего лишь выселил.

Не без серьезных оснований «под раздачу» попали и представители других национальностей, населявших Крым. Вот, например, о чем докладывал НКВД СССР председателю ГКО И.В. Сталину в мае 1944 г.: «В период немецкой оккупации значительная часть болгарского населения активно участвовала в мероприятиях по заготовке хлеба и продуктов питания для германской армии, содействовала германским военным властям в выявлении и задержании военнослужащих Красной Армии и советских партизан, получала "охранные свидетельства" от германского командования. Немцами организовывались полицейские отряды из болгар, а также проводилась среди болгарского населения вербовка для посылки на работу в Германию». Вот и попробуйте понять этих «дорогих славянских братьев»! Но точно так же вели себя и православные греки в Крыму.

Аналогично вели себя в Крыму и местные армяне. Созданный при содействии оккупантов Армянский комитет активно сотрудничал с врагом, проводил большую антисоветскую работу. А в Симферополе была создана даже немецкая разведывательная организа-

ция «Дромедар», которую возглавил бывший дашнакский генерал Дро Канаян. Организация руководила разведывательной работой против Красной Армии и в этих целях создала несколько подпольных комитетов для ведения шпионско-подрывной деятельности в тылу Красной Армии, а также для вербовки в добровольческий армянский легион, который создали гитлеровцы. При содействии прибывших из Берлина армянских эмигрантов комитет проводил работу по пропаганде «независимой Армении», а местное армянское население оказывало немцам помощь «путем сбора средств» на военные нужды гитлеровской Германии. И эти тоже жестко получили по «заслугам».

Ничуть не лучше были и чеченцы с ингушами. Опираясь на почерпнутые из книги О.С. Смыслова «Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера» (М., 2006) сведения, следует в первую очередь указать на следующее.

9 ноября 1943 года руководитель специальной бригады работников госбезопасности, заместитель наркома комиссар госбезопасности 2-го ранга Б.З. Кобулов представил Лаврентию Павловичу Берии докладную записку «О положении в районах Чечено-Ингушской АССР» по итогам обследования и анализа оперативной обстановки в автономной республике. В записке говорилось: «Населенных пунктов в республике насчитывается 2288. Население за время войны сократилось на 25 886 человек и насчитывает 705 814 человек. Чеченцы и ингуши в целом по республике составляют около 450 000 человек. В республике 38 сект, насчитывающих свыше 20 тысяч человек. Они ведут активную антисоветскую работу, укрывают бандитов, немецких парашютистов. При приближении линии фронта в августе-сентябре 1942 г. бросили работу и бежали 80 человек членов

ВКП(б), в том числе 16 руководителей райкомов ВКП(б), 8 руководящих работников райисполкомов и 14 председателей колхозов.

Антисоветские авторитеты, связавшись с немецкими парашютистами, по указаниям немецкой разведки организовали в 1942 г. вооруженное выступление в Шатоевском, Чеберлоевском, Итумкалинском, Веденском и Галангожском районах.

Отношение чеченцев и ингушей к советской власти наглядно выразилось в дезертирстве и уклонении от призыва в ряды Красной Армии. При первой мобилизации в августе 1941 г. из 8000 человек, подлежащих призыву, дезертировало 719 человек. В октябре 1941 г. из 4733 человек 362 уклонились от призыва. В январе 1942 г. при комплектовании национальной дивизии удалось призвать лишь 50 процентов личного состава (стрелковая дивизия военного времени 14 833 человека, следовательно, удалось набрать только 7416 человек. — А. М.). В марте 1942 г. из 14 576 человек дезертировало и уклонилось от службы 13 560 человек, которые перешли на нелегальное положение, ушли в горы и присоединились к бандам. В 1943 г. из 3000 добровольцев число дезертиров составило 1870 человек.

Группа чеченцев под руководством Алаутдина Хамчиева и Абдурахмана Бельтоева укрыла парашютный десант офицера германской разведслужбы Ланге и переправила его через линию фронта. Преступники были награждены рыцарскими орденами и переброшены в ЧИАССР для организации вооруженного выступления.

По данным НКВД и НКГБ ЧИАССР, на оперативном учете было 8535 человек, в том числе 27 немецких парашютистов, 457 человек, подозреваемых в связях с немецкой разведкой, 1410 членов фашистских

организаций, 619 мулл и активных сектантов, 2126 дезертиров. За сентябрь-октябрь 1943 г. ликвидировано и легализовано 243 человека. На 1 ноября в республике оперируют 35 бандгрупп с общей численностью 245 человек и 43 бандита-одиночки.

Свыше 4000 человек — участников вооруженных выступлений 1941—1942 гг. прекратили активную деятельность, но оружие — пистолеты, пулеметы, автоматические винтовки — не сдают, укрывая его для нового вооруженного выступления, которое будет приурочено ко второму наступлению немцев на Кавказ».

Как видите, далеко не безобидными были чеченцы и ингуши в период войны. В этой справке не приведены сведения о том, как они расстреливали и резали красноармейцев, сколько советских людей погибло от рук чеченских бандитов, вставших на сторону врага. Эти данные были сообщены отдельно. Массовое дезертирство и уклонение от призыва в Красную Армию, вооруженные выступления, нападения на опергруппы и отряды НКВД, на тылы воинских частей, убийства, грабежи, а также откровенное пособничество немецким диверсантам — вот чем «прославились» Чечня и Ингушетия в годы войны.

И вот что удивительно. Захваченный НКВД полковник германской разведки Губе Осман на допросе показал: **«Среди чеченцев и ингушей я без труда находил нужных людей, готовых предать, перейти на сторону немцев и служить им. Меня удивляло: чем недовольны эти люди? Чеченцы и ингуши при Советской власти жили достаточно зажиточно, в достатке, гораздо лучше, чем в дореволюционное время, в чем я лично убедился после 4-х месяцев с лишним нахождения на территории Чечено-Ингушетии. Чеченцы и ингуши, повторяю, ни в чем не нуждаются, что броса-**

лось в глаза мне, вспоминавшему тяжелые условия и постоянные лишения, в которых обретала в Турции и Германии горская эмиграция. Я не находил иного объяснения, кроме того, что этими людьми из чеченцев и ингушей, настроениями, изменническими в отношении своей Родины, руководили шкурнические соображения, желание при немцах сохранить хотя бы остатки своего благополучия, оказать услугу, в возмещение которой оккупанты им оставили бы часть имеющегося скота и продуктов, землю и жилища». Мало того. Чеченцы еще и умудрились подарить Адольфу Гитлеру белого коня в знак особой признательности. Ничуть не лучше были калмыки, откровенно сотрудничавшие с германскими оккупантами и оказывавшие им массовое содействие.

Мог ли Сталин терпеть в тылу Красной Армии такое предательство и такой бандитизм, когда многие советские люди погибали на фронте, а другие, надрываясь в глубоком тылу, изо всех сил ковали оружие Победы?! Естественно, что не мог. Непозволительная это роскошь. Потому и не следует удивляться тому, что с ними так сурово обошлись — выселили.

В последние годы некоторые авторы стали утверждать, что чуть ли не 50% чеченцев и ингушей погибли во время депортации, что это был форменный геноцид. Однако никакого геноцида этих народов не было и в помине. Это сплошная ложь. Вот конкретные данные. Согласно вполне достоверным сведениям, чеченцев и ингушей в 1937 году (в материалах переписи они исчислены как единый вайнахский народ) насчитывалось 436 тысяч человек. В 1944 году их было 459 486 человек, а в 1959-м — 525 тысяч человек, в том числе 419 тысяч чеченцев и 106 тысяч ингушей. То есть на 20,4 % больше, чем в 1937 году, и на 14,2% больше, чем в

1944 году. Ну, и где тут геноцид хотя бы 50 %?! Если, например, сравнить с Белоруссией, где от рук гитлеровских варваров погибло 22 % населения (2 миллиона из 9 миллионов человек), то довоенная численность населения в этой славной республике была достигнута только через четверть века, в 1970 году.

Якобы геноцид 50% депортированного населения Чечено-Ингушетии тем более ложь, если учесть, что численность населения СССР в целом выросла с 1937 по 1959 г. всего на 13 %, а не на 20,4 %, как у чеченцев и ингушей. К тому же рост численности их населения практически такой же, как и у не выселявшихся народов Северного Кавказа — аварцев, осетин, кабардинцев, кумыков и т.д. У последних рост численности населения за указанный период времени в среднем составил 25 %, а у чеченцев и ингушей, повторяю, 20,4 %. Где тут геноцид?

Так что никакого геноцида не было и в помине. Как, впрочем, не было никакой незаконной и несправедливой депортации — все получили строго по заслугам.

Миф № 174. После войны Сталин жестоко расправился с командованием ВВС Советской Армии и руководством авиационной промышленности.

Речь идет о репрессиях в отношении маршала авиации А.А. Новикова и наркома (министра) авиационной промышленности А.И. Шахурина, а также других. Да, действительно, в 1946 году их арестовали и посадили в тюрьму. По сию пору едва ли не все считают, что с уважаемыми людьми обошлись жестоко и несправедливо. Более того. Почему-то считается, что толчком к

развертыванию «дела авиаторов» послужил якобы донос сына Сталина — Василия, который, как известно, был летчиком. В том, что хрущевская ложь фонтаном бьет из этого мифа, ничего удивительного нет — сей троцкист еще и не так врал. Он использовал любую возможность, лишь бы только бросить в адрес Сталина поувесистей булыжник с грязью. А ведь в действительности все было совсем наоборот, и посадили этих авиаторов вполне заслуженно.

Прежде всего, отметим, что подлинное начало послевоенного «дела авиаторов» относится как минимум к середине 1943 года. Из мемуаров выдающегося советского авиаконструктора А.С. Яковлева «Цель жизни» (М., 1988, стр. 284—286): «3 июня 1943 года. 3 июня 1943 года меня и заместителя наркома П.В. Дементьева, ведавшего вопросами серийного производства, вызвали в Ставку Верховного Главнокомандующего. В кабинете кроме Сталина находились маршалы Василевский и Воронов. Мы сразу заметили на столе куски потрескавшейся полотняной обшивки крыла самолета и поняли в чем дело. Предстоял неприятный разговор.

Дело в том, что на выпущенных одним из восточных заводов истребителях Як-9 обшивка крыла стала растрескиваться и отставать. Произошло несколько случаев срыва полотна с крыльев самолета в полете. Причиной этому явилось плохое качество нитрокраски, поставляемой одним из уральских химических предприятий, где применили наспех проверенные заменители. Краска была нестойкой, быстро подвергалась влиянию атмосферных условий, растрескивалась, и полотняная оклейка крыла отставала от фанеры. Мы уже знали об этом дефекте и всеми мерами стремились ликвидировать его».

Примечание автора. Необходимо отметить, что еще в начале войны Государственный Комитет Обороны принял постановление, согласно которому категорически запрещалось вносить изменения как в уже утвержденные и принятые к производству конструкции оружия и боевой техники (в том числе и самолетов), так и в технологии их производства без специального разрешения ГКО. Тем не менее подобные случаи все-таки имели место. За что их инициаторы призывались к строжайшей ответственности, так как это всегда было чревато серьезными негативными последствиями для боеспособности советских войск, не говоря уже о том, что такие инициативы нарушали высокий ритм производства оружия и боевой техники.

«Сталин, указывая на куски негодной обшивки, лежавшие на столе, спросил:

— Вам об этом что-нибудь известно? — и зачитал донесение из воздушной армии, дислоцированной в районе Курска, присланное вместе с образцами негодной обшивки.

Мы сказали, что случаи срыва обшивки нам известны. Он перебил нас:

— Какие случаи? Вся истребительная авиация небоеспособна. Было до десяти случаев срыва обшивки в воздухе. Летчики боятся летать. Почему так получилось?!

Сталин взял куски полотна, лакокрасочное покрытие которого совершенно растрескалось и отваливалось кусками, показал нам и спросил:

— Что это такое?

Дементьев сказал, что мы о дефекте знаем и принимаем меры к тому, чтобы прекратить выпуск негод-

ных самолетов и отремонтировать уже выпущенные машины. Дементьев обещал в кратчайший срок исправить положение и обеспечить боеспособность всех самолетов, выпущенных за последнее время.

Сталин с негодованием обратился к нам:

— Знаете ли вы, что это срывает важную операцию, которую нельзя проводить без участия истребителей?

Да, мы знали, что готовятся серьезные бои в районе Орел — Курск, и наше самочувствие в этот момент было ужасным.

— Почему же так получилось? — продолжал все больше выходить из себя Сталин. — **Почему выпустили несколько сот самолетов с дефектной обшивкой?** Ведь вы же знаете, что истребители нам сейчас нужны как воздух! Как вы могли допустить такое положение и почему не приняли мер раньше?

Мы объяснили, что в момент изготовления самолета этот дефект обнаружить на заводе было невозможно. Он обнаруживается лишь со временем, когда самолеты находятся не под крышей ангара, а на фронтовых аэродромах — под воздействием дождя, солнечных лучей и других атмосферных условий. Выявить дефект на самом заводе трудно и потому, что самолеты сразу же из цеха отправлялись на фронт.

Никогда не приходилось видеть Сталина в таком негодовании.

— Значит, на заводе это не было известно?

— Да, это не было известно.

— Значит, это выявилось на фронте только перед лицом противника?

— Да, это так.

— Да знаете ли вы, что так мог поступить только самый коварный враг?! Именно так и поступил бы, — выпустив на заводе годные самолеты, чтобы они на

фронте оказались негодными! Враг не нанес бы нам больше ущерба, не придумал бы ничего худшего. Это работа на Гитлера!

Он несколько раз повторил, что самый коварный враг не смог бы нанести большего вреда.

— Вы знаете, что вывели из строя истребительную авиацию? Вы знаете, какую услугу оказали Гитлеру?! Вы гитлеровцы!

Трудно себе представить наше состояние в тот момент. Я чувствовал, что холодею. А Дементьев стоял весь красный и нервно перебирал в руках кусок злополучной обшивки.

Несколько минут прошло в гробовом молчании. Наконец Сталин, походив некоторое время в раздумье, успокоился и по-деловому спросил:

— Что будем делать?

Дементьев заявил, что мы немедленно исправим все самолеты.

— Что значит немедленно? Какой срок?

Дементьев задумался на какое-то мгновение, переглянулся со мной:

— В течение двух недель.

— А не обманываете?

— Нет, товарищ Сталин, сделаем.

Я ушам своим не поверил. Мне казалось, что на эту работу потребуется по крайней мере месяца два.

Сталин никак не рассчитывал, что так быстро можно исправить машины. Откровенно говоря, я тоже удивился и подумал: обещание Дементьева временно отведет грозу, а что будет потом?

Срок был принят. Однако Сталин приказал военной прокуратуре немедленно расследовать обстоятельства дела, выяснить, каким образом некачественные нитролаки и клеи попали на авиационный завод,

почему в лабораторных условиях как следует не проверили качество лаков. Тут же он дал указание отправить две комиссии для расследования: на Уральский завод лаков и красок и на серийный завод, производивший Яки».

Как видите, начало «делу авиаторов» было положено уже тогда. Сотни истребителей с дефектной обшивкой — это настолько серьезно, что колесо расследования обстоятельств выпуска дефектных боевых самолетов с тех пор закрутилось на полную мощь. В дальнейшем были еще случаи, когда Сталин негодовал по поводу массового брака при производстве боевых самолетов.

Однако самый важный случай, фактически ставший импульсом к будущему делу маршала Новикова и наркома Шахурина произошел в дни Потсдамской конференции. В перерывах между заседаниями участников конференции Сталин общался с командованием советских оккупационных войск в Германии и, как и всегда, особое внимание уделил встрече со своими любимцами — летчиками. Так вот во время этой встречи летчики — три офицера ВВС — специально пришли к Сталину и очень возмущенно посетовали Верховному по поводу плохой авиационной техники, о частых случаях аварий и катастроф. Вот тут-то тучи над Новиковым и Шахуриным сгустились по-настоящему.

В апогее расследования было установлено, что в боевые авиационные полки за время войны было отправлено в общей сложности свыше **4000 «летающих гробов»!** Между прочим один самолет-истребитель той поры стоил как минимум, **100 000 рублей. То есть под «бравым руководством» Новикова и Шахурина авиационная промышленность выпустила «летающих**

гробов» на сумму в 400 млн рублей! Лично я удивляюсь только одному — как Новиков и Шахурин еще живы-то остались, всего лишь сроки получили. Ведь по тогдашнему законодательству ущерб государству свыше 50 рублей уже расценивался как значительный и грозил «вышаком». А Сталин буквально свирепел, когда слышал об ущербе Советскому государству, тем более в таких масштабах, и в гневе мог потребовать применения самых крутых мер. Хуже того. Выяснилось также, что командование ВВС и с руководство наркомата авиационной промышленности игнорировали требования военпредов на заводах, настаивавших на недопустимости приемки дефектных самолетов.

Так, на заводе № 31 военпред забраковал свыше 100 самолетов, но генералы ВВС походили, посмотрели и, распорядившись продолжать приемку, отбыли в Москву... представлять на себя реляции для награждения за производство и приемку «летающих гробов».

Тяжелее всего обстояло дело на заводе № 61 — там вообще выпустили пилотную партию истребителей Як-9у с мотором ВК-107А, и вся партия была полностью забракована. Самолеты были совершенно не пригодны к боевой работе. Выяснилось, что самолет Як-9у прошел только заводские испытания только как опытный образец, на основании чего никто не имел права запускать его в серийное производство.

Из упомянутых выше **4000 «летающих гробов» 2267 самолетов** сразу были поставлены на прикол из-за конструктивных и производственных недоделок. Правда, следует отметить, что, по данным бывшего члена Военного Совета Н.С. Шиманова, **число бракованных самолетов, списанных на войну, было не 4000, а 5000! То есть ущерб государству был нанесен в размере не менее 500 млн рублей! Полмиллиарда рублей!**

Вскоре после Потсдамской конференции, 24 августа 1945 года, Государственный Комитет Обороны принял одно из своих последних постановлений — «О самолете Як-9 с мотором ВК-107А». В заключительной части постановления говорилось: «За невнимательное отношение к поступающим из строевых частей **ВВС** сигналам о серьезных дефектах Як-9 с мотором ВК-107А и отсутствие настойчивости в требовании об устранении этих дефектов командующему **ВВС** Красной Армии т. Новикову объявить выговор».

Но этим дело не ограничилось. В середине марта 1946 года была создана государственная комиссия по проверке деятельности ВВС. В ее состав вошли заместитель министра Вооруженных сил СССР маршал Н.А. Булганин, секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков, главнокомандующий Сухопутными войсками и заместитель Вооруженных сил СССР маршал Г.К. Жуков, начальник Генерального штаба, первый заместитель министра Вооруженных сил СССР маршал А.М. Василевский, заместитель начальника Генерального штаба генерал армии С.М. Штеменко, начальник Главного политического управления Вооруженных сил СССР генерал-полковник И.В. Шикин и три маршала авиации — СИ. Руденко, К.А. Вершинин и В.А. Судец.

Естественно, к работе государственной комиссии подключились и органы госбезопасности. Знаменитый Смерш представил соответствующую справку. В ней указывалось, что с **1942** г. по февраль **1946** г. в частях и учебных заведениях ВВС по причине недоброкачественной материальной части произошло 45 тысяч невылетов самолетов на боевые задания, 756 аварий и 305 катастроф. В справке были указаны также и случаи, когда самолеты попросту разваливались в воздухе!

По итогам работы упомянутой государственной комиссии Постановлением СНК от 16 марта 1946 г. Новиков был снят с должности командующего ВВС как несправившийся с работой, а вскоре и арестован. Тогда же арестовали и наркома авиационной промышленности А.И. Шахурина, главного инженера ВВС А.К. Репина, члена Военного совета ВВС Н.С. Шиманова, начальника Главного управления заказов ВВС Н.П. Селезнева, заведующих отделами ЦК ВКП(б) А.В. Будникова и Г.М. Григорьяна. В приговоре Военной коллегии Верховного Суда СССР прозвучали следующие определения: антигосударственная практика, протаскивание на вооружение во время войны и уже в послевоенное время самолетов и моторов с большим браком и серьезными конструктивно-производственными дефектами и недоделками, сокрытия всего этого от правительства.

Новиков впоследствии все пытался объяснить клеветой и наветами Василия Иосифовича Сталина. Так везде и кричал после смерти Сталина — это все Васька виноват! Василий Иосифович и ответил ему... из тюрьмы, куда угодил по «милости» Хрущева, что Новиков сам виноват, ибо прекрасно был осведомлен о том, что творилось в авиационной промышленности и как генералы ВВС нагло принимали самолеты с громадным количеством дефектов, вследствие чего в массовом порядке гибли летчики, славные сталинские соколы. Генералы ВВС и их командующий маршал Новиков были уверены — «мамки новых нарожают». Почему-то от их вроде бы начиненных вполне приличными знаниями голов, как от брони, отскакивала простейшая мысль — простые мамки-то не Девы Марии и от Святого Духа зачать не могут...

Впоследствии бывший член Военного совета ВВС Н.С. Шиманов, признавая свою вину, после отсид-

ки сказал следующее: **«Шахурин создавал видимость, что авиационная промышленность выполняет производственную программу, и получал за это награды. Вместо того чтобы доложить народному комиссару обороны** (то есть Сталину. — *А.* М.), **что самолеты разваливаются в воздухе, мы сидели на совещаниях и писали графики устранения дефектов на самолетах. Новиков и Репин преследовали лиц, которые сигнализировали о том, что в армию поступают негодные самолеты».**

Шахурин, также после отсидки, сквозь зубы тоже признал свою вину, сказав следующее: **«Все на Сталина нельзя валить! За что-то должен и министр отвечать... Вот я, допустим, что-то неправильное сделал в авиации, так я за это и какую-то ответственность обязательно несу. А то все на Сталина».**

Ну, так и как же, справедливо, по заслугам получили авиаторы или нет?! Полагаю, что с истинным ответом затруднений не возникнет.

Миф № 175. После войны Сталин планировал жестоко разобраться с маршалитетом и генералитетом СССР.

Не знаю, как насчет жестокости, — на этот счет нет абсолютно никаких данных, а вот разобраться с высшим генералитетом и маршалитетом Сталин действительно планировал. **Прежде всего за трагедию 22 июня 1941 года.** Потому что с того самого горького в его жизни дня он ни на секунду не забывал об этой ужасной трагедии. Мало кому известно, еще в самом начале войны Сталин в глубокой тайне инициировал тщательное аналитическое расследование причин и выявление подлинных виновников этой трагедии. Рассле-

дование велось как по каналам органов госбезопасности — военной контрразведки, а потом и СМЕРША, военной разведки (в ГРУ и Генштабе были созданы специальные аналитические группы), так и по каналам личной разведки и контрразведки Сталина. Тщательному анализу были подвергнуты все данные о состоянии войск, действиях командования приграничных округов и входивших в их состав частей, были подняты все материалы контрразведки и т.д. Регулярно проводились аналитические экспертизы боевых действий начального периода, особенно первой недели. Под конец войны, когда в руках советских органов госбезопасности оказались также и материалы нацистских спецслужб, на основе их глубокого анализа систематически осуществлялись сравнительные экспертизы боевых действий советских войск в дебюте войны.

После войны Сталин сказал, что **«победителей можно и нужно судить, можно и нужно критиковать и проверять... меньше будет зазнайства, больше будет скромности».** Как правило, эти слова Сталина почему-то увязывают с делом маршала Жукова, которого в том же году примерно «выпороли» за нескромное поведение и приписывание себе чуть ли не всех боевых заслуг Советской Армии. Однако это не так, хотя частично эти слова и относились к Жукову тоже. Нередко эти же слова увязывают также и с попытками Сталина утихомирить аппетиты советского генералитета и маршалитета, которые с невероятным энтузиазмом занялись откровенным грабежом и мародерством поверженной Германии.

Отличавшийся исключительной личной скромностью Сталин был просто поражен и по-человечески глубоко уязвлен масштабами эпидемии хапужничества, воровства и мародерства, которая захлестнула высший офицерский корпус Советской Армии. Ведь им и так были

предоставлены немалые права на получение, по законам войны, трофейного имущества. Однако всех их поразила такой силы эпидемия алчности, что ее масштабы даже до сих пор до конца не установлены. А некоторые генералы так и вовсе настолько теряли голову, что, обнаглев, обращались к Сталину с требованием разрешить им беспрепятственный пропуск в страну задержанных на таможне их награбленных ими в Германии грузов. Один такой генерал-полковник, получил уникальный сталинский ответ в письменном виде. На его прошении Иосиф Виссарионович написал резолюцию, в которой говорилось, что необходимо разрешить пропуск барахла такого-то полковника. В мгновение ока из генерал-полковников в полковники! То есть обнаглевшие и откровенно терявшие рассудок от алчности генералы и маршалы даже и не понимали, что за такое поведение они запросто могут лишиться своих званий! К явному удивлению очень многих, не премину сказать, что из высшего комсостава всего лишь два маршала — великий маршал Великой Победы Константин Константинович Рокоссовский и Главный маршал авиации, основатель советской авиации дальнего действия Александр Евгеньевич Голованов — никак не засветились в вакханалии трофейного разграбления Германии!

Кстати говоря, они же явились и единственными маршалами, которые не предали своего Верховного Главнокомандующего! За категорический отказ от предательства, Маршала Великой Победы К.К. Рокоссовского, перед одним только именем которого дрожала вся фашистская нечисть, в мгновение ока выкинули из Министерства обороны и засунули на пенсию. Голованова же и вовсе низвели до уровня простого летчика и издевательски отдали под командование чуть ли не полковника.

Все это действительно имело место. Так что пересказывать эти истории о воровстве, хапужничестве и мародерстве желания нет. Они достаточно хорошо описаны в исторической литературе. Приведены даже списки награбленного, в том числе и нахапанного в Германии имущества, обнаруженного на даче у Жукова. Нас же интересует главное — расследование причин трагедии 22 июня.

В итоге к концу 1952 года у Сталина на руках уже были резюмирующие материалы этого красноречивого расследования. На последнем этапе этого расследования с прямой подачи Сталина Генштаб нашей армии инициировал подробный опрос оставшихся в живых генералов о том, когда на самом деле они получили первый приказ на приведение вверенных им войск в боевую готовность для отражения удара вермахта. Все, кого удалось опросить, четко указали на 18—19 июня и лишь генералы из ЗАПОВО черным по белому написали, что никаких указаний на сей счет не получали, а некоторые из них и вовсе узнали о войне из речи Молотова в 12.00 22 июня (см., напр., ВИЖ. 1989. № 5).

На основании материалов этого расследования Сталин и намеревался всерьез расквитаться с главными виновниками трагедии 1941 г. из числа высшего генералитета и маршалитета, в том числе и как с неотъемлемым компонентом сложившегося в годы войны военно-партийного комплекса. И одновременно Сталин планировал оторвать партократию от управления государством. Сталин планировал удар сразу по двум направлениям — по партократии и высшему генералитету и маршалитету, которые за годы войны так переплелись, так сцементировались на горе СССР, что уже как военно-партийный комплекс представляли колос-

сальную угрозу самому существованию СССР — делу всей жизни самого Сталина.

Потому и не случайно, что целый ряд генералов и маршалов во главе с Жуковым мгновенно переметнулись на сторону Хрущева. А затем под его общим руководством устроили 26 июня 1953 г. государственный переворот, в ходе которого без суда и следствия был убит и Л.П. Берия. Между тем все материалы сталинского расследования трагедии 22 июня 1941 года находились у Лаврентия Павловича Берии. Одновременно он полностью расследовал дело об убийстве Сталина. Были установлены главные виновники-убийцы — бывший министр ГБ Игнатьев и его куратор от ЦК Хрущев. 25 июня 1953 года Берия письменно запросил санкцию на арест бывшего министра госбезопасности Игнатьева (а следующим-то должен был быть именно Хрущев как его куратор от ЦК!), а к середине дня 26 июня был застрелен.

Так что никакой жестокости в отношении высшего офицерского корпуса Сталин не планировал. Речь шла о том, чтобы сурово покарать виновных в трагедии 22 июня 1941 года. Ведь мало кому известно, что еще при жизни Сталин откровенно признавал, правда в узком кругу, что война выбила в стране примерно 30 миллионов человек. Вот за такие потери самого бесценного капитала, то есть людей, причем в основном-то взращенных советской властью и павших смертью храбрых при ее защите — о материальных уж и не говорю, — Сталин и хотел призвать к строжайшей ответственности часть высших офицеров.

А в том, что всего через три года, в 1956 г., на XX съезде КПСС по недоразумению избежавший справедливо суровой кары Хрущев спровоцировал вакханалию оголтело подлой клеветы на Сталина, в том числе и прежде всего из-за постигшей СССР трагедии

1941 г., — ничего удивительного нет. Как, впрочем, и в том, что первым из военных к этому делу подключился именно Г.К. Жуков, посмевший обвинить Иосифа Виссарионовича в том, что он якобы не дал привести войска в боевую готовность!

Однако Сталин не зря всех их называл никчемными котятами, которые ничему не хотят учиться. Так оно и случилось: прямо на XX съезде Хрущев, Жуков и К° оправдали Тухачевского и К°! А коли они реабилитированные «невинные жертвы сталинизма», следовательно, и их наследники, то есть Жуков, Тимошенко, Хрущев — между прочим, все намертво повязанные как с Тухачевским, так и с его подельниками прежде всего с И. Якиром и И. Уборевичем, — все сделали правильно и ни в чем не повинны. Тем более за трагедию 22 июня 1941 г.! За ту самую трагедию, которую они устроили практически в абсолютном соответствии с разработанным Тухачевским и К° «Планом поражения СССР в войне с Германией»!

Однако давно известно, что сколько веревочке ни виться, конец-то все равно найдется. И даже сквозь дремучие джунгли хрущевско-жуковской лжи в конце концов пробился свет Правды! И ее суть в том, что, всерьез опасаясь заслуженной суровой кары за нанесение Советскому Союзу беспрецедентного демографического и материального ущерба, наиболее влиятельная часть высшего офицерского корпуса СССР во главе с Жуковым вступила в тайный сговор с Хрущевым и К°, совершив в итоге государственный переворот. А начало переворота было положено подлым убийством Сталина!

Так вот и вопрос: кто же в таком случае был жесток и коварен? Надеюсь, что после прочтения всех пяти книг настоящего проекта не составит труда сделать правильный вывод.

Миф № 176. Сталин незаконно и жестоко расправился с ни в чем не повинными руководителями ленинградской парторганизации («Ленинградское дело»).

Для начала предлагаю ознакомиться с содержанием любезно предоставленной коллегой по перу, известной питерской исследовательницей Еленой Прудниковой еще не опубликованной статьи, написанной в жанре аналитической версии, по меньшей мере для того, чтобы хотя бы чуточку, но освободить собственное сознание от тяжелого давления намертво укоренившихся стереотипов. Поверьте, статья того стоит.

«О ЧЕМ КРИЧИТ "ДЕЛО ВРАЧЕЙ"?

На верхушке каланчи
День и ночь кричат врачи.

Детский стишок

Кто не слышал о знаменитом «деле врачей». Деле нелепом, непрофессионально слепленном полуграмотными эмгебистами, а при ближайшем рассмотрении и вовсе бессмысленном. И очень и очень странном. По общепринятой версии, началось оно с письма врача-кардиолога Лидии Тимашук.

Сперва была склока

Советская верхушка и вообще-то здоровьем не блистала, поскольку жизни свои эти люди жгли, не задумываясь о последствиях. Но Жданов, второй после Сталина человек в партии, был одним из самых больных. Летом 1948 года он почувствовал себя совсем плохо и поехал отдыхать на Валдай. Дальше, по обще-

принятой версии, у него случился сердечный приступ. Из Москвы, из Лечебно-санитарного управления Кремля, приехали врачи: профессора Егоров и Василенко и академик Виноградов. И с ними врач-кардиолог Лидия Тимашук, вместе с аппаратурой для ЭКГ. Дальше произошла вещь для медицины в общем-то абсолютно типичная: медики не согласились между собой в диагнозе. Тимашук считала, что у больного инфаркт, профессор Егоров и лечащий врач Жданова Майоров с ней не согласились, заявив, что это некое «функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни» и предложили ей переписать заключение. Исходя из каких соображений они это сделали, пока обсуждать не будем. Доктора Тимашук отправили обратно в Москву, а больному позволили вставать с постели.

На следующий день приступ у Жданова повторился. Тимашук снова вызвали из Москвы, назначили кардиограмму на 30 августа, а ей опять предложили переписать заключение. Причем, понимая, что дело нешуточное, предложили настолько настоятельно, что она, не в силах выстоять против таких светил, повиновалась. Сделать повторную кардиограмму не успели, потому что 30-го числа Жданов умер.

И никто не знал, что еще 29 августа, когда больной был жив, Тимашук написала письмо на имя начальника главного управления охраны МГБ генерала Власика, которому подчинялся Лечсанупр, где изложила эту историю. Трудно сказать, чем она руководствовалась: то ли светила медицины ей нахамили, то ли она так пыталась бороться за жизнь больного, но это есть факт.

В общем-то на самом деле это банальная медицинская склока. Не буду повторять доводы знакомого вра-

ча-патологоанатома, с которым мы обсуждали эту историю, но на самом-то деле все это обычно. А сердце Жданова было в таком состоянии, что умереть он мог в любую минуту. Да и вскрытие показало, что он на самом деле умер от инфаркта. На вскрытии присутствовал секретарь ЦК, начальник Управления по кадрам товарищ Кузнецов — потому что ему полагалось там быть, так было заведено. **Но, что несколько более странно, туда же приехали председатель Госплана Вознесенский и первый секретарь Ленинградского обкома Попков. Все трое — будущие жертвы «Ленинградского дела», как считается, полностью сфальсифицированного.** Но мы, чисто теоретически, примем иную точку зрения: что это дело не было фальсифицированным и эти товарищи на самом деле, как о том сказано в обвинительном заключении, если перевести его язык на современные термины, готовили государственный переворот. До сих пор «Ленинградское дело» ничем, кроме сталинской паранойи или сталинской кадровой политики, так и не объяснено. Но паранойи у Сталина не было, а кадровые вопросы он, обладая всей полнотой власти в государстве, решал более простым путем.

А мы предположим, что «братцы-ленинградцы» и на самом деле готовили государственный переворот. А также предположим, что к этому делу был причастен Жданов. Потому что по ходу «Ленинградского дела» как следователи, так и судьи получили строжайшее предупреждение: имени Жданова не касаться. Ну был у Сталина такой принцип: знаковые фигуры не трогать. (Поэтому, кстати, и маршал Жуков в 1948 году уцелел.) Зато после смерти о товарище Жданове практически забыли.

Как бы то ни было, сразу после смерти Жданова в санаторий приехали Кузнецов, Вознесенский и Поп-

ков. Может быть, отдать последний долг, не спорю. А может быть, не только на вскрытии присутствовать, но и в бумагах порыться. Предположим все это и посмотрим, что у нас получится.

Сколько было писем?

Итак, доктор Тимашук написала письмо Власику, что не удивительно: это был человек, которому по службе подчинялся Лечсанупр. Генерал передал его Сталину, а Сталин, по официальной версии, прочел и отправил в архив. А 7 сентября она написала еще одно письмо — секретарю ЦК товарищу Кузнецову. И вот тут интересно бы узнать, в каком качестве доктор Тимашук обращалась к нему. Дело в том, что Кузнецов был одновременно начальником Управления кадров ЦК и партийным куратором министерства госбезопасности. Если она рассматривала Кузнецова в первом качестве: мол, посмотрите, товарищ секретарь, какие у нас кадры! — то писем могло быть два: ему и Власику. А вот если она рассматривала его во втором качестве, то их должно было быть три. Потому что совершенно непонятно, почему при этом раскладе она пропустила промежуточное звено между ними, а именно министра госбезопасности товарища Абакумова. Кстати, появление на сцене Абакумова объясняет один совершенно непонятный факт: почему Сталин отправил в архив то письмо, которое передал ему Власик? Посчитал его ерундой? Ага, это после весны 1938 года, когда на третьем «московском» процессе рассматривалось дело врачей Плетнева и Левина, обвинявшихся в аналогичных убийствах Менжинского, Куйбышева и Горького. Сейчас!

Произойти это могло только в одном из двух случаев.

А. Абакумов попросился на прием к Сталину.

—Товарищ Сталин, я получил тревожное письмо.

—Да, вижу. Мне передали такое же. Действуйте, товарищ Абакумов, как положено.

Б. Сталин вызвал Абакумова, который письма не получал.

— Товарищ Абакумов, я тут получил интересное письмо. Возьмите и проверьте его.

Абакумов проверил самым естественным образом. Вы думаете, как — схватил врачей и потащил в кутузку? Нет, конечно. Была назначена врачебная экспертиза, после которой выяснилось, что это банальная медицинская склока. После чего дело сдали в архив и забыли о нем — на целых четыре года. Но суть в том, что товарищ Кузнецов, имевший свой экземпляр письма и знавший, что аналогичный получил Сталин, не мог быть уверен, что к этому делу не привлечено особое внимание вождя и что оно закрыто (а может быть, оно и вправду не было закрыто). И что тогда сделал товарищ Кузнецов, если предположить, что он заговорщик? Правильно. Он занервничал.

Очень странная тусовка

Для заговорщиков очень не вредно иметь своих людей по всей стране, чтобы в нужный момент выступить всем вместе. А теперь вспомним, что товарищ Кузнецов был начальником кадрового управления ЦК и в этом качестве мог назначать, кого хочет и куда хочет. И, кстати, по ходу «ленинградского дела» его обвиняли в том числе и в создании в стране своеобразной «ленинградской мафии».

Каковы естественные действия нервничающего руководителя тайной организации? Само собой, собрать

народ и посоветоваться, насколько велика опасность и что делать. Если он имеет опыт конспиративной работы, он понимает, что идти на поводу у этого естественного желания ни в коем случае нельзя — именно на этом заговорщиков и ловят. Но Кузнецов не имел такого опыта.

А давайте-ка посмотрим, не происходило ли сразу после смерти Жданова какой-нибудь тусовки, где могли спокойно пообщаться люди со всей страны? А вот как раз и происходила! Причем мероприятие было настолько странное, что непонятно, что и думать о нем.

В октябре 1948 года, подсчитав накопившиеся неликвиды продовольственной и прочей продукции на складах министерства торговли, Бюро Совмина разрешило провести в декабре межобластные оптовые ярмарки, чтобы все это реализовать. И вдруг вместо этого председатель Совета Министров РСФСР товарищ Родионов в начале января 1949 г. проводит огромную, по сути, всесоюзную оптовую ярмарку в Ленинграде. Причем проводит ее своей волей, без санкции Совмина СССР, лишь уведомив о том оперативный орган — Бюро Совмина. Это был тоже хитрый ход. Председатель Совета министров товарищ Сталин сказал бы: «Что? Какая всероссийская ярмарка? Давно вместе Новый Год не отмечали? Передайте товарищу Родионову...» А председателю Бюро товарищу Берии в 1948 году только и дела было кроме как думать о каких-то ярмарках. Он спросил Вознесенского, что это такое, получил ответ: то же самое, что и решили, только большое, не глядя завизировал и перешел к следующему вопросу, не переставая размышлять об атомных испытаниях.

Толку в ярмарке не было никакого. Распродать неликвиды не удалось, итогом этого мероприятия стали

испорченные товары на сумму в 4 миллиарда рублей — и это в голодное послевоенное время. Еще одним итогом стало то, что Родионов с треском вылетел с занимаемой должности. Вот и вопрос: зачем было так рисковать?

Ярмарка была на редкость нелепым мероприятием со всех точек зрения, кроме одной: в Ленинград собрали народ со всего Союза, так что если кому надо было пообщаться, то они это сделали. Некоторые исследователи считают, что ярмарка была фактическим нелегальным съездом Компартии РСФСР, которую будто бы хотел организовать товарищ Кузнецов. Ну да, хотел. Но проводить съезд и не учреждать Компартию, и это при живом Сталине — тогда бы организаторы этого действа загремели бы с кресел уже не на улицу, а прямо в камеры. А вот собрать несколько десятков заговорщиков — легко!

Парад случайностей

...А вот товарищ Сталин как раз конспиратором был. Потому что именно после этой ярмарки и начались очень странные события. Каждое из них вроде бы было случайным — но не слишком ли много совпадений?

В январе **1949** года в ЦК пришло анонимное письмо — о том, что на состоявшейся 25 декабря партконференции в Ленинграде были сфальсифицированы результаты голосования. Проверка показала, что на самом деле так и было. Чтобы достичь «единогласия», Попков, второй секретарь обкома Капустин и Кузнецов заменили 23 бюллетеня «против» на бюллетени «за». Есть такое мнение, что подтасовка результатов голосования была для коммунистов-идеалистов того времени худшим преступлением. Верить в эти святые

чувства мы не станем — скорее всего, жульничали везде, и все прекрасно об этом знали. Но вот реакция властей на эти деяния зависела от ситуации. Можно было дать ход делу, а можно и не давать. Ход делу дали. По совокупности всех своих подвигов вылетели с мест и Кузнецов, и Попков, и Капустин.

Но и это было еще не все. Потому что в очередных кустах оказался очередной рояль. На сей раз тучи сгустились над головой товарища Вознесенского. 1 марта 1949 года его заместитель Помазнев написал в Бюро Совмина записку, в которой предал гласности перекосы в планировании. 3 марта пришла очень своевременная жалоба от министра внутренних дел Круглова на непосильный для его ведомства план. Бюро Совмина назначило проверку деятельности Госплана — и волосы у тех из проверяющих, у кого не было лысины, встали дыбом, такие там вскрылись приписки и перекосы. В результате со своего места полетел и Вознесенский. Пока что в отпуск. Вот и вопрос: почему это вдруг, буквально за какие-то два месяца, все будущие главные фигуранты «Ленинградского дела» по разным причинам потеряли свои посты? Случайно? О зловещих сталинских планах мочения конкурентов мы умолчим, а вот то, что товарищ Абакумов уже обратил внимание на их странный визит к последнему пристанищу Жданова, провел агентурную разработку и принес товарищу Сталину «подколотый, подшитый материал» — это предположить можно. И даже очень можно…

«Шпионский след»

Но и это было еще не все. Комиссия продолжала работать и обнаружила такое, рядом с чем все преды-

дущие факты были не компроматом, а так, семечками. За пять лет, с 1944 по 1948 год, в этом ведомстве пропало 236 секретных документов. Причем в их числе были не только бумажки на одном листочке, а такие основательные вещи, как государственный план восстановления и развития народного хозяйства — 200 страниц текста, и т.п. Причем выяснилось, что Вознесенский об этом прекрасно знал, однако никаких мер не принял.

Чтобы правильно понять ситуацию, надо кое-что знать. В 1945 году советское правительство обратилось в МВФ с просьбой о кредите на восстановление разрушенного народного хозяйства. В ответ американское правительство потребовало информацию о состоянии советской экономики такой глубины и объема, что наши отозвали просьбу о кредите: лучше уж самим выбираться, чем снабжать потенциального противника такими сведениями. И самое естественное предположение, когда вскрылась госплановская клоака, было: американцы нашли более дешевый выход. В деле явственно запахло шпионажем.

А собственно «ленинградское дело» и началось как раз со шпионажа, но не с госплановского. Летом 1949 года МГБ по своим заграничным каналам получило информацию о том, что второй секретарь (теперь уже бывший) Ленинградского обкома Капустин является агентом английской разведки. (По любопытному совпадению, незадолго до того агент МГБ в «Интеллидженс сервис», знаменитый Ким Филби, стал директором советского отдела этой конторы.) 23 июля Капустина берут, 4 августа он начинает говорить, и очень скоро за решеткой оказываются и Кузнецов, и Попков, и Родионов, и некоторые другие партийные аппаратчики. И завертелось «Ленинградское дело»...

За что спалили Виктора Абакумова?

А теперь перенесемся на два года вперед. 2 июля 1951 года в ЦК поступило заявление от старшего следователя Рюмина, сигнализировавшего о неполадках в работе МГБ, после которого был торжественно снят с поста и вскоре арестован министр госбезопасности Абакумов. Считается, что содержание этого заявления хорошо известно. Абакумов будто бы получил от некоего врача Этингера показания, что тот «залечил» первого секретаря московского обкома Щербакова — но не принял никаких мер, ход делу не дал, а Этингера поместил в сырую камеру, где тот вскоре умер. А также не дал ход делу каких-то малолетних еврейских националистов, а еще нарушал порядок ведения следствия и т.п. В результате ЦК постановил (цитирую): «Снять Абакумова В.С. с работы министра государственной безопасности... исключить из рядов ВКП(б) и передать дело в суд».

Странная бумажка. Потому что, по нормальному человеческому разумению, если за такие вещи снимать министров, то ни один дольше недели не продержится. Кузнецов и Попков за свои художества не поплатились не только арестом, не только партийным билетом, но даже членством в ЦК.

А еще более странна формулировка постановления. Потому что у этого документа четыре автора. Поименно: Маленков, Берия, Шкирятов, Игнатьев. Последние два — ладно, это партаппаратчики. Но первый, которому довелось плотно иметь касательство к репрессиям тридцать седьмого года, и второй, проработавший в органах почти двадцать лет, — в каком бреду они пропустят мимо себя формулировку: «передать дело в суд»? Какой суд? Там должно было быть напи-

сано: передать дело в органы внутренних дел или в органы прокуратуры. В постановлениях ЦК еще и не такие формулировочки бывают, но чтобы «законник» Берия такое подписал? Можно, конечно, пуститься в психологию. Но можно пойти и по более простому пути, предположив, что документ этот фальшивый. Ничего удивительного тут нет, в хрущевские времена в архивы было вброшено астрономическое количество фальшивок — строго говоря, почти ни одним документом того времени нельзя пользоваться без экспертизы. Вот и мы предположим, что этот документ фальшивый, заменивший какой-то другой, на том же месте и под тем же номером. Какой — мы порассуждаем через абзац, а пока одно наблюдение.

Внимательно и пристрастно изучая хрущевскую дезинформационную лавину, я заметила одну ее особенность. Хрущевцам свойственна определенная изысканность. Так, они очень любят обвинять своих врагов в том, против чего те всю жизнь боролись, и приписывать им обратное тому, что они делали в реальности. Не знаю уж, кто там у Никиты Сергеевича эти кампании дезинформации разрабатывал, но изыск такой у него был. Поэтому тот факт, что Абакумова обвинили в том, что он не начал следствие против врачей, лечивших Щербакова, является очень и очень косвенным, но еще одним аргументом того, что он провел-таки следствие по смерти Жданова.

А теперь подумаем, что в этой записке могло быть в реальности? Причем надо учесть, что Абакумов долгое время был свято уверен, что его арест — недоразумение, вот-вот во всем разберутся и его освободят. То есть он того, в чем его обвиняли, однозначно не делал. А также: что там могло быть такого, что три его покровителя — Сталин, Берия и Богдан Кобулов (а Абакумов был

«человеком Кобулова») от него отступились. Это первый вопрос. И второй. Именно после ареста Абакумова министром внутренних дел вдруг стал Игнатьев, партийный функционер, никогда в жизни не имевший отношения к органам. И не только стал, но после прихода туда еще и насажал в МГБ партаппаратчиков. Ну, сняли Абакумова — что, в СССР чекисты перевелись? С какого перепугу вдруг такое назначение? По отдельности эти факты объяснить можно. А вот вместе...

Я нахожу только одно объяснение. В письме Рюмина Абакумов обвинялся в фальсифицировании «Ленинградского дела » и в применении пыток. И, по всей видимости, тому были подтверждения — например, показания некоторых подследственных. Вот тут Сталин, Берия, Маленков и Кобулов, все четверо обожженные «тридцать седьмым годом», сразу же не то что санкционировали, а потребовали расследования. А ЦК тоже выдвигал требование: по этому делу расстреляно двести высокопоставленных коммунистов, посажено две тысячи, мы не доверяем органам внутренних дел, они пристрастны, мы не доверяем прокуратуре, она слаба. А вот есть тут у нас хороший парень, товарищ Игнатьев, заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК, человек, в чекистских делах никаким образом не замешанный. Пусть он займется этой проверкой. Если он справляется с партийными органами, то справится и с МГБ. А как еще можно объяснить назначение Игнатьева? И никто не знал, что была у товарища Игнатьева одна особенность. Ни Берия, ни Кобулов, ни Абакумов пыток не признавали. А вот для Игнатьева этого запрета не существовало. И он был уверен, что как только бывшего министра начнут пытать, он тут же во всем сознается, и «Ленинградское дело» объявят фальсифицированным.

Какой в этом смысл? Очень простой. Кузнецов и остальные главные фигуранты в чем-то признались, а о чем-то молчали насмерть. Дело в том, что когда их арестовывали, смертной казни в СССР не существовало, она была введена в январе 1950 года. Так что у подследственных не было мотива говорить все в надежде сохранить жизнь. Зато был мотив говорить как можно меньше, чтобы получить не 25, а 15 лет. И они сказали не все, так что часть организации оставалась на свободе. Какая? О том речь впереди.

Но с расстрелом главных обвиняемых расследование, как можно было бы ожидать, не закончилось. Надо было срочно что-то делать. Для начала убрать Абакумова и перехватить рычаги расследования, а потом, если получится, объявить дело фальсифицированным. (То, что и было сделано практически сразу же после прихода к власти Хрущева.) Поэтому-то и нужно было вырвать у Абакумова признание вины. Но военный контрразведчик Абакумов все испортил. Его пытали до тех пор, пока врачи не сказали: все, дальше нельзя, умрет. Но он так ни в чем и не признался.

Инициатива наказуема

А что же товарищ Сталин? Сидел и радовался: «Вах, как все хорошо получается! Сейчас партийные товарищи все расследуют, во всем разберутся, и жизнь настанет такая хорошая!» Ага, сейчас!

Тут ведь причина не только в «Ленинградском деле». Тут интерес глубже. Если задаться вопросом: а почему Сталин после войны вдруг стал производить такие странные манипуляции с МГБ? Высоколобых разведчиков Берии отправили в контору со смешным названием ГУСИМЗ (Государственное управление со-

ветского имущества за границей), от которого за версту несет резидентурой, остальную разведку вывели в Комитет информации? А на пост министра госбезопасности поставили армейского контрразведчика? Ответ может быть только один: Сталин намеревался всерьез разобраться с итогами войны. Война для него была делом святым, и после ареста министра он должен был быть не то что предельно обеспокоен, а беспредельно: ведь получается, что если Абакумову нельзя доверять, то и эта работа становится сомнительной?

И что, спрашивается, должен был в такой ситуации сделать товарищ Сталин?

Очень вероятно, что он велел секретарю:

—Вызовите ко мне товарища Меркулова!

А Меркулов — человек очень интересный и у нас недооцененный, как и та структура, которую он возглавлял. Дело в том, что среди множества государственных органов Советского Союза у Сталина было одно — всего одно! — родное дитя. 30 марта 1919 года по его инициативе был учрежден наркомат государственного контроля, в котором он сам стал первым наркомом. Затем это ведомство претерпевало различные метаморфозы, но едва Сталин в конце 30-х годов получил, наконец, реальную власть в государстве, как этот наркомат появляется снова, и наркомом в нем становится бывший личный помощник Сталина, человек не просто доверенный, а сверхдоверенный — Лев Мехлис. А в 1950 году тяжело больного Мехлиса сменил на этом посту другой сверхдоверенный человек, но уже не Сталина, а Берии (что, впрочем, было к тому времени одно и то же) — Всеволод Меркулов. И вот это министерство не подчинялось никаким ЦК — по сути, это была личная спецслужба главы государства.

Вот почему естественнее всего было предположить, что Сталин вызвал к себе бывшего министра госбезопасности, а ныне министра госконтроля товарища Меркулова и сказал:

— Вы, конечно, знаете, что Абакумов арестован. Возьмитесь за это дело, проверьте, что там и как, и доложите.

И вот тут наши заговорщики — если они существовали, — оказались в смертельной опасности. Не только потому, что в деле появилась новая сила, против которой у них не было средств. Дело еще и в персоне. Как Молотов был правой рукой Сталина, так Меркулов был правой рукой Берии, и тронуть его было все равно, что кинуться с пистолетом на танк. Доверенный человек обоих правителей Советского Союза — старого и молодого — был неуязвим. Теперь речь шла уже не о власти, а о самой жизни оставшейся на свободе части заговорщиков.

«Дело врачей» и прочие телодвижения

Можно себе представить, какая паника охватила наших заговорщиков. Первой их мыслью, естественно, было убрать Сталина. Берия все же фигура не такой величины, с ним есть какие-то шансы договориться. Договориться же со Сталиным в такой ситуации, как нетрудно понять, практически невозможно. Трагедия ситуации была в том, что Сталин недооценил человека, стоявшего теперь во главе всего этого дела. Его и вообще недооценивали. Сам по себе он был довольно безвреден, но загнанный в угол становился смертельно опасным. В первую очередь потому, что не имел никаких тормозов и никаких запретов. Как тот персонаж американских мультиков, который, не в силах

найти своего врага, приказывает уничтожить город, в котором он, предположительно, находится. За примерами далеко ходить не надо. Это человек, который захватил власть в государстве, попросту убив своего соперника; который, чтобы упрочить свое положение, одним ударом уничтожил идеологию Советского Союза и развалил мировое коммунистическое движение; который решал дипломатические проблемы с помощью танков; который едва не развязал мировую атомную войну... хватит? А то его подвиги можно перечислять бесконечно. Почему Хрущев? Да потому что он сам себя выдал. С момента его прихода к власти начались бесконечные танцы вокруг «Ленинградского дела», к которому новый глава государства относился невероятно трепетно. Мало кто знает, что огромный кусок речи на XX съезде должен был быть посвящен этой же теме — но тут уж его, по-видимому, собственные соратники остановили: дело недавнее, у всех на слуху, не стоит уж так раздеваться-то...

Однако у меня после исследования процессов 50-х годов создалось стойкое ощущение, что и сам процесс реабилитации был затеян ради «ленинградцев». Просто так, скажете, такая забота? Ну-ну...

Именно после прихода в МГБ Игнатьева началась подготовка к устранению Сталина. От него убрали многолетнего помощника Поскребышева, потом генерала Власика. Но мы сейчас не об этом, а о других телодвижениях товарищей заговорщиков.

...По-видимому, в процессе поисков выхода кто-то и вспомнил о письме доктора Тимашук. Кто его знает, на что они надеялись? Может быть, переключить внимание Сталина на новую тему? Или посеять в нем недоверие к врачам? Второе вернее — Хрущев и об этом проговаривается. А может статься, и с вождем разобрать-

ся таким же способом, а потом подогнать к «делу врачей» еще и «убийц товарища Сталина». А затем заключить с Берией договор о разделе влияния между партией и государством и на этом успокоиться.

Есть серьезные основания подозревать, что со смертью Сталина дело было очень нечисто. Но мы не об этом. Мы о врачах. В любом случае, очень удобно было достать из архива письмо Тимашук...

А из чьего, кстати, архива? Ведь сталинское письмо было в архиве у Сталина. Кузнецовское? А откуда они его взяли? Из «Ленинградского дела»? Как бы то ни было, если рассматривать «дело врачей» как отвлекающий маневр, то... то все связывается! А еще часто удивляются, почему это дело вдруг получило ярко выраженный «еврейский» аспект — при том что все врачи, лечившие Жданова, были славянами. Так ведь это еще лучше! «Врачи-убийцы», да еще и евреи — сразу две болевые точки общества. А кроме того, стоит тронуть евреев, и дело тут же приобретает международное значение. Крики, шум, дым до небес! Дым... дым... дым... дымовая завеса!

Которая, впрочем, нисколько не обманула двоих очень неглупых людей, стоявших у руля Советского Союза. Недаром Берия, придя к власти, сразу же прекратил «дело врачей». Возможно, с ним были неплохие шансы договориться о том, чтобы закрыть и «Ленинградское дело», которое перестало быть актуальным, — страна стоит на пороге перемен, чего уж тут...

Но оставалось нечто, по поводу которого с ним нельзя было договориться ни при каких обстоятельствах. Мой редактор, еще будучи девочкой, слышала по радио репортаж с похорон Сталина. И ее так поразил трагизм речи Берии, горе, которым она была пол-

на, это так отпечаталось в памяти, что она помнит эту речь и сейчас, спустя пятьдесят лет. Остальные просто не запомнились. О смерти Сталина с Берией договориться было нельзя, сам бы следствие провел и сам публично расстрелял у Кремлевской стены.

И тогда над заговорщиками снова нависла смертельная угроза. Потому что был человек, который знал все об обстоятельствах смерти вождя, и этот человек совершил нечто такое, что гарантировало ему арест и расстрел. Это был Игнатьев, министр госбезопасности, который применял пытки. И, по-видимому, за ним числилось не только это, потому что смешно думать, что Берия три с половиной месяца был у власти и не нашел времени поговорить с Абакумовым. Что там вышло с Абакумовым? Пока непонятно. Было два способа прекратить его дело: тупо расследовать все обвинения или получить признание организатора абакумовского дела, то есть Игнатьева. По всей видимости, бывший министр вышел бы на свободу через несколько дней после ареста своего преемника. Берия собирался потребовать санкцию на арест Игнатьева 26 июня 1953 года. Его убили за несколько часов до начала заседания Президиума ЦК. Надо объяснять, почему? Это же так просто. Нельзя было допустить свидания Игнатьева и Берии в комнате для допросов. Нашим гипотетическим заговорщикам проще было, конечно, убить Игнатьева. Но тот, по всей вероятности, успел принять какие-то меры. Пришлось убивать Берию. Это, конечно, дело более сложное — но жизнь дороже… И, в общем-то, по сравнению с речью на XX съезде КПСС это не такое уж большое преступление.

Знаете, чем отличается сталинский социализм от последующего? При Сталине люди, стоявшие наверху, жгли свои жизни ради страны. Те, кто пришел пос-

ле 26 июня 1953 года, жгли страну ради своих жизней. Те же слова, только расставлены в другом порядке, только и всего...

P.S.

Итак, перед вами чистая аналитика. Мы попробовали предположить определенные вещи, посмотрели, что вышло... и получили, кажется, неплохую версию событий. По крайней мере, все со всем увязывается, никакие факты за уши не притянуты и никакие хвосты ниоткуда не торчат. Это первое. И второе. Общественная реабилитация Сталина давно уже прошла. Общественная реабилитация Берии идет полным ходом. А вот Абакумов, например, до сих пор числится преступником. Хотя у меня лично никакой уверенности в этом нет...»

Ну, и как вам крутые виражи и зигзаги истории в аналитической версии? Не правда ли, круто все закручено?! Но практически все именно так и было в действительности. Обратимся к великолепному анализу этих мифов, который привел на страницах своей новой книги один из наиболее объективных современных исследователей Сигизмунд Миронин — **«Загадка 37 года. Сталинский порядок»** (М., 2007, стр. 108—168)[1]

В событиях 1949—1950 гг. чаще всего видят противоборство неких кланов в ЦК ВКП(б). Причем ведущие партийные и советские деятели оказываются у разных авторов то по одну, то по другую сторону «баррикад».

Впервые поднял вопрос о «Ленинградском деле» на июньском Пленуме ЦК КПСС 1953 года Хрущев.

[1] Данные С. Миронина приводятся в изложении автора данной книги.

Официальной эта версия стала в мае 1954 года: сначала в Постановлении Президиума ЦК КПСС от 3 мая 1954 года, а затем в выступлениях Н.С. Хрущева и генпрокурора Р.А. Руденко на закрытом заседании ленинградского партактива 6—7 мая 1954 года. Было объявлено, что «Ленинградское дело» «сфальсифицировано бывшим министром госбезопасности В.С. Абакумовым и его подручными по указанию врага народа Л.П. Берии». Затем эта версия была подтверждена 25 февраля 1956 года в печально известном докладе Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях». Своими «откровениями» делились такие деятели, как Волкогонов, Антонов-Овсеенко, Волков, Радзинский, даже Собчак, сравнивший с Вознесенским... себя.

Небольшой комментарий. Как видите, основные «интертрепаторы»[1] «Ленинградского дела»— передовой авангард антисталинской рати конца XX века. Все они только и знают, что бросать облыжные обвинения в адрес Сталина и его времени. И ни один из них даже не задумывался над тем, как можно сфальсифицировать дело на **2000** персонажей, а именно столько и проходило по этому делу. Не говоря уже о том, как в послевоенное время можно было сфальсифицировать дело на такое количество персонажей таким образом, чтобы примерно **200** человек были расстреляны.

В действительности же верна только сама цифра **2000** фигурантов по этому делу. **Но имен-**

[1] На журналистском сленге вместо слова «интерпретация» обычно используется «интертрепация», от которого и само слово «интертрепаторы ».

но фигурантов, а не посаженных за решетку. Что касается репрессированных по этому делу, то, по официальным данным МВД СССР, всего было осуждено 214 человек, из них 69 человек основных обвиняемых и 145 человек из числа близких и дальних родственников обвиняемых. Кроме того, два человека умерли в тюрьме до суда. Из имеющихся приговоров Военной коллегии и постановлений Особого совещания видно, что на самом деле к расстрелу были приговорены 23 человека, 85 осуждены на различные сроки содержания в лагерях и тюрьмах на срок от 5 до 25 лет. Один человек был помещен в психиатрическую больницу для принудительного лечения и 105 человек постановлениями Особого совещания МГБ направлены в отдаленные районы страны в ссылку на различные сроки, в основном от 5 до 8 лет. Из общего числа осужденных по этому делу 36 человек работали в Ленинградском обкоме и горкоме партии, а также в областном и городском исполкомах, 11 человек — на руководящей работе в других обкомах партии и облисполкомах, 9 человек — в райкомах и райисполкомах Ленинградской области. Именно эти сведения были указаны в докладной записке Круглова и Серова от 10 декабря 1953 г., направленной на имя Хрущева. См. ГАРФ.Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3989. Л. 63-65.

Сколь ни парадоксально, фальсификация этого дела в бешеном темпе закрутилась именно после убийства Сталина, но особенно после убийства Берии. Продолжается она и до сих пор. Дело дошло уже до абсурда. Дело на 2000 человек, из которых якобы примерно 200 были рас-

стреляны, в современном виде представляет из себя тоненькую папочку с парой десятков листиков неизвестно о чем. И это притом что одни только ордера на арест и повестки с вызовом на допросы **2000** человек должны составлять не менее **семи** томов! Постановления о заведении дела и очередного тома дела также должны были составить не менее **семи** томов! Если исходить из того, что на каждого фигуранта было заведено отдельное дело, то только суммарное количество страниц описей документов должно были составить не менее **6000** страниц, то есть, исходя из тогдашних правил ведения секретного делопроизводства, не менее **20** томов одних только описей! Но ничего подобного нет. Как нет и самого дела в его первозданном виде. То есть хрущевские и последующие фальсификаторы так поработали, едва ли не в буквальном смысле топором, что вырубили из архивов **99,9%** документов и материалов этого дела. Проще говоря, вырвали и сожгли! Причем начали процесс сжигания документов этого дела практически сразу после убийства Сталина и Берии. И три года без остановки топили печки архивными следственными и судебными делами. С 1953 по 1956 г. топили. Таковы «правдолюбцы» в нашей стране...

Вот как описывает «Ленинградское дело» известный своими инсинуациями против Сталина Радзинский. «Берия и Маленков тотчас уловили настроение Хозяина. Берия жаждет броситься на Кузнецова, курирующего его ведомства. «Собаки рвутся с поводка»... Наступил конец Вознесенского. Вчерашний «выдающийся экономист» был обвинен в том, что «созна-

тельно занижал цифры плана», что его работники «хитрят с правительством»... В последние дни сентября 1950 года в Ленинграде состоялся процесс по делу Вознесенского, Кузнецова и ленинградских партийцев. Они сознались во всех невероятных преступлениях и были приговорены к смерти. Фантастичен был финал судебного заседания: после оглашения приговора охранники набросили на осужденных белые саваны, взвалили на плечи и понесли к выходу через весь зал. В тот же день все были расстреляны».

...Описание осужденных по «Ленинградскому делу» часто несет черты апологетики, которая навеяна в основном мемуарами Никиты Хрущева, Николая Байбакова, Анастаса Микояна и воспоминаниями ленинградцев, работавших под началом Вознесенского и Кузнецова. Хрущев оценивал Вознесенского как человека «умного, резкого, прямого и смелого», Байбаков, долгое время проработавший министром нефтяной промышленности и председателем Госплана СССР, считал Вознесенского «талантливым организатором, тонким психологом экономики».

Небольшой комментарий. А что, «умный, резкий, прямой смелый, талантливый организатор и тонкий психолог экономики » не может быть заговорщиком?! И потом, разве их судили за то, что они были умными, резкими, прямыми, смелыми и талантливыми организаторами?! Их судили за конкретные государственные преступления. В рамках действовавшего тогда законодательства. Кстати говоря, именно за то время, в начале которого началась эта бодяга с мгновенной политической реабилитацией всех осужденных по «Ленинградскому делу», в ходе которой

была навязана затем и незаконная юридическая их реабилитация, Хрущев в рамках все того же законодательства усадил за решетку без малого **600 000 человек!** Сколько среди них было умных, резких, прямых, смелых и талантливых организаторов, в том числе и тонких психологов экономики — теперь уже никто не скажет! **За один год — с 5 марта 1953 г. по 5 марта 1954 г. «борец с культом личности Сталина» отправил за решетку фактически 1/6 от общего числа осужденных за контрреволюционные преступления** за **весь 30-летний период правления Сталина!** Вот какие у нас «правдолюбы» были! А мы твердили «дорогой Никита Сергеевич», «знаменательный XX съезд», «знаменитый доклад на съезде»!

... Кто же прав?... Для понимания сути «Ленинградского» дела можно выдвинуть несколько версий.

1. Предположим, что излишне подозрительный Сталин тасовал свои кадры и сам инициировал «Ленинградское дело», чтобы избавиться от быстро набирающих силы соперников. Но Сталин имел тогда громадный авторитет, и никто не посмел бы его сместить. Более того, существует мнение, что именно сам Сталин выдвигал и Кузнецова, и Вознесенского. Эта история имеет две трактовки. Согласно одной из них, на заседании Политбюро в 1947 г. Сталин обмолвился: «Время идет, мы стареем. На своем месте вижу Алексея Кузнецова...» По воспоминаниям же А.И. Микояна (хотя верить ему надо очень и очень осторожно. — *А.* М.), однажды на озере Рица Сталин будто бы сказал своим спутникам, что ввиду приближения старости думает о преемниках. Наиболее подходящей кандидатурой на должность Председателя Совета Министров считает

Николая Алексеевича Вознесенского, на пост Генерального секретаря ЦК — Алексея Александровича Кузнецова. «Как, не возражаете, товарищи?» — спросил Сталин. Никто не возразил. Интересно, что Кузнецов, бывший плотник, не имел высшего образования. Но именно Кузнецову Сталин в 1946 году поручил кураторство над репрессивными органами.

2. Допустим, что Сталин по каким-то причинам боялся оставить Вознесенского и Кузнецова своими наследниками и не стал их спасать от сотоварищей по Политбюро. Другими словами, причиной «Ленинградского дела» является борьба кланов внутри высшей партийной номенклатуры — и этот фактор действительно имел место. По мнению Судоплатова, мотивы помощников Сталина, мотивы, заставившие Маленкова, Берию и Хрущева уничтожить ленинградскую группировку, были ясны: усилить свою власть. Они боялись, что молодая ленинградская команда придет на смену Сталину. Сталин боялся не какой-либо оппозиции с их стороны, а того, что они могут крепко наломать дров после его смерти, противопоставляя Ленинград Москве, Россию — Союзу. Но, как думается, корни решения Сталина наказать группу вроде бы перспективных и энергичных руководителей уходят гораздо глубже.

3. Можно думать, что борьба за власть внутри верхушки СССР привела к тому, что обычные прегрешения были немедленно раскручены до размеров государственного преступления. Эта гипотеза имеет право на жизнь...

Небольшой комментарий. Согласен, имеет право на жизнь, но только после ознакомления с данными советской разведки, которые ясно покажут, возникает ли такое право вообще.

4. Наконец, существует и последняя гипотеза. Ленинградцев расстреляли по справедливости. Последняя гипотеза, казалось бы, имеет одно очень существенное возражение. Создается впечатление, что именно ради ленинградцев в СССР вновь вводится смертная казнь. До этого, в 1947 году, Указом Президиума Верховного Совета СССР смертная казнь была отменена. Уже в ходе следствия по «Ленинградскому делу», 12 января 1950 года, происходит восстановление смертной казни по отношению к изменникам Родины, шпионам и подрывникам-диверсантам. И согласно данному указу осужденные были расстреляны. Тем самым был нарушен один из фундаментальных принципов права — «закон обратной силы не имеет». Подобная ситуация повторится в 60-х годах, когда арестованные по делу о незаконных валютных операциях сначала были приговорены к 15-летнему сроку заключения по измененной ст. 88 УК РСФСР (хотя в момент преступления максимальный срок составлял 10 лет), а через полгода расстреляны по протесту прокурора СССР в соответствии с вновь введенной санкцией. Этот шаг очень не характерен для Сталина, добивавшегося выполнения процессуальных норм... Или же необходимо допустить, что, с точки зрения Сталина, вина ленинградцев была столь велика, что в интересах государства необходимо было их расстрелять. Проверим все эти гипотезы на соответствие реальности.

Небольшой комментарий. Прежде чем совместно с Мирониным приступить к такой проверке, позволю себе обратить внимание уважаемых читателей на одну особенность таких рассуждений ряда авторов. Даже искренне стремясь понять подлинный смысл действий Стали-

на, даже искренне стремясь показать обоснованность его действий, как правило, даже эти объективно анализирующие события прошлого авторы почему-то никак, практически ни в какой мере не учитывают фактор не на шутку разгоревшейся тогда «холодной войны». Особенно удручает то обстоятельство, что практически никто не считает нужным хоть как-то учитывать беспрецедентно резкую активизацию разведывательной и подрывной деятельности спецслужб стран Запада против СССР, особенно недавно созданного тогда ЦРУ, а также британской МИ-6 и других. Если эти авторы привели хотя бы полслова на этот счет, то их аналитические выкладки немедленно заиграли бы совершенно новыми, яркими, убеждающими и исключительно убедительными красками.

Один из известных американских публицистов, в прошлом сам профессиональный разведчик — хорошо известный историкам спецслужб Луи Фараго, отмечал, что разведывательные службы оказывали и оказывают гораздо большее влияние на ход истории, чем это представляется некоторым. **«За любым крупным событием, за спиной каждого государственного деятеля, причастного к этим событиям, стояли** (и стоят. — А. М.) **разведчики, однако авторы научных хроник — то ли из-за высокомерия, то ли из чувства брезгливости — игнорируют их вклад и редко называют их имена...»[1].** Дело, конечно, не столько в высокомерии или брезгливости «авторов научных хроник», сколько в том, что разведки редко афи-

[1] *Фараго А.* Игра лисиц. М., 1979, с. 22.

шируют свою деятельность и конкретные дела. Как правило, это происходит спустя многие и многие десятилетия, или, чаще всего, они вовсе не раскрывают суть своих операций. Обычно разведки говорят лишь о тех делах и тех операциях, а также разведчиках и агентах, о которых каким-то образом уже стало известно широкой общественности. Это вполне нормальная практика разведывательных служб всего мира. Однако и в этих случаях они говорят ровно столько, сколько позволяют соображения безопасности разведывательной деятельности, особенно соображения безопасности ценных разведчиков и агентов.

Так что нет ничего удивительного в том, что «авторы научных хроник» не говорят о роли разведок в тех или иных событиях. Особенно по «горячим следам». Иное дело, когда разведки уже официально предали гласности некоторые из своих операций. Вот тут действительно непонятно, какими соображениями руководствуются «авторы научных хроник», игнорируя официальную информацию разведывательных служб. Скорее всего это происходит из-за простого неумения адекватно историческим реалиям оперировать раскрытой разведслужбами информацией в исторических исследованиях. Это действительно повсеместное явление, резко обедняющее эти исследования, а нередко и приводящее к ложным выводам. По отношению ко всем историческим исследованиям можно сказать: разведывательная информация, тем более доложенная в свое время высшему руководству государства, являет собой эталонную информацию для контроля выводов в этих исследованиях.

Именно так обстоит дело и в тех событиях, мифы о которых мы анализируем, в том числе и с помощью отличной книги С. Миронина. С точки зрения Сталина, вина ленинградцев действительно была велика, и расстрелять их следовало, потому как слишком велико оказалось совпадение геополитических и разведывательных устремлений стран Запада и их спецслужб с тем, в чем обвинили фигурантов «Ленинградского дела». Однако же отнюдь не из-за «Ленинградского дела» была возвращена в уголовное законодательство смертная казнь.

К глубокому сожалению, хронологическое совпадение оказалось сродни полному солнечному затмению. Никто не увидел или не захотел увидеть его суть — что именно в тот период времени в руках Сталина оказались уникальнейшие и секретнейшие документы США и других стран Запада, свидетельствовавшие о небывалом развертывании подготовки к войне против СССР, о небывалом накале разведывательной и подрывной деятельности против Советского Союза. В том числе и психологической войны. Возврат смертной казни в уголовное законодательство был связан именно с этим. С теми, кто всерьез угрожал безопасности СССР, и тем более, если их действия совпадали с угрожавшими безопасности СССР планами стран Запада, Сталин никогда и ни при каких обстоятельствах не миндальничал. Реагировал крайне жестко, нередко жестоко, но всегда в высшей степени справедливо. Безопасность государства отстаивается именно так. Альтернатив нет. Точнее, существует только одна альтернатива — абсолютная по-

гибель. Но этого Сталин допустить не мог, и пока был жив — не допускал. По мере приведения данных анализа С. Миронина, параллельно будут приводиться и данные советской разведки.

НАРУШЕНИЯ ПАРТИЙНЫХ НОРМ

А началось все достаточно банально. В январе 1949 года в Центральный Комитет партии поступило анонимное письмо. В нем неизвестный сообщал, что на состоявшейся 25 декабря в Ленинграде объединенной областной и городской партийной конференции были сфальсифицированы результаты голосования. С этого на первый взгляд мало примечательного события начинается крупнейшее в послевоенной советской истории судебное дело, вовлекшее в свою орбиту не только руководителей ленинградской партийной организации, но и ряд лиц из ближайшего окружения Сталина. Проверка полученных сведений их подтвердила. Попков, Капустин и Кузнецов подтасовали партийные протоколы по избранию на ответственные должности на объединенной партконференции города и области 25 декабря 1948 года, когда 23 бюллетеня с голосами «против» были заменены на положительные для руководства. По мнению П. Судоплатова, следует помнить о менталитете идеалистически настроенных коммунистов в конце 40-х — начале 50-х. В то время самым ужасным преступлением высокопоставленного партийного или государственного деятеля была измена, но не меньшим преступлением была и фальсификация партийных выборов. Дело партии было священным, и в особенности внутрипартийные выборы тайным голосованием, которые считались наиболее эффективным инструментом внутрипартийной демократии.

РАЗБАЗАРИВАНИЕ НАРОДНОГО ДОБРА

Но нарушение партийных норм было лишь надводной частью айсберга. Вторым антинародным преступлением ленинградской группы была организация Всероссийской торговой оптовой ярмарки в январе 1949 года в Ленинграде без специального решения центральных органов. Эту ярмарку Попков и Лазутин устроили в Ленинграде с разрешения Вознесенского. 14 октября 1948 года Бюро Совмина СССР рассмотрело вопрос о разработке мероприятий по реализации остатков товаров народного потребления, скопившихся на складах Министерства торговли СССР на сумму 5 миллиардов рублей. Чуть позже Бюро принимает постановление об организации в декабре того же года межобластных оптовых ярмарок, где указанные остатки должны быть реализованы, и дает разрешение на вывоз. В действительности Совмин РСФСР в лице его председателя Н.И. Родионова проводит в Ленинграде с 10 по 20 января 1949 года Всероссийскую оптовую ярмарку с привлечением торговых организаций союзных республик.

Кузнецов, Родионов и Попков не только не получили разрешения, но и не поставили ЦК и Политбюро в известность о предстоящей ярмарке. Центральный Комитет получил извещение о работе ярмарки лишь 13 января 1949 года, то есть когда «отоваривание» (заметьте, вне фондов и это в условиях плановой экономики) уже происходило в течение трех дней. Совет Министров СССР также не принимал никаких решений по этому поводу и даже не получил извещения: были лишь решения Бюро Совмина СССР, то есть нижестоящего де-юре органа, и, следовательно, речь шла по меньшей мере о нарушениях должностной дисциплины, а фактически, вновь, — о превышении должно-

стных полномочий целой группой высших партийных и государственных работников. Таким образом, речь шла о незаконности проведения оптовой ярмарки с использованием сомнительных закулисных комбинаций, проводимых по линии личных связей с «шефом Ленинграда» Кузнецовым.

Организация ярмарки привела к разбазариванию государственных товарных фондов и неоправданным затратам государственных средств на организацию ярмарки и вывоз товаров на национальные окраины страны. Ленинградцы и Родионов, как формальный лидер России, напрямую вышли на союзные республики. Привлечение союзно-республиканских аппаратов власти и их прямые переговоры с «ленинградцами» создавали опасный прецедент обхода центральных органов в планировании. Но создание каналов снабжения в обход централизованного распределения не самый главный просчет организаторов ярмарки. Устроители ярмарки не смогли реализовать продовольственные товары, свезенные в Ленинград со всей страны, что привело к их порче и астрономическому ущербу в 4 млрд рублей. И это в условиях, когда страна только что начала отходить от страшного голода 1947 года. Уже за одно только это люди, совершившие подобный шаг, заслуживают самого серьезного наказания.

Небольшой комментарий. Откровенно говоря, шанс избежать такого ущерба был. В таких случаях нормальные хозяйственники срочно снижают цену и быстро реализуют товары. Кстати говоря, примерно за четыре года до этого такой случай был. Коллега по перу Ю.И. Мухин в своей блестящей книге «Убийство Сталина и

Берии» (М., 2007) приводит такой пример. Сразу после войны торговые организации завезли в Мурманск продовольствие в количествах, превышавших покупательную способность населения. Товар начал гнить, и тогда секретарь Мурманского обкома Прокофьев, не запрашивая разрешения Москвы, распорядился снизить цену на 20%. При разборе этого случая на Политбюро, Сталин, поняв причины, никак Прокофьева не наказал. Если не считать приписываемую Сталину шутку, что за Прокофьевым, дескать, нужно присматривать, а то он по своей инициативе еще войну кому-нибудь объявит.

Однако ни Вознесенский, ни Кузнецов не пошли по этому честному пути и тем более не доложили Сталину своевременно. Товар сгнил, а Вознесенский скрыл убытки, подправив цифры государственного плана. В ходе «Ленинградского дела» это тоже было вменено в вину Вознесенскому и Кузнецову. Но к расстрелу их приговорили не за это, точнее, не столько именно за это. Дело в том, что причинение экономического ущерба в громадных масштабах, а 4 млрд рублей не только для разрушенной войной страны, но и для преуспевающей тоже является астрономической суммой, по тогдашнему законодательству также влекло самое суровое наказание. Именно поэтому правильней говорить, что смертный приговор «ленинградцам» был вынесен не «не за это», а в первую очередь «не за это».

И вот еще о чем. 1. Будущие основные фигуранты «Ленинградского дела» оказались в центре внимания ЦК ВКП(б) при разборе нарушений, выявленных в процессе осуществления денеж-

ной реформы 1947 года. В Комитет партийного контроля поступило заявление коммуниста Трофимова об антигосударственных поступках некоторых руководящих работников Ленинграда и области при проведении реформы. Назначенная проверка установила, что действительно ряд руководящих лиц, используя служебное положение и нарушив закон, внесли вклады в сберкассы деньгами старого образца после прекращения операции. Проверкой было установлено, что на 28 декабря 1947 года по Ленинграду и области с подлогом документов было внесено вкладов на сумму свыше 900 тысяч рублей. Ленинградский горком категорически это отрицал, заявляя, что ему ничего не известно о случаях злоупотребления со стороны руководящих сотрудников. Однако если обратимся к мемуарам сталинского министра финансов А.Г. Зверева - «Записки министра» (М., 1973), то увидим, что нарушения были и виновные понесли серьезное наказание. Знаете, сталинскому наркому финансов как-то больше доверия, чем партократам.

2. Как рассказывали автору старые чекисты, каким-то образом на Западе, особенно в США, стало известно о подготавливавшейся в особо глубокой тайне иной финансовой реформе. Дело в том, что Советское правительство постановило **«прекратить с 1 марта 1950 года определение курса рубля по отношению к иностранным валютам на базе доллара и перевести на более устойчивую, золотую основу, в соответствии с золотым содержанием рубля».** Так вот именно об этой реформе в США почему-то узнали раньше, чем советские люди. А ведь, согласно этому

постановлению, курсы иностранных валют в СССР резко снижались. К материалам этой реформы был допущен чрезвычайно узкий круг лиц. Среди них были Вознесенский и Кузнецов...

РЕАКЦИЯ РУКОВОДСТВА

На Пленуме 28 января 1949 г. Кузнецов был освобожден от обязанностей секретаря и в февраля 1949 г. назначен секретарем Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б), которое существовало лишь на бумаге. 7 марта 1949 г. он был выведен из состава Оргбюро. Уже 15 февраля 1949 года Политбюро принимает постановление, где квалифицирует всю совокупность фактов как противогосударственные действия названных лиц и непартийные методы. В Постановлении говорится, что они **"являются выражением антипартийной групповщины, сеют недоверие... и способны привести к отрыву Ленинградской организации от партии, от ЦК ВКП(б)".** 22 февраля 1949 года состоялся объединенный пленум Ленинградского обкома и горкома партии. На нем с большой речью выступил Маленков. Он заявил, что руководство ленинградской партийной организации знало о фальсификации, но скрыло этот факт от ЦК. Более того, по его словам, **обком превратился в опорный пункт для борьбы с Центральным Комитетом, культивирует сепаратистские настроения, стремится к созданию самостоятельной Российской Коммунистической партии.** Пленум исключил из партии председателя счетной комиссии конференции Тихонова, одобрил решение ЦК об отстранении от должности первого секретаря ОК и ГК Попкова, объявил выговор Капустину, наложил ряд партийных взысканий на других лиц, причастных к фальсификации результатов выборов.

Небольшой комментарий. Вот это и есть квинтэссенция причины, приведшей к очень суровому приговору. Вновь обратимся к упомянутой выше книге Мухина. Он особо указывает на то, что у Сталина были расхождения с Лениным по поводу устройства государства. Сталин считал, что республики не должны были по Конституции иметь право выхода из СССР. Но Ленин настоял на своем. Впоследствии Сталин к этому вопросу не возвращался. Целостность СССР определяла правящая партия — ВКП(б), а она по национальному признаку не могла разделиться технически. В ее составе были национальные компартии всех республик, кроме России. У России своей компартии не было, коммунисты России — это и была ВКП(б) — коммунисты России и были коммунистами всего СССР сразу. Они были цементом, скрепляющим ВКП(б) и, следовательно, СССР. **«Так вот, Вознесенский и Кузнецов затеяли тайно созвать в Ленинграде съезд и объявить отдельную российскую компартию. Видимо, надоело им ждать, пока Сталин умрет, захотелось самим побыстрее стать вождями». Мухин полагает, что «они недоучли, что их действия наносят ущерб неприкосновенности территории СССР, что предусмотрено ст. 58 УК РСФСР. Кстати, Уголовный кодекс защищал целостность только всей территории СССР, а не отдельных ее республик. Так что любая попытка к выделению республики уже трактовалась как ущерб неприкосновенности всей территории СССР. А вычленение из ВКП(б) российской компартии — это**

прямая подготовка к расчленению СССР. Так что Вознесенскому, считавшему себя самым умным после Сталина, Уголовный кодекс можно было время от времени и почитать. Здоровее был бы. Заметим, что попытка Вознесенского с Кузнецовым — это первая после войны попытка расчленить СССР, и шла эта попытка из партийного аппарата ВКП(б), а не из государственного аппарата республик!».

Здесь следует иметь в виду одно обстоятельство. Впервые ленинградская группа обратилась к Сталину с предложением о создании Бюро ЦК по РСФСР еще в сентябре 1947 года. Причем случилось это в период работы созданной по Постановлению Политбюро Комиссии по выработке новой программы ВКП(б). Главную роль в этой комиссии играли А.А. Жданов и Н.А. Вознесенский. Кстати говоря, Сталин требовал от них создания социально ориентированной программы, предусматривавшей значительную демократизацию советского строя. То есть опять потихоньку стал готовить серьезную реформу взамен той, что из-за партократии провалилась еще в 1937 году.

К слову сказать, в высшем звене партийного аппарата хорошо была известна позиция Сталина по вопросу о территориальной целостности СССР. Еще в 1937 году, на обеде у Ворошилова в связи с очередной годовщиной революции, Сталин сказал: **«Русские цари... делали одно хорошее дело — сколотили огромное государство до Камчатки. Мы получили в наследство это государство. И впервые мы, большевики, сплотили и укрепили это государство как единое, неделимое государство, не в интересах помещиков и**

капиталистов, а в пользу трудящихся, всех народов, составляющих это государство. Мы объединили государства таким образом, что каждая часть, которая была бы оторвана от общего социалистического государства, не только нанесла бы ущерб последнему, но и не могла бы существовать самостоятельно и неизбежно попала бы в чужую кабалу. Поэтому каждый, кто пытается разрушить это единство социалистического государства, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, он враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, был бы он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью...»

Попытка же Вознесенского и Кузнецова вела к вычленению из единого целого, коим являлся Советский Союз, его станового хребта — России. Едва ли нужно объяснять, что без станового хребта не существует единого целого. Кстати говоря, то же самое произошло и на глазах нашего поколения, когда пьяный сброд всевозможных шакалов, подонков и прочих политических проституток под названием народные депутаты приняли 12 июня 1990 г. декларацию о независимости России. От кого независимость-то?! А уже в августе 1991 года СССР стал разваливаться на куски, а с 25 декабря 1991 года и вовсе приказал долго жить. А начиналось-то в послевоенное время с попытки Вознесенского и Кузнецова.

А теперь посмотрите на геополитические и разведывательные устремления Запада именно в этот период. Говорят добытые советской раз-

ведкой документы (заранее хочу предупредить, что встречающееся в тексте документов слово «Россия» в западном разумении того времени означает СССР):

1. Из директивы Совета Национальной Безопасности США№ 20/1 от 18 августа 1948 года: «Наших основных целей в отношении России в действительности только две:

а) Свести силу и влиятельность Москвы до тех пределов, когда они уже не представляют угрозы для мира и стабильности международного сообщества;

Небольшой комментарий к п. "а". Это очень подлая и наглая формулировка, так как к этому моменту США прекрасно знали, что Советский Союз никакой угрозы миру и международной стабильности не представляет. Что, кстати говоря, и было зафиксировано в ряде аналитических документов для высшего руководства США. Тем не менее янки есть янки — сами себя они убеждают только заведомой ложью.

б) Осуществить базовые изменения в теории и практике международных отношений действующего правительства России.

Если эти две цели будут достигнуты, то проблема, с которой сталкивается наша страна в своих отношениях с Россией, будет сокращена до размеров, которые можно считать нормальными».

Далее в директиве говорится, что нынешние руководители Советского Союза не станут рассматривать предлагаемые Западом концепции. И вслед за этим подчеркивается, **«что для того чтобы подобные концепции стали доминировать**

в русском коммунистическом движении, потребовалась бы, учитывая нынешние обстоятельства, интеллектуальная революция внутри этого движения, что было бы равнозначно изменению его политической индивидуальности и отказу от базовой цели... Такие концепции могли бы стать доминирующими в русском коммунистическом движении, только если, в результате длительного процесса перемен и разрушений, это движение переживет те толчки, которые дали ему жизнь и жизненную силу, и приобретет совершенно иное значение в мире, чем то, которое оно имеет сегодня».

Прекрасно представляя степень ответственности за посягательства на Советский Союз, составители директивы далее указали: **«... Мы... не должны испытывать чувство вины, добиваясь разрушения концепций, несовместимых с миром и стабильностью в мире, и замены их концепциями терпимости и международного сотрудничества** (то есть на диктат Запада. — *А.* М.). **Мы не обязаны просчитывать внутренние перемены, к которым может привести принятие подобных концепций... равно как не должны чувствовать ответственности за эти перемены. Если советские руководители решат, что растущее преобладание более прогрессивных концепций международных отношений несовместимо с существованием их внутренней власти в России, то это их ответственность, а не наша. Это дело их собственной совести и совести людей Советского Союза. Мы имеем не только моральное право, но и моральную обязанность трудиться над повсеместным приня-**

тием достойных и дающих надежды концепций международной жизни (то есть диктата Запада. — А. М.). **При этом мы имеем право не стесняться в средствах с точки зрения внутренних улучшений».**

... Наше первое намерение в отношении России в мирное время — поощрять и способствовать невоенными средствами постепенному сокращению чрезмерной русской силы и влиятельности...

Мы должны способствовать любыми имеющимися в нашем распоряжении средствами развитию в Советском Союзе институтов федерализма, которые позволили бы возродить национальную жизнь... (проще говоря, в столь нехарактерной для туповатых янки элегантно изысканной форме речь идет о разжигании национального сепаратизма. — А. М.).

«...С нашей стороны необходима концентрация усилий для создания благоприятных условий, чтобы воспользоваться преимуществом советских ошибок и появившихся трещин, а также способствовать стойкому ухудшению структуры морального влияния, которое кремлевские власти оказывают на людей...

Чрезвычайно любопытно также, что в добытой еще в конце 40-х гг. прошлого века советской разведкой одной из первых инструкций находившейся на полном содержании США радиостанции «Свободная Европа» предлагалось: **«...Используйте прием натравливания одного народа на другой, одной группы населения на другую...»** А состоявшаяся в конце 1952 г. сессия Совета НАТО, как доку-

ментально установила советская разведка, вообще вменила в обязанность совместным органам блока и отдельным странам-участницам **«по-настоящему пропагандировать антисемитизм в странах Восточной Европы (с учетом возможной негативной реакции в западных кругах)»**. Вот так **Запад** стремился **«ухудшить структуру морального влияния, которое кремлевские власти оказывают на людей»**. Проще говоря, проводившаяся Кремлем политика дружбы и взаимоподдержки народов, прежде всего Советского Союза, категорически не устраивала Запад.

«...Мы стремимся к созданию обстоятельств и ситуаций, с которыми было бы трудно справиться нынешним советским руководителям и которые были бы им не по душе. Возможно, что им не удастся, перед лицом этих обстоятельств и ситуаций, удержать свою власть в России. Но повторим еще раз: это их дело, а не наше... Если ситуации, на которые направлены наши намерения в мирное время, действительно возникнут и окажутся несовместимыми с существованием внутренней советской власти и заставят советское правительство сойти со сцены, мы будем наблюдать за этими переменами без сожаления; но мы не должны чувствовать себя ответственными за их поиск или их осуществление».

В этом пункте особенно проглядывает влияние испокон веку страдающей крайне агрессивной русофобией Великобритании. Дело в том, что в основе этого пункта лежит нехарактерный для тупых янки метод «заговор против заговора (за-

говор внутри заговора)». Это один из наиболее классических методов борьбы Великобритании с окружающим миром, который на языке спецслужб называется **«заговор в заговоре»** (или **«заговор против заговора»).** Его использование — наивысший «пилотаж» в глобальной мировой борьбе. Британская разведка виртуозно владеет им. Она невероятный мастер на подобные фортели — ведь пять веков шлифует свое искусство. Да и наставники у нее в свое время были суперасы тайных методов глобальной борьбы за мировое господство.

Сам же метод зародился во времена свирепо ожесточенной борьбы Реформации и Контрреформации в Англии. Его принципиальная схема предусматривала тайное агентурное проникновение в ряды сторонников контрреформации для сбора информации, чтобы затем, используя промахи, некомпетентность и тщеславие эмиссаров контрреформации, не столько даже разоблачать чужие планы, сколько, парируя, направлять вражеские заговоры в русло интересов британского правительства. Центральное место в этой «технологии» заняло негласное содействие провалу вражеских заговоров по сценарию, который был выгоден правительству Англии в тот или иной момент. Кровавая «премьера» этого метода состоялась без малого пять столетий назад. «В XVI веке начальник английской секретной службы лорд Берли и его ближайший помощник Уолсингем решили устранить претендентку на престол Марию Стюарт. Но как это сделать? Взять и просто ее репрессировать — нельзя. Было решено "помочь" ей организовать заговор против королевы Елизаветы.

В окружение Марии внедрили агента Джифорда[1]*. Он умело подтолкнул людей Марии на организацию заговора и помог его разоблачить. «Гэкачеписты» XVI века, в том числе Мария Стюарт, были казнены». В истории спецслужб это классический пример метода* ***«заговор в заговоре»***[2]**.**

Тупоголовые, особенно в те времена, янки этим методом не владели (как, впрочем, не владеют и до сих пор — для этого надо обладать чрезвычайно коварно изощренным британским умом, но никак не прямыми, как границы американских штатов, извилинами мозга). Подсказка пришла явно из Великобритании. Не случайно же именно она и возглавила все интеллектуальное руководство психологической войной против СССР в послевоенное время.

«Чем меньшая территория останется в распоряжении такого режима, тем легче будет задача выдвижения условий, удовлетворяющих наши интересы... Мы должны требовать... условий, призванных предоставить необходимую свободу, или федеральный статус...»

Далее в директиве идут разделы **«Разделение»** и **«Выбор новой правящей группы». В** разделе **«Разделение»** речь идет о методах и техно-

---

[1] Джилберт Джифорд, 1561 г. р., к моменту начала операции ему было всего 24 года, был тесно связан с иезуитскими кругами Франции, однако с осени 1585 г. уже состоял в агентурной сети британской секретной службы, а с декабря 1585 г. работал на английскую разведку под личным контролем Уолсингема, по указанию которого был ликвидирован в 1589 г. (то есть через два года после казни Марии Стюарт. — *А.М.)* Четко вписывается в рамки одного из наиважнейших принципов британской внешней политики — принципа «выигрыша последнего сражения ».

[2] *Качановский Ю.* На откосе// Советская Россия, 1996,3 августа. № 89. Подробнее см.: *Черняк Е.Б.* Секретная дипломатия Великобритании. Из истории тайной войны. М., 1975, с. 104—118.

логии отсечения Украины от России и России от Украины. К слову сказать, все, что произошло между Украиной и Россией, начиная с 1991 года, в потрясающе абсолютной точности соответствует положениям этого раздела.

Ну, и как же должны были реагировать Сталин и органы госбезопасности на фокусы «ленинградцев», если действия последних укладывались в русло положений директивы главного противника о борьбе с Советским Союзом?!

И вот что удивительно. В политике совпадений практически никогда не бывает. Разве что сверхъестественные. Но этот случай не из таких. Дело в том, что с 1946 года один из главнейших фигурантов «Ленинградского дела» — А.А. Кузнецов — являлся партийным куратором органов госбезопасности, в том числе, естественно, и разведки. То есть он знал об этих устремлениях Запада...

ШПИОНАЖ

Но на этом дело не окончилось. В материалах «Ленинградского дела» четко прослеживается и шпионский след. В свое время второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) Яков Капустин, находясь в 1935—1936 годах на стажировке в Англии, где изучал паровые турбины, вступил в интимную связь с англичанкой-переводчицей. Однажды муж — англичанин, внезапно вернувшийся домой, застал свою жену и Капустина в костюмах Адама и Евы. Разразился скандал, который стал предметом разбирательства партийной организацией советского торгпредства в Лондоне. В то время дело спустили на тормозах.

Но летом 1949 года госбезопасность СССР получила достоверную информацию о том, что Капустин в то время был завербован английской разведкой. 23 июля 1949 года Капустин был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Англии. Очень быстро Капустин признал факт его вербовки английской разведкой в Лондоне. Конечно, можно фантазировать о пытках, которым подвергли Капустина, но если вспомнить о методах работы английской разведки, то вполне вероятно, что тот случай с неожиданным возвращением мужа был ею специально организован. Пока материалы дела не опубликованы (да и будут ли они когда-нибудь опубликованы), очень трудно судить, был ли Капустин завербован или нет. По крайней мере Абакумов не сомневался в этом. В донесении от 1 августа 1949 года Абакумов написал Сталину: **«...есть веские основания считать Капустина агентом Британской разведки...»**

Небольшой комментарий. Не нужно фантазировать на счет пыток, которым якобы подвергли Капустина. И даже ждать публикаций материалов дела Капустина не надо. Надо только хорошо помнить, что в британской разведке был один из самых наиценнейших агентов советской разведки — легендарный Ким Филби, который возглавлял работу МИ-6 на советском направлении. И уж кому-кому, но ему-то точно была известна агентура британской разведки на советской территории. Кстати говоря, это далеко не первый случай, когда представители великолепной «кембриджской пятерки» информировали Москву об английской агентуре в СССР. Так, в конце 1940 года со второго раза наконец-то был вычислен и ликвидирован один из наиболее цен-

ных агентов МИ-6 в СССР, который был ответственным сотрудником секретариата члена Политбюро А.И. Микояна. Более того. Подобное в разведывательной практике далеко не редкость. Вспомните хотя бы недавние дела, связанные с агентами советской разведки, а затем и агентами Службы внешней разведки России О. Эймсом и Р. Хансеном, с «помощью» которых ЦРУ лишилось более чем десятка ценнейших агентов в СССР и России.

Так что не надо удивляться категоричности донесения Абакумова. Он написал чистейшую правду, так как за этими его словами стояла серьезная разведывательная информация. Гадать же остается по поводу другого: в какой мере британская разведка знала о тайных планах группы Вознесенского—Кузнецова и если знала, что скорее всего, то в какой мере она управляла действиями этой группы, хотя бы и втемную, и согласовывала ли свои действия с янки? Вот что важно! Но этого никто никогда не узнает, поскольку ни при каких обстоятельствах подобную информацию не откроют. Не рушить же легенду о «невинно убиенных кристально честных партийцах»!

4 августа Капустин называет фамилии еще двух участников заговора. Затем Капустин признал, что в Ленинграде сложилась антисоветская, антипартийная группа во главе с членом Политбюро ЦК ВКП(б), заместителем Председателя Совета Министров СССР Вознесенским, секретарем ЦК ВКП(б) Кузнецовым, которому поручено по линии ЦК наблюдение за органами государственной безопасности, председателем Совета Министров РСФСР Родионовым и первым сек-

ретарем Ленинградского обкома и горкома партии Попковым. Что в эту группу помимо него, Капустина, входили второй секретарь Ленинградского обкома и горкома партии Турко, председатель Ленгорисполкома Лазутин, заведующая орготделом Ленинградского обкома партии Закржевская. Как оказалось, всего с этой группой в той или иной степени связаны, твердо ее поддерживая, более 75 человек из среды ленинградского партийного актива. Не забудем, что международная обстановка в то время была очень серьезной.

ГРУППОВЩИНА

Госбезопасность продолжала расследование и обнаружила еще немало удивительных для того времени фактов. Одни из них были найдены в Музее обороны Ленинграда. Напомню, что музей был торжественно открыт в Соляном городке у Фонтанки в мае 1946 года. Создавать его начали еще во время блокады, сперва сделали выставку, потом ее превратили в постоянный музей. Анфилады залов бывшей в 1870 году Всероссийской промышленной выставки заполнили прославленные самолеты Ленинградского фронта, подлинные дневники блокадников, трофеи, диорамы, военные карты, картины блокадных художников, скульптуры, макеты городских укреплений, блокадных квартир, хлебозаводов... Всего тридцать семь тысяч экспонатов, или, как говорят, единиц хранения. Музей обороны преподносил блокаду как героическую эпопею, как подвиг ленинградцев, жителей города и воинов Ленфронта, руководимых партией Ленина — Сталина.

Но больше всего выпячивалась роль «ленинградских руководителей». Портреты руководителей Ленинграда в годы блокады, того же Попкова, Кузнецова, Капусти-

на и других, преобладали в экспозиции. Портрет секретаря Ленинградского обкома Попкова был равен по величине портрету Сталина. В те годы символов за размерами можно было увидеть определенные знаки и намерения. Роль ЦК партии в спасении Ленинграда, по сути, замалчивалась. Совершенно игнорировались и факты о том, что Ленинград был абсолютно не готов к блокаде. Это стало причиной гибели почти половины его населения. И Кузнецов, как главный организатор обороны города, в числе других представителей высшего партсостава несет свою долю ответственности за это.

В довершение всего в музее нашли оружие. Апофеозом розыскных мероприятий стало обнаружение и изъятие пороха, зарытого в оружейной мастерской. Это теперь можно рассуждать, что мол «ничего удивительного в том, что он попал в музей, нет — экспонаты привозили порой с фронта "горяченькими". Порох, конечно, следовало передать специалистам или сжечь, но какой-то умник, из-за лени, зарыл его в оружейной мастерской». А в те трудные годы везде виделась диверсия.

По мере расследования стала вырисовываться очень интересная картина. Оказалось, что негласно в стране формировалась своеобразная ленинградская мафия. Пробившись во власть, выходцы из Ленинграда тянули за собой знакомых, сослуживцев и земляков и расставляли их на ключевых государственных и партийных постах. Так, Кузнецов в 1945 году выдвинул Попова, бывшего директора авиазавода, секретарем Московской парторганизации, и Попов стал членом Оргбюро ЦК и секретарем ЦК ВКП(б) одновременно. Все главные фигуранты «Ленинградского дела», кроме Родионова, имели прочные связи с Ленинградом, где проруководили немалое время. Еще летом 1948 года партийная орга-

низация города Ленинграда и области в лице ее руководителя П.С. Попкова обратилась к первому заместителю Председателя Совета Министров СССР, члену ПБ ЦК ВКП(б) Н.А. Вознесенскому с предложением взять «шефство» над Ленинградом. Вознесенский ответил отказом, однако не доложил в Политбюро об инциденте. Как оказалось, подобные разговоры велись также с А.А. Кузнецовым, членом Оргбюро, секретарем ЦК по кадрам.

Таким образом, негласно формировалась малая спаянная внутрипартийная группа, члены которой открыто поддерживали друг друга и имели явных лидеров в верхах. Это сейчас стало нормальной практикой тащить за собой в верха своих знакомых и земляков. Один Путин сколько их натаскал! А в те трудные годы Сталин жестоко боролся с проявлениями групповщины и кумовства.

Когда в 1948 году Жданов умер, Попов потребовал, чтобы министры, как члены партии, подчинялись ему, как главе Московского комитета партии. Маленков, стремясь убрать Попова, интерпретировал это его требование как свидетельство заговора и появления независимого центра власти в Московской парторганизации. Конечно, можно оспорить эту оценку, но Маленков был не одинок. Мнение Маленкова было поддержано министрами, которые жаловались Сталину, что Попов постоянно вмешивался в их работу. По сути, Жданов и Кузнецов осуществляли двойной контроль над членами правительства: через Попова и через Центральный Комитет.

Небольшой комментарий. Нечто подобное пытался сделать Ельцин, став секретарем Московского комитета партии. В этом одна из причин его конфликта с аппаратом ЦК.

Такие вещи в те годы вполне могли быть интерпретированы как попытка раскола компартии с помощью организации оппозиционного центра в Ленинграде. Вот выдержка из письма Политбюро членам ЦК ВКП(б): "В настоящее время можно считать установленным, что в верхушке бывшего ленинградского руководства уже длительное время сложилась враждебная партии группа, в которую входили Кузнецов А., Попков, Капустин, Соловьев, Вербицкий, Лазуткин. В начале войны, и особенно во время блокады Ленинграда, группа Кузнецова, перетрусив и окончательно растерявшись перед сложившимися трудностями, не верила в возможность победы над немцами. Группа Кузнецова вынашивала замыслы овладения руководящими постами в партии и государстве. Во вражеской группе Кузнецова неоднократно обсуждался и подготовлялся вопрос о переносе столицы РСФСР из Москвы в Ленинград".

Вполне возможно, что эту группу еще в 1938 г. начал сколачивать член Политбюро Жданов, планировавшийся Сталиным на должность Генерального секретаря, если он, Сталин, вдруг уйдет в отставку по состоянию здоровья, и неожиданно умерший в 1948 году. Но данная версия из области фантазий (хотя чем черт не шутит). Скорее всего, именно перевод Кузнецова в Москву привел к консолидации в верхнем эшелоне власти ленинградской группы, в которую вошли секретарь ЦК Жданов, председатель Госплана Вознесенский, первый секретарь Ленинградского обкома партии Попков и примыкавший к ним председатель Совета Министров РСФСР Родионов.

13 августа 1949 года Кузнецов был арестован в кабинете Г.М. Маленкова. В этот же день на его квартире произвели обыск. По свидетельству сына, Кузнецова обвинили также в том, что сам Кузнецов утверждал, что в Политбюро много нерусских. Кроме того, было уста-

новлено, что Кузнецов, Попков, Капустин, Лазутин, Турко, Закржевская и Михеев расхищали государственные средства и пользовались ими для личного обогащения. В обвинительном заключении на прошедшем в 1950 году суде говорилось, что Кузнецов — «обманным путем пробравшись в ЦК ВКП(б)... повсюду насаждал своих людей — от Белоруссии до Дальнего Востока и от Севера до Крыма». Родионов, например, предлагал не только создать Компартию Российской Федерации, но и учредить собственный российский гимн и флаг — традиционный триколор, но с серпом и молотом. Поэтому намерения сделать более самостоятельной в рамках СССР Российскую Федерацию, поднять роль Ленинграда и Ленинградской области, передав «северной столице» некоторые функции центральной власти, а в будущем сделав даже столицей РСФСР, были налицо. Причем повышение статуса Российской Федерации мыслилось ими не как возрождение подлинных принципов федерализма, а как средство укрепления позиций своего домена — Ленинграда. На том же суде были вскрыты факты демагогического заигрывания с Ленинградской организацией, охаивание ЦК ВКП(б)... в попытках представить себя в качестве особых защитников интересов Ленинграда, в попытках создать средостение между ЦК ВКП(б) и Ленинградской организацией и отдалить таким образом организацию от ЦК ВКП(б)». Попков и Капустин публично, до суда и ареста, признали, что их деятельность не укладывалась в партийные нормы и носила, таким образом, антипартийный характер.

НАРУШЕНИЯ ПЛАНОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Но и это еще оказалось не все. В Совет Министров СССР (а его председателем был Сталин) поступила

докладная записка заместителя председателя Госснаба М.Т. Помазнева о занижении Госпланом СССР (председатель Н.А. Вознесенский) контрольных цифр плана промышленного производства СССР на I квартал 1949 года. В Госплан была направлена комиссия ЦК, которая провела проверку деятельности Госплана в период его руководства Вознесенским и обнаружила, что при активном участии Вознесенского и Родионова планирование и распределение материальных фондов проводилось на основе личных предпочтений в ущерб интересам государства. Предпочтение отдавалось тем областям, у руководства которых находились их единомышленники, снижали для них через Вознесенского задания государственных планов. Другими словами, используя свои административные возможности в Госплане, Вознесенский активно сколачивал группу своих протеже, которым облегчалась карьера. Вопрос рассматривался на заседании Совета Министров. Сталин назвал подобные факты следующим образом: «попытка подогнать цифры под то или иное предвзятое мнение есть преступления уголовного характера». В результате появилась протокольная запись: «Тов. Вознесенский неудовлетворительно руководит Госпланом, не проявляет обязательной, особенно для члена Политбюро, партийности в руководстве Госпланом и в защите директив правительства в области планирования, неправильно воспитывает работников Госплана, вследствие чего в Госплане культивировались непартийные нравы, имели место антигосударственные действия, факты обмана правительства, преступные факты по подгону цифр и, наконец, факты, которые свидетельствуют о том, что руководящие работники Госплана хитрят с правительством».

Эта комиссия кроме факта занижения плана развития промышленности доказала, что Вознесенский виновен в насаждении в Госплане ведомственных тенденций, засорении кадров, возвеличивании и поддержании связи с ленинградской антипартийной группой. Комиссия Совета Министров СССР показала, что Вознесенский «не проявляет обязательной, особенно для члена Политбюро, партийности в руководстве Госпланом и в защите директив правительства в области планирования, неправильно воспитывает работников Госплана, вследствие чего в Госплане культивировались непартийные нравы, имели место антигосударственные действия, факты обмана правительства, преступные факты по подгону цифр и, наконец, факты, которые свидетельствуют о том, что руководящие работники Госплана хитрят с правительством».

Вознесенский всячески содействовал продвижению на высокие посты «своих » людей, в расчет при этом брались не деловые качества, а принадлежность к так называемой «ленинградской группе». Вознесенскому инкриминировали «обман государства », или, выражаясь современным языком, очковтирательство. Стремясь облегчить себе жизнь, Вознесенский умышленно занизил план промышленного производства с тем, чтобы позднее рапортовать руководству о его перевыполнении. Такие действия, да еще со стороны человека, которого Сталин ставил в пример, вызвали у него крайнее возмущение. Госплан, не раз повторял он, — это генеральный штаб экономики, который должен быть абсолютно объективным и честным, иначе порядка в стране не навести.

Вот фрагменты Постановления Политбюро о Госплане СССР от 5 марта 1949 г.: «Правительство СССР неоднократно указывало на то, что главнейшей зада-

чей Госплана является обеспечение в государственных планах роста и развития народного хозяйства, выявление имеющихся резервов производственных мощностей и борьба со всякого рода ведомственными тенденциями к занижению производственных планов. Являясь общегосударственным органом для планирования народного хозяйства СССР и контроля за выполнением государственных планов, Госплан СССР должен быть абсолютно объективным и на сто процентов честным органом; в работе его совершенно недопустимо какое бы то ни было вихляние и подгонка цифр, ибо попытка подогнать цифры под то или другое предвзятое мнение есть преступление уголовного характера".

Однако в результате проверки, произведенной Бюро Совета Министров СССР в связи с запиской Госснаба СССР (т. Помазнева) о плане промышленного производства на I квартал 1949 года, вскрыты факты обмана Госпланом СССР Правительства, установлено, что Госплан СССР допускает необъективный и нечестный подход к вопросам планирования и оценки выполнения планов, что выражается прежде всего в подгонке цифр с целью замазать действительное положение вещей, вскрыто также, что имеет место смыкание Госплана СССР с отдельными министерствами и ведомствами и занижение производственных мощностей и хозяйственных планов министерств.

В ходе проверки Председатель Госплан СССР т. Вознесенский, первый заместитель Председателя т. Панов, начальник сводного отдела народнохозяйственного плана т. Сухаревский вместо признания антигосударственных действий, допущенных Госпланом, упорно пытались путем подгонки цифр скрыть действительное положение вещей, показав тем самым, что

в Госплане СССР имеет место круговая порука, что работники Госплана СССР, нарушая государственную дисциплину, подчиняются неправильным порядкам, установленным в Госплане СССР.

Смыкаясь с отдельными министерствами, Госплан СССР стал занижать планы по ряду отраслей промышленности. По мнению О. Петровой, нужно помнить, «что существовала практика курирования Председателем Совета Министров и каждым из его заместителей ряда министерств, это распределение оформлялось официальным документом — Постановлением Совета Министров СССР. Заместитель Председателя не только имел властные полномочия в наблюдаемых министерствах, но и отвечал перед Правительством и Политбюро за их работу. Вознесенский курировал министерства авиационной промышленности, тяжелого машиностроения, автомобильной промышленности, станкостроения, судостроения, финансов, строительства военных и военно-морских предприятий, а также Госбанк, Главное управление государственных материальных резервов, Главное управление трудовых резервов и Комитет по учету и распределению рабочей силы. «Своим» министерствам план занижался, а «не своим», например, нефтяной промышленности и МВД — завышался. Важно, что, изменяя план, группа Вознесенского в Госплане нарушала **натуральные пропорции** в народном хозяйстве, то есть вела к дефициту одних продуктов и «избытку» других. Делалось ли это сознательно, с целью разбалансирования всего хозяйства, или же «просто» для «облегчения жизни» «своим» — вопрос второстепенный.

Небольшой комментарий. Далеко не второстепенный это вопрос. У Сталина была прекрас-

ная память, и он отлично помнил дело «Промпартии». Еще при анализе мифа о якобы сфальсифицированности дела «Промпартии» указывалось, что руководители этой организации Л.К.Рамзин и В.А.Ларичев поздней осенью 1928 г. находились в служебной командировке в Париже, где выступили перед руководителями Торгпрома. С большим докладом к присутствующим обратился Л.К. Рамзин. Он сообщил своим слушателям, что их организация насчитывает свыше двух тысяч человек, что они проникли во все области советской промышленности и активно проводят на практике тщательно, научно разработанный план вредительства, дабы воспрепятствовать осуществлению смелого и грандиозного пятилетнего плана в целях скорейшей индустриализации СССР. **«Один из наших методов,** — воодушевленно докладывал профессор, — **это метод минимальной стандартизации, что тормозит экономическое развитие страны и снижает темпы индустриализации. Далее существует метод создания диспропорции между отдельными отраслями народного хозяйства, а также между отдельными участками одной и той же отрасли. И, наконец, метод "омертвления капитала", иначе говоря, вложения капитала либо в совершенно ненужное строительство, либо в такое, которое может быть отложено на долгий срок, так как в нем нет в настоящий момент нужды».** Далее профессор Рамзин выразил особое удовлетворение результатом, полученным методом **«омертвления капитала». «Этот метод,** — подчеркнул он, — **имел в виду задержать ход индустриализации. Без сомнения, он**

понизил общий уровень экономической жизни страны, что вызвало недовольство широких масс населения».

Естественно, что эти данные немедленно всплыли в могучей и цепкой памяти Сталина, особенно в свете данных разведки. Дело в том, что, согласно упомянутой выше директиве Совета Национальной Безопасности № 20/1 от 18.8.1948 г., **США поставили задачу об инспирировании «условий, призванных создать серьезную экономическую зависимость» СССР от внешнего мира!** А создать серьезную экономическую зависимость от внешнего мира такого автаркичного в экономическом смысле государства, как СССР, можно только за счет постоянного создания диспропорций в экономике, в результате чего вал дефицита захлестывает и возникает потребность во внешней помощи (совсем недавно мы все на своей шкуре испытали это).

Здесь надо иметь в виду еще и то обстоятельство, что для создания диспропорций в экономике, тем более для искусного их создания, необходимо располагать чрезвычайно детальной экономической информацией, особенно региональной. И вот что любопытно в этой связи. Еще на волне роста собственного авторитета в предвоенные годы Вознесенский сумел убедить Сталина в необходимости создания института Уполномоченных Госплана по важнейшим экономическим районам страны, который был введен постановлением СНК СССР и ЦКВКП(б) от 21 марта 1941 года. Их статус был закреплен в Положении о Госплане. Уполномоченные обладали небольшим, но очень квалифицированным аппаратом сотрудников. Они не подчинялись мест-

ным органам власти и потому могли объективно и глубоко вникать в суть проблемы. Они выполняли наиболее важные, требующие рассмотрения на месте поручения Госплана и Правительства СССР. Доклады Уполномоченных рассматривались на самом высоком уровне. Это была своего рода личная экономическая разведка Вознесенского внутри страны. Именно Уполномоченные представляли ценнейшие аналитические данные об истинном положении на местах. И, обратите внимание, что этих Уполномоченных Госплана в стране было 25.

Подобные действия квалифицировались тогдашним Уголовным кодексом РСФСР как тяжкие государственные преступления. Напомню содержание статьи 58 УК РСФСР в этой части (по важности для данного случая):

Статья 58/1 Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституцией союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, или к подрыву и ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции.

58/7. Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или

противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемой в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций, влекут за собой — меры социальной защиты, указанные в ст. 58/2 настоящего Кодекса.

58/2. Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры, влекут за собой — высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества.

Современным сторонникам Вознесенского придется признать, что Вознесенский либо сознательно вредил, либо он был абсолютно некомпетентен, и, будучи председателем Госплана, не знал основных законов планового хозяйства. Так как Вознесенский окончил Институт Красной профессуры, был доктором экономических наук и даже действительным членом Акаде-

мии наук СССР, написал ряд статей и книгу «Военная экономика СССР в годы Отечественной войны», то вариант с абсолютной некомпетентностью кажется маловероятным.

ПРЕСТУПНАЯ ХАЛАТНОСТЬ (Халатность ли это? — А. М.)

Но и это оказалось не все. В Госплане СССР, которым руководил Вознесенский, за период с 1944 по 1949 год было утрачено значительное количество документов, составляющих государственную тайну СССР. Оказалось, что виноват Вознесенский. Судя по отсутствию комментариев на сей счет из комиссии по реабилитации так называемых жертв репрессий, возглавлявшейся Яковлевым, косвенно молено сделать вывод о серьезности пропажи документов. Приведем один архивный документ.

Записка о пропаже секретных документов в Госплане СССР

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 135. Д. 16. Л. 83-89)

22 августа 1949 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Пономаренко П.К.

В Госплане СССР концентрируется большое количество документов, содержащих секретные и совершенно секретные сведения государственного значения, однако сохранность документов обеспечивается неудовлетворительно. Учет документов организован плохо, размножение их производится часто бесконтрольно. Секретные и совершенно секретные документы иногда оставляются в рабочих столах, пересылаются от одного работника к другому без соответствующего оформления. Значительное количество документов, поступающих в Госплан, не регистриру-

ется. Отсутствие надлежащего порядка в обращении с документами привело к тому, что в Госплане СССР в 1944 г. пропало **55** секретных и совершенно секретных документов, в 1945 г. — *76,* в 1946 г. — **61,** в 1947 г. — **23** и в 1948 г. — **21,** а всего за 5 лет недосчитывается **236** секретных и совершенно секретных документов.

В числе документов, утраченных в 1944 г., **значатся:**

Государственный план восстановления и развития народного хозяйства на 1945 г. (план капитальных работ), № 18104, на 209 листах.

Основные показатели плана производства (цветные металлы), фактическое выполнение плана за 1940 и 1943 гг., ожидаемое выполнение за 1944 г. и проект плана на 1945—1946 гг., № 9007—1, на 4 листах.

Проект постановления ГОКО о восстановлении промышленности и городского хозяйства в гор. Ленинграде, № 2152, на 28 листах.

О поставке металлорежущего оборудования предприятиям Наркомчермета во II кв. 1946 г., № 261, на 10 листах.

Полученный из СНК СССР проект о восстановлении черной металлургии юга, № 8353, на 10 листах.

О плане производства промышленной продукции и вводе в действие новых энергетических мощностей по Наркомату электростанций в IV кв. 1944 г., № 8654, на 5 листах.

Выписка из проекта постановления о перспективном плане строительства электростанций, № 9023, на 2-х листах.

Проект плана по труду на 1944 г., № 3002, на 7 листах.

В числе документов, утраченных в 1945 г., значатся:

О расчетах нефтеперевозок на 1945 г., № 128, на 3 листах.

В документе приводятся данные о пропускной способности нефтепроводов и об объеме перевозок по железнодорожному, морскому и речному транспорту.

Перспективный план восстановления народного хозяйства в освобожденных районах СССР, № 1521, одна книга.

О пятилетнем техническом плане на 1946—1950 гг., № 7218, на 114 листах.

О плане перевозок нефти и нефтепродуктов в 1945 г. водным транспортом, № 166, на 6 листах.

Об организации производства радиолокационных станций, № 4103, на 6 листах.

Записка о плане восстановления железнодорожного транспорта в 1946—1950 гг., № 7576, на 4 листах.

Баланс основных видов оборудования в пятилетнем плане 1946—1950 гг., № 7737, на 7 листах.

О развитии добычи марганцевой руды на рудниках Чиатурмарганец, Наркомчермета, № 2663, на 10 листах.

Записка о дальнейшем развитии механизации сельского хозяйства, № 1568, на 61 листе.

О покупке в США за наличный расчет оборудования, недопоставленного американцами, № 557, на 15 листах.

Проект постановления ГОКО о вывозе оборудования из гор. Швибос № 2739, на 2 листах.

Письмо и проект распоряжения об организации производства корпусов морского снаряда 152 мм на бывшей немецкой судоверфи в Шихау, № 11736, на 6 листах.

Записка к перспективному плану заготовок сельскохозяйственных продуктов на 1946—1950 гг., № 6676, на 8 листах.

Постановление ЦК ВКП(б) об издании учебников для школ Украинской ССР в 1945 г., № 5, на 1 листе.

Перечень вопросов, составляющих государственную тайну и подлежащих засекречиванию в аппаратах уполномоченных Госплана СССР, № 3134, экз. № 2.

Инструкция по ведению секретной и совершенно секретной переписки работниками Госплана, № 3132, экз. № 17.

В числе документов, утраченных в 1946 г., значатся:

Записка к материальным балансам и планам распределения на 1947 г., № 6676, на 21 листе. В записке содержатся совершенно секретные данные: о нефтепродуктах, цветных металлах, вещевом снабжении армии.

Баланс и план распределения материальных фондов (цветных металлов и кабельных изделий на IV кн. 1946 г.), № 4124, на 95 листах.

Перечень поправок к пятилетнему плану на 1946—1950 гг., № 363, на 39 листах. В документе приводятся отчетные данные по добыче нефти и производству всех видов нефтепродуктов, по меди черновой, рафинированной, свинцу, цинку, алюминию, магнию, никелю и ртути за 1940 и 1945 гг., а также планы добычи на 1946—1950 гг.

Справка о поправках Министерства цветной металлургии к проекту народнохозяйственного плана на III кв. 1946 г., № 3026, на 2 листах. В справке содержатся данные о плане на 1946 г. и приводятся отчетные данные по производству свинца, кобальта, меди рафинированной и численности производственных рабочих по отраслям за III кв. 1945 г.

О плане распределения нефтепродуктов на III кв. 1946 г., № 2402, на 3 листах. В документе приводятся данные о плане на II кв. 1946 г. и проекте плана на

III кв. 1946 г. В числе других нефтепродуктов приведены данные по авиабензинам и авиамаслам.

Заключение по предложениям производственных отделов Госплана об увеличении лимита капитальных работ и объема строительно-монтажных работ на 1947 г., № 6439, на 10 листах. В документе приведено общее количество предприятий, занятых производством средств радиолокационной техники.

Комплексный план материально-технического обеспечения по НКвоенморфлоту, НКтяжмашу, НКхимпрому, НКтрансмашу, НКуглю, НКнефти и НКлесу, № 931, на 26 листах.

Комплексный план материально-технического обеспечения Наркомцветмета, Наркомхимпрома и НКВД на I кв. 1946 г., № 391, на 88 листах.

Записка и проект постановления о балансах и планах распределения черных и цветных металлов на II кв. 1946 г., № 1497, на 3 листах.

Баланс черных металлов на III кв. 1946 г., № 2372, на 12 листах.

Об итогах выполнения народнохозяйственного плана за январь 1946 г., № 1063, на 12 листах.

Справка о советско-иностранных предприятиях за границей, № 675, на 4 листах. В справке указано количество советских и советско-иностранных предприятий в Германии, Маньчжурии, Корее с количеством работающих на них (без указания профиля предприятия).

Записка о состоянии демонтажа, вывоза и использования оборудования и материалов с немецких и японских предприятий, № 3072, на 4 листах.

Справка о потребности в донецком, кузнецком и челябинском углях по отдельным маркам и сортам на 1947 г. по Минавиапрому, № 34963, на 1 листе.

Баланс и план распределения черных металлов на II кв. 1946 г., № 1138, на 18 листах.

Баланс жидкого топлива (смазочные масла) на III кв. 1946 г., № 2387, на 112 листах.

Проект постановления об общем плане перевозок по железнодорожному, речному и морскому транспорту на сентябрь 1946 г., № 2037, на 2 листах.

В числе документов, утраченных в 1947 г., значатся:

Справка о дефицитах по важнейшим материальным балансам, в том числе: по цветным металлам, авиационному бензину и маслам, № 6505, на 4 листах.

Справка о запасах топочного мазута в госрезерве, № 6187, на 1 листе.

О росте производительности труда и заработной платы в промышленности за время войны, № 1246, на 17 листах.

Отчет о работе радиолокационной промышленности за первое полугодие 1947 г. (утрачена 11-я страница), № 11807.

В числе документов, утраченных в 1948 г., значатся:

Записка в правительство о мерах по развитию нефтяной и угольной промышленности в 1947 г., № 522, на 10 листах. В записке имеются данные о добыче нефти за 1940—1947 гг., о бурении скважин и вводе их в эксплуатацию, о капиталовложениях, строительстве, мощностях и приведена дислокация нефтеперерабатывающих заводов (авиационного бензина и авиационных масел).

Письмо Министерства морского флота о перевозках за 1947 г. и проект плана перевозок на 1948 г., № 2424, на 4 листах.

Записка о выполнении народнохозяйственного плана в январе 1948 г., № 865, на 13 листах.

Проект плана по труду на 1949 г. по министерствам машиностроения, № 3619, на 4 листах.

Проект постановления о балансе и плане распределения черных металлов, № 53, на 6 листах.

Проект постановления о балансе и плане распределения лесных материалов на 1948 г., № 703, на 4 листах.

В нарушение действующей инструкции по обеспечению сохранения государственной тайны, секретный отдел незаконно списывал утраченные документы с работников, за которыми они значились, и не ставил в известность МГБ СССР о пропаже секретных и совершенно секретных документов. Списывались документы, главным образом, по указанию зам. председателя Госплана т. Купцова, ведающего работой секретного отдела. Ни один из сотрудников, виновных в утрате государственных документов, не был привлечен к суду, как этого требует закон. Абсолютное большинство виновных не понесли никакого наказания даже в административном порядке. Уничтожение секретных документов производится в Госплане без соблюдения установленных правил. В 1944 г. начальник 3-го отделения секретного отдела Бесчастнов с группой сотрудников составил акт об уничтожении большого количества документов, при этом 33 документа, числящихся по акту уничтоженными, оставил у себя и бесконтрольно хранил до конца 1946 г. Среди этих документов имелись: пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг.; пятилетний план восстановления и развития железнодорожного транспорта на 1946—1950 гг.; материалы по балансу и распределению фондов электроэнергии, твердого и жидкого топлива, черных и цветных металлов на II кв. 1946 г., данные о накоплении в госрезерве нефтепродуктов и другие.

Руководство Госплана не провело никакого расследования этого преступного дела и ограничилось объяв-

лением Бесчастному выговора. Более того, Бесчастнов позже был выдвинут на должность зам. начальника секретного отдела. В настоящее время Бесчастнов уволен из Госплана, причиной к увольнению послужило также и то обстоятельство, что он давал противоречивые сведения о своем отце, проживающем в США.

Следует также отметить, что архив Госплана СССР содержится в беспорядке, размещен в тесном и неудобном для работы помещении. Архив не имеет ни одного квалифицированного архивиста, который мог бы заниматься систематизацией и обработкой материалов, имеющих большое народнохозяйственное значение. Хранение и учет важнейших государственных документов в архиве Госплана не исключают возможности злоупотреблений секретными архивными материалами.

Считаю совершенно необходимым проведение официального расследования обстоятельств пропажи в Госплане СССР секретных документов.

Вопрос о наведении порядка в работе секретного отдела поставлен перед т. Сабуровым. Принимаются меры по укреплению секретного отдела кадрами.

В настоящее время секретное делопроизводство в Госплане проверяется сотрудниками МГБ СССР.

Такая же записка мною направлена тов. Маленкову Г.М.

Уполномоченный ЦК ВКП(б) по кадрам в Госплане СССР Андреев.

Небольшой комментарий. На документе имеется резолюция (автограф): «Тов. Сазонову. Пономаренко». 10 сентября Сазонов сообщил Пономаренко, что «по записке Уполномоченного ЦК ВКП(б) по кадрам в Госплане СССР т. Андреева о порядке учета и хранения секретных и со-

вершенно секретных документов в Госплане СССР и о пропаже значительного количества этих документов состоялось специальное решение Совета Министров СССР от 25.VIII. 1949 года. Поручено специальной комиссии расследовать причины пропажи документов» (РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 135. Д. 16. Л. 90).

По этой записке к Вознесенскому появляются вопросы уже у Комиссии партийного контроля. Вознесенский отвечает отпиской, основное содержание которой сводится к «не знаю, не видел», в тех же случаях, где притвориться забывчивым не удается, Вознесенский оправдывается всевозможными рассуждениями.

Вот текст отписки Вознесенского.

Записка Н.А. Вознесенского И.В. Сталину о пропаже секретных документов в Госплане СССР

(АП РФ.Ф. 3. Оп. 54. Д. 26. Л. 78-91.)

1 сентября 1949 г.

ЦК ВКП(б)

товарищу Сталину И.В.

Сегодня меня вызвали в КПК (Комитет партийного контроля. — *А.М.)* к тов. Шкирятову и сообщили, что проверкой в Госплане установлена пропажа за последние 5 лет 236 секретных и совершенно секретных документов, что в Госплане не было порядка в хранении секретных документов, а лица, виновные в их пропаже, не отдавались под суд, как того требуют советские законы. В связи с этим даю свое объяснение ЦК ВКП(б).

1) Из фактов, о которых мне напомнили в КПК или сообщили, так как некоторые из них мне не были

известны, я, конечно, вижу и признаю, что в Госплане был серьезный беспорядок в хранении секретных документов, порядка, которого требует закон, там не было, и виновные в потере документов не привлекались к суду. Мне было известно из сообщений тов. Купцова о том, что в Госплане имели место факты утери документов: во время войны, когда в Госплане была массовая проверка сохранности документов, в 1948 году, когда была представлена записка т. Купцовым, а также по отдельным его сообщениям.

2) Почему же я не принял решения о привлечении виновных к суду, а ограничился административными взысканиями и не сообщил об этих фактах в ЦК и Правительство? Когда я пытаюсь осмыслить причины такого проступка, мне приходится разграничить вопрос: почему я не сделал этого тогда и как я понимаю это дело теперь? Тогда мне казалось, что поскольку нет данных, что документы использованы для разглашения государственной тайны и что о фактах недостачи документов, как мне говорил Купцов, он сообщает в Министерство Госбезопасности, я думал, что можно поверить объяснениям виновных и ограничиться административными взысканиями. Теперь я понимаю, что этот обывательский подход недопустим, что я допустил большую вину перед ЦК и Правительством, что нельзя субъективным толкованием подменять закон, что их надо выполнять неукоснительно и что только суд и следствие компетентны решать данный вопрос. Все это теперь мне ясно потому, что после моего снятия с работы, ценой больших переживаний я ликвидировал свою болезнь — самонадеянность и самомнение, что все отношение к партийным и советским решениям, конечно, стало по-настоящему обостренным и бдительным.

3) Все сказанное относится и к документу Купцова от 5.05.1948 года, где он сообщал об отсутствии ряда документов, числящихся за разными ответственными работниками Госплана. Моя вина в том, что, давая поручения Панову, Купцову и Орешкину, я не дал прямого указания о привлечении виновных к суду, а когда Купцов докладывал мне этот вопрос еще раз устно, уже не предлагая передавать дело в суд, я снова не проявил достоинства руководителя и не предложил поступить строго по закону. В этом я допустил нетерпимую беспечность и самонадеянность; других мыслей и намерений у меня не было. Что касается практики «списывания» не найденных секретных документов по резолюциям Купцова, с которыми я впервые ознакомился в КПК, то заявляю, что такой практики я не заводил, о ней не знал и был в полной уверенности, что на каждый не найденный документ составляется надлежащий акт.

4) В нарушение соответствующей инструкции, в Госплане руководство секретным отделом было возложено на зам. председателя т. Купцова, а не на меня, как руководителя учреждения. В этом я нарушил инструкцию, но никакого умысла здесь не было; мне казалось, что Купцов больше сделает для наведения порядка, располагая большим временем и понимая вопросы секретного делопроизводства. Как раньше, так и теперь, я, конечно, понимаю, что в конечном счете ответственность несет руководитель учреждения. Понятно, также теперь, что все меры, принимаемые в Госплане к наведению порядка в хранении документов, были недостаточны, так как не выполнено основное — виновные не привлекались к суду.

5) Хочу объяснить также вопрос о потере документов в секретариате председателя Госплана, о чем мне сообщил тов. Шкирятов. Заявляю, что мне об этом не

было известно. Напротив, зав. секретариатом председателя Госплана Филатов, в бытность мою председателем Госплана, заявлял мне, что все документы, числящиеся за секретариатом, в порядке; Купцов, или кто другой, также не сообщали мне о пропаже документов. После снятия меня с работы, б[ывший] зав. секретариатом в Сов[ете] Министров Колотов говорил мне, что он полностью рассчитался, а за Филатовым числятся какие-то два второстепенных документа. Поэтому это сообщение т. Шкирятова для меня было совершенно неожиданным. Что касается двух документов (Косяченко и Любимова), то они находились у меня в Совете Министров, пользовался ими только я: запиской Косяченко о денежном обращении в связи с подготовкой и проведением денежной реформы и справкой Любимова о соотношении производства боеприпасов в период первой и второй мировых войн — при работе над итогами военной экономики. Когда я уходил из Совета Министров, эти документы, как и многие другие, я передал Колотову для возвращения.

Вот что могу сообщить по этому тяжелому делу, в котором я допустил большую вину.

Обращаюсь в ЦК ВКП(б) и к Вам, товарищ Сталин, и прошу Вас простить мне мою вину, изложенную здесь. Наказание, которое я уже получил, и нахождение длительное время без работы настолько потрясло и переродило меня, что я осмеливаюсь просить Вас об этом и поверить, что Вы имеете дело с человеком, который извлек уроки и понимает, как надо соблюдать партийные и советские законы.

Н. Вознесенский».

Эти рассуждения с претензией на искреннее раскаяние выглядят неприлично для руководителя такого

уровня, они не сошли бы даже курсанту, если бы он покрывал друга, потерявшего методичку «для служебного пользования». По результатам проверки КПК Вознесенского исключают из ЦК ВКП(б), и дело передают следственным органам. Но разбирательство по делу не ограничилось только организационными мерами.

11 сентября 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) решило:

1. Утвердить представленные КПК при ЦК ВКП(б) предложения по вопросу о многочисленных фактах пропажи секретных документов в Госплане СССР.

Небольшой комментарий № 1. Представленные КПК при ЦК ВКП(б) предложения включали следующие меры:

1. За нарушение советских законов об охране государственной тайны и создание в аппарате Госплана СССР разлагающей обстановки попустительства виновникам утери секретных документов Вознесенского Н.А. исключить из состава членов ЦК ВКП(б).

— В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9.VI. 1947 г. и ввиду особой серьезности нарушений закона в Госплане СССР, предать суду Вознесенского, как основного виновника этих нарушений, а также бывшего заместителя председателя Госплана Панова, заместителя председателя Госплана Купцова, нач. отдела кадров Орешкина и начальника 5-го отдела Госплана Белоуса, которые несут ответственность за пропажу секретных документов и за непринятие мер к сохранности секретных документов.

— Предложить Генеральному прокурору СССР т. Сафонову произвести необходимое

следствие по делу пропажи секретных документов в Госплане СССР.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1078. Л. 20,166—169.

2. Решение об исключении Вознесенского Н.А. из состава членов ЦК ВКП(б) внести на утверждение Пленума ЦК. **РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1078. Л. 20, 166—169.**

Небольшой комментарий № 2. Обратите внимание на одно обстоятельство. Наибольшее количество секретных и совершенно секретных документов пропало в промежутке с 1944 г. по 1946 г. — соответственно **55, 76** и **61.** То есть **81,4%** всех установленных пропаж приходится именно на этот период. Между тем именно в это время Сталин пытался договориться с США о займах для восстановления разрушенного войной народного хозяйства СССР! И подробные данные о советской экономике ох как интересовали американцев. Американский исследователь Дж. Гэддис в вышедшей еще в 1972 г. книге **«США** и возникновение "холодной войны" **1941—1947»** с непревзойденным мастерством показал всю подлость американской позиции в этом вопросе: «14 сентября 1945 г. делегации под руководством председателя комитета (специальный комитет конгресса по послевоенной экономической политике и планированию. — *А. М.)* Уильяма М. Колмера... была оказана честь: Сталин принял ее. Колмер заявил советскому лидеру, что его комитет знает о желании России получить заем от США. Как, он хочет знать, Советы используют средства, как вернут их и что может Вашингтон ожидать взамен?.. Делегация... сделала отчет государ-

ственному секретарю Дж. Бирнсу (тому самому, который в том же сентябре 1945 г. открыто угрожал СССР атомной бомбой. — *А. М.*), а затем совещалась с Трумэном (президент США. — *А*. М.).

Группа Колмера подчеркнула в беседах с обоими, что **необходимо "ужесточить наш подход к Советской Республике". Комитет Колмера был готов одобрить американский заем Советскому Союзу при условии, что русские примут определенные обязательства. Они должны сообщить, какая доля их производства идет на вооружение. Они должны сообщить важнейшие данные о советской экономике и дать возможность проверить точность этих данных. Советский Союз не должен оказывать помощи в политических целях Восточной Европе и доложит содержание его торговых договоров с этими странами. Как в СССР, так и в странах Восточной Европы, находящихся под контролем, Кремль должен гарантировать полную защиту американской собственности, право распространять американские книги, журналы, газеты и кинофильмы. Наконец, Соединенные Штаты должны настаивать на выполнении русскими политических обязательств на тех же условиях, как и другие правительства».**

А летом 1946 года в Москву заявилась следующая делегация из США — делегация по вопросам репараций во главе с крупным нефтепромышленником Э. Поули. Основная задача делегации заключалась в том, чтобы ознакомить советские органы с принципом «первой заимки». Если исходить из содержания книги американского историка Д. Ерджина **«Потрясенный мир»**

(1977), то речь шла о следующем: «Репарации из текущей продукции, то есть из продукции германской экономики, снижаются до минимума. Экспорт из этой продукции сначала идет на оплату товаров, ввозимых с Запада, а только потом на репарационные поставки Востоку. Германия включается в многосторонний, находящийся под американским контролем мировой экономический порядок до выплаты репараций советскому союзнику».

Обратим особое внимание на то, что относится к нашему анализу. Поразительнейшим образом именно то, что особенно интересовало США, тематически точно совпадает с содержанием тех документов, которые пропали в период с 1944 по 1946 г. Кстати говоря, то же самое и по всем фактам пропажи секретных документов. Попутно хочу обратить внимание читателей на следующее. Чтобы так ставить вопрос о распределении репараций, надо было очень точно знать их роль в восстановлении народного хозяйства СССР. Кроме того, обратите внимание на требование американцев не только предоставить точную информацию о советской экономике, но и дать возможность проверить точность этих данных. Естественно, что на переговорах Сталин говорил о разрухе в советской экономике в целом. Точных данных, тем более секретных, не сообщал. А американцы в этом были крайне заинтересованы. И вот из Госплана исчезают документы, способные ответить на интересующие янки вопросы...

А теперь особое внимание содержанию выдержки из справки ЦК ВКП(б) от 25 апреля

1950 г. о проверке кадров Госплана в связи с выявленными фактами пропажи секретных документов: **«Во главе многих управлений и отделов были поставлены недостаточно квалифицированные, а в ряде случаев нечестные работники, неспособные защищать директивы партии и правительства в области планирования народного хозяйства. Следует отметить, что в числе работников Госплана имелась значительная группа лиц, поддерживавших письменные связи со своими близкими родственниками, проживающими за границей, главным образом в США, исключавшихся из партии за антипартийные взгляды, поддерживавших связи со своими ближайшими родственниками, осужденными за контрреволюционные преступления»** (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 135. Д. 38. Л. 1—10).

Но и это еще не все. Обратите внимание также и на следующее совпадение. Упоминавшуюся выше ярмарку в Ленинграде будущие основные фигуранты «Ленинградского дела» провели с 10 по 20 января 1949 года. Между тем, как указывалось выше, к **1 сентября 1948 года** был разработан новый план нападения на СССР — **«Флитвуд»,** который также предусматривал массированные атомные бомбардировки СССР. Согласно этому плану, война должна была начаться не позднее **1 апреля 1949 года!** Во исполнение этого плана командование американских ВВС разработало оперативный план **САК ЕВП-149,** в котором были определены задачи и цели этого варварства, а также составлены навигационные карты для экипажей для осуществления бомбардировок одновременно 70 городов

Советского Союза. Карты были розданы до 1 февраля 1949 года. К концу 1948 года и этого показалось мало. Заокеанские подонки разработали новый план **«Сиззл» («Испепеляющий удар»),** ставший бессмысленным плагиатом плана **«Чариотир», так как полностью его повторял.**

Так вот, когда навигационные карты, где были указаны объекты атомных бомбардировок, оказались в Москве (естественно, совместно с самими этими планами), то оказалось, что объекты-то выбраны на редкость точно. И что же прикажете думать по этому поводу, если в Госплане пропало огромное количество секретных документов, в которых эти объекты прямо фигурировали?! Еще во введении к пятитомнику, а также во второй книге прямо говорилось о том, что у внутренней антисталинской оппозиции была неистребимая привычка координировать свои действия с угрозой нападения извне! На 1 апреля 1949 г. назначено нападение на СССР, а как куратор органов госбезопасности, Кузнецов это знал, и слет единомышленников они с Вознесенским провели уже в середине января 1949 года!

Но Сталин был именно тем самым необычайно проницательным и опытнейшим политиком, который мгновенно ухватывал самые тончайшие взаимосвязи... Судя по всему, оттого и был столь суровый приговор.

Далее. Сталин серьезно озаботился не только ситуацией в Госплане, но и политической обстановкой вокруг Вознесенского.

Вознесенский пытался «нести свои идеи в массы», но делал он это по-особому. Заручившись поддержкой сторонников в журнале «Большевик», Вознесенский стал пропагандировать свою книгу всеми способами. Вот что об этом говорится в записках о результатах проверки работы журнала «Большевик»: «Проверка показала также, что сотрудники редакции журнала «Большевик» включали в статьи авторов различные цитаты без должной к тому необходимости. Кроме известного случая со статьей т. Андрианова, цитаты из книги Н. Вознесенского «Военная экономика СССР» были вписаны в статьи П. Тапочка «Сочетание личных и общественных интересов при социализме» (№ 6 за 1948 г.) и А. Морозова «Обнищание трудящихся в капиталистических странах» (№ 16 за 1948 г.).

Выясняя причины произвольного включения т. Кошелевым цитаты из книги Н.А. Вознесенского в статью т. Андрианова, я должен сказать, что у экономистов, работавших в «Большевике», было непомерное преувеличение политического и теоретического значения книги Н.А. Вознесенского. Главным носителем мнения об особом политическом значении этой книги был т. Гатовский, работавших до сентября 1948 г. зав. экономическим отделом журнала «Большевик», а затем привлекавшийся в качестве консультанта по некоторым статьям на экономические темы. В январе 1948 г. по поручению редакции т. Гатовский написал рецензию на книгу Н.А. Вознесенского для журнала «Большевик», в которой непомерно превозносил значение этой книги. На замечания членов редколлегии о том, что оценочные формулировки книги надо дать поскромнее, т. Гатовский отвечал, что эти формулировки уже опубликованы в печати, и он не может ме-

нять их... После опубликования рецензии т. Гатовского в журнале «Большевик» он похвалялся некоторым сотрудникам журнала, что его рецензия была с одобрением встречена в Госплане. Очевидно, что, составляя рецензию, Гатовский заботился не столько об интересах теории, об интересах читателей, сколько о том, как на эту рецензию посмотрят в Госплане. С книгой Н.А. Вознесенского т. Гатовский носился, как с самым авторитетным пособием. Когда сотрудники редакции обращали внимание т. Гатовского на неправильность или неясность некоторых формулировок его статьи, он на это отвечал, что так написано в книге Н.А. Вознесенского. Понятно, что т. Гатовский не сдерживал авторов от неуместного цитирования положений из книги Н.А. Вознесенского, он одобрял статьи, в которых обильно цитировалась эта книга. Так, например, т. Гатовский дал положительное заключение о статье работника Госплана Сорокина, которая изобилует цитатами из книги Н.А. Вознесенского (статья опубликована в № 24 журнала «Большевик» за 1948 г.) В этом отношении под влиянием т. Гатовского оказался и работник экономического отдела журнала т. Кошелев, который до сих пор считает, что цитирование в статьях, опубликованных в «Большевике», книги Н.А. Вознесенского как теоретического первоисточника было нормальным явлением, что де «так все делали». Т. Кошелев отрицает, что кто-либо подсказывал ему включить цитату из книги Н.А. Вознесенского в статью т. Андрианова. Включение этой цитаты т. Кошелев объясняет тем, что он хотел «улучшить статью». Следует отметить, что зам. главного редактора журнала т. Кузьминов, занимавшийся статьями по экономическим вопросам, не противостоял тенденции к насаждению без всякой надобности в ста-

тьях цитат из книги Н.А. Вознесенского, и сам в своих статьях привел несколько цитат из этой книги. На вопрос о том, для чего он привел цитаты из указанной книги, т. Кузьминов ответил, что цитирование не вызывалось необходимостью изложения вопросов темы, но что он опасался упреков в игнорировании книги Н.А. Вознесенского. Это беспринципное объяснение показывает, что при подготовке статьи т. Андрианова т. Кузьминов и не мог воспрепятствовать Кошелеву включить цитату, совершенно не имевшую отношения к делу. То есть редакция не только публиковала в первую очередь статьи с восхвалением книги Вознесенского, но и вставляла цитаты из нее в статьи авторов, которые и не думали цитировать Вознесенского.

Сама книга «Военная экономика СССР» ничем не примечательна — хороший статистический сборник с лозунгами и цитатами вместо выводов и рекомендаций. Если же прочитать ряд статей Вознесенского разного периода, что нетрудно — в 60—70-е годы его активно печатали, — то можно увидеть, насколько большую роль он отводит в строительстве коммунизма рыночным методам и хозрасчету в частности. Конечно же, и реверансы в сторону коммунизма есть, и цитат из классиков марксизма предостаточно, но хозрасчет «всплывает» на каждом этапе от конца нэпа до последней страницы. Например, в статье «Хозрасчет и планирование на современном этапе» он пишет: Хозрасчет мы не только не можем уничтожать, но обязаны его укреплять. Текущее хозяйственное положение сделало хозрасчет особенно актуальным... Мы должны перевести на хозрасчет каждый цех, каждую бригаду... Каждая хозрасчетная единица имеет твердые оборотные средства». Заканчивается статья выводом: «Итак, наш общий вывод ясен: хозрасчет — мощный

рычаг осуществления большевистских темпов, мощный рычаг социалистического планирования (выделено Вознесенским)». Эта статья была написана в конце 1931 года. А вот фрагмент из статьи 1939 года: «Хозрасчетные отношения необходимы в период социализма... Вот почему необходимо вести денежный счет плановых показателей». То есть Вознесенский и его ученики считали, что на каком бы этапе ни находилась экономика СССР, на каждом — именно хозрасчет был самым нужным, важным и актуальным».

Небольшой комментарий. Вся эта идеологическая возня Вознесенского и вокруг Вознесенского не могла не вызвать у Сталина сильных ассоциаций с Бухариным конца 1920-х гг. Тогда все происходило точно так же. Сам Коля Балаболкин выступал как якобы теоретик, особенно в области политэкономии, пачками печатал всякие труды и статьи, а его сторонники на всех углах превозносили несуществующий разум «вечного путаника». Кончилось все подпольной антигосударственной организацией, судебным процессом и расстрелом.

Естественно, что Сталин не мог игнорировать подобное явление в послевоенный период. Тем более он не мог игнорировать то обстоятельство, что в послевоенное время разведка все чаще стала докладывать документальные данные о планах идеологической подрывной деятельности против СССР, в том числе и об особых усилиях по взращиванию так называемого еретического коммунизма и осуществлению внутренних изменений в советской системе. Выше цитировалась директива СНБ США № 20/1 от 18.8.1948 г.,

где говорилось: «для того чтобы подобные концепции стали доминировать в русском коммунистическом движении, потребовалась бы, учитывая нынешние обстоятельства, **интеллектуальная революция внутри этого движения, что было бы равнозначно изменению его политической индивидуальности и отказу от базовой цели».** Так вот в том-то все и дело, что идеологическая возня Вознесенского и вокруг Вознесенского очень уж смахивала на некую попытку осуществления некой «интеллектуальной революции».

Более того. Уже под конец войны и особенно в первые послевоенные годы Запад стал всерьез задумываться не только о том, что будет в СССР в постсталинское время. Запад уже тогда начал многоходовые и многоуровневые маневры и тайные операции в расчете на то, чтобы хоть как-то повлиять на выбор нового лидера СССР. Прежде всего в том смысле, чтобы он был бы более податлив влиянию Запада, а еще лучше был бы «своим» для Запада. Подчеркиваю, эта идея овладела высшим эшелоном политической элиты Запада еще тогда, и западные разведки в поте лица своего без устали трудились в попытках решить эту сложнейшую задачу. Одновременно были задействованы самые хитроумные и сверхтайные каналы международного политического масонства. А уж это-то может натворить такое, что потом КГБ, ЦРУ, МИ-6 и Моссад даже совместными усилиями и то не разгребли бы...

И над решением этой наисложнейшей задачи Запад бился вплоть до 1985 года, пока не усадил в кресло генерального секретаря своего человека,., внос- ив

ледствии нобелевского комбайнера «Михаила-меченого». Известный в прошлом диссидент, впоследствии философ-державник, ныне, к сожалению, покойный Александр Зиновьев как-то проговорился: «В 1979 году (в то время он находился в эмиграции. — А. М.) на одном из моих публичных выступлений, которое так и называлось: "Как иголкой убить слона?", мне был задан вопрос, какое место в советской системе является, на мой взгляд, самым уязвимым. Я ответил: то, которое считается самым надежным, а именно — аппарат КПСС, в нем ЦК, в нем Политбюро, в последнем Генеральный секретарь. ***"Проведите своего человека на этот пост, — сказал я под гомерический хохот аудитории, — и он за несколько месяцев развалит партийный аппарату и начнется цепная реакция распада всей системы власти и управления. И как следствие этого начнется распад всего общества"».***

И тут же А.Зиновьев добавил: ***«Пусть читатель не думает, будто я подсказал стратегам "холодной войны" такую идею. Они сами до этого додумались (вон еще когда задумались-то — под конец войны и в первые послевоенные годы. — А. М.) и без меня. Один из сотрудников "Интеллидженс сервис" говорил как-то мне, что они (то есть силы Запада) скоро посадят на "советский престол" своего человека». Им и стал М.С. Горбачеву «естественно»у после той незабываемой для него встречи с Маргарет Тэтчер еще в 1984 году, то есть за год до избрания генесеком ЦК КПСС.***

Что же касается хозрасчета, то здесь следует иметь в виду, что Сталин никогда не отрицал его серьезное экономическое значение. Об этом говорилось еще в четвертой книге. Но Сталин

никогда не делал из хозрасчета особого экономического фетиша и уж тем более не превозносил его на каждом шагу. Ведь это всего лишь одно из средств эффективного хозяйствования. У Вознесенского же и его прихлебателей получалось, что хозрасчет чуть ли не основа всей экономической жизни. А отсюда, между прочим, всего лишь один шаг до рыночной экономики. Причем при такой фетишизации хозрасчета в условиях общенародной собственности и планового хозяйства неизбежно их фронтальное столкновение не на жизнь, а на смерть. Потому как рано или поздно, но проблема эффективности хозрасчета неминуемо уперлась бы в проблему изменения статуса собственности. А это грозило уже откровенным подрывом самих экономических основ советской власти. Мог ли Сталин допустить такое?! Ответ, надо полагать, очевиден.

По распоряжению Сталина Маленков, Берия и Булганин допросили Вознесенского и пришли к выводу, что он виновен в предъявленных ему обвинениях. 7 марта 1949 года Вознесенский был снят с государственных постов и выведен из состава Политбюро ЦК. Дело Вознесенского было передано на рассмотрение Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б).

Здесь к предыдущим обвинениям добавляют «самовозвеличивание» и «поддержание связей с ленинградской антипартийной группой». 9 сентября 1949 года председатель КПК Шкирятов направляет в Политбюро предложение вывести Вознесенского из состава ЦК ВКП(б) и привлечь к судебной ответственности. Три дня спустя Пленум ЦК утверждает это предложение. Но

когда, казалось бы, решение принято, все готово для расправы и неизбежный арест должен последовать незамедлительно, Вознесенского неожиданно оставляют в покое. Лишь 27 октября 1949 года его арестовали. К этому времени он успел написать толстую рукопись книги «Политическая экономия коммунизма».

С каждым месяцем следствие выявляло все новых ставленников ленинградской группы. Арестовывались все новые и новые люди, секретари райкомов, председатели райисполкомов, работники горисполкома, затем стали брать директоров крупных заводов, трестов. Перекинулись на ленинградцев, которых после войны направили в Новгород, Мурманск, Горький, Рязань, Симферополь. Я не хочу сказать, что они все безусловно были виноваты. Но при раскручивании следствия в условиях распространенности доносительства имеются свои законы жанра. Очень многие сами выявляли своих врагов.

СУД

Более года шло следствие. Бывший заместитель начальника Следственной части по особо важным делам МГБ полковник Владимир Комаров, арестованный вместе с Абакумовым, на допросе рассказал, как это было: «В Ленинград поехал я и еще десять следователей... Перед отъездом в Ленинград Абакумов меня строго предупредил, чтобы на суде не было упомянуто имя Жданова. "Головой отвечаешь", — сказал он. Но все прошло как надо. Имя канонизированного к тому времени Жданова на процессе не прозвучало». 26 сентября обвинительное заключение официально утвердил Главный военный прокурор А.П. Вавилов. Судебный процесс решено было проводить в Ленинг-

раде. 29 сентября 1950 года в помещении окружного Дома офицеров на Литейном проспекте открылась выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР. В состав коллегии вошли три генерал-майора юстиции под председательством И.Р. Муталевича. Дело слушалось без участия государственного обвинителя и защитников. Расследование «ленинградского дела» держал под постоянным контролем Маленков, он же будто бы неоднократно присутствовал на допросах арестованных. Следственную группу непосредственно возглавлял полковник Комаров, который впоследствии признал (под давлением следователей-хрущевцев), что по приказанию Абакумова лично избивал Вознесенского, а следователи Сорокин и Питовранов применили такие же меры грубого физического воздействия к Кузнецову. По свидетельству С. Берии, М. Маленков, будучи секретарем Центрального Комитета партии, лично в 1950 году занялся организацией в Москве «особой тюрьмы» для ведения в ней следственных политических дел. К делу организации «особой тюрьмы» были привлечены работники отдела административных органов ЦК КПСС, а для следственной работы были привлечены работники КПК при ЦК КПСС. О ходе организации «особой тюрьмы» и ее деятельности докладывали непосредственно Маленкову, в тюрьме был установлен правительственный телефон-вертушка... Были случаи, когда при выходе из кабинета Маленкова в здании ЦК КПСС арестовывались руководящие работники. Например, бывший секретарь ЦК КПСС А.А. Кузнецов, бывший Председатель Совета Министров РСФСР М.И. Родионов, бывший секретарь Ленинградского обкома партии П.С. Попков и другие. Немногие из уцелевших членов ленинградской группы утверждают, что

к ним применялись меры физического воздействия. Так, бывший 2-й секретарь Ленинградского обкома Иосиф Турко, получивший 15 лет лагерей 29 января 1954 года, рассказывал следователям, пересматривавшим «Ленинградское дело»: «Я никаких преступлений не совершал и виновным себя не считал и не считаю. Показания я дал в результате систематических избиений, так как я отрицал свою вину. Следователь Путинцев начал меня систематически избивать на допросах. Он бил меня по голове, по лицу, бил ногами. Однажды он меня так избил, что пошла кровь из уха. После таких избиений следователь направлял меня в карцер, угрожал уничтожить меня, мою жену и детей, а меня осудить на 20 лет лагерей, если я не признаюсь... Потом Путинцев предложил мне подписать чудовищный протокол о Кузнецове, Вознесенском и других. В нем также содержались дикие измышления о руководителях Партии и правительства. И что я участник заговора. Били. Я кричал на всю тюрьму. Семь суток просидел в карцере. Снова отказался подписать протокол... Снова побои. Потом я увидел врача со шприцем. Я испугался и подписал сразу два протокола... Повели к Комарову. Его я боялся больше, чем Путинцева... Хотел покончить самоубийством... Дома жена лишилась рассудка, сына арестовали, малолетнюю дочь отдали в детдом. В результате я подписал все, что предлагал следователь...»

Уж больно красочно описывает этот свидетель свои пытки. Но не будем с ним спорить. Это не суть важно. Были пытки или нет (скорее всего, не были), но вина подсудимых отчетливо видна из имеющегося материала. 29—30 сентября 1950 г. Военная Коллегия Верховного Суда СССР в открытом судебном заседании рассмотрела уголовное дело по обвинению Куз-

нецова, Попкова, Вознесенского, Капустина, Лазутина, Родионова, Турко, Закржевской, Михеева. В ходе судебного заседания обвиняемые свою вину признали полностью. Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила Кузнецова, Попкова, Вознесенского, Капустина, Лазутина и Родионова к расстрелу. В обвинительном заключении по делу арестованных говорилось: «Кузнецов, Попков, Вознесенский, Капустин, Лазутин, Родионов, Турко, Закржевская, Михеев, объединившись в 1938 году в антисоветскую группу, проводили подрывную деятельность в партии, направленную на отрыв ленинградской партийной организации от ЦК ВКП(б), с целью превратить ее в опору для борьбы с партией и ее ЦК. Для этого пытались возбудить недовольство среди коммунистов ленинградской организации мероприятиями ЦК ВКП(б). Высказывали изменнические замыслы о желаемых ими изменениях в составе Советского правительства и ЦК ВКП(б). В этих же целях выдвигали на ответственную партийную работу в ряд областей РСФСР своих единомышленников».

Глубокой ночью 1 октября 1950 года в 0 часов 59 минут суд приступил к оглашению приговоров. С председательского кресла поднимается генерал-майор юстиции Матулевич: «...Кузнецов, Попков, Вознесенский, Капустин, Лазутин, Родионов, Турко, Закржевская, Михеев признаны виновными в том, что, объединившись в 1938 году в антисоветскую группу, проводили подрывную деятельность в партии, направленную на отрыв Ленинградской партийной организации от ЦК ВКП(б) с целью превратить ее в опору для борьбы с партией и ее ЦК... Для этого пытались возбуждать недовольство среди коммунистов ленинградской организации мероприятиями ЦК ВКП(б), распро-

страняя клеветнические утверждения, высказывали изменнические замыслы... А также разбазаривали государственные средства. Как видно из материалов дела, все обвиняемые на предварительном следствии и на судебном заседании вину свою признали полностью». Вознесенского обвинили также в семейственности: его младший брат и сестра занимали ответственные посты в Москве и Ленинграде. Косвенно это задело и Микояна: один из его сыновей женился на дочери Кузнецова. Были также репрессированы его брат *АЛ.* Вознесенский и сестра М.А. Вознесенская, занимавшая пост секретаря Куйбышевского райкома ВКП(б) в Ленинграде. Военная коллегия Верховного Суда СССР квалифицировала их деяния по самым тяжким составам УК РСФСР— ст. 58-1а (измена родине), ст. 58—7 (вредительство), ст. 58—11 (участие в контрреволюционной организации). А.А. Кузнецов, Н.А. Вознесенский, П.Е. Попков, П.Г. Лазутин, М.И. Родионов и Я.Ф. Капустин были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. И.М. Турко получил пятнадцать лет лишения свободы, Т.В. Закржевская и Ф.Е. Михеев — по десять. Приговор был окончательный и обжалованию не подлежал. Осужденным на смерть в таких случаях остается единственное — ходатайствовать перед Президиумом Верховного Совета СССР о помиловании. Но этой возможности осужденным не дали: сразу же по вынесении приговора генерал юстиции И.О. Матулевич отдал распоряжение о немедленном приведении приговора в исполнение. Первого октября 1950 года были расстреляны Н.А. Вознесенский, А.А. Кузнецов, П.С. Попков, М.И. Родионов, Я.Ф. Капустин и П.Г. Лазутин. Следующие смертные казни происходили в 1951 и 1952 годах. Расстреляли М.А. Вознесенскую (сестру Вознесенских), Бадаева,

И.С. Харитонова, П.И. Левина, П.Н. Кубаткина... Глава ленинградского МГБ генерал Кубаткин был репрессирован и расстрелян после закрытого суда.

Официального сообщения о процессе в печати не было. Поэтому длительное время подробности суда оставались неизвестными. Несколько позже эта же участь ждала и многих других ленинградцев: Г.Ф. Бадаева, И.С. Харитонова, П.И. Кубаткина, П.И. Левина, М.В. Басова, А.Д. Вербицкого, Н.В. Соловьева, А.И. Бурлина, В.И. Иванова, М.Н. Никитина, В.П. Галкина, М.И. Сафонова, П.А. Чурсина, А.Т. Бондаренко, всего около двухсот человек. На суде говорилось также о попытке его группы создать Компартию России, что фактически вело бы к распаду СССР по национальному признаку. Этого Сталин допустить не мог.

ПОЧЕМУ ТАКОЙ ЖЕСТОКИЙ ПРИГОВОР И СКОРОЕ ЕГО ПРИВЕДЕНИЕ В ИСПОЛНЕНИЕ?

Почему же все-таки приговор был таким жестоким по нынешним временам и почему он так быстро был приведен в исполнение? Некоторые исследователи считают, что, мол, Сталин боялся, что власть перейдет в руки сторонников рынка, к каковым несомненно относился Вознесенский. Мол, Сталин, в отличие от Вознесенского исходил из того, что товарное обращение несовместимо с перспективой перехода от социализма к коммунизму и что «по мере развития централизованного научного планирования хозрасчет неминуемо превращался в дикий анахронизм, в тормоз строительства коммунизма». **В последний период правления Сталина концепция экономической политики исходила из приоритета снижения себестоимости продукции и совершенствования механизма**

ежегодного снижения цен. Считалось, что плановое снижение себестоимости будет стимулировать внедрение более производительного оборудования, а плановое снижение цен — добросовестный труд и бережное отношение к общественной собственности.

Будто бы с идейными оппонентами из числа «рыночников» вождь решил разобраться в своей привычной манере. Причиной этого, как считают, послужила знаменитая на рубеже 1940—1950-х годов дискуссия об экономических проблемах социализма. Дискуссия была вызвана спорами в Политбюро, начатыми по инициативе Вознесенского. Уже тогда он продекларировал переход к более свободной экономике, которая во время войны перестроилась на военный лад: приказ — исполнение, за неисполнение — тюрьма или расстрел. «Сталин созвал совещание экономистов со всей страны... Дискуссия внешне касалась довольно абстрактного вопроса: действует ли закон стоимости при социализме? А суть дела заключалась в том, может ли власть по своему усмотрению и произволу командовать всем — ресурсами, ценами, людьми, определять пропорции в хозяйстве, уровень и образ жизни и т.д., или есть какие-то лимиты, исходящие из требований эффективности экономики. Понятно, Сталин жестко придерживался первой из указанных точек зрения».

Небольшой коментарий. Это далеко не так. Точнее, вовсе не так. По свидетельству очень известного в прошлом деятеля аппарата ЦК КПСС К.Н. Брутенца (Несбывшееся, М., 2005, с. 22), в январе 1953 года Госплан СССР, Министерство финансов СССР и еще три крупных ведомства по указанию Сталина подготовили аналитическую записку о возможных перспективах развития со-

ветской экономики. В ней, в частности, говорилось, что период восстановления народного хозяйства подошел к концу, что жесткое централизованное государственное планирование начинает тормозить развитие производственных сил. В этих целях необходимо: сократить номенклатуру продукции, включаемой в план, утверждаемый правительством и Верховным Советом; сократить номенклатуру продукции, распределяемой по плану снабжения, цены на которую устанавливаются им; дать возможность действовать закону стоимости в «преобразованном виде», а рынку играть определенную роль; предоставить большую свободу экономической деятельности министерствам, предприятиям, а также республикам.

То есть явно же очевидно, что Сталин взял курс на использование некоторых рыночных механизмов в советской экономике, но под жестким контролем государства, о чем говорит лукавое выражение закон стоимости «в преобразованном виде» и «рынку играть — определенную роль». Позиция Сталина свидетельствует и о том, что такой курс не обошелся бы и без активизации хозрасчета, но столь же очевидно, что активизация хозрасчета по-сталински происходила бы без его фетишизации на манер Вознесенского.

Едва ли главным мотивом жестокого решения вождя стали его принципиальные расхождения с Вознесенским во взглядах по концептуальным проблемам дальнейшего экономического развития СССР. Скорее всего Сталин опасался, что после его неумолимо приближающейся кончины — он-то понимал, что перед смертью бессильны все, — верх в руководстве возьмет ленинг-

радская группа Кузнецова—Вознесенского, которые проявили себя в групповщине, пренебрежении нормами партийной демократии, личной нескромности, разрушении планирования, халатности... Эта быстро набиравшая силу группка корыстолюбцев в руководстве страны не останавливалась перед подтасовкой результатов голосования... Но самое главное, что в условиях наличия сплоченной группы оттеснить ее от власти честным и принципиальным товарищам будет непросто. Сталин увидел, как часть вчерашних товарищей, встав на путь создания коррумпированных малых групп из знакомых и земляков, очень быстро начинали во главу угла ставить личные успехи и обогащение. Не случайно почти все члены ленинградской группы были замечены в личной нескромности. Тиражирование теоретических взглядов и неумеренное цитирование (и даже принуждение к цитированию других) своих научных работ председателя Госплана означало его озабоченность собственным именем, собственной карьерой. Сталин хорошо видел, куда ведет, выражаясь терминами Гумилева, субпассионарность руководителей, которые чаще всего вели себя как двурушники. Побежденные в идеологических битвах, они формально признавали свои ошибки, на деле оставаясь на тех же позициях. Формы борьбы за отстаивание своего мнения быстро перерастали нормы партийного устава, начиналось протаскивание в руководящие органы «своих людей» и затирание «не своих», а затем проведение своей линии на практике, то есть саботирование партийной линии.

Небольшой комментарий. Действительно, главным мотивом жесткого решения вождя стали отнюдь не его принципиальные расхождения с Вознесенским во взглядах по концептуальным

вопросам. Чуть выше на разведывательных и иных материалах была показана истинная подоплека такого решения. Вся совокупность приведенных выше данных свидетельствует о том, что на основании собранных органами госбезопасности материалов Сталин увидел реальную угрозу своему детищу — Союзу Советских Социалистических Республик, на защите которого он стоял до последнего вздоха. Он не мог дать шанса уже выявленным врагам разрушить дело всей его жизни.

Парадоксально, но факт, что документы "Ленинградского дела" опубликованы лишь частично. Более того. Даже такой злобный враг Сталина и СССР, как недоброй памяти А.Н. Яковлев, в бытность председателем Комиссии по реабилитации и то не решился опубликовать доводы обвинения, ограничившись характерной для него подлостью матерого фальсификатора, только и способного, что бросить тень на не существующий плетень. Он просто ляпнул: и МГБ осуществило фабрикацию ряда материалов. И все.

Выдающийся современный российский художник Илья Глазунов, перед чьим величайшим талантом меркнут многие знаменитости прошлого и современного, очень любит цитировать одну фразу обожаемого им П. А. Столыпина. Вот она: **«Для лиц, стоящих у власти, нет греха большего, чем малодушное отклонение от ответственности. Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада. Когда на вас нападает убийца, вы его убиваете. Этот порядок признается всеми государствами. Это состояние необходимой обороны».**

Так вот, при восстановлении Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 года смертной казни уже в самом названии этого документа было четко указано, почему он был издан, — «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам»! По-моему, и без комментариев все понятно.

ГОЛЬ АБАКУМОВА

Много спекуляций имеется о роли тогдашнего министра госбезопасности Абакумова. Действительно, 11 июля 1951 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О нездоровой ситуации в Министерстве государственной безопасности СССР». В соответствии с данными в этом решении оценками сутки спустя был арестован тогдашний министр государственной безопасности Союза ССР генерал-полковник Виктор Семенович Абакумов, объявленный «главой сионистского заговора в МГБ», и началась чистка органов госбезопасности.

На выездном заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР в Ленинграде 12—19 декабря 1954 г. Абакумов был обвинен в фабрикации судебных дел, в том числе и «Ленинградского дела», назван «членом банды Берии». Виновным себя Абакумов не признал. Расстрелян. Вместе с Абакумовым были осуждены начальник следственной части по особо важным делам МГБ СССР А.Г. Леонов, его заместители В.И. Комаров и М.Т. Лихачев, следователи И.Я. Чернов и Я.М. Броверман. Если считать, что подчиненные Абакумова под его руководством сфабриковали это дело, то Абакумов действовал в соответствии с полученным прика-

зом. Ведь Политбюро в полном составе, включая Сталина, Маленкова, Хрущева, Берию, Микояна («за» высказались также А.Н. Косыгин и А.А. Андреев), единогласно приняло решение, обязывающее Абакумова арестовать ленинградскую группу и предать ее суду. Так что в таком случае получается, что фабрикация была осуществлена по прямому указанию Политбюро на основе материалов расследования Комитета партийного контроля. Однако многоступенчатость расследования по партийно-государственной линии (до подключения к нему органов госбезопасности) и сами материалы этого расследования начисто исключают предположение о фальсификации дела.

В исследованиях об этом периоде порой можно встретить утверждение, что Абакумов поддерживал дружеские отношения с секретарем ЦК Кузнецовым и даже по возможности тормозил «разработку» «ленинградцев», чтобы оттянуть их арест. Может быть, это и так. То, что Абакумов был тесно связан с «ленинградцами», подтверждается вопросами, которые ставило следствие перед ним после ареста. Его, в частности, обвинили в том, что это не МГБ под руководством Абакумова вскрыло «Ленинградское дело», а сами партийные органы под руководством Маленкова. А **МГБ** начало исполнять свои обязанности вынужденно, после того как ЦК все уже стало известно.

Небольшой комментарий. Абакумов был в плохих отношениях со многими членами Политбюро. Он смог доказать, что Маленков прекрасно знал о сокрытии неполадок в авиапромышленности, и в 1947 году Маленков получил выговор, был смещен с должности и временно сослан в Казахстан. Его вывели из Секретариата ЦК, а его

обязанности перешли к Кузнецову, протеже Жданова. Абакумов и Кузнецов установили самые тесные дружеские отношения. Однако спустя два месяца Сталин назначил Маленкова заместителем Председателя Совета Министров. Берия в то время поддерживал Маленкова и не скрывал, что они часто встречаются. «Авиационное дело» испортило отношения Абакумова с секретарем ЦК Георгием Маленковым. Результаты расследования органов госбезопасности были доложены Сталину, ему стало известно о личных недоработках Георгия Максимилиановича, курировавшего в годы войны авиапром, а посему он был вынужден провести несколько месяцев на партийной работе в Средней Азии... Секретарем же ЦК, отвечавшим за кадровую политику, органы госбезопасности и юстиции, стал тогда вместо Маленкова ленинградец Алексей Кузнецов. Исходя из вышеизложенного, фальсификация дела Абакумовым представляется маловероятной.

РЕАБИЛИТАЦИЯ

После убийства Хрущевым Сталина и Берии 30 апреля 1954 года Верховный Суд СССР полностью реабилитировал обвиняемых по «Ленинградскому делу» (однако только в 1988 г. Кузнецов и Вознесенский были восстановлены в партии, приказавшей вскоре долго жить).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О «ЛЕНИНГРАДСКОМ ДЕЛЕ»

Военная коллегия Верховного Суда СССР 30 апреля 1954 г. реабилитировала Н.А. Вознесенского,

А.А. Кузнецова, М.И. Родионова, П.С. Попкова, Я.Ф. Капустина, Г. Лазутина, И.М. Турко, Т.В. Закржевскую, Ф.Е. Михеева. Голосованием было принято постановление, предусматривающее секретное хранение решения в «особой папке». Однако на заседании 20 мая того же года (прот. № 65, п. XXVIII) по инициативе Н.С. Хрущева решено было с постановления снять гриф «особая папка» и ознакомить с ним партийно-советскую номенклатуру, разослав постановление в обкомы, крайкомы, ЦК компартий союзных республик и в отделы ЦК КПСС для ознакомления (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. ПО. Л. 182). (См. также справку «О так называемом "Ленинградском деле" и другие документы» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 124—137).

Расследованием, произведенным Прокуратурой СССР по поручению ЦК КПСС, установлено, что дело по обвинению Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других в измене Родине, контрреволюционном вредительстве и участии в антисоветской группе было сфальсифицировано во вражеских авантюристических целях бывшим министром госбезопасности СССР, ныне арестованным Абакумовым и его сообщниками.

Используя факты нарушений государственной дисциплины и отдельные проступки со стороны Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других, за которые они были сняты с занимаемых постов с наложением партийных взысканий, Абакумов и его сообщники искусственно представили эти действия как действия организованной антисоветской изменнической группы и избиениями и угрозами добились вымышленных показаний арестованных о созданном якобы ими заговоре. По этим сфабрикованным Аба-

кумовым ложным материалам Военной коллегией Верховного Суда СССР в 1950 году были осуждены Кузнецов, Попков, Вознесенский Н., Родионов, Капустин и Лазутин к расстрелу, Турко — к 15 годам тюремного заключения, Закржевская и Михеев — к 10 годам тюремного заключения. В связи с этим делом Особым совещанием при бывшем МГБ СССР и Военной коллегией Верховного Суда СССР было осуждено свыше 200 человек, часть как соучастники, а большинство — близкие и дальние родственники осужденных.

ЦК КПСС постановляет:

Поручить Генеральному прокурору СССР т. Руденко в связи с вновь открывшимися обстоятельствами опротестовать приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР по делу Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других на предмет его отмены и прекращения этого дела.

Принять к сведению сообщение Прокуратуры СССР, что дела в отношении членов семей, осужденных в связи с этим делом, пересмотрены и эти лица реабилитированы.

Поручить Комитету госбезопасности при Совете Министров СССР (т. Серову) и Прокуратуре СССР (т. Руденко) вменить в вину Абакумову и его сообщникам совершенное ими преступление — фальсификацию дела и учиненную ими расправу в отношении Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других.

Поручить Управлению делами ЦК КПСС выдать партийным и советским работникам, которые были осуждены по делу Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других, а в настоящее время реабилитированы, денежную помощь в размере 10 тысяч рублей и по 5 тысяч рублей на каждого члена семьи (мать, отец, жена, дети). Обя-

зать Ленинградский и Московский обкомы КПСС предоставить работу этим работникам и членам их семей. Обязать Министерство финансов СССР возвратить указанным работникам и членам их семей конфискованное у них имущество или возместить стоимость этого имущества.

Обязать Ленинградский и Московский горисполкомы депутатов трудящихся лицам, осужденным в связи с делом Кузнецова и др. и ныне реабилитированным, предоставить надлежащую жилплощадь. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 108. Л. 113; Д. 81. Л. 31—32.

Небольшой комментарий. Обратите внимание, насколько подло действовал ЦК КПСС под руководством Хрущева. Ведь передача дела на «ленинградцев» в МГБ СССР была осуществлена по Постановлению Политбюро на основе материалов КПК. И если исходить из этого, то под расстрел вместе со следователями МГБ должны были пойти и сотрудники КПК вместе с руководителем этого партийного органа Матвеем Шкирятовым. Но ничего подобного не было...

Заметьте также, как действовало сталинское Политбюро и как действовал хрущевский ЦК. Сталинское Политбюро всего лишь предложило Прокурору СССР провести следственные действия, то есть хотя бы на бумаге не вмешивалось в функции Прокуратуры. Хрущевское же ЦК уже открыто поручило опротестовать приговор по «Ленинградскому делу», что есть грубейшее вмешательство в дела Прокуратуры. Хуже того. В первом же пункте постановления фигурирует ссылка **«в связи с вновь открывшимися обстоятельствами».** Но вот ведь в чем дело. А каким

образом и кем были вскрыты **«вновь открывшиеся обстоятельства»?** Если строго по закону, то это могло произойти только в одном случае — если дело было направлено на доследование, да и то по постановлению все той же Военной коллегии Верховного Суда. Но тогда вопрос — а кто инициатор этого? И на чем она основывала свое постановление о доследовании? Ни на один из этих вопрос ответа нет. Потому как никакого доследования не было и в помине. Был сугубо политический приказ недобитого негодяя-троцкиста реабилитировать «ленинградцев». А Руденко, намертво повязанный с Хрущевым к-ровью действительно невинных людей мог оправдать или засудить кого угодно. Что он и сделал. Вот и вся «цена» хрущевской «реабилитации».

А еще несколько месяцев спустя перед судом предстали следователи по этому делу — министр государственной безопасности генерал-полковник В.С. Абакумов, начальник следственной части по особо важным делам генерал-майор А.Г.Леонов, его заместители полковники М.Т. Лихачев и В.И. Комаров, которые вели «Ленинградское дело». Военная коллегия Верховного Суда СССР признала их виновными и приговорила к высшей мере наказания. **Характерно, что «Ленинградское дело» — единственное, по которому были расстреляны практически все следователи.** Суд проходил с большой шумихой в Ленинградском Доме офицеров. Очень странным является тот факт, что до сих пор документы «Ленинградского дела» опубликованы лишь частично. Впрочем, чего удивляться, если там ничего кроме пары десятков листиков.

Еще раз подчеркиваю, что Комиссия по реабилитации под руководством небезызвестного А.Н. Яковлева тем не менее не решилась обнародовать доводы обвинения, указав только, что здесь "МГБ осуществила фабрикацию ряда материалов". Бандерлогам антисталинизма так, конечно же, удобней. Сфальсифицировало МГБ все дело и баста! Не рассуждать!

Однако даже по тем кратким комментариям, которые были даны выше, четко видно, что рассуждать-то есть о чем. И не только рассуждать, а вполне категорично утверждать, что МГБ СССР ничего не фальсифицировало. Потому что приведенные материалы убедительно доказывают, что члены ленинградской группы совершили тяжкие преступления против СССР. Нынешнему поколению людей, которые не понимают до сих пор, что же за общественную систему построил Сталин, и потому часто видят в сталинском СССР лишь тоталитаризм, тяжесть этих преступлений не очевидна. Между тем в рамках социализма преступления ленинградской группы огромны. Сталин вел жесткую борьбу против нарушений плановой дисциплины и искажений отчетности, против халатности, групповщины и попыток расчленения СССР по национальному признаку. Тем более в той непростой международной ситуации, которая, к глубокому сожалению, всегда сопутствовала СССР на протяжении всей его истории. Именно этим объясняются жесткие приговоры членам так называемой ленинградской группы.

Такова нелегкая правда о непростом «Ленинградском деле». Ее надо знать, прежде чем кидаться на Сталина со всевозможными обвинениями. Ибо оценки прошлого, как говаривали мудрейшие, всегда должны соответствовать реалиям прошлого.

Миф № 177. В силу своего антисемитизма Сталин инициировал в СССР борьбу с «безродными космополитами».

К истории появления термина «космополит» в русском общественно-политическом лексиконе.

Наверное, очень многие удивятся, но один из первых выходов термина **«космополит»** на авансцену русского общественно-политического языка состоялся еще в середине XIX века. Произошло это с подачи автора известного произведения **«Фрегат "Паллада"» — И.А. Гончарова. В** его вариации этим термином был поставлен знак равенства между словом «жид», которым в те времена обозначали этническую принадлежность к еврейской нации (кстати говоря, это не самое лучшее наследие влияния польского языка на русский язык), и самим словом **«космополит».** Получилось — **«жид-космополит». Кто не верит, пусть откроет с. 120 произведения И.А. Гончарова «Фрегат "Паллада". Очерки путешествия в двух томах» (Л., 1986).**

Что касается использования термина «космополитизм» в советское время, в частности в послевоенный период, то следует помнить, что собственно кампания против низкопоклонства перед Западом, названная **«борьбой с космополитизмом»,** началась с писем выдающегося русского советского ученого Петра Леонидовича Капицы. Тут следует иметь в виду одно обстоятельство. Возвратившись в 1936 году из долгосрочной загранкомандировки в Англии, П.Л. Капица как действительно крупный ученый считал своим патриотическим долгом излагать свои мысли руководителям стра-

ны, особенно Сталину. Он очень часто направлял письма с различными предложениями, советами и т.д.

2 января 1946 года П.Л. Капица направил Сталину письмо, которое было предано огласке лишь в 1989 году. Вместе с письмом Капица направил Сталину и рукопись книги писателя Гумилевского «Русские инженеры». Гумилевский был известен еще до революции, когда начал писать. Капица указал, что книга «Русские инженеры» была написана Гумилевским по его, Петра Леонидовича, просьбе. А в письме Капица написал следующее: «Мы мало представляем себе, какой большой кладезь творческого таланта всегда был в нашей инженерной мысли. Из книги ясно: первое — большое число крупнейших инженерных начинаний зарождались у нас; второе — мы сами почти никогда не умели их развивать; третье — часто причина не использования новаторства в том, что мы обычно недооценивали свое и переоценивали иностранное. Обычно мешали нашей технической пионерной работе развиваться и влиять на мировую технику организационные недостатки. Многие из этих недостатков существуют и по сей день, и один из главных — это недооценка своих и переоценка заграничных сил. Ясно чувствуется, что сейчас нам надо усиленным образом подымать нашу собственную оригинальную технику. Мы должны делать по-своему и атомную бомбу, и реактивный двигатель, и интенсификацию кислородом, и многое другое. Успешно мы можем это делать только тогда, когда будем верить в талант нашего инженера и ученого и уважать его и когда мы, наконец, поймем, что творческий потенциал нашего народа не меньше, а даже больше других и на него можно смело положиться. Что это так, по-видимому, доказывается и тем, что за все эти столетия нас никто не сумел проглотить».

Какие сильные, по сию же пору актуальнейшие слова! Ведь Капица поставил поистине колоссальную проблему! Так и в самом-то деле, очень многие, очень серьезные открытия и в авиации, и в радио, и телевидении, и в химии, и физике и многих других отраслях науки и техники были самостоятельно и впервые в истории сделаны у нас, но реализованы, к глубокому сожалению, за границей.

Сталин ответил Капице 4 апреля 1946 года. В ответном письме были такие строки: **«Все ваши письма получил. В письмах много поучительного. Думаю как-нибудь встретиться с вами и побеседовать о них. Что касается книги Гумилевского "Русские инженеры", то она очень интересная и будет издана в скором времени».** Книга вышла из печати в начале 1947 года.

Именно это письмо Капицы и стало непосредственным толчком к началу борьбы с низкопоклонством перед Западом, или, как иногда ёрничают, с пресловутым низкопоклонством. Однако когда в 1947 году Сталин выступил перед писателями, то в своем выступлении он буквально дословно повторил слова Капицы из упомянутого письма. Этот факт зафиксирован в мемуарах К. Симонова. Кстати говоря, на первом этапе, то есть в 1947 году, применялся термин **«низкопоклонство»** — Сталин использовал именно его в своем выступлении, а термин **«космополитизм»** вошел в обиход только в 1948 году. Тогда же появился и термин **«безродный космополит»,** автором которого был А.А. Жданов. В своем январском 1948 года выступлении на совещании деятелей советской музыки в ЦК партии он заявил, что **«интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину означает... потерять свое лицо, стать безродным космополитом».**

Первые конкретные шаги на стезе борьбы с низкопоклонством были сделаны уже в 1946 году. Известно, что именно тогда секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов вызвал к себе писателя Александра Поповского и заявил ему следующее: **«Партия считает, что история, преподавание науки и техники в нашей стране — в совершенно неудовлетворительном состоянии. Люди заканчивают школы и вузы в убеждении, что отечественные умельцы и ученые ни на что не годны, что они могут лишь плохо копировать достижения западных коллег. Это низкопоклонство, этот комплекс неполноценности перед всем западным должен быть преодолен. Соответствующие указания вузам, редакциям и Академии наук уже даны. Вам поручается составить план литературной кампании по простой и доходчивой пропаганде подлинной, а не искаженной западными фальсификаторами и их отечественными прислужниками истории науки и техники. Составьте список тем, план выпуска соответствующих книг, наметьте авторов. Все издательства получат соответствующие указания».**

В том же **1946** году борьба с низкопоклонством получила особо мощный импульс в связи с публикацией на Западе книги о лечении рака двух ленинградских ученых Н.Г. Клюевой и Г.И. Роскина. Дело в том, что они незаконно направили рукопись своей монографии для публикации в США. Передавший рукопись американским издателям академик В.В. Парин вообще был обвинен в шпионаже и приговорен к 25 годам заключения.

В связи с этим делом по всей стране была проведена широкая кампания осуждения участников этой истории как космополитов. 28 марта 1947 года при министерствах и ведомствах были учреждены суды «че-

сти». В соответствии со своим уставом они должны были **«повести непримиримую борьбу с низкопоклонством и раболепием перед западной культурой, ликвидировать недооценку значения деятелей русской науки и культуры в развитии мировой цивилизации».** 16 июля 1947 года ЦК ВКП(б) распространило среди членов партии специальное закрытое письмо «О деле профессоров Клюевой и Роскина», в котором резко осуждалось **«наличие среди некоторой части советской интеллигенции... низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной...».**

При всей заидеологизированности этой кампании, при всех имевших место в период ее проведения перегибах — в России без этого не обходится ни одна серьезная кампания, — она несла мощный заряд глубинного патриотизма и принципиально была правдива. Разве у нормального, патриотически мыслящего человека может не вызвать презрение хорошо известный по литературе и практической жизни стереотип российского бюрократа, привыкшего не давать ходу отечественным Кулибиным, Ползуновым, Лобачевским, Менделеевым? Разве не вызовут праведного гнева попытки российской бюрократии принудительно направить научную, инженерную мысль только по стопам Запада?

Небольшой комментарий. Да ведь мы и сейчас находимся в таком состоянии. Всякую дрянь — как материальную, так и интеллектуальную — старательно копируем с Запада. Причем копируем бездумно, но под нажимом окопавшихся в правительстве экономических и интеллектуальных палачей России. Одна Богом и Россией проклятая реформа образования чего

стоит! Ведь теперь на поток будет поставлено не обучение широчайше образованных инженеров и научных работников, не блестящих врачей и ученых, а производство узких специалистов с дипломами о поверхностном образовании. Да еще и со странными для российской системы высшего образования названиями «магистр», «бакалавр» и т.п. Великий британский шутник и меткий острослов Бернард Шоу очень любил одно, им же сформулированное выражение: **«Узкая специализация в широком смысле слова приводит к широкой идиотизации в узком смысле слова»! Вот именно на это и направлены все современные реформы. Потому как с подобным населением легче управляться!**

Конечно, не обошлось и без шапкозакидательства, псевдопатриотизма, а то и просто дурости. Ведь дураки — одна из главных, испокон веку явно не изживаемых национальных бед нашей страны. Разве не откровенным дурачеством было заявлять, что-де «первый в мире полет на воздушном шаре» совершил рязанский подьячий Крякутный или что еще новгородцы открыли Шпицберген? Да, все это было, и отрицать оное было бы просто глупостью. Из истории, как и из песни, слов не выкинешь.

Но был и потрясающий, феноменальный результат. Как на особых дрожжах поднялись и окрепли научно-популярные журналы, имевшие миллионные тиражи и крайне низкие, доступные практически всем цены. Многомиллионными тиражами издавались различные научно-популярные брошюры для различных слоев населения. В массовом порядке были созданы кружки научно-технического творчества молодежи,

где на смену прославленным русским и советским ученым, инженерам и конструкторам подрастало новое славное поколение покорителей вершин науки. В школьные годы автора среди мальчишек считалось особым позором не знать назубок все марки советских самолетов, особенно боевых, прежде всего участвовавших в Великой Отечественной войне. А сейчас?! А сейчас любой карапуз назовет с десяток самолетов нашего главного противника — США, но ни одного — российского!

Блестящие писатели и популяризаторы науки, такие как Б. Агапов и Б. Розен, своими фантастически привлекательными трудами вводили жаждавших открытий мальчишек и девушек в волшебный мир сказочных достижений науки и техники, открывая им невиданные горизонты радостного и светлого будущего, наполненного смыслом и разумом. А кто в те годы взахлеб не читал великолепные, по сию пору непревзойденные труды Перельмана «Занимательная физика» и «Занимательная математика»? Кто не зачитывался тогда астрономией от Воронцова-Вельяминова или геологией от Обручева и Ферсмана?! Эти величайшие умы нашей науки, блестящие популяризаторы сделали невероятное — советская молодежь рвалась к знаниям так, как их отцы штурмовали Берлин. Стремилась в вузы не для уклонения от армии, а для того, чтобы верой и правдой служить Отечеству.

Сталинская школа давала высокую грамотность и культурный кругозор, сталинские вузы воспитывали отличных инженеров и ученых, а самое главное, советское общество того времени в целом радостно, подчеркиваю, именно же радостно верило в науку, искренне сопереживало ей, было хорошо осведомлено о ее достижениях и полезности.

Кто бы и как бы ни пытался опорочить кампанию по борьбе с низкопоклонством (космополитизмом), но именно она дала потрясающий результат, — **именно тогда окончательно была выкована прочная советская система образования, никем и никак до сих пор так и не превзойденная. Именно она гарантированно обеспечила огромные, а зачастую и фантастические успехи советской науки в 1950—1970-е гг.**

Небольшой комментарий. Вы только вдумайтесь в грандиозный масштаб реальных последствий этой кампании.

1. С 1946 года были резко интенсифицированы работы по созданию атомного оружия и уже в 1949 году ликвидировали атомную монополию США. А в 1953 г. ликвидировали и монополию США на водородную бомбу. Причем если атомная монополия продержалась четыре года, то водородная — всего один год. Американцы испытали водородную бомбу в 1952 году, а СССР — в 1953 году.

2. Были развернуты работы по созданию мощной ракетной техники, в том числе и космической. Только благодаря этому уже в 1957 году СССР первым в истории человечества запустил в космос искусственный спутник Земли, а в 1961 г. — и первого в мире космонавта Юрия Гагарина.

3. Усилиями отечественных ученых впервые в мире началась автоматизация технологических процессов на производстве: в 1946 году была пущена в эксплуатацию первая в мире автоматическая линия, в 1948 году впервые в мире было автоматизировано управление сразу 25 круп-

нейшими ГЭС, в 1949 году пущен в эксплуатацию первый завод по производству промышленных автоматов.

4. Широчайше были развернуты работы по созданию и внедрению новейшей вычислительной техники — в 1950 году в стране была создана первая ЭВМ.

5. На основе лучших достижений советских ученых и инженеров была развернута промышленность по производству бытовой техники — новейших радиоприемников, фотоаппаратов, часов, телевизоров, стиральных машин, пылесосов и т.д. Люди старшего поколения еще помнят, что советские часы и фотоаппараты уже в 1950-е годы пользовались огромным спросом у иностранцев не только в силу своей непривычной для Запада дешевизны, но прежде всего в силу своего высочайшего качества.

Успехи советской системы образования настолько были очевидны, что уже в 1958 году один из самых выдающихся американских государственных деятелей XX века, будущий президент США Дж. Кеннеди, выступая в Конгрессе, отметил большое отставание американцев от советских людей в области космических исследований как следствие отличия их от нас в системе образования, медицины и науки.

При всей неказистости и непривлекательности основного термина, коим обозначалась ее суть, затеянная кампания была уникальным, глобальным проектом Сталина по принудительному вырыванию советских ученых и деятелей культуры из прочно удерживавших их сетей научной и культурной периферийности. Но не ради указанного результата, а прежде всего для созда-

ния условий для глобального и мощнейшего рывка в особо приоритетной области — в образовании. Именно поэтому-то и было организовано широчайшее наступление, что называется, по всему фронту. На решение поставленных задач были мобилизованы идеологи, писатели, журналисты, историки науки, учителя. Максимальной эксплуатации были подвергнуты и без того до максимума разогретые в ходе прошедшей страшной, но победоносной войны патриотические чувства. Поразительно, кстати говоря, что, несмотря на нередкие случаи злоупотребления патриотическими чувствами, даже они, эти самые злоупотребления, несли также и немалый заряд позитива.

Максимально были использованы немногочисленные в те времена преимущества централизованного, но вполне демократичного по структуре общества — образование всех уровней было действительно всеобщим и действительно равнодоступным для всех.

И все это ради того, чтобы практически напрямую воздействовать на тех, ради кого и был затеян весь сыр-бор, то есть на подрастающее поколение. Образно говоря, проект был не для галочки или отчета с непременным последующим забвением, а для неукоснительного выполнения всем обществом. Идеологическим апогеем реализации проекта явилась юбилейная сессия Академии наук СССР, проведенная в 1949 в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург) по случаю 225-летия ее основания. Именно тогда впервые и беспрецедентно широко была показана исключительная роль русской науки в истории человечества. В результате на многие десятилетия вперед в сознании общества, прежде всего его научной элиты, намертво была закреплена идея опоры на собственные силы в научном поиске, идея поиска новых оригинальных решений, идея собственного пути в

мире науки и техники. Именно это и дало исторически беспрецедентный результат в резком научном, техническом и технологическом рывке, совершенном СССР в 1950—1970-е годы, высочайшую эффективность которого, несмотря на все изгибы и перегибы политики постсталинских руководителей Советского Союза, Россия ощущает и до сих пор. Ибо она еще по многим позициям до сих пор сохраняет главенствующее положение в мире науки и техники.

Такова подлинная правда истории борьбы с космополитизмом. Но где тут антисемитизм Сталина, если в реализации этого проекта чрезвычайно активно участвовали и различные деятели, являвшиеся евреями по национальности?! Всем, в том числе и им тоже, — нижайший поклон за то, что они так искренне и точно воспели выдающуюся роль отечественной науки и техники, за то, что подвигли несколько поколений молодых людей Страны Советов на фантастические дерзания в науке!

Миф № 178. По приказу Сталина МГБ сфальсифицировало дело Еврейского антифашистского комитета, а затем жестоко расправилось с его руководством.

Миф № 179. Сталин приказал убить выдающегося советского актера, председателя Еврейского антифашистского комитета С. Михоэлса (Вовси).

Миф № 180. Вследствие господствовавших в его характере юдофобии и антисемитизма Сталин сфальсифицировал после войны «дело врачей-отравителей» (евреев).

Миф № 181. Как ярый юдофоб и антисемит, Сталин планировал выселить всех евреев из больших городов в специальные концлагеря в отдаленных районах страны.

Обо всем этом нагородили столько лжи, столько гнусностей, столько подлостей, что, пожалуй, упомянутые в названии мифы могут по праву претендовать на одно из мест в известной Книге рекордов Гиннеса. Для «демократически мыслящей интеллигенции» — это любимая жвачка антисталинизма. Но что было в действительности? Начнем с дела ЕАК.

Позвольте предложить вашему вниманию содержание небольшой главы **«Дело Еврейского антифашистского комитета»** из блестящей книги **Сигизмунда Миронина «Загадка 37 года. Сталинский порядок»** (М., 2007, стр. 143—158) в сопровождении кратких комментариев автора настоящей книги.

Еврейский антифашистский комитет (ЕАК. — А. М.) был создан в годы войны (февраль—март 1942 г.), как было провозглашено, для сплочения антифашистских сил в борьбе с фашистским геноцидом. Реальной прагматичной целью его функционирования было выбивание финансовых средств из американских магнатов-евреев на ведение войны против фашизма.

Небольшой комментарий. Хотелось бы чуточку подправить уважаемого коллегу. Не являясь ни антисемитом, ни тем более юдофобом, Сталин с самых первых месяцев войны включил в борьбу против Германии «еврейский фактор». Уже 24 августа 1941 г. в открытом эфире Московского радио состоялся первый радиомитинг представителей еврейского народа, который разоблачал зло-

деяния гитлеровцев на советской территории и призывал евреев к активной борьбе с врагом. Именно с этого начинается предыстория Еврейского антифашистского комитета, который стал организационно оформляться в дни нашего славного контрнаступления под Москвой. — 15 декабря 1941 г. на пост председателя ЕАК была предложена и утверждена кандидатура выдающегося советского деятеля искусств, актера СМ. Михоэлса (псевдоним, настоящая фамилия — Вовси), а ответственным секретарем стал Ш. Эпштейн. А 5 февраля 1942 г. уже были рассмотрены и утверждены предложения о функциях, структуре и задачах ЕАК, в числе которых числились следующие:

— «во-первых, средствами пропаганды просоветски настраивать мировую общественность, установив контакты с еврейскими международными организациями,

— и, во-вторых, привлечь в Россию широкий поток западной помощи».

Искусно, но очень уважительно по отношению к еврейской нации вовлеченный Сталиным в смертельную борьбу с нацизмом «еврейский фактор» сыграл исключительную роль, и современники обязаны знать это. Например, как свидетельствует история советской внешнеполитической разведки, острейшая во второй половине 1941 г. угроза открытия второго фронта агрессии против СССР с участием Японии была ликвидирована в том числе и в первую очередь при активнейшем использовании именно «еврейского фактора», о чем Сталин прекрасно знал. Практически вся агентура и доверительные связи советской разведки, участвовавшие в преследовав-

шей именно эту цель операции «Снег», были влиятельнейшими в окружении президента США Рузвельта евреями[1]. Не должны мы забывать также и о том, что в немалой степени благодаря именно «еврейскому фактору» в 1941 году удалось не только всерьез затормозить, но и фактически застопорить наступление финской армии на Ленинград. Именно угрозы США в адрес Финляндии сыграли одну из решающе ключевых ролей в том, что Финляндия изрядно умерила свой боевой пыл. Но прежде чем это произошло, еврейское лобби в окружении Рузвельта великолепно поработало. Это, конечно, не значит, что-де Маннергейм протянул руку дружбы Москве, — со всеми этими сказками о том, что-де «фюрер» Финляндии по доброте душевной и из ностальгических побуждений (Маннергейм долгое время жил, служил и учился в Петербурге) прекратил наступление на Ленинград, пора кончать. Как и любой иной политик, Карл-Густав Маннергейм понимал только аргументы силы, что по просьбе Сталина ему и продемонстрировали Соединенные Штаты! Подчеркиваю, что немалую роль в этом сыграл очень умело и искусно включенный Сталиным в борьбу за державу «еврейский фактор»! С помощью все того же «еврейского фактора» в конце концов Финляндия была выведена из войны в 1944 г. — при содействии всемирно известного еврейского банкирского клана Валленбергов.

[1] На японском плацдарме та же самая идея реализовывалась легендарными Рихардом Зорге и Ходзуми Одзаки, до их ареста в середине октября 1941 г.

ЕАК был создан при Советском информационном бюро, а само Информбюро входило в систему Совнаркома (Совета Министров. — А. М.). Председателем Информбюро в 1947 году был член ЦК ВКП(б) С.А. Лозовский, который и входил в руководство ЕАК. С. Михоэлс был председателем ЕАК, так как именно он был наиболее широко известен и в СССР, и за границей как артист и общественный деятель. Ему как знаменитости позволяли свободу действий, но, конечно, в определенных пределах. Заместителем Михоэлса, сопровождавшим его и в зарубежных поездках, и, по существу, главным администратором этой организации был поэт И.С. Фефер... Фефер был крупным агентом НКВД (МГБ. — *А. М.*), которого «вел» комиссар госбезопасности Леонид Райхман.

Членами ЕАК стали поэты и писатели И.С. Фефер, Л.М. Квитко, П.Д. Маркиш, Д.Р. Берельсон, С.З. Галкин, художественный руководитель Московского государственного еврейского театра (ГОСЕТ) В.Л. Зускин, главный врач ЦКБ имени Боткина Б.А. Шимелиович, директор Института физиологии АМН СССР академик АН СССР и АМН СССР Л.С. Штерн и другие. Комитет имел свой печатный орган —газету «Эйникайт» («Единение»), которая распространялась в СССР и за рубежом. В ходе поездок в США, осуществлявшихся по заданию ЦК ВКП(б), С. Михоэлс и другие члены ЕАК общались с представителями еврейской культурной элиты США. В 1946 г. С. Михоэлс был удостоен Сталинской премии за создание по мотивам еврейского музыкального фольклора спектакля «Фрейлехс». Такое поведение Сталина в отношении еврейской культуры еще раз доказывает, что никаким антисемитизмом он не страдал.

Ближе к концу войны члены ЕАК, особенно Михоэлс, принимают участие в конкретных судьбах еврей-

ских беженцев, вырвавшихся из гетто или вернувшихся из эвакуации (получение вида на жительство и жилья, трудоустройство, материальная помощь), а также в судьбе тех, кто был несправедливо уволен, не принят в вуз на национальной почве. Эта работа не входила в задачи, стоящие перед комитетом, и фактически была нелегальной и антисоветской (в рамках действовавшего тогда законодательства. — *А.М.)*. Среди инициатив, предпринятых Михоэлсом и Фефером после возвращения из США, было письмо на имя Молотова о создании Еврейской автономной области в Северном Крыму, где до войны было несколько еврейских колхозов. Представитель еврейской буржуазно-националистической организации «Джойнт» обещал им выделить крупные суммы для расселения евреев в Крыму. Письмо это имело лишь одно последствие: в деле ЕАК оно проходило как доказательство измены родине [(«Джойнт», по мнению МГБ, имел план превращения Крыма в американский плацдарм в этом регионе). К слову сказать, это не было какой-то выдумкой или плодом досужих вымыслов органов госбезопасности, а точным знанием, опиравшимся на разведывательную информацию. — *А.* М.], и подвело подсудимых под 58-ю расстрельную статью.

Вскоре после войны МГБ обнаружил нездоровый интерес к личной жизни Сталина со стороны сионистских кругов за границей. Этот интерес был связан прежде всего с тем, что главной международной проблемой в 1947 г. был план создания государства Израиль. Успех этого плана, осуществлявшегося через ООН, в значительной степени зависел от позиции СССР и его друзей. Опубликованные на Западе сведения о личной жизни Сталина указывали на наличие и «внутреннего» источника, близкого Сталину, или даже не-

скольких источников. Разглашение подробностей о личной жизни Сталина в СССР трактовалось как разглашение государственных тайн (к слову сказать, в те времена, да и сейчас тоже, подобное по-прежнему трактуется именно так, в чем, конечно же, нет ничего сверхъестественного. — *А.* М.). Министр государственной безопасности Абакумов получил новое задание — проследить за каналами утечки информации.

Первые подозрения пали на родственников второй жены Сталина, Анну Сергеевну и Евгению Аллилуевых. А.С. Аллилуева в 1946 году опубликовала книгу «Воспоминания», в которой неизбежно появлялась и тема о Сталине. Эта книга как бы продолжала книгу ее отца С.Я. Аллилуева, который был другом не только Сталина, но и Ленина. Сталин знал его с 1903 года. Незадолго перед смертью в 1945 г. С.Я. Аллилуев, тесть Сталина, начал писать книгу воспоминаний, события в которой доходили только до 1905 года. Она была опубликована в 1946 г. с предисловием М.И. Калинина. С.Я. Аллилуев умер в возрасте 79 лет. А.С. Аллилуева, опубликовав книгу воспоминаний, начала также выступать с лекциями по истории революции. В этом случае ей приходилось отвечать на разные вопросы. В мае 1947 г. книга воспоминаний Аллилуевой была раскритикована в «Правде» и затем изъята из обращения. Ей предложили также прекратить лекционные турне. Критические разговоры о Сталина были зарегистрированы оперативной техникой и в доме Е.А. Аллилуевой.

Первой, в начале декабря 1947 года, арестовали Е.А. Аллилуеву, которую обвинили в антисоветской деятельности и в распространении клеветы в отношении главы советского правительства. Через несколько дней арестовали и ее мужа Молочникова. В январе

1948 г. арестовали и А.С. Аллилуеву, предъявив ей такие же обвинения. В круг друзей Аллилуевых и Молочникова попали И.И. Гольдштейн и З.Г. Гринберг. Гольдштейн, экономист, работал вместе с Молочниковым и Павлом Аллилуевым в торговом представительстве СССР в Берлине в 1929—1933 годы. Гринберг, литератор и сотрудник СМ. Михоэлса по работе в ЕАК, также посещавший квартиру Аллилуевой, познакомил артиста с родственниками Сталина.

Уже на первых допросах в декабре 1947 г. Е.А. Аллилуева сообщила, что Гольдштейн интересовался семьей Сталина и особенно семьей Светланы и Григория Морозова. На допросах в тюрьме МГБ, проводившихся под личным контролем Абакумова, Гольдштейн сообщил о том, что информацию о Сталине он собирал по просьбе Михоэлса, председателя ЕАК. Арестованный З.Г. Гринберг тоже дал показания, что Михоэлс проявлял интерес к личной жизни вождя и сообщает эти сведения на Запад. И эта деятельность явно была антисоветской...

Небольшой комментарий. Конечно, со времен «оттепели» троцкиста Хрущева принято считать, что все эти показания были выбиты из них силой. По сию пору это убеждение культивируется особо рьяно. Но кто бы хоть раз призадумался над следующим: а стоила ли эта информация того, чтобы применять к подследственным насильственные методы?! Ведь МГБ-то располагало беспристрастными данными технического контроля, сиречь «прослушки», и чекистам не было никакой нужды прибегать к силовым методам, чтобы заполучить такие данные. Если кто-то из подследственных по этому делу что-то утаивал, то, опи-

раясь на эти и иные данные, ему прямо говорили, что такого-то числа в такое-то время он вел такие-то беседы на такие-то темы. А далее следователи требовали, чтобы он рассказал всю правду о том, кто инициатор этих бесед, каково их содержание (это делалось для сравнения с данными технического контроля и выявления степени искренности и правдивости показаний) и кому передавалось их содержание. Это обычный прием следственной работы, к тому же совершенно не требующий применения даже тени намека на силовые приемы ведения следствия. Здесь все построено на психологическом шоке. Кстати говоря, эта следственная практика — общемировая, а не только советская. Это **во-первых.**

Во-вторых, по сию пору считается, что обвинения подследственных по делу ЕАК в шпионаже и измене родине являются надуманными. Но это далеко не так. Точнее, вовсе не так. Для начала примите во внимание то обстоятельство, о котором говорилось выше, когда речь шла об использовании «еврейского фактора» советской разведкой во время Великой Отечественной войны. Советские органы госбезопасности в данном случае не являлись первооткрывателями. Этот фактор используют все, кто имеет возможность его использовать. Но, и обратите на это особое внимание, если советская разведка использовала этот фактор для достижения советских внешнеполитических целей, то с какой стати следует думать, что американские спецслужбы и та же Всемирная сионистская организация, которая располагает уникальнейшей разведывательной службой, не использовали (и не используют) этот

же фактор?! Тем более по состоянию на то время, когда создавалось государство Израиль. Потребность в любой информации, которая могла способствовать решению этого важнейшего тогда для евреев всего мира вопроса, была беспрецедентно огромна. Особенно для лидеров сионизма.

А чтобы было легче понять, о чем идет речь, и чтобы окончательно расставить точки над «i», позвольте процитировать уникальнейшее признание личного секретаря основоположника структурированного политического сионизма Теодора Герцля — Якова де Хааса. В феврале 1928 года на страницах американского еврейского журнала **«Menorah Journal»** он писал: **«Настоящая организация не бравирует по поводу и без повода своими действительными возможностями. При нужде, однако, нельзя упускать из виду и эту форму демонстрации. Великая сила американской сионистской организации заключалась** (и заключается. — А. М.) **в неисчислимости ее контактов и связей, в доскональной осведомленности о тех, кто распоряжался людскими ресурсами, являвшимися базой этих контактов. Разве у англичан не возникала необходимость заполучить надежного информатора в Одессе, разве им не был нужен в Харбине (Китай. —** ***А.М.)*** **довереннейший агент? А когда президент Вильсон потребовал в кратчайший срок представить ему обобщенную информацию в тысячу слов, детально излагающую, какие силы стоят за Керенским, поднявшимся к власти в России... все эти услуги обеспечил нью-йоркский (сионистский) центр, не претендуя ни на что,**

но получая многое — уважение и расположение деятелей, чьи подписи скрепляли великие дела. Тысячи сионистов работали повсюду и служили верно на своих глубоко эшелонированных позициях...»

Надеюсь, теперь понятно, что обвинения в шпионаже не были пустопорожними. Вместе с тем хотелось бы сразу же предупредить тех, кто решит усмотреть в этом основание для тезиса о «зловредности евреев». Использование в разведывательных целях этнических диаспор в других странах чрезвычайно характерно практически для всех разведок мира, тем более крупнейших. Это один из важнейших методов работы практически всех разведок мира, это их важнейшая вербовочная база. Так что евреи в этом отношении отнюдь не одиноки. Потому и не следует усматривать в этом какую-либо особую зловредность евреев. Это в корне будет неверно. Напротив, необходимо с должным уважением изучать их богатейший опыт, дабы эффективно применять аналогичные приемы и методы в интересах своей Родины, а, при возникновении необходимости, и противостоять попыткам что-либо выведать у нас.

Ну и, **в-третьих.** Ни в коей мере и ни при каких обстоятельствах нельзя расценивать исследуемые факты как проявление антисемитизма, тем более на государственном уровне. Еще раз напоминаю, что, по мнению прекрасного знатока еврейского вопроса в сталинское время — **Жореса Медведева, — «ни антисемитом, ни тем более юдофобом Сталин не был. Юдофобия — это болезненная ненависть к любому представителю еврейской нации... У Сталина этого не**

было. Нет ни одного высказывания — ни в официальных его выступлениях, ни в архивных документах, которое можно было бы процитировать как антисемитское». Что же до тех дел, по которым фигурантами являлись евреи, то, по справедливому мнению Ж. Медведева, необходимо рассматривать их не с позиций якобы имевшей место сталинской юдофобии, а только с позиций внешней и внутренней политической конъюнктуры того времени, что он настоятельно всем и рекомендует.

Поражение Германии в войне и создание государства Израиль (которое, кстати говоря, первым-то признал именно Советский Союз. — А.М.) лишали Еврейский антифашистский комитет его основных задач. Поэтому после войны для членов ЕАК основным делом стал сбор документальных материалов для «Черной книги» о злодеяниях фашистов против евреев (эта идея возникла независимо у многих — в том числе у А. Эйнштейна, И.Эренбурга и др.). Эренбург, создававший эту книгу вместе с В. Гроссманом, хотел ее издать и на русском языке. Однако это не было в русле интересов советского правительства и фактически выходило за рамки полномочий ЕАК.

Небольшой комментарий. Может показаться довольно странным утверждение С. Миронина о том, что публикация «Черной книги» была не в русле интересов советского правительства. Но это действительно было так. И вот почему. Как известно, основную тяжесть войны и страданий в Великой Отечественной войне вынесли славянские народы СССР, прежде всего великий

русский народ. Хотя бы, например, потому, что даже сугубо географически гитлеровская агрессия тяжеленным катком прошлась по ареалу именно их проживания на советской территории. И понесенные славянскими народами СССР жертвы беспрецедентно огромны. С этим, надо полагать, никто спорить не будет. Это с одной стороны. С другой же, в первый послевоенный период признавался уровень потерь Советского Союза в войне в количестве 6—7 млн человек. Главным образом это происходило по политическим мотивам, хотя и бытовавшую тогда неосведомленность об истинном уровне потерь тоже нельзя сбрасывать со счетов. Ведь перепись-то населения была проведена не сразу после войны, а чуть позже (правда, в узком кругу Сталин говаривал, что война выбила примерно 30 млн человек). Так вот, в такой ситуации публикация «Черной книги», в которой достаточно точно указывались цифры замученных и расстрелянных гитлеровцами советских евреев — примерно один миллион человек, — привела бы к обратному эффекту, то есть не к необходимому человеческому состраданию, а, наоборот, к взрыву бытовой юдофобии. Потому что при всем том, что славные сыны еврейского народа тоже принимали активнейшее участие в войне и проявили себя на полях сражений как храбрые и мужественные воины, 108 из которых были удостоены звания Героя Советского Союза[1], публикация

[1] Кстати говоря, по количеству Героев Советского Союза за годы войны евреи находятся на пятом месте — после русских, украинцев, белорусов и татар.

«Черной книги» сформировала бы в общественном сознании СССР, мягко говоря, не совсем точное впечатление о значимости и тяжести понесенных евреями жертв в войне. Если официально признававшаяся тогда цифра потерь в войне составляла 6—7 млн человек, то вышло бы, что каждый шестой-седьмой погибший в войне — еврей.

Для нормального человека совершенно естественно чтить память погибших в борьбе с нацизмом в годы той страшной войны, в том числе и евреев. Но столь же естественно не забывать, что основные-то жертвы понесли именно славянские народы, прежде всего именно русский народ! И в такой позиции нет даже и тени намека на тень намека на какую бы то ни было юдофобию и тем более отрицание понесенных евреями жертв. Вся суть такой позиции совершенно в ином. И лучше всего ее выразил выдающийся представитель еврейской интеллигенции, великий скрипач XX века, человек исключительного ума и потрясающего благородства — Иегуди Менухин (кстати говоря, выходец из России). Примерно полтора десятка лет назад, в интервью корреспонденту НТВ, он заявил: **«У евреев нет права на монополию на сострадание. Наибольшие жертвы во Второй мировой войне понес русский народ».**

Вот почему попытка публикация «Черной книги» и не приветствовалась советским правительством, ибо оно прекрасно понимало, к чему она может привести. В стране разруха, для восстановления народного хозяйства крайне необходимо абсолютное единение советского наро-

да, а отнюдь не разлад на национальной почве. Хотя никогда и ни при каких обстоятельствах правительство СССР не забывало ни о вкладе евреев в нашу общую Победу, ни тем более о зверствах гитлеровцев над еврейским населением СССР, и на основании фактов самым первым в мире во всеуслышание об этом заявило еще в самом начале 1942 года. Потому и счет Германии был предъявлен особый.

В 1947 г. печатание «Черной книги» было остановлено, а часть уже отпечатанного тиража передана в ЕАК, который в нарушение советских законов переправил копии «Черной книги» на Запад (еще в 1946 г. — *А.* М.), где она и была опубликована.

Обратите внимание. «Союз еврейских ученых, художников и писателей США» решил издать вместе с ЕАК «Черную книгу» на английском языке, то есть раньше, чем в СССР... В США книга вышла в начале 1946 года, и значительная часть тиража была доставлена на Нюрнбергский процесс... Это значит, что «Черная книга» привлекла внимание мира к фактам массового уничтожения европейских евреев нацистами. О Холокосте заговорят позже, но «Черная книга» открывает ряд правдивых документальных свидетельств и воспоминаний о пережитом евреями Европы и СССР.

Почему же издание «Черной книги» было не в интересах Советского правительства? Да потому, что она раскрывала многие секреты, которые по законам холодной войны не надо было предавать огласке. Вне зависимости от... оценки необходимости публикации «Черной книги» за рубежом подобное поведение ЕАК еще раз подчеркивает, что ЕАК вел собственную политику, независимую от интересов советского госу-

дарства. Поэтому постепенно ЕАК стал восприниматься как опасный организационно-националистический центр.

Небольшой комментарий. На этот раз вынужден всерьез подправить уважаемого коллегу. Конечно, ничего, абсолютно ничего плохого нет в том, что «Черная книга» привлекла внимание мира к фактам массового уничтожения евреев нацистами. И уж тем более ничего плохого нет в том, что она открыла ряд правдивых документальных свидетельств и воспоминаний о пережитом евреями. Но в первую очередь следовало бы говорить не о европейских евреях, а о советских, так как книга описывала зверства гитлеровцев именно над ними. Именно они были главной мишенью всех нацистских зверств. Это **во-первых.**

Во-вторых, о каких таких законах холодной войны соизволил говорить уважаемый коллега?! Ведь она только-только началась и еще не набрала ни собственной инерции, ни тем более не сформировала каких-то «своих законов», да и секретами особыми еще не обзавелась! Весь ее дурацкий секрет заключался в фултонской речи Черчилля, содержание которой было известно всему миру. Это прежде всего. Главное же заключается в том, что появление «Черной книги» на Нюрнбергском процессе и чрезвычайно широкое паблисити, созданное ей западными СМИ, создало ситуацию, когда неисчислимые потери славянских народов СССР, прежде всего русского народа, оказались как бы в тени. А ведь государствообразующим народом СССР — главнейшего

победителя во Второй мировой войне и одного из главнейших обвинителей на Нюрнбергском процессе, — являлся именно русский народ, вынесший главную тяжесть войны. Более того. СССР, Украинская ССР и Белорусская ССР — также чрезвычайно сильно пострадавшие в войне, — уже являлись членами ООН. Между тем, с другой-то стороны, появление «Черной книги» на Нюрнбергском процессе как бы исподволь формировало ситуацию возмездия еврейского народа гитлеровцам (в том числе и от имени СССР), хотя Нюрнбергский процесс — это дело именно Объединенных Наций. Надо полагать, и без дополнительных разъяснений должно быть понятно, почему правительство СССР было явно не в восторге от такой отнюдь не «художественной самодеятельности» ЕАК.

12 октября 1946 г. Министерство государственной безопасности СССР направило в ЦК ВКП(б) записку под заглавием «О националистических проявлениях некоторых работников Еврейского антифашистского комитета». Заведующий отделом внешней политики ЦК М.А. Суслов организовал проверку и уже 19 ноября того же года докладывал в ЦК о результатах. В решении было отмечено, что во время войны ЕАК сыграл положительную роль, а после войны его деятельность была сочтена политически вредной. Она, по мнению Суслова, приобретала все более националистический, сионистский характер и объективно способствовала усилению «еврейского реакционного буржуазно-националистического движения за границей и подогреванию националистических сионистских настроений среди некоторой части населения СССР».

Небольшой комментарий. Если отбросить идеологически штампы того времени, то увидим следующее. Обобщая содержание вышеприведенных комментариев, следует указать, что советское руководство выражало недовольство тем, что ЕАК стал целенаправленно обретать несвойственные общественно-политической организации, тем более созданной во имя достижения четко определенных состоянием войны целей, функции, которые все более начинали смахивать на некое подобие правительства, представляющего интересы еврейского населения. Советскому руководству, тем более старшему по возрасту его звену, прежде всего самому Сталину, прекрасно было известно, как еврейские общественные организации превращались в общественно-политические, а затем и в политические (на базе идей сионизма), представляющие интересы еврейского населения своих стран.

С самого начала вся история структурированного политического сионизма (Всемирная сионистская организация была создана в 1896 г.) проходила на глазах советских лидеров. Знали они и о роли еврейского Бунда в истории революционного движения в России, в том числе и в возникновении Российской социал-демократической партии. Поэтому они и были лишены шанса недооценивать силу и роль еврейских организаций. Тем более что во время войны сами использовали эти факторы в интересах СССР. Став в силу целого ряда исторических обстоятельств монопольной партией, ВКП(б) вовсе не намеревалась с кем-либо делить власть в стране. Аналогичную позицию занимало и правительство

СССР во главе со Сталиным. И уж тем более ни та ни другое не намеревались делить власть в стране с организацией, которая все более идентифицировала себя с целями, задачами и деятельностью зарубежной организации, у руля которой находились граждане ставших после Второй мировой войны враждебными Советскому Союзу государств. Не говоря уже характерном для Сталина делении евреев на просто евреев и евреев-националистов. К тому же следует иметь в виду, что советские органы государственной безопасности хорошо были знакомы с деятельностью сионистских организаций, в том числе той самой «Джойнт», в связях с которой обвиняли членов ЕАК.

В свое время — вплоть до 1930 г. — в СССР существовал ***«Ленинградский еврейский комитет помощи»,*** *именовавшийся кратко* ***ЛЕКОПО.*** *Его предшественниками были* ***«Еврейское благотворительное общество»,*** *зарегистрированное Петрогубисполкомом в августе 1919 г., и* ***«Еврейское общество взаимопомощи».*** *В положении о создании «Еврейского благотворительного общества» указывалось: «Общество имеет целью оказание помощи неимущему населению города Петрограда, в осуществление каковой цели предлагает выдавать беспроцентные ссуды и денежные пособия, содержать и устраивать еврейские кошерные столовые...» и т.д. Казалось бы, ну что тут такого сверхъестественного или подозрительного} Внешне вроде бы ничего. Однако в протоколе от 10 января 1930 года заседания Рабоче-крестьянской инспекции Центрального городского района Ленинграда о ликвидации* ***ЛЕКОПО*** *было указано: «В артели, организуемые* ***ЛЕКОПО,*** *принимались*

торговцы, имеющие задолженность перед ОБАФО, причем принимались не только торговцы-евреи, но и другие национальности. Взяв на себя обязанность по оказанию помощи бедным евреям, ЛЕКОПО оказывало всемерную поддержку торговцам, укрывая их под своей фирмой от облфинотдела. Артели возглавляли лица, никакого понятия не имеющие о производстве... Айзберг, Аесман. ***ЛЕКОПО*** *являлось связующим звеном с религиозными организациями, поддерживает националистические настроения, занимается коммерческой деятельностью (аукционный зал), имеет в своем руководящем составе классово чуждых людей».*

Но и это еще далеко не все. Чтобы занять пост главного раввина Риги, в 1927 году из СССР в Латвию выехал некто И.Ш. Шнеерсон. Почему-то его путь в Латвию оказался окольным — через Германию, где он встретился с двумя видными представителями американского сионистского капитала. После этого произошла удивительная метаморфоза с самим Шнеерсоном — именно после этой встречи он стал центральной фигурой в организации передачи крупных денежных средств от американской сионистской организации ***«Джойнт»*** *ее агентуре в СССР. А* ***ЛЕКОПО,*** *как установило еще ОГПУ, как раз и являлось одной из главных «крыш», прикрывавших деятельность агентов* ***«Джойнт»*** *на территории СССР. Вот почему органы госбезопасности СССР с давних пор хорошо были знакомы с деятельностью* ***«Джойнт».***

26 ноября с этими материалами (запиской МГБ и материалами проверки, организованной Сусловым, — *А. М.)* ознакомили Сталина. Вскоре, как уже говори-

лось, был арестован научный сотрудник АН СССР З.Г. Гринберг и подвергнут допросу. Он сообщил, что ЕАК и лично С.М. Михоэлс собираются использовать брак Светланы Аллилуевой (дочери Сталина) с евреем Г. Морозовым для решения вопроса о создании Еврейской республики в Крыму. Сам Михоэлс был в это время уже противником этой идеи, однако Фефер и некоторые другие члены комитета имели иное мнение.

Небольшой комментарий. Здесь следует иметь в виду, что в период войны так называемый еврейский вопрос приобрел существенное значение во внешней и внутренней политике СССР, особенно в свете отношений с союзниками по антигитлеровской коалиции, прежде всего с США и Великобританией. Разворот политики союзников в сторону действительно эффективной поддержки СССР в борьбе с гитлеровской Германией, прежде всего по линии ленд-лиза, был осуществлен с помощью в том числе и еврейского фактора, о чем уже говорилось выше. Одновременно советское руководство откровенно рассчитывало получить значительные средства на восстановление народного хозяйства под видом оказания помощи еврейскому населению СССР. Собственно говоря, именно поэтому-то оно выражала в годы войны готовность обсуждать вопрос о создании еврейской республики в Крыму. Кроме того, оборотной стороной этого было определенное заигрывание с сионистскими кругами Запада, в ходе которого в качестве козырной карты разыгрывался «палестинский вопрос». Причем делалось это по двум направлениям: как в отношении сионистских организаций, так и в отношении Великобри-

тании, которая опасалась за послевоенное будущее своих позиций на Ближнем Востоке, в связи с чем препятствовала массовому переселению евреев в Палестину и образованию там еврейского государства.

Идея же создания еврейской республики в Крыму с санкции Сталина была использована советской разведкой в качестве серьезной затравки для установления под руководством резидентуры нашей разведки в США контактов с руководством сионистского движения в Америке в период 1943—1944 гг. Эту миссию как раз и выполнил С. Михоэлс, когда ездил в США во главе делегации ЕАК. Кстати говоря, под прикрытием его миссии советская разведка и вошла в контакт с руководством той самой американской сионистской организации «Джойнт».

В ходе своего визита в Америку С. Михоэлс и И. Фефер блестяще решили поставленные перед ними политические и экономические задачи. А идея создания в Крыму еврейской республики сыграла свою роль настолько, что ею заинтересовался даже один из влиятельнейших бизнесменов США, президент американской торговой палаты Эрик Джонстон, которого в июне 1944 года вместе с американским послом Авереллом Гарриманом принял Сталин. В ходе аудиенции обсуждались проблемы возрождения областей, ранее бывших главными местами расселения еврейского населения в СССР (в частности, Белоруссии), а также переселения евреев в Крым. Вопрос вышел на высший уровень — по предложению Молотова руководство ЕАК подготовило письмо на имя Сталина с обоснованием создания в Крыму еврейской республики.

Однако практически одновременно и без того достаточно проблематичную возможность реализации такой идеи на практике основательно подорвали несколько факторов, главными из которых являются следующие. **Во-первых,** американцы даже на словах соглашались предоставить только связанные кредиты и техническую помощь, то есть конкретно для восстановления тех областей, где будет проживать еврейское население. Столь персонифицированное предоставление помощи было неприемлемо для Советского Союза, так как немедленно привело бы к взрыву бытовой юдофобии у основной части населения, тем более в чрезвычайно сильно пострадавших во время войны славянских республиках. К слову сказать, даже после того, как идея этого проекта и вовсе была похоронена, в 1947 г., ситуация была именно такой.

Выдающийся ас советской разведки П.А. Судоплатов приводит в своих мемуарах суть телефонного разговора первого секретаря КП Украины Н.С. Хрущева с первым секретарем КП Узбекистана Усманом Юсуповым. Пожаловавшись в ходе этого разговора на то, что эвакуированные во время войны в Ташкент и Самарканд евреи обратно «слетаются на Украину как вороны» (выражение самого Хрущева), Хрущев просил елико возможно приостановить поток возвращающихся из эвакуации евреев, так как на Украине просто нет места для их расселения, ибо города разрушены. Ситуация на Украине была чревата антиеврейскими погромами. Ведь возвращавшиеся из эвакуации евреи требовали жилья, работы и т.п., чего власти не могли им предоставить, тем более,

сразу и в полном объеме, так как приходилось думать о нуждах коренного украинского населения. Между тем в эти процессы стал активно вмешиваться ЕАК, всячески стараясь защитить интересы евреев в имущественных и жилищных вопросах.

Конечно, в целом инициативы ЕАК были деловыми. Однако именно неуместная своей небывалой беспрецедентностью настойчивость в решении вопросов, затрагивавших жизненные интересы только евреев при условии всеобщей разрухи, послевоенной нищеты и обездоленности коренного украинского населения автоматически вызывала крайнее раздражение как у властей республики, так и у самого населения. Потому-то Хрущев и опасался антиеврейских погромов. В общем ситуация была из тех, что описали еще «классики научно обоснованного бандитизма»: «Я начинаю понимать французский антисемитизм, — писал в свое время Ф. Энгельс, — когда вижу, как эти евреи польского происхождения с немецкими фамилиями пробираются повсюду, присваивают себе все, повсюду вылезают вперед, вплоть до того, что создают общественное мнение города-светоча...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, с. 345). Собственно говоря, именно во избежание подобных ситуаций Сталин требовал от американцев предоставить не связанные кредиты и техническую помощь, то есть не обуславливать их предоставление только восстановлением мест компактного проживания евреев.

Во-вторых, в этот процесс вмешался фактор атомной бомбы. В 1943 году Сталину, судя по

всему, каким-то образом удалось достичь некой договоренности с руководством американского и особенно мирового сионистского движения, суть которой была в следующем. Руководство американского и особенно мирового сионистского движения окажет сугубо конфиденциальное содействие в переправке в СССР всех необходимых для производства атомной бомбы научных, научно-технических, научно-технологических и технологических секретов США, а также необходимых для организации такого производства на первом этапе стратегических материалов. Единственное, что Сталин мог гарантировать взамен, так это поддержать авторитетом СССР идею создания еврейского государства в Палестине. Ничего иного он предложить взамен не мог. С одной стороны, потому что ничего иного у него и не было. Разговоры же о создании еврейской республики в Крыму были явно для отвода глаз с прицелом на возможное получение финансовой помощи на послевоенное восстановление. А с другой стороны, ничто иное и не интересовало руководство мирового сионизма. Оно было решительно настроено покончить с британским мандатом на управление Палестиной и создать-таки там еврейское государство, которое к концу войны де-факто и так уже существовало. К тому же определенные круги США также были заинтересованы в том, чтобы вышибить Великобританию с Ближнего Востока.

Как ни крути, но эта договоренность явилась своего рода римейком одной истории военно-промышленного шпионажа времен Первой мировой войны, в результате которой лидеры ми-

рового сионизма добились-таки создания в Палестине еврейского национального очага под британским протекторатом.

Речь идет о знаменитой «ацетоновой» истории. Ее суть в следующем. С помощью сионистов, прежде всего самого лидера Всемирной сионистской организации (ВСО) — Хаима Вейцмана, который был блестящим химиком и ранее работал по линии германского военного ведомства, а, перебравшись в Англию, возглавил отдел военной химии в британском Адмиралтействе, — из Германии в Англию попала технология производства искусственного ацетона, крайне необходимого для производства пороха[1]. *Технология была разработана германским химиком Фрицем Табером (евреем по национальности), который одно время руководил военно-химическим отделом германского военного ведомства и лично знал Х. Вейцмана. Одновременно в Англию попали и германские дипломатические шифры. Услуга не была забыта. И вскоре под британской эгидой в Палестине был организован еврейский национальный очаг.*

Судя по всему, в свое время Сталину стало известно об одном чрезвычайно важном факте,

---

[1] Не путать с формулой искусственного ацетона, которую открыл великий русский химик Лебедев. В самом начале Первой мировой войны, невзирая на английскую морскую блокаду, из-за которой прекратились поставки чилийской селитры, с помощью которой ранее и производился порох, в Германии очень быстро наладили производство искусственного ацетона по технологии Ф. Табера, а на его основе и самого пороха. Однако к весне 1915 г. этим секретом «овладела» и Англия. Ее производство взрывчатых веществ скачкообразно выросло - с 9 тысяч тонн в 1914 г. до 50 тысяч тонн в 1915 г. Уже в апреле того же года Ллойд Джордж хвастался в британском парламенте резким ростом производства боеприпасов и их расхода на полях сражений. Впоследствии он откровенно признавал, что именно «ацетоновое дело» сделало его сионистом.

реальность которого после воины признала одна из влиятельных сионистских газет мира, иоганнесбургская **«Jewish Herald». В** номере от 10 ноября 1950 года она опубликовала статью, автор которой утверждал следующее. Когда в США начались работы по созданию атомного оружия, **«доктору Вейцману** (то есть Хаиму Вейцману, руководителю Всемирной сионистской организации. — *А.М.)* **было предложено собрать несколько наиболее известных еврейских ученых и организовать из них группу, которая могла бы ставить союзникам условия в интересах еврейства».** Автор статьи утверждал, что лично видел соответствующий документ, составленный и переданный Вейцману одним ученым, приобретшим известность в области военных изобретений. **Но чтобы ставить союзникам по антигитлеровской коалиции условия, на руках у Вейцмана должна была быть уникальная козырная карта. Этой уникальной козырной картой и была совокупность американских секретов производства атомной бомбы.**

Трудно с абсолютной точностью сказать, в какой мере, на каком этапе и на каких ролях Михоэлс, Фефер и другие руководители ЕАК участвовали в реализации этого римейка на практике, но факт остается фактом — к организации добывания разведывательной информации по атомной проблеме они оказались более чем причастны. П.А. Судоплатов открыто признал в своих мемуарах, что роль Михоэлса и Фефера в разведывательной операции по установлению контактов с близкими к Эйнштейну кругами ученых-специалистов, занятых разработкой атом-

ного оружия, была существенной. При содействии Михоэлса и Фефера был налажен контакт как с этими людьми, так и с близкими к семье Эйнштейна русскими эмигрантами супругами Коненковыми (глава семьи — выдающийся русский скульптор). Фактически был налажен канал для поступления хотя и устной, но очень важной информации о перспективах атомного оружия (по терминологии того времени «нового сверхоружия»), обсуждавшихся в Принстоне при участии выдающихся ученых XX века Ферми и Оппенгеймера.

Стоила ли овчинка выделки?! Вне всякого сомнения, стоила! Евреи получили свое государство и, надо отдать им должное, по сию пору помнят и искренне чтят роль Советского Союза в создании и признании государства Израиль — ведь СССР не только проголосовал за создание еврейского государства, но и первым из великих держав признал его. А Советский Союз, хотя и по разведывательным каналам, но с помощью именно еврейской агентуры получил все необходимые секреты производства атомного оружия, с помощью которых, а также опираясь и на собственные изыскания советские ученые в кратчайшие сроки ликвидировали атомную монополию США.

К тому же в процесс оказания американской помощи по ленд-лизу незаметно были вмонтированы и конфиденциальные поставки сугубо стратегического сырья для организации научных исследований и производства атомной бомбы. Они охватывали редкоземельные металлы бериллий, кадмий, кобальтовую руду и ее концен-

трат, кобальт-металл и кобальтовый лом, уран-металл, специальные алюминиевые трубы, графит, торий, нитрат урана, окись урана, урановый оксид и многое другое. Причем в достаточно больших количествах. Например, если исходить из того, что известно, то количество переправленного тогда в СССР урана составило один килограмм, графита — без малого 170 кг, редкоземельных металлов всех видов, а также нитрата урана, окиси урана и уранового оксида — примерно столько же и т.д. Даже формально числившееся гражданским различное оборудование при ближайшем-то рассмотрении, выходит, было ориентировано на создание промышленной базы для производства атомного оружия. **Так что по всем параметрам овчинка более чем стоила своей выделки!**

Практически сразу после войны вопрос о Крыме отпал как бы сам собой — июньским 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Крым был преобразован в административную область в составе РСФСР. А в конце 1945 года бывшие союзники по антигитлеровской коалиции вопреки всем ранее достигнутым договоренностям сепаратным образом создали Англо-американский комитет по Палестине, не пригласив для участия в его работе Советский Союз. Это дало Сталину прекрасный повод начать с апреля месяца 1946 года кампанию за создание еврейского государства в Палестине. То есть он четко соблюдал взятые на себя обязательства по секретной договоренности — атомные секреты в обмен на поддержку идеи создания еврейского государства в Палестине.

В итоге Михоэлс, который очень многое знал по этим проблемам, сообразил, что от идеи создания еврейской республики в Крыму надо отказаться. И он, по свидетельству Судоплатова, изменил свою позицию. Однако его соратники по ЕАК, в частности Фефер и другие, имевшие большое влияние в комитете, не сделали должных выводов и по-прежнему будировали этот вопрос. Все бы ничего, если бы в это же время по каналам разведки не стали поступать крайне тревожные данные о планах США, Великобритании и даже Франции по организации новой мировой войны против СССР с применением атомного оружия. Тем более что в этих планах четко прослеживалась и цель максимально возможного расчленения Советского Союза, лишения его выходов в моря и особенно в Мировой океан. А Крым в этом плане является одной из ключевых позиций. К тому же следует иметь в виду, что одновременно стала поступать и разведывательная информация о попытках США и Великобритании создать Средиземноморский военно-политический блок, ориентированный против СССР. В результате сложилась ситуация, когда по-прежнему настойчивые просьбы ряда руководящих деятелей ЕАК создать в Крыму еврейскую республику объективно оказались в русле агрессивных планов Запада, направленных против СССР. И чем больше руководители ЕАК будировали этот вопрос, тем больше подозрений они вызывали в Кремле. Однако вернемся к цитированию главы из книги С. Миронина.

Дело резко осложнилось после гибели 13 января 1948 года в Минске Соломона Михоэлса. После смерти Михоэлса отношения между ЕАК и советским руководством становятся все более напряженными.

Небольшой комментарий. По сию пору особо рьяно муссируется абсолютная ложь о том, что Михоэлса убили по приказу Сталина. Но ни Сталин, ни органы госбезопасности никакого отношения к смерти Михоэлса не имели. К глубокому сожалению, он и его попутчик — Голубев — попали в обычную автокатастрофу. Специально подчеркиваю, что в обычную, то есть никем не устраивавшуюся автокатастрофу. Один из проходивших по делу ЕАК подсудимых — Зускин — во время суда показал следующее: «14 утром в Москву прибыл гроб с телом Михоэлса. Перед этим нам позвонил академик Збарский, который был дружен с Михоэлсом, и сказал, что как только прибудет гроб с телом в театр, чтобы позвонили ему, так как он хочет осмотреть, в каком состоянии находится тело и можно ли его выставлять для прощания. И в 11 часов, как только прибыло тело, прибыли академик Збарский, Вовси (брат Михоэлса) и художник Тышлер.

Когда раскрыли оцинкованный гроб, около гроба мы были впятером, мы увидели проломанный нос, левая щека сплошной кровоподтек, и тогда мне академик Збарский заявляет, что он заберет труп к себе в институт, где обработает лицо, чтобы можно было выставлять...

Когда Збарский приехал на похороны, он мне говорил, что, безусловно, смерть Михоэлса пос-

ледовала вследствие автомобильной катастрофы, и объяснил мне, что одна рука сломана и потом эта же щека в кровоподтеке. Это случилось вследствие того, что одна машина, шедшая навстречу, налетела на другую, и их обоих отбросило в сторону, значит, они погибли в результате удара машиной. И здесь же он мне сказал, что он умер хорошей смертью. Если бы ему оказали сразу помощь, то может быть можно было коечто сделать, но он умер от замерзания, потому что он лежал несколько часов в снегу».

Приводя эти показания Зускина на страницах своей книги «Убийство Сталина и Берия», Ю.И. Мухин отмечает: «Итак, два академика медицины, один из которых родной брат покойного, определили, что никакая машина не переезжала Михоэлса "передними и задними скатами" (именно эта выдумка почему-то постоянно муссируется в литературе, в том числе и с подачи Судоплатова. — А. М.), что у него были сломаны только рука и нос, и что если бы в это время его заметил случайный прохожий и просто занес в дом или привел в сознание (трагедия произошла на одной из неосвещенных в послевоенном Минске пустынных улиц), то Михоэлс остался бы жив, поскольку причиной его смерти было переохлаждение. Так чего стоят все фальшивки с его "убийством"?

Еще. Понятное дело, если бы Михоэлса действительно убили, если бы Берия действительно за это арестовал с согласия Президиума ЦК участников убийства, то начиная с "разоблачения культа личности" об этом бы кричали на всех перекрестках. Но об этом до самой перестройки

молчали, и неспроста. Дело в том, что Берия реально арестовал 4 апреля 1953 г. только Огольцова, но ни Огольцов, и никто из остальных "участников", судя по всему, до самой смерти и слыхом не слыхали о том, что они обвиняются в убийстве Михоэлса.

Сейчас все пишут, что вместе с Огольцовым был арестован и Цанава. Ничего подобного! Цанава, которого уволили из МГБ еще в 1952 г., как пишет Судоплатов, "был арестован лишь полгода спустя, но не за участие в убийстве Михоэлса, а как член "банды Берия".

Шубняков был арестован в 1951 г. вместе с Абакумовым, как член еврейского заговора в МГБ. Как только Берия возглавил объединенное МГБ-МВД, Шубняков был немедленно освобожден и уже 17 марта стал заместителем начальника 1-го главного управления. После убийства Берия в члены его "банды" Шубняков не попал и продолжал в дальнейшем работать заместителем начальника 1-го, а потом 2-го Главных управлений КГБ. И про то, что его Берия "арестовывал за убийство Михоэлса и лишал орденов", он, надо думать, и не догадывался.

После убийства Берия Хрущев немедленно освободил Огольцова, но должности ему не давали — он находился за управлением кадров в КГБ, а потом в запасе. Возможно, он начал вести себя по отношению к Хрущеву как-то нагло, поскольку в 1958 г. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС рассмотрел его дело и исключил из партии. Но в протоколах Комитета и слова нет про Михоэлса. Огольцова исключили за фальсификацию дел в 1941 г. в Ленинграде (что, кста-

ти говоря, было натуральной фальсификацией со стороны самого Комитета партийного контроля, так как за Огольцовым в те времена такого не числилось. — А. М.).

То есть реально не было не только никакого убийства Михоэлса, но и Берия никого не арестовывал в связи с этим.

Вопрос: тогда зачем нужно было стряпать и подбрасывать в архивы горы фальшивок по этому делу?..

...Ответ: его смерть можно выдать за спецоперацию МГБ. Зачем? Затем, что тогда можно объяснить, за что Берия арестовал Огольцова, и скрыть истинную причину его ареста (Берия арестовал его за прямую причастность к убийству Сталина. — *А. М.)*».

Присоединяясь к справедливому и объективному, поскольку в его основе документы и факты, выводу Ю.И. Мухина, от себя добавлю следующее. Ведавшие злоумышленной фальсификацией этого дела чинуши из ЦК КПСС почему-то строго выполняли постановление сессии Совета НАТО от 1952 года о разжигании антисемитизма в странах Восточной Европы и СССР. Даже спустя десятилетия по-прежнему рыли землю, чтобы выполнить постановление сессии Совета НАТО!

Теперь отойдем от цитирования книги С. Миронина и обопремся на данные Ю.И. Мухина. В своей блестяще аргументированной, выдержавшей уже не одно издание книге «Убийство Сталина и Берия» он обратил внимание на то, что колоссальную роль в усилении этого напряжения сыграло открытие в Москве посоль-

ства государства Израиль во главе с послом, впоследствии знаменитым премьер-министром Израиля Голдой Меир. Точнее, реакция еврейского населения СССР на открытие этого посольства. Дело в том, что спустя всего месяц после прибытия посольства в Москву, при посещении 3 октября 1948 года московской синагоги, Голду Меир ожидала небывало дружная демонстрация советскими евреями их приверженности Израилю, к тому же повторенная спустя всего десять дней, в еврейский праздник Судного дня. В Москву съехалось громадное количество евреев из разных уголков СССР. Всего 50 тысяч человек.

Тщательно проанализировав это обстоятельство, Мухин подчеркивает, что правительство СССР было ошарашено такой демонстрацией произраильских настроений. Причем в большей степени именно организационной стороной этой демонстрации. Ведь кто-то же организовал такую массовку. В то время, справедливо указывает Мухин, передвижение по стране было объективно затруднено. Еще остро давала о себе знать послевоенная разруха. Не хватало ни поездов, ни вагонов, ни паровозов. А за проезд в товарных поездах тогда даже давали год лагерей. И, несмотря на это, по чьему-то указанию десятки тысяч евреев со всего СССР получили внезапные отпуска или фиктивные больничные листы, им помогли приобрести билеты до Москвы, не говоря уже о том, что было организовано их размещение — ведь 50 тысяч человек! — в Москве. Было абсолютно ясно, что какая-то организация сумела это сделать в наикратчайшие сроки. Еще раз прошу обратить внимание на то, что посольство Израиля прибыло в Москву 3 сентября 1948 года, а уже 3 и особенно 13 октября Голду Меир ожидала небывало мощная демонстрация симпатий советский евреев к Израилю.

Ю.И. Мухин не без сарказма отмечает, что даже в 1957 году, когда послевоенная разруха уже была преодолена, для спасения Хрущева, которого старая гвардия намеревалась лишить всех постов в партии и государстве, пришлось прибегнуть к помощи военных, которые на военно-транспортных самолетах перевезли деятелей ЦК для участия в пленуме. И это притом что их тогда было всего 125, причем многие жили в Москве. И тем не менее потребовалась помощь министра обороны Жукова, чтобы срочно свезти их в Москву.

И вот этой самой организацией, которая смогла сделать то, что спустя десятилетие оказалось не под силу даже Президиуму ЦК, оказался Еврейский антифашистский комитет. Своими действиями ЕАК полностью и однозначно доказал, что окончательно вышел из рамок своих первоначальных функций (которые к тому же в связи с окончанием Второй мировой войны и так лишились какой-либо актуальности) и трансформировался в некое подобие параллельного правительству СССР властного органа, занимающегося представительством интересов еврейского населения Советского Союза.

Небольшой комментарий. В этой связи весьма любопытно одно письменное признание Генерального прокурора СССР Р. Руденко. Уж на что был склонен плясать под дудку Хрущева, но и он не смог проигнорировать неопровержимые факты, хотя и попытался смягчить острые углы. В 1955 году, подготовив в Политбюро записку о реабилитации арестованного по делу ЕАК бывшего члена ЦК ВКП(б) С. Лозовского, Руденко отмечал: **«Проверкой установлено, что некоторые руководители Еврейского антифашистско-**

го комитета из националистических побуждений пытались присвоить комитету явно несвойственные ему функции, вмешиваясь от имени комитета в разрешение вопросов о трудоустройстве отдельных лиц еврейской национальности, возбуждали ходатайства об освобождении заключенных евреев из лагерей, в своих литературных работах допускали националистические утверждения и т.д. Эти неправильные действия объективно приводили к тому, что еврейские националистические элементы пытались группироваться вокруг Еврейского антифашистского комитета».

Между тем такая ситуация однозначно попадала под юрисдикцию статьи 58/1 Уголовного кодекса РСФСР, которая гласила: «**Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституцией союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, или к подрыву и ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции». То есть, по сути дела, своими действиями ЕАК расписался в том, что трансформировался в антисоветскую и контрреволюционную организацию, едва ли не открыто противопоставляющую себя правительству СССР!**

Реакция советского руководства была однозначна — 20 ноября 1948 года Еврейский антифашистский комитет был упразднен. В начале 1949 г. был исключен из партии и арестован ряд членов ЕАК, но их дело

было передано в суд только в 1952 году. Всего по этому делу был арестован 431 человек, из которых 217 были писателями и поэтами, 108 — актерами, 87 —художниками, 19 — музыкантами.

Все предварительные показания арестованных по этому делу лиц, все собранные органами госбезопасности материалы тщательно рассматривались на Политбюро. Более того. Член Политбюро, председатель КПК М. Шкирятов специально встретился в тюрьме с каждым из обвиняемых и имел с ними беседу тет-а-тет. Все они подтвердили Шкирятову свою виновность и, прошу обратить на это особое внимание, не жаловались на то, что свои признания они сделали под пытками или по принуждению. И только убедившись в вине верхушки ЕАК, Политбюро дало согласие прокуратуре передать дело военной коллегии Верховного Суда СССР.

Суд под председательством генерала А.А. Чепцова рассматривал дело 15 человек открыто в период с 8 мая по 18 июля 1952 года. То есть 72 дня. Это означает, что суд был очень тщательным. К тому же он проходил «без участия сторон» — прокурора в суде не было, а соответственно и государственного обвинения тоже не было. Подсудимых обвиняли их же собственные признания, от которых они вполне могли отказаться, однако этой возможностью воспользовались только четверо из 15 —Лозовский, Шимелиович, Брегман и Маркиш отказались признать себя виновными. Правда, Маркиш одновременно поддержал обвинение других членов ЕАК в национализме и антисоветской деятельности.

В конце концов суд завершился весьма суровым приговором — 14 из 15 подсудимых были приговорены к расстрелу (подсудимая Л.С. Штерн была осуж-

дена на пребывание в ИТЛ, а после отбытия срока заключения — к ссылке на 5 лет). Всего же в связи с делом ЕАК было осуждено 110 человек из 431 арестованных.

Небольшой комментарий. Необходимо заметить, что 15 мая 1952 г. суд по делу ЕАК был временно приостановлен — у судьи Чепцова возникли сомнения в материалах следствия и он потребовал дорасследования. Сталин его поддержал. Однако 22 мая суд возобновился. В связи с этим фактом очень примечательно поведение судьи А.А. Чепцова в первое постсталинское время. Всего через три года после завершения суда по делу ЕАК Хрущев, который был причастен к столь суровому приговору, приказал реабилитировать осужденных по этому делу. И вот тут-то Чепцов внезапно накатал в ЦК и даже министру обороны Жукову записки, в которых утверждал, что все осужденные по делу ЕАК — невиновны (между прочим, по сей день непонятно, а какое отношение ко всем этим делам имел Жуков, что надо было и ему писать такую записку?).

Более того. Чепцов прямо так и написал, что еще в момент вынесения приговора он уже знал, что они невиновны! Хуже того. Нагло обманул Хрущева и весь ЦК по вопросу о доследовании дела, которого он потребовал в 1952 году. В своем объяснении Чепцов представил эту историю в следующем виде. Что-де он ходил к Маленкову, к министру МГБ Игнатьеву и его заму Рюмину с просьбой не судить, а вернуть дело на доследование. 34 года кряду эта ложь продержа-

лась. Но в 1989 году очередные идиоты из Комитета партийного контроля ЦК КПСС раскопали эту историю и официально сообщили, что, согласно показаниям помощника замминистра МГБ Рюмина — Гришаева, Чепцов ходил к Игнатьеву не потому, что считал дело ЕАК сомнительным и тем более что-де обвиняемые невиновны, а потому **«что арестованные не разоблачены и корни преступлений не вскрыты»!** То есть в 1952 году он откровенно считал, что если подсудимых расстрелять, то тогда будет невозможно выявить **«корни преступлений»** и потому потребовал от Игнатьева дорасследовать дело ЕАК. Однако будущий убийца Сталина — министр госбезопасности Игнатьев — решил спрятать концы этого дела в воду, точнее в смертном приговоре. Ведь дорасследование длилось-то всего 7 дней — 15 мая суд был приостановлен, а 22 мая возобновлен и завершен 18 июля суровым приговором.

Итак, если подвести итог краткому изложению сути дела ЕАК, то придется, говоря словами С. Миронина, признать следующее: «...Визит Меир катализировал и резко обнажил противостояние интересов евреев и Советского государства. Оказалось, что после создания государства Израиль советские евреи, хотя и далеко не все, будут колебаться, если возникнет вопрос, ради кого жертвовать своей жизнью — ради СССР или Израиля, и, может быть, предпочтут Израиль. Такая постановка вопроса требовала немедленного удаления евреев из властных и идеологических структур. Нет, это не значило, что советские евреи были хуже других народов, —

вопрос стоял о верхушке советских евреев, о тех, кто присвоил себе право говорить от имени советских евреев, тех, кто внедрял в сознание советских евреев идеи их исключительности.

Скорее всего, отношение евреев к Израилю и лично к Голде Меир интересовало Сталина меньше всего. Но то, насколько евреи оказались организованы, и кто оказался в первых рядах встречающих, зародило подозрения. Была дана отмашка на тщательную проверку. Оказалось, что в партии (и не только в ней, но и в армии и т.д.) вызрела мощная политическая группировка, тесно спаянная между собой и имеющая далеко идущие планы, весьма отличающиеся от основного курса партии, да еще плотно связанная с Западом...»

Руководство ЕАК сознательно оказалось в авангарде этих процессов, фактически пытаясь позиционировать себя как особое правительство всех советских евреев. К тому же вполне осознанно ориентируясь на Запад, с которым у СССР в послевоенное время началось великое противостояние, известное как «холодная война». На этом пути кровавое столкновение с действовавшим тогда советским уголовным законодательством было фатально неминуемо. Да, в общем-то, в любом государстве никто не потерпит даже попытки создать нечто вроде параллельного основному, конституционно законному правительству, тем более для отдельно взятой этнической группы. И уж трижды тем более никто такие попытки терпеть не будет, если пытающееся себя позиционировать как параллельное правительство для отдельной этнической группы населения (в многонациональном-то государстве) организация имеет четко выраженную ориентацию на враждебные зарубежные силы. Вот что необходимо всегда иметь в виду, когда кто-либо пытается

навешать «лапшу» на уши всякими бреднями насчет антисемитизма и юдофобии Сталина, вследствие которых он, видите ли, и уничтожил ЕАК и его руководителей.

Откровенно говоря, постоянные обвинения Сталина в ярой юдофобии и антисемитизме уже порядком надоели даже антисталинистам. **«Ни антисемитом, ни тем более юдофобом Сталин не был. Юдофобия — это болезненная ненависть к любому представителю еврейской нации... У Сталина этого не было. Нет ни одного высказывания — ни в официальных его выступлениях, ни в архивных документах, которое можно было бы процитировать как антисемитское».** На этом заявлении Ж. Медведева есть резон хотя бы чуть-чуть задержать внимание. Вы только вдумайтесь, из чьих же уст прозвучало это однозначное и категоричное признание!

Братья Медведевы не просто антисталинисты — они сыновья одного из репрессированных подельников Тухачевского Александра Медведева. И на своем веку немало натерпелись из-за этого. Это во-первых. Во-вторых, казалось бы, им-то, полукровкам — их мать Юлия Рейман была еврейкой, — и сыновьям репрессированного по делу Тухачевского военачальника, что называется, и карты в руки для обвинений Сталина в юдофобии. Ан нет, не опустились братья до расхожих глупостей дубовой пропаганды демократов — на основании точного документального знания категорически отвергают подобные обвинения в адрес Сталина! **Более того, даже те дела, по которым фигуранты были евреи, рассматривают не с позиций якобы имевшей место сталинской юдофобии, а только с позиций внешней и внутренней политической конъюнктуры того времени и настоятельно всем рекомендуют под-**

ходить к этим вопросам именно так и только так. Воспользуемся их советом и посмотрим, что и как было с так называемыми репрессиями в отношении видных представителей еврейского населения СССР в послевоенное время. В частности, что касается так называемой депортации евреев.

Миф о так называемой депортации еврейского населения из больших городов в специальные концлагеря в отдаленных районах страны пользуется большой популярностью в антисталиниане. Он существует с **13 января 1953 года,** то есть с момента публикации в «Правде» статьи о «деле врачей». Однако за прошедшие более чем полвека не найдено не то чтобы документа, но даже ни одного клочка какого-либо документа и даже тени следа намека на что-либо подобное. Особенно тех самых, якобы составленных еще в феврале 1953 г. «ужасных списков», в которых фигурировали якобы миллионы депортируемых евреев. Тем более не найдено даже тени следа соответствующих пропагандистских брошюр, якобы также отпечатанных в то же время в целях нагнетания юдофобствующей истерии. Кстати говоря, насчет последних, а также списков уже в наше время особенно «поупражнялся» некто В.П. Ерашов, еще в 1990 году тиражом в 250 тысяч экземпляров издавший книжонку «Коридоры смерти. Историко-фантастическая хроника». «Не меньший вклад» внес и еще один провокатор — некто Шейнис, посмевший издать гнусный пасквиль «Провокация века».

Первым, кто разоблачил эти фальшивки, стал А.М. Борщаговский, издавший в 1994 году книгу «Обвиняется кровь». Его разоблачения особенно ценны тем, что в свое время, в 1949 году, он был объявлен одним из главарей «безродных космополитов». Тем не менее Борщаговс-

кии сохранил естественную для нормального человека объективность и десятилетия спустя написал следующее: **«Ссылка, депортация евреев страны — мифологический, близкий к фантастике образ вожделений и тайных замыслов Сталина».**

Практически аналогичную позицию заняли и зарубежные исследователи, в том числе как американские (например, В. Балан), так и израильские (И. Коршевер). Почетный председатель Сионистской организации Германии, видный общественный деятель и ученый Германии А. Лустигер (кстати, в прошлом узник нацистского лагеря смерти) в 1998 г. издал работу «Красная книга: Сталин и евреи», в которой говорится: **«Поскольку до сих пор не существует никаких доказательств планирования массовой депортации советских евреев... подобные утверждения должны рассматриваться как слухи или легенды».**

Изучавшие тему депортации не менее известные и авторитетные авторы — В. Кардин, Ж.А. Медведев, о котором говорилось выше, руководитель фонда «Холокост» И.А. Альтман — также пришли к выводу о том, что Сталин не готовил такой операции. Особое значение имеет проведенный независимо друг от друга — выдающимся асом советской разведки, ныне, к сожалению, покойным П.А. Судоплатовым и известным ученым И.Шафаревичем, — анализ всех данных по этому вопросу. В категорической форме оба показали полную несостоятельность гнусного слуха. И, конечно же, нельзя не обратить особого внимания на разоблачение самого авторитетного специалиста по истории евреев в СССР Г.В. Костырченко, который в 2005 г. заявил: **«Наиболее болезненной была проблема депортации еврейского населения в отдаленные районы страны, которую должны были осуществить якобы по**

"просьбе" ведущих еврейских ученых, писателей, специалистов, военных. Она оказалась фальшивкой». Кстати говоря, то же самое он изложил и в своей знаменитой книге **«В плену у красного фараона».**

Однако все эти очень авторитетные разоблачения будут явно неполными, если не назовем **«откуда ветер дул» и кто конкретно исполнял «веления ветра».**

Так вот, «ветер подул»... с сессии Совета НАТО, состоявшейся в конце 1952 года и постановившей, как документально установила советская разведка, что все совместные органы блока и страны — участницы североатлантического альянса обязаны «по-настоящему пропагандировать антисемитизм в странах Восточной Европы (с учетом возможной негативной реакции в западных кругах)»![1]

Небольшой комментарий. Самый выдающийся лидер сионизма в XX в. Хаим Вейцман (кстати, тоже член ранее упоминавшегося Комитета 300), помнится, говаривал, что **«...в крупных интригах евреев (в особенности) использовали как абордажные крюки»![2]** Соответственно вся историческая, политическая и уголовная ответственность за многочисленные негативные последствия подобного использования евреев ложится именно на тех, кто с легкостью идет на это, считая, что-де **«...евреи полезны, когда они подчинены интересам целого»[3].** Потому как если перефразировать выдающееся по своему

[1] Очерки истории российской внешней разведки, М., 2003, том 5, с. 29.

[2] Weizman Ch. Trial and Error. London, 1949, p. 142—143.

[3] *Ленин В.И.* Поли. собр. соч., т. 28, стр. НО. Ленин цитировал книгу Е. Агада «Крупные банки и всемирный рынок».

смыслу высказывание мудрого московского раввина Маазе, сессия Совета НАТО постановляет, а расплачиваются-то простые евреи (в оригинале мысль мудрого раввина звучит так: еще в 1920-х гг. он сказал, что во имя интересов Запада «революции делают Троцкие, а расплачиваются Бронштейны»). К слову сказать, хотелось бы знать, отменили ли североатлантические подонки-юдофобы свое гнусное постановление или оно действует до сих пор?

За счет злоумышленного разжигания антисемитизма Запад планировал заполучить реальный шанс для откровенного вмешательства во внутренние дела государств этого региона, прежде всего Советского Союза (наподобие того, что было сделано в 1970-е годы когда политика разрядки и нормализация советско-американских отношений была увязана с проблемой выезда евреев из СССР).

Небольшой комментарий. Очевидно, именно с этим связано его высказывание о еврейской опасности, которое Сталин позволил себе на заседании Президиума ЦК 1 декабря 1952 г., которое зафиксировал в своем дневнике один из руководителей военно-промышленного комплекса СССР того времени Малышев (см. журнал «Источник, 1997, № 5).

Более того. В добытой еще в конце 1940- гг. советской разведкой одной из первых инструкций находившейся на полном содержании США радиостанции «Свободная Европа» предлагалось: **«...Используйте прием натравливания одного народа на другой, одной**

группы населения на другую...» Проще говоря, проводившаяся Кремлем политика дружбы народов, прежде всего Советского Союза, категорически не устраивала Запад. И в ход пошли самые грязные и гнусные методы, за использование которых в приличном обществе положено лупить канделябрами. Но Запад давно уже не пользуется свечами, а жаль... Впрочем, и хорошего русского тумака тоже хватит...

Когда есть задача, то всегда найдется и исполнитель. К глубокому сожалению, нашелся такой «исполнитель» и среди советских евреев. Через десятилетия его разыскал все тот же Г.В. Костырченко. **Полюбопытствуйте — театральный режиссер Иосиф Нежный. Именно он выдумал эту гнусность в 1953 г. и бегал по всей Москве, распространяя этот подлый слух о депортации. Пока его не замели органы госбезопасности...**

Ну и, наконец, о самом главном во всей этой гнусности. Текст той самой подлой статьи, что 13 января 1953 г. была опубликована в «Правде» и так взбудоражила евреев как в СССР, так и за рубежом, был принят (вместе с заявлением ТАСС) на заседании Бюро Президиума **ЦК** КПСС 9 января 1953 года. **Сталин на нем отсутствовал, и протокол заседания (в отличие от предыдущих) не имеет его личной подписи. На месте его подписи стоит безликая подлость — «Бюро президиума ЦК КПСС». Более того. Автор блестящей книги «Убийство Сталина и Берии» Ю.И. Мухин убедительно доказал, что именно МГБ было выгодно смещение акцентов с просто врачей (кстати, по большей части-то были арестованы русские по национальности) на евреев. Одно небольшое уточнение к авторитетному мнению уважаемого коллеги. Не безликому МГБ это было выгодно, а только высшему руковод-**

ству МГБ, прежде всего министру государственной безопасности С.Д. Игнатьеву и его партийному куратору... Н.С. Хрущеву!

Именно с их подачи на том заседании Политбюро и было зачитано пресловутое письмо Лидии Тимашук, лежавшее в архиве А.А. Кузнецова. Еще раз подчеркиваю, что Сталина на том заседании Политбюро не было и, естественно, он ничего не зачитывал. Когда же это было опубликовано в прессе, то Сталин, по свидетельству его дочери Светланы, очень сильно переживал и говорил, что не верит в нечестность врачей (евреев).

Небольшой комментарий. В связи с якобы выявившимся сильным еврейским акцентом «дела врачей » Сталин всерьез заподозрил неладное. Тем более что он прекрасно знал об информации разведки, в которой говорилось о решении сессии Совета НАТО по разжиганию антисемитизма. Как и всегда в особо сложных и щепетильных случаях, Сталин пошел весьма необычным путем в целях организации тщательной и объективной проверки информации по этому делу. Он вообще нередко прибегал к подобным действиям и ранее. Так вот, не увидев реальной и ясной картины в пресловутом «деле врачей-отравителей», Сталин поручил его тщательную проверку и перепроверку не человеку из ЦК, что очень симптоматично, а попросил подобрать несколько кандидатур лиц, которые знали оперативную практику не понаслышке, но какое-то время не работали в органах госбезопасности. В результате ему были представлены кандидатуры В. Зайчикова, П. Колобанова и Н.Н. Меся-

цева. О первых двух ничего не известно, кроме фамилий, а вот третий в 1943—1945 гг. был начальником следственной части ОКР Смерша 5-й гвардейской армии. К моменту представления его кандидатуры Сталину он являлся аспирантом Высшей партийной школы. Именно этим трем лицам Сталин и поручил осуществить дополнительную, всестороннюю и очень тщательную проверку «дела врачей» и доложить свои выводы. Причем поручил порознь, чтобы иметь три варианта результатов такой проверки и соответственно три варианта выводов.

Но едва только Сталин поставил перед ними такую задачу, как его самого убили (отравили). И ведь имена убийц теперь можно называть вполне уверенно: это Н.С. Хрущев и С.Д. Игнатьев. Значит, они до чрезвычайности всполошились, узнав о таком поручении Сталина. Следовательно, именно они и были подлинными организаторами этого подлого дела. Ведь именно Хрущев курировал органы госбезопасности в то время.

Так вот и спрашивается, почему министр ГБ С.Д. Игнатьев и особенно его партийный куратор Н.С. Хрущев столь неукоснительно выполняли упомянутое выше постановление сессии Совета НАТО и так носом рыли землю, дабы разжечь пламя антисемитизма в стране, что даже не побоялись подставить самого Сталина, а затем не побоялись убить и его, едва только он организовал тщательную проверку этого дела силами трех независимых экспертов?! Ведь ни к какому иному выводу, кроме как к конкретно существовавшему закулисному сговору Хрущева и К° с влиятельными силами Запада эти факты не приве-

дут! Более того. Подлинным агентом империализма были именно Хрущев и К°, а не облыжно обвиненный в этом, да и то спустя полгода после подлого убийства Л.П. Берия.

Видите, какая она, подлинная правда о якобы планировавшейся депортации еврейского населения. Только вот где тут ярая юдофобия и антисемитизм Сталина?!

Миф № 182. Сталин не любил общаться с представителями интеллигенции.

Миф № 183. Сталин презирал и ненавидел интеллигенцию, особенно творческую.

Миф № 184. Сталин не оказывал серьезной поддержки интеллигенции и всячески ее третировал.

Миф № 185. Сталин не разбирался в вопросах литературы, искусства, музыки.

Миф № 186. Сталин любил стравливать представителей интеллигенции между собой.

Кто персонально стряпал эти глупые мифы — сказать не представляется возможным. Впрочем, кто изобрел и когда изобрел — не в этом дело. Суть в ином, а именно имели ли место презрение и ненависть Сталина к интеллигенции вообще и, к творческой, в частности, оказывал или не оказывал он помощь интеллигенции и т.д. При ответе на эти вопросы есть два пути. Либо замучить читателя цитированием всевозможных партийно-правительственных доку-

ментов, свидетельствующих об особо нежном, уважительном отношении и постоянной заботе Сталина (и его соратников) к интеллигенции, в том числе и творческой. Либо привести мнение такого представителя творческой интеллигенции, который на себе, но от имени всей советской творческой интеллигенции сталинского периода испытал подлинное отношение Сталина к интеллигенции и который одновременно являлся бы непререкаемым авторитетом для многих поколений отечественной интеллигенции, да и не только для нее. Откровенно говоря, лично мне по душе второй путь. Он не только более объективный и не скучный, но и более привычный для многих читателей. Ведь в обычной своей жизни мы же очень часто прибегаем к ссылкам на авторитетное мнение того или иного знатока того или иного вопроса. И всем становится все ясно. К тому же и гениальный русский поэт А.С.Пушкин, помнится, говаривал, что **«устные свидетельства об исторических личностях точнее говорят о времени, нежели труды самых добросовестных историков».**

Так что не без удовольствия предоставляю слово выдающемуся советскому писателю Константину Михайловичу Симонову. Причем не без умысла следующего содержания. За свою творческую жизнь К.М. Симонов прошел как минимум три этапа в отношении к Сталину. От характерного для 1930-х гг. обожания через разочарование под влиянием XX съезда КПСС до преисполненного мудростью прожитых лет объективного взгляда на минувшее и людей минувшего, в том числе и на Сталина. Именно поэтому предлагаю отрывки из завершающей его жизненный и творческий путь книги **«Глазами человека моего поколения» (М., 1989, с. 124—136, 159-160,161-168).**

Тринадцатого мая (1947 г. — *А. М.)* Фадеев, Горбатов и я были вызваны к шести часам вечера в Кремль к Сталину. Без пяти шесть мы собрались у него в приемной в очень теплый майский день, от накаленного солнцем окна в приемной было даже жарко. Посредине приемной стоял большой стол с разложенной на нем иностранной прессой — еженедельниками и газетами. Я так волновался, что пил воду.

В три или четыре минуты седьмого в приемную вошел Поскребышев и пригласил нас. Мы прошли еще через одну комнату и вошли в третью. Это был большой кабинет, отделанный светлым деревом, с двумя дверями — той, в которую мы вошли, и второй дверью в самой глубине кабинета слева. Справа, тоже в глубине, вдали от двери стоял письменный стол, а слева вдоль стены еще один стол — довольно длинный, человек на двадцать — для заседаний.

Во главе этого стола, на дальнем конце его, сидел Сталин, рядом с ним Молотов, рядом с Молотовым Жданов. Они поднялись нам навстречу. Лицо у Сталина было серьезное, без улыбки. Он деловито протянул каждому из нас руку и пошел обратно к столу. Молотов приветливо поздоровался, поздравил нас с Фадеевым с приездом, очевидно из Англии, откуда мы не так давно вернулись, пробыв там около месяца в составе нашей парламентской делегации. После этого мы все трое — Фадеев, Горбатов и я — сели рядом по одну сторону стола, Молотов и Жданов сели напротив нас, но не напротив, а чуть поодаль, ближе к сидевшему во главе стола Сталину. Все это, конечно, не столь существенно, но мне хочется запомнить эту встречу во всех подробностях.

Перед Ждановым лежала докладная красная папка, а перед Сталиным тонкая папка, которую он сразу

открыл. В ней лежали наши письма по писательским делам. Он вслух прочел заголовок: "В Совет Министров СССР" — и добавил что-то, что я не расслышал, что-то вроде того, что вот получили от вас письмо, давайте поговорим.

Разговор начался с вопроса о гонораре.

— Вот вы ставите вопрос о пересмотре гонораров, — сказал Сталин. — Его уже рассматривали.

— Да, но решили неправильно, — сказал Фадеев и стал объяснять, что в сложившихся при нынешней системе гонораров условиях писатели за свои хорошие книги, которые переиздаются и переиздаются, вскоре перестают что-либо получать. С этого Фадеев перешел к вопросу о несоответствии в оплате малых и массовых тиражей, за которые тоже платят совершенно недостаточно. В заключение Фадеев еще раз повторил, что вопрос о гонорарах был решен неверно.

Выслушав его, Сталин сказал:

— Мы положительно смотрим на пересмотр этого вопроса. Когда мы устанавливали эти гонорары, мы хотели избежать такого явления, при котором писатель напишет одно хорошее произведение, а потом живет на него и ничего не делает. А то написали по хорошему произведению, настроили себе дач и перестали работать. Нам денег не жалко, — добавил он, улыбнувшись, — но надо чтобы этого не было. В литературе установить четыре категории оценок, разряды. Первая категория — за отличное произведение, вторая — за хорошее и третья, и четвертая категории, — установить шкалу, как вы думаете?

Мы ответили, что это будет правильно.

— Ну что ж, — сказал Сталин, — я думаю, что этот вопрос нельзя решить письмом или решением, а надо сначала поработать над ним, надо комиссию создать.

Товарищ Жданов, — повернулся он к Жданову, — какое у вас предложение по составу комиссии?

— Я бы вошел в комиссию, — сказал Жданов.

Сталин засмеялся, сказал:

— Очень скромное с вашей стороны предложение.

Все расхохотались. После этого Сталин сказал, что следовало бы включить в комиссию присутствующих здесь писателей.

— Зверева, как министра финансов, — сказал Фадеев.

— Ну что же, — сказал Сталин, — он человек опытный. Если вы хотите, — Сталин подчеркнул слово "вы", — можно включить Зверева. И вот еще кого, — добавил он, — Мехлиса, — добавил и испытующе посмотрел на нас. — Только он всех вас там сразу же разгонит, а?

Все снова рассмеялись.

— Он все же как-никак старый литератор, — сказал Жданов.

Забегу вперед и скажу, что когда впоследствии дважды или трижды собиралась комиссия, созданная в тот день, то Мехлис обманул действительно существовавшие у нас на его счет опасения, связанные с хорошо известной нам жесткостью его характера. По всем гонорарным вопросам он поддержал предложения писателей, а когда финансисты выдвинули проект — начиная с такого-то уровня годового заработка, выше него — взимать с писателей пятьдесят один процент подоходного налога, — Мехлис буквально вскипел:

— Надо же все-таки думать, прежде чем предлагать такие вещи. Вы что, хотите обложить литературу как частную торговлю? Или собираетесь рассматри-

вать отдельно взятого писателя как кустаря без мотора? Вы что, собираетесь бороться с писателями, как с частным сектором, во имя какой-то другой формы организации литературы — писания книг не в одиночку, не у себя за столом?

Тирада Мехлиса на этой комиссии была из тех, что хорошо и надолго запоминается. Этой желчной тирадой он сразу обрушил всю ту налоговую надстройку, которую предлагалось возвести над литературой. Ни к литературе, ни к писателям, насколько я успел заметить, Мехлис пристрастия не питал, но он был политик и считал литературу частью идеологии, а писателей — советскими служащими, а не кустарями одиночками...

Небольшой комментарий. Сталин очень чутко относился к вопросу о материальном обеспечении творческой интеллигенции, в том числе, естественно, и писателей. Суть его позиции была очень проста — никогда и ни при каких обстоятельствах творческая интеллигенция не должна быть материально стесненной. И это действительно было так. Во времена Сталина творческая интеллигенция, в частности писатели, получала более чем весомые гонорары за свой труд, за свои произведения. Настолько солидные, что многие спокойно, без какого-либо напряжения покупали себе дачи, автомобили, квартиры, имели возможность содержать домашнюю прислугу. А во время войны ряд писателей вообще на собственные деньги приобретали боевую технику и направляли ее на фронт.

Особое значение солидности материального положения интеллигенции Сталин придавал в

тех случаях, когда они по каким-либо делам выезжали за границу как представители Советского Союза. В таких случаях Сталин поступал так, что никогда впоследствии советская интеллигенция такого отношения не видывала и в помине. Константин Михайлович Симонов как-то рассказывал, что вскоре после войны в составе небольшой делегации советской интеллигенции он побывал в США. Это была первая официальная поездка группы советских творческих деятелей в Америку. Конечно, не обошлось и без традиционных в советское время инструктажей насчет происков врагов и т.п. Но было и главное.

Перед самой поездкой ее участникам неожиданно выдали очень большие суммы в долларах, примерно по 20 тысяч каждому (сейчас это 200 тысяч долларов). Так сказать, на личные расходы. Более того. В противоположность прежним инструкциям всем посоветовали не стеснять себя в расходах, останавливаться в лучших гостиницах, приглашать нужных американцев в рестораны, делать подарки и покупки. Это было личное распоряжение Сталина, который сам занимался подготовкой этой поездки. В основе такого распоряжения лежали его разговоры с послом СССР в США А.А. Громыко и другими «знающими лицами», у которых Иосиф Виссарионович выспрашивал, сколько должен иметь при себе наличных денег человек, который на 20 дней едет в Америку, чтобы пожить там «с должным размахом». «Знающие люди» назвали сумму в 10 тысяч долларов, но Сталин распорядился увеличить ее вдвое. Более того. Сталин заявил министру финансов СССР А.Г. Звереву, что **«негоже, чтобы наши пи-**

сатели выглядели бедными родственниками». К слову сказать, доллар 1946 года во много раз сильнее современного.

Вот так Сталин относился к интеллигенции. И хочу еще раз подчеркнуть, что никогда более в советские времена такого отношения к интеллигенции не проявлял ни один из преемников Сталина. Люди старшего поколения прекрасно помнят, как при выезде за границу выдавали такие крохи в валюте, что приходилось чемоданы забивать копченой колбасой, рыбными консервами, черным хлебом и кипятильником, чтобы согреть себе чай в номере сверхдешевой, гостиницы. Люди экономили буквально на всем, прежде всего на собственном здоровье, чтобы купить себе и ближним парочку дешевых сувениров. А уж о походах в заграничные рестораны на собственные деньги и говорить-то не приходилось.

Вы скажете, что таким образом Сталин делал политику?! Да, прежде всего политику. Вы абсолютно правы. Да, это политика, высшая политика на бытовых мелочах. И Сталин был абсолютно прав. Нельзя унижать собственных людей в сравнении с заграницей, тем более представителей творческой интеллигенции. А вот у его преемников никогда не хватало ума понять столь простую вещь. Хотя они тоже вроде бы не огородничеством занимались...

Кстати говоря, Сталин и до войны точно так же относился к выезжавшим за границу представителям СССР, особенно знаковым — в том смысле, что они символизировали достижения СССР. Все, очевидно, не раз и не два видели документальные кадры, на которых запечатлен

момент прощания экипажа Чкалова перед знаменитым полетом в Америку через Северный полюс. Но, ручаюсь, практически никто не обратил внимания на то, что под мышкой у Байдукова солидный сверток. А ведь в этом свертке, привезенном непосредственно к самолету, находилось **150 тысяч долларов! По нынешним временам это полмиллиона долларов!** От имени партии и правительства Сталин передал эти деньги экипажу, чтобы они хорошо себя чувствовали в Америке, смогли бы что-то купить себе и подарки своим семьям, не говоря уже о том, что одну покупку Сталин оговорил лично — чтобы они купили себе хорошие автомобили. Вот так Сталин относился к советским гражданам, в данном случае к представителям военно-технической интеллигенции, которые решали задачи высшей мировой политики.

Вот и судите теперь сами, как в действительности относился к интеллигенции Сталин.

— Итак, кого же в комиссию? — спросил Сталин. Жданов перечислил всех, кого намеревались включить в комиссию.

— Хорошо, — сказал Сталин. — Теперь второй вопрос: вы просите штат увеличить. Надо будет увеличить им штат.

Жданов возразил, что предлагаемые Союзом писателей штаты все-таки раздуты. Сто двадцать два человека вместо семидесяти.

— У них новый объем работы, — сказал Сталин, — надо увеличить им штаты.

Жданов повторил, что проектируемые Союзом штаты нужно все-таки срезать.

— Нужно все-таки увеличить, — сказал Сталин. — Есть отрасли новые, где не только увеличивать приходится, но создавать штаты. А есть отрасли, где штаты разбухли, их нужно срезать. Надо увеличить им штаты.

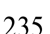
На этом вопрос о штатах закончился.

Следующий вопрос касался писательских жилищных дел. Фадеев стал объяснять, как плохо складывается сейчас жилищное положение у писателей и как они нуждаются в этом смысле в помощи, тем более что жилье писателя это, в сущности, его рабочее место.

Сталин внимательно выслушал все объяснения Фадеева и сказал, чтобы в комиссию включили Председателя Моссовета и разобрались с этим вопросом.

Небольшой комментарий. Сталин и в этом вопросе был чрезвычайно чуток к нуждам интеллигенции. Сейчас уже мало кто знает, что в Москве, например, целые дома предоставлялись представителям творческой интеллигенции. Есть дома, где в основном жили писатели, есть такие, где жили члены Союза композиторов, артисты и т.д. Причем все дома в самых шикарных местах столицы, квартиры огромные, со всеми необходимыми удобствами и т.д.

Ни один из преемников Сталина никогда не решал эти вопросы с таким же размахом, как это делал Иосиф Виссарионович. Подчеркиваю, никто, вплоть до сегодняшнего дня. После Сталина интеллигенция вынуждена была на коленях корячиться, чтобы после нескольких лет унизительных прошений добиться хоть какого-то улучшения своих жилищных условий. Ну а сейчас — так и вовсе ее нужды оказались вне поля зрения власти.

Потом, помолчав, спросил:

— Ну, у вас, кажется, все?

До этого момента наша встреча со Сталиным длилась так недолго, что мне вдруг стало страшно жаль: вот сейчас все оборвется, кончится, да, собственно говоря, кончилось.

— Если у вас все, тогда у меня есть к вам вопрос. Какие темы сейчас разрабатывают писатели?

Фадеев ответил, что для писателей по-прежнему центральной темой остается война, а современная жизнь, в том числе производство, промышленность, пока находит еще куда меньше отражения в литературе, причем когда находит, то чаще всего у писателей-середнячков.

— Правда, — сказал Фадеев, — мы посылали некоторых писателей в творческие командировки, послали около ста человек, но по большей части это тоже писатели-середняки.

— А почему не едут крупные писатели? — спросил Сталин. — Не хотят?

— Трудно их раскачать, — сказал Фадеев.

— Не хотят ехать, — сказал Сталин. — А как вы считаете, есть смысл в таких командировках?

Мы ответили, что смысл в командировках есть. Доказывая это, Фадеев сослался на первые пятилетки, на "Гидроцентраль" Шагинян, на "Время вперед! " и на несколько других книг.

— А вот Толстой не ездил в командировки, — сказал Сталин.

Фадеев возразил, что Толстой писал как раз о той среде, в которой он жил, будучи в Ясной Поляне.

— Я считал, что когда серьезный писатель серьезно работает, он сам поедет, если ему нужно, — сказал Сталин. — Как Шолохов, не ездит в командировки? — помолчав, спросил он.

— Он все время в командировке, — сказал о Шолохове Фадеев.

— И не хочет оттуда уезжать? — спросил Сталин.

— Нет, — сказал Фадеев, — не хочет переезжать в город.

— Боится города, — сказал Сталин.

Наступило молчание. Перед этим, рассказывая о командировках, Фадеев привел несколько примеров того, как трудно посылать в командировки крупных писателей. Среди других упомянул имя Катаева. Очевидно, вспомнив это, Сталин вдруг спросил:

— А что, Катаев, не хочет ездить?

Фадеев ответил, что Катаев работает сейчас над романом, который будет продолжением его книги «Белеет парус одинокий», и что новая работа Катаева тоже связана с Одессой, с коренной темой Катаева.

— Так он над серьезной темой работает? — спросил Сталин.

— Над серьезной, над коренной для него, — подтвердили мы.

Опять наступило молчание.

— А вот есть такая тема, которая очень важна, — сказал Сталин, — которой нужно, чтобы заинтересовались писатели. Это тема нашего советского патриотизма. Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров, врачей, — сказал Сталин, строя фразы с той особенной, присущей ему интонацией, которую я так отчетливо запомнил, что, по-моему, мог бы буквально ее воспроизвести, — у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, не стопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников. Эта тради-

ция отсталая, она идет от Петра. У Петра были хорошие мысли, но вскоре налезло слишком много немцев, это был период преклонения перед немцами. Посмотрите, как было трудно дышать, как было трудно работать Ломоносову, например. Сначала немцы, потом французы, было преклонение перед иностранцами, — сказал Сталин и вдруг, лукаво прищурясь, чуть слышной скороговоркой прорифмовал: — засранцами, — усмехнулся и снова стал серьезным...

— Простой крестьянин не пойдет из-за пустяков кланяться, не станет снимать шапку, а вот у таких людей не хватает достоинства, патриотизма, понимания той роли, которую играет Россия. У военных тоже было такое преклонение. Сейчас стало меньше. Теперь нет, теперь они и хвосты задрали.

Сталин остановился, усмехнулся и каким-то неуловимым жестом показал, как задрали хвосты военные. Потом спросил:

— Почему мы хуже? В чем дело? В эту точку надо долбить много лет, лет десять эту тему надо вдалбливать. Бывает так: человек делает великое дело и сам этого не понимает, — и он снова заговорил о профессоре, о котором уже упоминал. — Вот взять такого человека, не последний человек, — еще раз подчеркнуто повторил Сталин, — а перед каким-то подлецом-иностранцем, перед ученым, который на три головы ниже его, преклоняется, теряет свое достоинство. Так мне кажется. Надо бороться с духом самоуничижения у многих наших интеллигентов.

Сталин повернулся к Жданову:

— Дайте документ.

Жданов вынул из папки несколько скрепленных между собой листков с печатным текстом. Сталин пе-

релистал их, в документе было четыре или пять страниц. Перелистав, Сталин поднялся из-за стола и, передав документ Фадееву, сказал:

— Вот, возьмите и прочитайте вслух.

Фадеев начал читать письмо, которое ему передал Сталин. Сталин до этого, в начале беседы, больше стоял, чем сидел, или делал несколько шагов взад и вперед позади его же стула или кресла. Когда Фадеев стал читать письмо, Сталин продолжал ходить, но уже не там, а делая несколько шагов взад и вперед вдоль стола с нашей стороны и поглядывая на нас. Прошло много лет, но я очень точно помню свое, незаписанное тогда ощущение. Чтобы не сидеть спиной к ходившему Сталину, Фадеев инстинктивно полуобернулся к нему, продолжая читать письмо, и мы с Горбатовым тоже повернулись. Сталин ходил, слушал, как читает Фадеев, слушал с напряженным выражением лица. Он слушал, с какими интонациями Фадеев читает, он хотел знать, что чувствует Фадеев, читая это письмо, и что испытываем мы, слушая это чтение. Продолжая ходить, бросал на нас взгляды, следя за впечатлением, производимым на нас чтением.

До этого с самого начала встречи я чувствовал себя по-другому, довольно свободно в той атмосфере, которая зависела от Сталина и которую он создал. А тут почувствовал себя напряженно и неуютно. Он так смотрел на нас и так слушал фадеевское чтение, что за этим была какая-то нота опасности — и не вообще, а в частности для нас, сидевших там. Делая пробу, проверял нас — очевидно, на первых людях из этой категории, на одном знаменитом и двух известных писателях, — какое впечатление производит на нас, интеллигентов, коммунистов, но при этом интеллигентов, то, что он

продиктовал в этом письме о Клюевой и Роскине, тоже о двух интеллигентах. Продиктовал, может быть, или сам написал, вполне возможно. Во всяком случае, это письмо было продиктовано его волей — ничьей другой.

Когда Фадеев дочитал письмо до конца, Сталин, убедившись в том, что прочитанное произвело на нас впечатление, — а действительно так и было, — видимо, счел лишним или ненужным спрашивать наше мнение о прочитанном.

Как свидетельствует моя запись от 14 мая сорок седьмого года, когда письмо было прочитано, Сталин только повторил то, с чего начал:

— Надо уничтожить дух самоуничижения, — и добавил: — Надо на эту тему написать произведение. Роман.

Я сказал, что это скорее тема для пьесы.

Небольшой комментарий. Речь идет о деле профессоров Н.Г. Клюевой и Г.И. Роскина. В предвоенные годы указанные профессора создали противораковый препарат «КР» («круцин», французский аналог «трипазон»), вопрос об эффективности которого до сих пор вызывает жаркие споры специалистов. По просьбе авторов рукопись их выходившей в Советском Союзе монографии «Биотерапия злокачественных опухолей» (Издательство АМН СССР, М., 1946) академик-секретарь АМН СССР В.В. Парин во время своего визита в США в 1946 году в порядке научной информации передал американским издателям. Когда об этом стало известно в СССР, Сталин расценил этот факт как выдачу важной государствен-

ной тайны. По обвинению в шпионаже В.В. Парин был приговорен к 25 годам заключения. Н.Г. Клюева и Г.И. Роскин, а также снятый со своей должности министр здравоохранения Г.А. Митерев предстали перед «судом чести». По всей стране была проведена кампания осуждения их поступка. После XX съезда КПСС все они были полностью реабилитированы.

Как расценивать такие действия Сталина? Можно, конечно, с позиции «демократии» и «общечеловеческих ценностей». В таком случае получится, что Сталин слишком жестоко обошелся с врачами-исследователями. Но так ли это? Ведь проблема лечения онкологических заболеваний уже в то время являлась одной из ведущих в ряду главных медицинских проблем человечества. И с какой стати, без письменного разрешения АМН СССР, а также иных соответствующих инстанций Советского Союза результаты столь важных исследований и данные о новом противоопухолевом препарате надо было передавать именно за границу, в США?! Уж коли на то пошло, то при публикации этой работы в СССР американцы и сами могли скопировать официально опубликованные в Советском Союзе материалы, и тогда никаких претензий к ученым не было бы и в помине. Потому что приоритет советской науки был бы зафиксирован письменно.

Судя по всему, праведный гнев Сталина вызвали прежде всего два обстоятельства. **Во-первых,** все исследования этих профессоров были осуществлены на бюджетные деньги СССР. Никаких частных исследовательских лавочек, тем более в области медицины, в СССР не существо-

вало в то время. Их работы выполнялись в соответствии с утвержденным планом научно-исследовательских работ АМН СССР. И, еще раз обращаю на это внимание, на бюджетные деньги. Соответственно и конечный результат этих исследований должен был принадлежать Советскому Союзу. Ведь и в СССР проблема лечения онкологических больных уже тогда стояла остро. **Во-вторых,** Сталин вполне обоснованно заподозрил, что в США были переданы более подробные результаты исследований этих профессоров. Не говоря уже о том, что его, постоянно заботившегося о каждой советской копеечке, но не жалевшего средств для развития советской науки, до глубины души возмутил поступок профессоров, которые на советские деньги провели исследования, а результаты передали в США без патентования своего изобретения. То есть действительно в ущерб не только себе, но и государству. И реакция Сталина была и по-человечески, и с точки зрения государственных интересов абсолютно справедлива — это было конкретное проявление духа самоуничижения. Добиться выдающегося по тем временам научного успеха, который, кстати говоря, к тому же требовал еще и дальнейшей проверки, и вот так запросто отдать американцам! То есть эти профессора сами себя ни во что не ставили. Потому и такая реакция Иосифа Виссарионовича. И сколько у нас было и есть таких, с позволения сказать, «широко и демократически мыслящих» ученых, которые ни во что, даже на грош, не ставят интересы государства, на средства которого они осуществляют *свои научные исследования!*

— Надо противопоставить отношение к этому вопросу таких людей, как тут, — сказал Сталин, кивнув на лежащие на столе документы, — отношению простых бойцов, солдат, простых людей. Эта болезнь сидит, она прививалась очень долго, со времен Петра, и сидит в людях до сих пор.

— Бытие новое, а сознание старое, — сказал Жданов.

— Сознание, — усмехнулся Сталин. — Оно всегда отстает. Поздно приходит сознание, — и снова вернулся к тому же, о чем уже говорил. — Надо над этой темой работать...

Небольшой комментарий. Разве столь уж неправ был Сталин? У нас ведь и по сию пору безмерное преклонение перед так называемыми цивилизованными странами — любую дрянь, подчеркиваю, именно дрянь копируем с Запада. Изо дня в день по всем так называемым демократическим СМИ и даже из уст официальных властей, разливается елей в адрес так называемой цивилизации Запада! Ну сколько же можно упиваться духом самоуничижения! Чуть ли не каждый раз слышим: «...а вот в цивилизованных странах...» Что, Ее Величество Россия не обладает своей уникальной цивилизацией? Что, подданные Ее Величества России не доказали всему миру, что способны на уникальные прорывные решения в любой отрасли человеческих знаний, в любой отрасли науки, техники и культуры? Зачем надо столь рьяно унижать себя и свою Великую Родину, преклоняясь перед «цивилизацией» «бигмака», тампексов, сникерсов, неизлечимо ожиревших идиотов, озабоченных только

животным сексом и кариесом, где правит бал туалетная бумага зеленого цвета стоимостью всего в три цента за штуку — доллар. Позволю себе процитировать отрывок из одного стихотворения великого русского поэта Н.А. Некрасова — **«Доллар»:**

Грош у новейших господ («новейших» во все времена. — А. М.)
Выше стыда и закона.
Нынче (а, в общем-то, всегда. — *А.М.)* **тоскует лишь тот,**
Кто не украл миллиона.
Что ни попало — тащат.
«Наш идеал, — говорят, —
Заатлантический брат:
Бог его — тоже ведь доллар».

Сколь поразительно точны и метки слова поэта! Сколь точно показана суть духа самоуничижения: «наш идеал — заатлантический брат// Бог его — тоже ведь доллар»!

Когда же, наконец, в России идеалом станет собственно Россия, ее Величайшая и Уникальнейшая Цивилизация, Ее Великие Народы и Ее Могучий, но столь яростно третируемый Его Величество Рубль?

— Мы здесь думаем, — сказал он (то есть Сталин. — А. М.), — что Союз писателей мог бы начать выпускать совсем другую "Литературную газету", чем он сейчас выпускает. Союз писателей мог бы выпускать своими силами такую газету, которая остро, более остро, чем другие газеты, ставила бы вопросы

международной жизни, а если понадобится, то и внутренней жизни. Все наши газеты — так или иначе официальные газеты, а "Литературная газета" — газета Союза писателей, она может ставить вопросы неофициально, в том числе и такие, которые мы не можем или не хотим поставить официально. "Литературная газета" как неофициальная газета может быть в некоторых вопросах острее, левее нас, может расходиться в остроте постановки вопроса с официально выраженной точкой зрения. Вполне возможно, что мы иногда будем критиковать за это "Литературную газету", но она не должна бояться этого, она, несмотря на критику, должна продолжать делать свое дело...

— Вы должны понять, что мы не всегда можем официально высказаться о том, что, о чем хотелось бы сказать, такие случаи бывают в политике, и "Литературная газета" должна нам помогать в этих случаях. И вообще, не должна слишком оглядываться, не должна консультировать свои статьи по международным вопросам с Министерством иностранных дел. Министерство иностранных дел не должно читать эти статьи (Сталин явно подразумевал «предварительно читать». — *А.* М.). Министерство иностранных дел занимается своими делами, а "Литературная газета" — своими делами. Сколько у вас сейчас выпускают экземпляров газеты?

Фадеев ответил, что тираж газеты что-то около пятидесяти тысяч.

— Надо сделать его в десять раз больше. Сколь раз в месяц выпускаете газету?

— Четыре раза, раз в неделю, — ответил Фадеев.

— Надо будет новую "Литературную газету" выпускать два раза в неделю, чтобы ее читали не раз, а

два раза в неделю, и в десять раз больше людей. Как ваше мнение, сможете вы в Союзе писателей выпускать такую газету?

Мы ответили, что, наверно, сможем.

— А когда можете начать это дело?

Не помню, кто из нас, может быть даже и я, вспомнив о том, как я впопыхах принимал журнал, ответил, что выпуск такой, совершенно новой газеты потребует, наверное, нескольких месяцев подготовки и ее, очевидно, можно будет начать выпускать где-то с первого сентября, с начала осени.

— Правильно, — сказал Сталин, — подготовка, конечно, нужна. Слишком торопиться не надо. А то, что вам надо для этого, чтобы выпускать такую газету, вы должны попросить, а мы вам должны помочь. И мы еще подумаем, когда вы начнете выпускать газету и справитесь с этим, мы, может быть, предложим вам, чтобы вы создали свое собственное, неофициальное телеграфное агентство для получения неофициальной информации...

Сталин, как всегда, говорил очень неторопливо, иногда повторял сказанное, останавливался, молчал, думал, прохаживался. Видимо, вопрос был продуман им заранее, но какие-то подробности, повороты приходили в голову сейчас, по ходу разговора. Мне, например, показалось, что идея создания телеграфного агентства возникла вдруг и именно здесь после какой-то долгой паузы, во время которой он размышлял над этим, и он высказал ее с удовольствием, был доволен ею...

Закончил свой разговор о "Литгазете" Сталин тем, что сказал, что, очевидно, нам для новой газеты придется подумать и о новых людях, о новых работниках, о новой редколлегии, быть может, и о новом редакторе, но обо всем этом предстоит подумать нам самим, это уже наше дело.

Так — не по идее Союза писателей, как это чаще всего принято считать, а по идее Сталина — через несколько месяцев начала выходить совсем другая, чем раньше, "Литературная газета", правда, без своего официального телеграфного агентства. АПН (знаменитое в советское время Агентство Печати Новости. — А. М.), начальная идея создания которого была высказана тогда, тринадцатого мая 1947 года, было создано через много лет после этого и уже после смерти Сталина».

Небольшой комментарий. Разве это презрение к нуждам творческой интеллигенции, если Сталин сам же предлагал создать фактически новый печатный орган?! Ведь именно в таком, сталинском статусе «Литературная газета» и получила всесоюзный авторитет и уважение как в СССР, так и там и за рубежом. Да к тому же миллионные тиражи в советское время. И бездарно потеряла этот статус после 1991 года.

Разве это презрение к интеллигентам, если глава государства открыто предлагает им создать даже специальное телеграфное агентство, которое решало бы задачи творческой интеллигенции? Только годы спустя такое агентство было создано — Агентство печати новости, ныне существующее под вывеской РИА «Новости»! Все ведь сталинское наследие!

Обратите также внимание и на то, как легко, но с уважением к творческой интеллигенции Сталин подошел и в вопросе о свободе слова и печати. Ведь и новая «Литературная газета», и новое телеграфное агентство должны были, по его замыслу, обладать серьезной независимостью от

органов власти и печатать то, что надо по жизни, без прикрас. То есть остро ставить необходимые вопросы, чтобы быстрее их решать, добиваясь улучшения жизни в СССР и его международного имиджа. В постсталинское время никто из его преемников подобными делами не занимался, но АПН было создано на базе его же идей, хотя, конечно, сталинской смелостью в публикациях не обладало. В настоящее время, правда, имеют место попытки копирования гениальных задумок Сталина, только вот отдача от них слишком уж мизерна...

Итак, уважаемые читатели, вы прочитали довольно-таки крупный отрывок из книги К.М. Симонова. И теперь у меня к вам простой вопрос. Положа руку на сердце, сможете ли вы после всего того, что прочли, утверждать, или, по меньшей мере, придерживаться указанных в названии мифов о том, что **Сталин презирал и ненавидел интеллигенцию, особенно творческую, что он не оказывал серьезной поддержки интеллигенции и всячески ее третировал?!** Убежден, что у честных людей, а именно они-то и составляют большинство подданных Ее Величества России, ни при каких обстоятельствах не повернется язык утверждать такое!

А теперь полюбопытствуйте, как интеллигенция вела себя в вопросе о премиях и как Сталин решал вопрос премий. Итак, продолжаем цитировать К.М. Симонова.

1—3 июня 1947 года. Обсуждался фильм "Адмирал Нахимов". Когда Жданов, как председатель комиссии, доложил о присуждении этому фильму пер-

вой премии и перечислил всех, кому предполагалось дать премию за фильм, Сталин спросил его, все ли по этому фильму.

— Нет, не все, — сказал Жданов.

— Что?

— Вот есть письмо, товарищ Сталин.

— От кого?

Жданов назвал имя очень известного и очень хорошего актера. Он пишет, сказал Жданов, что будет политически не совсем правильно, если его не включат в число актеров, премированных по этому фильму, поскольку он играет роль турецкого паши, нашего главного противника, и если ему не дадут премии, то это может выглядеть как неправильная оценка роли нашего противника в фильме, искажение соотношения сил.

Не поручусь за точность слов, но примерно так изложил это письмо Жданов. Сталин усмехнулся и, продолжая усмехаться, спросил:

— Хочет получить премию, товарищ Жданов?

— Хочет, товарищ Сталин.

— Очень хочет?

— Очень хочет.

— Очень просит?

— Очень просит.

— Ну, раз так хочет, так просит, надо дать человеку премию, — все еще продолжая усмехаться, сказал Сталин. И, став вдруг серьезным, добавил:

— А вот тот актер, который играл матроса Кошку, не просил премии?

— Не просил, товарищ Сталин.

— Но он тоже хорошо играет, только не просит. Ну человек не просит, а мы дадим и ему, как вы думаете?»

Небольшой комментарий. Обратите внимание на следующие обстоятельства. **Во-первых,** представителям актерской среды было не занимать нахальства, чтобы требовать премию и себе. Причем под надуманным предлогом. В том, что описал Симонов, чувствуется весь спокойный сталинский сарказм в отношении человеческой алчности до премии у не названного писателем актера. «Хочет? Очень просит? Хочет получить премию? Ну, раз так хочет, так просит, надо дать...» А ведь роль-то у этого актера была эпизодическая. И, поди ж ты, не постеснялся накатать «телегу» в ЦК и комиссию по премиям, чтобы получить не заслуженное. «Жаба», видите ли, замучила. И едва ли не по принципу «на, подавись» Сталин согласился дать ему премию. Скорее всего, из-за того, что по этому вопросу докладывал Жданов.

Здесь необходимо отметить, что в подобных случаях Сталин вычеркивал таких людей из круга тех лиц, к которым ранее относился с симпатией. Он ни в чем не терпел алчности. И не прибегая к каким-либо иным методам и даже не укоряя в проявлениях алчности, он просто забывал о таком человеке, как о никчемном. В многочисленных писаниях о Сталине не раз встречались такие случаи, как следующий. В своих записях бесед с главным маршалом авиации, создателем советской авиации дальнего действия Александром Евгеньевичем Головановым известный писатель, ныне, к сожалению, покойный Феликс Чуев, с прямой ссылкой на рассказ первого приводит такой пример:

«Есть такие люди, воспринимающие заботу о них по известной поговорке: дают — бери. Одно-

го товарища назначили на весьма ответственный пост, и, естественно, общение со Сталиным стало у него частым. Как-то Сталин поинтересовался, как товарищ живет, не нужно ли ему чего-нибудь, каковы его жилищные условия? Оказывается, ему нужна была квартира. Квартиру он, конечно, получил, а в скором времени Сталин опять его спросил, нет ли в чем-либо нужды. Оказалось, то ли его теща, то ли какая-то родственница тоже хотела бы получить жилплощадь. Такая площадь была получена. В следующий раз товарищ, видя, что отказа ни в чем нет, уже сам поставил вопрос о предоставлении еще кому-то из своих родственников. На этом, собственно, и закончилась его служебная карьера, хотя Сталин и поручил своему помощнику рассмотреть вопрос о возможности удовлетворения и этой просьбы. Не знаю, получил ли он еще одну квартиру, но в Ставке я его больше не встречал, хотя знал, что службу свою в армии он продолжает...»

Во-вторых, хороши же и отборщики кандидатов на премию, коли даже и не подумали представить на премию актера, игравшего роль народного героя обороны Севастополя в Крымской войне — матроса Кошку. Ведь в свое время его имя гремело точно так же, как в истории Великой Отечественной войны воссияли имена Гастелло, Матросова, Зои Космодемьянской и многих других. Сталин однозначно расценил этот факт как конкретное проявление пренебрежения к простым людям, даже если речь и шла о представленном в кинофильме образе давно уже ушедшего из жизни народного героя. Такого отношения к простым людям, тем более к народным героям, Сталин на

дух не переносил. Даже если речь шла всего лишь о кино. И, обратите внимание на запись Симонова, Сталин, став вдруг серьезным, поставил вопрос о награждении актера, игравшего роль матроса Кошки.

В-третьих, в том, что описал Симонов, — весь Сталин. Доскональное знание предмета обсуждения и неподдельно искренняя забота о простом человеке, тем более народном герое былых сражений.

Кстати говоря, вопрос о премиях целесообразно продолжить, по-прежнему опираясь на зарисовки К.М. Симонова. Относящаяся к 31 марта 1948 г. запись в дневнике К.М. Симонова очень характерна, прежде всего тем, что показывает и предельное внимание Сталина к вопросам литературы и искусства, и его сталинское стремление оказывать максимальную поддержку положительно отличившимся представителям литературы и искусства...

Итак, вновь цитируем: «К Сталину в этот раз были вызваны Фадеев и редакторы толстых журналов — Панферов, Вишневский, я и Друзин. В ходе обсуждения выдвинутых на премии вещей Сталин заговорил о гом, что количество премий — элемент формальный и если появилось достойных премий произведений больше, чем установлено премий, то можно число премий и увеличить. Это и было тут же практически сделано, в гом числе за счет введения не существовавших ранее премий третьей степени.

Свою мысль о том, что формальные соображения не должны быть решающими, Сталин несколько раз повторял и потом, в ходе заседания, и вообще в том,

как он вел обсуждение, совершенно ясно проявилась тенденция — расширить и круг обсуждавшихся произведений, и круг обсуждаемых авторов, и если окажется достаточное количество заслуживающих внимания вещей, то премировать их пошире. Думаю, что, наверное, в связи с расширением этого круга и были впервые на такое заседание вызваны редакторы всех толстых журналов.

При обсуждении ряда вещей Сталин высказывал свои соображения, имеющие для нас общелитературное значение. Когда обсуждали "Бурю" Эренбурга, один из присутствовавших (докладывавший от комиссии ЦК по премиям в области литературы и искусства Д.Т. Шепилов. — *К.* С), объясняя, почему комиссия предложила изменить решение Комитета и дать роману премию не первой, а второй степени, стал говорить о недостатках "Бури", считая главным недостатком книги то, что французы изображены в ней лучше русских. Сталин возразил:

— А разве это так? Разве французы изображены в романе лучше русских? Верно ли?

Тут он остановился, ожидая, когда выскажутся другие присутствовавшие на заседании. Мнения говоривших, расходясь друг с другом в других пунктах, в большинстве случаев совпали в том, что русские выведены в романе сильно и что, когда изображается заграница, Франция, то там показаны и любовь французских партизан и коммунистов к Советскому Союзу, показана и роль побед Советского Союза и в сознании этих людей, и в их работе, а также в образе Медведя показана активная роль русских советских людей, попавших в условия борьбы с фашистами в рядах французского Сопротивления. Подождав, пока все выскажутся, Сталин, в общем, поддержал эти соображения, сказав:

— Нет, по-моему, тоже неверно было бы сказать, что французы изображены в романе Эренбурга сильнее русских, — потом, помолчав, задумчиво добавил: — Может быть, Эренбург лучше знает Францию, это может быть. У него, конечно, есть недостатки, он пишет неровно, иногда торопится, но "Буря" — большая вещь. А люди, что ж, люди у него показаны средние. Есть писатели, которые не показывают больших людей, показывают средних, рядовых людей. К таким писателям принадлежит Эренбург. — Сталин помолчал и снова добавил: — У него хорошо показано в романе, как люди с недостатками, люди мелкие, порой даже дурные люди в ходе войны нашли себя, изменились, стали другими. И хорошо, что это показано.

В связи с Эренбургом заговорив о писателях, изображающих рядовых людей, Сталин вспомнил Горького. Вспомнил его вообще и роман "Мать" в частности:

— Вот "Мать" Горького. В ней не изображено ни одного крупного человека, все — рядовые люди.

Еще более подробный разговор, чем о "Буре", возник, когда стали обсуждать роман Веры Пановой "Кружилиха". Фадеев, объясняя причины, по которым на Комитете по Сталинским премиям отвели этот первоначально выдвинутый на премию роман, стал говорить о присущем автору объективизме в изображении действующих лиц и о том, что этот объективизм подвергался критике в печати.

Вишневский, защищая роман, долго говорил, что критика просто-напросто набросилась на эту вещь, только и делали, что ругали ее.

— По-моему, и хвалили! — возразил Сталин. — Я читал и положительные статьи.

[(Скажу в скобках, что по всем вопросам литературы, даже самым незначительным, Сталин проявлял

совершенно потрясшую меня осведомленность.) — Прошу обратить особое внимание на эти слова Симонова. Они суть свидетельства того, что Сталин прекрасно разбирался в вопросах литературы. — А. *М.]*

— Что это — плохо? — возразив Вишневскому, спросил Сталин у Фадеева. — Объективистский подход?

Фадеев сказал, что объективистский подход, по его мнению, это безусловно плохо.

— А, скажите, — спросил Сталин, — вот "Городок Окуров", как вы его оцениваете?

Фадеев сказал, что в "Городке Окурове" за всем происходящим там стоит Горький с его субъективными взглядами. И, в общем-то, ясно, кому он отдает свои симпатии и кому — свои антипатии.

— Но, — добавил Фадеев, — мне лично кажется, что в этой вещи слишком многое изображено слишком черными красками и авторская тенденция Горького, его субъективный взгляд не везде достаточно прощупываются.

— Ну, а в "Деле Артамоновых" как? На чьей стороне там Горький? Ясно вам?

Фадеев сказал, что ему ясно, на чьей стороне там Горький. Сталин немножко развел в стороны руки, усмехнулся и полувопросил, обращаясь и ко всем, и ни к кому в особенности:

— Ясно? — и перед тем, как вернуться к обсуждению "Кружилихи", сделал руками неопределенно насмешливый жест, который, как мне показалось, означал: "А мне, например, не так уж ясно, на чьей стороне Горький в "Деле Артамоновых"".

Кто-то из присутствовавших стал критиковать "Кружилиху" за то, как выведен в ней предзавкома Уздечкин.

— Ну, что ж, — сказал Сталин, — Уздечкины у нас еще есть.

Жданов подал реплику, что Уздечкин — один из тех, в ком особенно явен разлад между бытием и сознанием.

— Один из многих и многих, — сказал Сталин. — Вот все критикуют Панову за то, что у людей в ее романе нет единства между личным и общественным, критикуют за этот конфликт. А разве это так просто в жизни решается, так просто сочетается? Бывает, что и не сочетается, — Сталин помолчал и ставя точку в споре о "Кружилихе", сказал про Панову: — Люди у нее показаны правдиво.

Потом перешли к обсуждению других произведений. Вдруг в ходе этого обсуждения Сталин спросил:

— А вот последние рассказы Полевого — как они, по вашему мнению?

Ему ответили на это, что рассказы Полевого неплохи, но значительно слабее, чем его же "Повесть о настоящем человеке".

— Да, вот послушайте, — сказал Сталин, — что это такое? Почему под этим рассказом стоит "литературная редактура Лукина"? Редакция должна редактировать рукописи авторов... Это ее обязанность. Зачем специально ставить "литературная редакция Лукина"?

Панферов в ответ на это стал объяснять, что во всех изданиях книжного типа всегда ставится, кто редактор книги. А когда вещь печатается в журнале — кто именно ее редактировал, — обычно не ставится, а если при публикации указывается ее литературный редактор, то это имеет особый смысл, как форма благодарности за большую редакторскую работу.

Сталин не согласился.

— В каждом журнале есть редакция. Если у автора большие недостатки и если он молод, редакция обязана помогать ему, обязана редактировать его произведения. Это и так ее обязанность, — жестко подчеркнул Сталин, — зачем же эти слова "литературная редактура'? Вот, например, в третьем номере "Знамени" напечатано: "Записки Покрышкина при участии Денисова". Тоже литературная редакция Денисова и благодарность за помощь Денисову?

Вишневский стал объяснять Сталину, как родилась эта книга, что Покрышкин хотел рассказать эпизоды из своей жизни, но что книгу от начала и до конца написал полковник Денисов, и они вместе избрали наиболее деликатную форму: Покрышкин благодарит Денисова за помощь.

— Если написал Денисов, — сказал Сталин, — так пусть и будет написано: Денисов о Покрышкине.

После разговора, связанного с рассказами Полевого, зашла речь о книге Василия Смирнова "Сыновья". Фадеев характеризовал ее и объяснил, почему она была отведена на Комитете: в связи с ее не особенно актуальной сейчас тематикой, изображением деревни начала этого века. Сталин сказал задумчиво:

— Да, он хорошо пишет, способный человек, — потом помолчал и добавил полуутвердительно: — Но нужна ли эта книга нам сейчас?

Панферов заговорил о книгах Бабаевского и Семушкина, настаивая на том, что их можно было бы включить в список премированных произведений, сделать исключение, премировав только первые, вышедшие части романов и таким образом поощрив молодых авторов.

Сталин не согласился.

— Молодой автор, — сказал он. — Что значит молодой автор? Зачем такой аргумент? Вопрос в том, какая книга — хорошая ли книга? А что же — молодой автор?

Эти его слова не были отрицательной оценкой названных Панферовым книг. Наоборот, об этих книгах он отозвался, в общем, положительно. А его замечание — что значит молодой автор? — носило в данном случае принципиальный характер.

Сталин имел обыкновение — я видел это на нескольких заседаниях, не только на том, о котором сейчас пишу, — брать с собой на заседание небольшую пачку книг и журналов. Она лежала слева от него под рукой, что там было, оставалось неизвестным до поры до времени, но пачка эта не только внушала присутствующим интерес, но и вызывала известную тревогу — что там могло быть. А были там вышедшие книгами и напечатанные в журналах литературные произведения, не входившие ни в какие списки, представленные на премию Комитетом. То, о чем шла, точнее, могла пойти речь на заседании в связи с представлениями Комитета по Сталинским премиям, Сталин, как правило, читал. Не могу утверждать, что он всегда все читал. Могу допустить, что он какие-то произведения и не читал, хотя это на моей памяти ни разу прямо не обнаружилось. Все, что во время заседания попадало в поле зрения общего внимания, в том числе все, по поводу чего были расхождения в Союзе писателей, в Комитете, в комиссии ЦК, — давать, не давать премию, перенести с первой степени на вторую или наоборот, — все, что в какой-то мере было спорно и вызывало разногласия, он читал. И я всякий раз, присутствуя на этих заседаниях, убеждался в этом».

Таков был в реальности Сталин в вопросах взаимоотношений с творческой интеллигенцией. Точно так же чутко и внимательно он относился и к нуждам художников, артистов, композиторов. Точно так же он прекрасно разбирался и в вопросах искусства, кино, музыки. Позвольте в этой связи процитировать еще одного титана советской культуры — выдающего советского (русского) композитора, Героя Социалистического Труда, народного артиста СССР, лауреата Сталинских и Государственных, а также Ленинской премий Тихона Николаевича Хренникова[1]. В сентябре 2006 года он дал развернутое интервью корреспонденту газеты «Завтра» (№ 39), содержание которого представляет громадный интерес для более глубокого понимания отношения Сталина к интеллигенции и к культуре. Итак, вот что сказал Т.Н. Хренников (структура интервью сохранена):

«Завтра». *Вы приехали в Москву как раз к началу политического взлета Иосифа Виссарионовича Сталина. И на ваших глазах проходила вся основная политическая карьера Сталина. Наверняка у вас сложилось какое-то мнение о годах его правления, о масштабе его личности.*

Т.Х. В период моего приезда, в 20-е годы, покровителем культуры был Луначарский (нарком культуры. — *А. М.).* А Сталин играл эту роль позже. Без сомнения, это величайший человек, который нашу Родину превратил в такое государство, которое стало величайшим в мире. Если взять культуру, не могу не вспомнить, как к нам приезжали из Америки наши кол-

[1] К глубокому сожалению, в период, когда книга готовилась к печати, пришло печальное известие о кончине Т.Н. Хренникова. Пусть родная русская земля будет мягким пухом для Вас, дорогой Тихон Николаевич!

леги-композиторы, которые признавались, что в Америке нет ничего похожего на ту огромную государственную поддержку, которая есть в СССР.

«Завтра». *Может быть, разница отношения к культуре и соответственно жизнь культуры (в том числе и материальная) сейчас и во времена, о которых вы вспоминали, коренится в разнице культурного уровня руководителей государства, Сталин посещал оперные спектакли, симфонические концерты не протокола ради. А вот Ельцин на моей памяти не посетил такого рода мероприятия ни разу...*

Т.Х. Сталин, по-моему, музыку знал лучше, чем кто-либо из нас. [Обратите внимание на это заявление Тихона Николаевича. Сам являющийся выдающимся композитором и знатоком музыки, он все-таки счел правильным сказать именно так, как сказал. А ведь такое признание из уст всемирно признанного музыканта и композитора дорогого стоит! — *А. М.]*

Он постоянно ходил на спектакли Большого театра и часто водил туда Политбюро — воспитывал, так сказать, своих сотрудников. Он страстно любил слушать Максима Дормидонтовича Хайлова — замечательный был бас. Сталин был на моей опере «В бурю». Поставил ее Владимир Иванович Немирович-Данченко, премьера была в 1939 году. Итак, там присутствовали Сталин, Молотов, Ворошилов и им понравилось. Сталин пригласил к себе Немировича-Данченко и меня. Еще раньше предупреждали, чтобы был наготове — но я в тот вечер был в Киеве. Там была премьера той же оперы, дирижировал Рахлин, он никогда не изучал заранее партитуры, и я не мог не быть в Киеве, чтобы хоть верные темпы показать. Но Сталин не обиделся. Во всяком случае, на следующий день в «Правде» напечатали статью, где говори-

лось, что руководители страны были на премьере оперы «В бурю», и Сталин высказал свою похвалу в отношении спектакля.

Я со Сталиным встречался четыре раза. Позже, когда был уже известным композитором. Сталин знал мою музыку и хорошо к ней относился, об этом говорит и Шепилов в своих воспоминаниях. Именно Сталин назначил меня Генеральным секретарем Союза композиторов.

...В то же время Сталин назначил меня и руководителем музыкальной секции комитета по Сталинским премиям. Председателем всего комитета был Фадеев, я — его заместителем, потом Фадеева сменил Тихонов, и я стал уже его заместителем. Поэтому, естественно, мне приходилось беседовать с Иосифом Виссарионовичем. Но какого-либо специального разговора, когда бы меня учили, как нужно поступать, у меня со Сталиным не было.

Меня приглашал Жданов, который был образованнейшим человеком. Это сейчас стали из него делать пугало: якобы он был незнайкой, якобы садился за рояль и показывал великим композиторам, как нужно сочинять. Вообще пишут такую билиберду, что трудно представить, чтобы нормальный грамотный человек мог придумать такую штуку, как сейчас придумывают о советских руководителях, писателях. Что, к примеру, сегодня сделали с Горьким, со всей советской литературой!.. Нам оставили как Евангелие «Мастера и Маргариту». Не спорю — хорошая, талантливая книга. Тем более я был знаком с Булгаковым. Я писал музыку к его пьесе «Дон-Кихот», которая шла в театре Вахтангова. Но нельзя же так все переворачивать с ног на голову — возвышая одних, пусть и справедливо, втаптывать в грязь других!

Небольшой комментарий. Откровенно говоря, если бы не Сталин, Булгаков не стал бы столь известным советским писателем. Сталин был первым, кто реально оценил всю глубину таланта Михаила Афанасьевича и не дал его сожрать архаровцам из Реперткома. Ведь главарь этой полубандитской организации — пресловутый Ф.Ф. Раскольников — едва не пристрелил Булгакова за то, что тот посмел ему возразить. Сталин же пристроил его и в театр, куда Михаила Афанасьевича не хотели брать. Честно говоря, характер у него был, мягко говоря, далеко не сахар. Но Сталин ценил его талант и очень любил его пьесу «Дни Турбиных», которую, как утверждают, смотрел не менее 15—20 раз. И очень даже похоже на то, что именно эта пьеса стала одним из тех невидимых постороннему глазу мощнейших импульсов, приведших Сталина к мысли о необходимости демократизации внутренней жизни СССР, к социальному примирению с теми, с кем в Гражданскую войну воевали, к необходимости восстановления офицерских званий в РККА.

Когда говорят о Булгакове, то очень многие не без удовольствия смакуют историю о том, как Сталин, пускай и в мягкой форме, но не рекомендовал ему писать пьесу о батумской стачке 1905 года, а когда писатель не послушался и направился в Грузию для сбора материалов, то его сняли с поезда. Мне трудно сказать, знают ли те, кто в антисталинском духе смакует эту историю, подлинную подоплеку случившегося.

Сталин действительно возглавлял всю организационную работу по подготовке и проведе-

нию той стачки. К тому времени он уже обладал колоссальным авторитетом в Закавказье. Однако тогда ему не было известно, что руководители ЦК РСДРП(б), то есть Ленин и К°, взяли деньги для проведения этой стачки непосредственно у представителей знаменитого американского нефтяного короля Рокфеллера. В то время он был на ножах со своими заклятыми конкурентами Нобелями и Ротшильдами, которые, особенно первые, господствовали на российском нефтяном рынке, являясь практически монополистами в добыче и экспорте бакинской нефти. Им же принадлежал и батумский керосинопровод, по которому на экспорт отправлялось примерно 86% российского керосина, что составляло около 50% мирового экспорта. Сталин получал деньги для стачки непосредственно от ЦК и потому не знал об их подлинном происхождении. Узнал лишь много позже, во время допросов основных фигурантов знаменитых процессов 1937—1938 гг. Что же касается организации забастовок против конкурентов с помощью либо профсоюзов, либо радикальных политических партий, то в начале прошлого века это стало фактически обыденной вещью в мире капитала. Таких примеров в истории разных стран можно найти уйму.

И вот надо же было такому случиться, что кто-то надоумил пользовавшегося благосклонностью Сталина Булгакова заинтересоваться темой этой стачки и писатель воспылал горячим желанием написать соответствующую пьесу и воспеть Сталина тех лет. Сталин, естественно, быстро узнал и о том, кто конкретно надоумил

ничего не понимавшего в политике и тем более в подковерной борьбе троцкистской оппозиции писателя, и, самое главное, зачем надоумили. Это была своего рода попытка римейка истории с произведением Пильняка «Повесть непогашенной луны», о которой говорилось еще во второй книге настоящего пятитомника. Тогда это произошло с подачи Троцкого и его соратников. И с Булгаковым произошла та же история — некоторые из неразоблаченных троцкистов, оставшиеся на свободе, надоумили ничего не знавшего писателя заинтересоваться этой темой. И если бы он раскопал эту историю и тем более написал бы пьесу, то возник бы повод в очередной раз устроить вакханалию попыток обвинить Сталина в чем-то непотребном, в данном случае в сотрудничестве с американским капиталом и на этой волне в очередной раз попытаться его свергнуть.

Сталин прекрасно понял, кто стоит за кулисами этой проделки, и в самой мягкой форме рекомендовал Булгакову оставить эту тему в покое, потому как в противном случае с ним пришлось бы разбираться на основании положений Уголовного кодекса. Сталин же этого не хотел, так как, подчеркиваю, очень высоко ценил его талант писателя и драматурга. К глубокому сожалению, Булгаков не внял мягким предостережениям Сталина и засобирался в дорогу, в Грузию. И когда Сталин узнал об этом, то с помощью НКВД была организована срочная операция по доставке Булгакову прямо в поезд соответствующей срочной телеграммы с отзывом в Москву. Такова вкратце суть данной истории.

«Завтрак. *Сталин в общении был каким: злобным, ожесточенным, равнодушным, холодным или наоборот — сердечным, приветливым?*

Т.Х. Сталин был совершенно нормальный человек. С ним часто спорил Фадеев, мне один раз пришлось поспорить. Фадеев спорил по поводу книги «Даурия» писателя Седых. Мы приехали к Сталину втроем — Фадеев, Симонов, который был руководителем литературной секции, и я — руководитель музыкальной секции. Докладываем всему Политбюро о сложившейся ситуации. Никогда Сталин не вел заседания Политбюро. И в тот день его вел Маленков. Сталин сидел справа и принимал самое активное участие в обсуждении вопросов. Когда Фадеев высказал свое мнение о том, что он против награждения этого произведения Сталинской премией, поскольку там плохо отражена роль партии, Сталин возразил: «Это же литературное произведение, а не публицистика, зачем нужны такие политические подробности, такая точность?». Возник спор. Фадеев сказал, что он категорически против, что он в то время был на Дальнем Востоке и вместе с Сергеем Лазо делал революцию. Он же был двоюродным братом Лазо, которого сожгли в топке японцы. Сталин обратился к Политбюро: ну что, дадим премию Седых? И вопреки мнению Фадеева эту премию дали.

Или у меня была история. Тогда появился Нечипоренко — потрясающий балалаечник. Я никогда не слышал большего, потрясающего мастерства в этом направлении, чем у Нечипоренко. Он произвел на меня такое впечатление, что я решил во что бы то ни стало выдвинуть его на премию. И выдвинул. Пригласил его, он перед всеми сыграл, все обалдели от его мастерства. Его называли тогда «Ойстрах на балалайке», по-

тому что он играл тогда весь виртуозный скрипичный репертуар на своем инструменте. Это было совершенно невероятно. На прослушивании присутствовал и председатель комитета. В то время им был Николай Николаевич Беспалов. Он решил лизнуть Сталину одно место и сказал: «Товарищ Сталин, такую премию — за народный инструмент? Ну, как же можно? Мы этим самым снижаем значение такой престижной премии». И Сталин вроде бы согласился... Вижу, что вся моя конструкция рушится. С присущим мне темпераментом я попросил слова у Сталина и стал говорить, что я вообще удивляюсь выступлению Беспалова, который, по-видимому, не знает историю этого инструмента, что еще в XIX веке Трояновский и Андреев приезжали к Толстому, играли ему, и он плакал и рыдал. Игре на балалайке учат в самых престижных музыкальных вузах. И говорить о том, что это все еще самодеятельный инструмент, — я такой глупости не могу пережить и протестую категорически. Тогда Сталин говорит коротко: **Дадим.** И дали.

Небольшой комментарий. Обратите внимание на то, что и Т.Н. Хренников в унисон с К.М. Симоновым описывает невероятную свободу обсуждения произведений литературы и искусства у Сталина. Описывает и то, что Сталин детально вникал в различные мнения, подробно выслушивал самые разные точки зрения и только потом предлагал резюме, причем не навязывая своего мнения. И ведь как уважительно выслушивал все стороны. Вот вам и «диктатор»!

Вообще в СССР (сталинского периода особенно. — *А.* М.) музыка, как в классической Древней Греции,

была крупнейшим государственным делом. Духовное влияние крупнейших композиторов и исполнителей, формирующее умных и волевых людей, было огромным, в первую очередь через радио.

Небольшой комментарий. Тихон Николаевич сказал истинную правду. Влияние было чрезвычайно огромным. И вовсе не случайно, что в наше время пытаются возобновить такое же влияние, устраивая концерты на телевидении, ставшие известными под названием **«Старые песни о главном».** Потому как современной музыкой умных и волевых людей не вырастить — вырастить можно только трясущихся в животном экстазе дебилов. Ведь все современные песни построены по принципу «два притопа, три прихлопа», причем что музыка, что слова. Кстати говоря, содержание современных песен и вовсе не выдерживает никакой критики, и не случайно, что оно попало под жесточайший обстрел современных умных юмористов, особенно М.М. Задорнова.

Наш Союз композиторов обладал огромной материальной мощью. Мы в год имели 20 миллионов рублей! По тем временам — это колоссальная сумма. Мы строили дома, давали бесплатно квартиры. Создавали Дома творчества. А фестивали и концерты! При Музфонде существовал специальный отдел музыкальной пропаганды, задачей которого была организация и пропаганда новых произведений. Мы построили свою типографию и свое издательство «Советский композитор». Издавали произведения, в том числе и молодых композиторов. Попробуйте сейчас что-нибудь издать! Только сами, за свои деньги.

Вот так выдающийся советский русский композитор оценивает роль Сталина в искусстве, в частности в развитии музыки.

Конечно, еще очень много можно было бы рассказать об истинном отношении Сталина к интеллигенции. Однако, как представляется, и этого уже вполне достаточно, чтобы понять одну простую истину — мифы на эту тему не имеют под собой реальной почвы. А интеллигенции должно быть стыдно за стряпание и особенно, распространение лжи об отношении Сталина к ней. Никогда более интеллигенция не жила так хорошо, так вольготно, так сытно, так финансово и материально обеспеченно, как при Сталине. Одни только гонорары за художественные произведения были столь высокими, что по сию пору их даже не с чем сравнить!

Таков был подлинный Сталин в отношениях с интеллигенцией! Ну а та по своей привычке — все же не зря дочка Тютчева обозвала ее гнилой интеллигенцией, — предала забвению все, что Сталин сделал для интеллигенции.

Миф № 187. Сталин очень любил демонстрации своей всесильности.

Этот миф построен не на пустом месте. В его основе элементарное передергивание сути некоторых фактов. Дело в том, что у Сталина действительно была одна привычка, внешне воспринимавшаяся свидетелями ее проявления как попытка продемонстрировать собственную всесильность. Сталин действительно любил производить впечатление. Однако и, во-первых, он делал это всегда неброскими, косвенными и как бы

«естественными» мерами. А во-вторых, никогда не преследовал цель выпячивания собственного «я». Напротив, абсолютно всегда это делалось исключительно в целях демонстрации всесильности и всемогущества социалистического государства.

Как отмечал выдающийся отечественный историк В. Похлебкин, все эти демонстрации были иллюстрациями к любимым сталинским тезисам — **«если надо стране, то будет сделано все, даже невозможное»** и **«если приказано, то должно быть выполнено, хоть ты умри».** И сам же собственными же делами всегда иллюстрировал, как это надо делать. Причем, что надо отметить особо, не делал таких демонстраций как попало. Они всегда были четко рассчитаны и точно сориентированы на конкретную ситуацию и конкретного партнера, всегда преследовали цель добиться исключительного успеха в интересах всего государства. Ради этого Сталин проявлял огромное терпение, выдержку и, как никто в мире, умел ждать «нужного момента», даже если на это уйдут годы. Он очень хорошо понимал, что означает знаменитая русская пословица **«хороша ложка к обеду»,** что значит в самый подходящий для этого момент оказать на партнера молниеносное, исключительное психологическое воздействие. В этом ему не было и, как представляется, по сию пору нет равных. Проиллюстрирую на двух примерах.

1. Вечером 4 сентября 1943 г. Сталин впервые за годы советской власти принял в Кремле патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия и двух его коллег — митрополита Алексия (Ленинградского) и Николая (Крутицкого и Коломенского), чтобы поблагодарить их за внесение церковью в фонд обороны 150 млн рублей, собранных за счет пожертвований верующих. В ходе состоявшейся беседы Сталин поин-

тересовался проблемами, которые стоят перед церковью. На это митрополит Сергий ответил, что самая главная у них проблема — это выборы патриарха, так как для этого надо собрать Поместный собор, что в условиях войны и отсутствия транспорта осуществить в огромной стране трудно, и на что потребуется один-два месяца.

— «А нельзя ли проявить большевистские темпы? » — спросил Сталин. И тут же отдал распоряжение привлечь авиацию для сбора всех епископов, чтобы открыть Поместный собор не через месяц, а через три дня! Тут же договорились, что открытие состоится 8 сентября, хотя разговор шел уже во втором часу ночи 5 сентября, а уже в 5—6 часов утра в Богоявленском соборе состоялась торжественная литургия, где митрополит Сергий объявил о том, что 8 сентября в Москве соберется Поместный собор. Выйдя после службы из церкви, прихожане могли прочитать подвезенные к киоскам вокруг собора свежие номера «Известий », где уже было опубликовано сообщение ТАСС о приеме Сталиным в Кремле трех митрополитов. На всю «операцию» потребовалось буквально не более трех часов.

Вот это и означало — «если надо, то будет сделано все, даже невозможное». А надо было очень. Того, о чем ниже пойдет речь, высшие иерархи РПЦ, естественно, знать не могли. Но Сталин знал. По каналам разведки ему сообщили, что американцы готовят серьезную провокацию с обвинениями Советского Союза в подавлении религии. И именно ради этого 9—10 сентября в Москву должна была прибыть американская делегация, чтобы «на месте собрать неопровержимые доказательства». Подчеркиваю, высшие иерархи РПЦ этого не знали, потому и потихоньку готовили Поместный собор в расчете, что он состоится через месяц-

два. Но Сталин-то знал, что этим делом очень сильно интересуются американцы, к тому же не ради интересов Русской православной церкви, а всего лишь для того, чтобы в очередной раз облить грязью Советский Союз, что в период войны было чревато очень тяжелыми последствиями, особенно в сравнении с тем, что на оккупированных территориях делали гитлеровцы. Оккупанты вовсю открывали церкви, оказывали содействие священнослужителям и т.д. Западные СМИ запросто могли преподнести ситуацию таким образом, что-де оккупанты проявляют к РПЦ больше внимания, чем большевики.

Правда, ничего с этими замыслами не вышло. Не на того напоролись туповатые янки. Ведь это же был Сталин. Именно он и создал для заокеанских «друзей» ситуацию, когда они приехали зафиксировать факт небывалого по тем временам значения — большевики разрешили Поместный собор! Можете себе представить вытянувшиеся физиономии янки? Ведь вышло-то, что они зря планировали, зря ехали, зря тратились на подготовку мощной антисоветской пропагандистской кампании!

Да и иерархи РПЦ уверовали в необычайную силу Сталина — вот оказалось РПЦ необходимым срочно собрать Поместный собор, так только Сталин и смог это сделать. А что уж говорить о верующих? Те и вовсе прониклись особым уважением к Сталину и Советской власти.

2. И этот случай также связан с американцами. Предваряя один из раундов советско-американских переговоров в период войны, Сталин устроил янки "шоковую терапию". А дело было так.

У Сталина, как известно, было несколько переводчиков — каждый на своем направлении. С немецкого

и на немецкий переводил В. Бережков, с английского и на английский — В. Павлов. Бережков стал работать в МИД (тогда НКИД) еще до войны, участвовал в переговорах с Гитлером и Риббентропом. Фюрер, к слову сказать, никак не мог поверить, что Бережков русский, потому как тот всегда демонстрировал такой высший класс перевода и такое тончайшее знание немецкого языка, что невозможно было поверить, что он не немец.

Однако Бережков блестяще владел также и английским языком, хотя и не распространялся об этом. Сталин случайно узнал об этом, но никогда не привлекал его к работе с англоязычными партнерами. Бережков по-прежнему имел статус переводчика № 1 с немецким языком.

Прошло несколько лет. Уже в самом разгаре Великая Отечественная война. Сталину предстояли сложные переговоры с американцами. До начала переговоров остается 5 минут, и в это время в присутствии янки Сталину сообщают, что Палов не сможет переводить, так как заболел. Американцы в трансе — переговоры могут быть отложены или вообще сорваны, а они придавали им большое значение. Нервничая, советник посольства США в Москве Чарльз Болен с тревогой спрашивает у Сталина:

— Что же делать?

Сталин невозмутимо отвечает:

— Что делать? Будем работать.

— Но кто же будет переводить? — на грани истерики переспрашивает Ч. Болен.

По-прежнему невозмутимо Сталин отвечает:

— Переводить будет Бережков. Вызовите его.

Ч. Болен, окончательно впав в истерику, нервно заявляет:

— Но ведь Бережков переводчик с немецким языком, а не с английским?!

Сталин все так же невозмутимо отвечает:

— Это не имеет значения!

Американцы — в шоке!

— Как это не имеет значения?

Сталин все так же невозмутимо объяснил:

— Я ему прикажу, и Бережков будет переводить с английского!

Тут появляется Бережков, в ответ на приказание Сталина отвечает «есть!» и блестяще переводит всю беседу. Янки же впали в ступор и во время переговоров не столько следили за их ходом, сколько без устали поражались необычайно гладкому английскому Бережкова, пребывая в полной уверенности, что «Сталин может приказать все, что угодно, и это непременно будет исполнено».

Ну а Сталин настолько успешно провел эти переговоры, что поток американской помощи по ленд-лизу после этого возрос в несколько раз, причем без новых обязательств Советского Союза!

Вот что было в действительности!

Миф № 188. Сталин любил присваивать себе награды, чтобы сравняться со своими военачальниками.

Откровенно говоря, крайне нелепый миф. Дело в том, что Сталин отродясь не страдал тягой к наградам. И всем это хорошо было известно. Как представляется, это произошло в силу одного обстоятельства. Наши борзописцы все свои мерзкие черты очень уж любят приписывать тому, в отношении кого власть дает команду «фас». Вот приказали всесторонне облить гря-

зью Сталина — они и стараются. Выдумывают всякую грязь, лишь бы только власти угодить да урвать от нее кусок пожирнее. При Сталине они не могли такого делать. Чтобы выслужиться перед Сталиным, известный поэт Осип Мандельштам, к примеру, аж более пятидесяти хвалебных стихотворений о нем настрочил. Даже оду сочинил. Не помогло. Особенно когда появилась ода. Этим Мандельштам окончательно вывел Сталина из терпения и последовал приказ отправить его подальше от столицы, во Владивосток (заметьте, не на лесоповал, а в столицу Советского Дальнего Востока). Сталин не терпел подхалимов, точнее, лютой ненавистью их ненавидел. Потому что считал, что «услужливый мерзавец — хуже врага». Точно так же дело обстояло и с наградами, особенно военными.

В своей знаменитой книге «Дело всей жизни» Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский писал: **«Сталин прочно вошел в военную историю. Его несомненная заслуга в том, что под его непосредственным руководством как Верховного Главнокомандующего Советские Вооруженные Силы выстояли в оборонительных кампаниях и блестяще провели все наступательные операции. Но он, насколько я мог его наблюдать, никогда не говорил о своих заслугах. И наград у него имелось меньше, чем у командующих фронтами и армиями».**

Какие же награды были у Сталина, который больше 30 лет стоял у руля власти в СССР? Ведь великие не лишены человеческих слабостей — они же тоже живые люди. На картинах и фотографиях многих известных исторических личностей — как государственных, политических, так и военных — все изображены с огромным количеством всевозможных наград. Наши маршалы и генералы, особенно военной поры, бук-

вально увешаны с головы до ног всевозможными наградами. Их парадные кители чуть ли не полтора пуда весят. А вот на кителе Сталина всегда поблескивала только одна скромная звездочка Героя Социалистического Труда. Он получил ее в 1939 году вместе с первым орденом Ленина. Небезынтересно в этой связи заметить следующее. В отличие от Гитлера, принципиально носившего на своем кителе только один из своих двух Железных крестов, то есть сугубо милитаристский орден, Сталин предпочитал носить только звездочку Героя Социалистического Труда, явно подчеркивая тем самым мирную направленность своей деятельности во главе государства и партии.

Что же до наград, то всего их у Сталина было 14. Первой его наградой стал орден Красного Знамени, который он получил по инициативе Ленина и на основании постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 27 ноября 1919 г. «за заслуги на фронтах гражданской войны». Второй орден Красного Знамени (тогда еще не было его разделения на боевое и трудовое) Сталин получил в феврале 1930 года — Центральный Исполнительный Комитет СССР учел многочисленные ходатайства ряда организаций, общих собраний рабочих, крестьян и красноармейцев и наградил Сталина «за заслуги на фронтах социалистического строительства». Кстати, формулировка очень примечательная — выходит, что как в народе, так и наверху все прекрасно понимали, что осуществлявшиеся под руководством Сталина крупномасштабные социалистические преобразования, в сущности, есть война за строительство социализма. Едва ли все они ошибались, ибо это была действительно война. Сопротивление этим преобразованиям было ожесточеннейшее. Всего же у Сталина было три ордена Красного Знамени.

Орденом Суворова 1-й степени Президиум Верховного Совета СССР наградил Сталина 6 ноября 1943 года «за правильное руководство операциями Красной Армии в Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков и достигнутые успехи». Обратите внимание на дату. К тому моменту уже и слепому было ясно, что коренной перелом в войне уже давно произошел, — великие победы в Сталинградской битве и в битве на Курской дуге были ярчайшим тому доказательством. Маршалы и генералы к тому времени уже не один раз обмыли свои заслуженные (а некоторые и незаслуженные) полководческие и иные ордена и медали, а Сталин полководческий орден получил только 6 ноября 1943 года.

20 июня 1944 года Председатель Исполкома Московского городского Совета депутатов трудящихся от имени Президиума Верховного Совета СССР вручил в Кремле Сталину первую медаль — «За оборону Москвы». Формулировка указа была такова — «за руководство героической обороной Москвы и организацию разгрома немецких войск под Москвой». Опять-таки, обратите внимание на дату награждения этой медалью — к тому времени награжденные такой медалью военачальники, принимавшие участие в обороне Москвы и в разгроме гитлеровских войск под Москвой, уже не единожды протрезвели после многочисленных возлияний по поводу такой награды. А Сталин только-только получил ее 20 июня 1944 года.

Кстати говоря, с этой медалью связан один примечательный инцидент, происшедший на менее известном банкете для высшего командования, который состоялся до знаменитого Банкета Победы. Согласно приведенному в книге «Отцы-командиры. Звезды на погонах — звезды на могилах» описанию Ю.И. Му-

хина, дело обстояло так: «Маршал Жуков находился за одним столом с Верховным Главнокомандующим, но в его персональную честь не было сказано ни слова. Всем присутствовавшим это показалось странным. Старшие военачальники стали знаками подавать ему (то есть Жукову. — *А.М.)* сигнал на перекур. Жуков попросил Сталина сделать перерыв. Вождь дал разрешение. Сам он курил трубку за столом, а все вышли в курительную комнату. Здесь же командующие войсками фронтов попросили маршала Жукова начать короткое выступление, чтобы они могли продолжить здравицу в честь первого маршала Победы.

Жуков свое выступление-тост начал примерно так: "Если бы меня спросили, когда за всю войну мне было тяжелее всего, то я бы ответил, что осенью и зимой при обороне Москвы, когда практически решалась судьба Советского Союза".

Выслушав молча эту тираду Жукова, Сталин внезапно оборвал его словами: "Вот вы, товарищ Жуков, вспомнили оборону Москвы. Правильно, что это было очень трудное время. Это была первая победоносная битва нашей армии при защите столицы. А вы знаете, что многие ее защитники, даже генералы, получившие ранения и отличившиеся в боях, оказались не отмеченными наградами и не могут получить их, так как стали инвалидами!"

На этот упрек Жуков ответил так: "Товарищ Сталин, я, как и Вы, тоже не отмечен наградами за эту битву, хотя почти все работники Генерального штаба награждены орденами Ленина (Шапошников, Антонов, Ватутин, Штеменко и другие). Вполне допускаю, что мною допущен в этом деле просчет, и мы поправим это".

Тут Сталин ударил кулаком по столу так сильно, что хрустальная ножка высокого фужера обло-

мылась, и красное вино пролилось па скатерть. Вождь, перебивая Жукова, сказал: "А вместе с тем вы не забыли наградить своих бл...ей". Наступила гробовая тишина, в ходе которой Сталин поднялся, удалился из-за стола и больше не вернулся.

Третьей медалью Сталина была «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», а первой была медаль «20 лет Р.К.К.А.».

29 июля 1944 года Президиум Верховного Совета СССР наградил Сталина высшим советским полководческим орденом «Победа» с формулировкой «за исключительные заслуги в организации и проведении наступательных операций Красной Армии, приведших к крупнейшему поражению германской армии и коренному изменению положения на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками в пользу Красной Армии». Вторым орденом «Победа» Президиум Верховного Совета СССР наградил Сталина 26 июня 1945 года с формулировкой «за исключительные заслуги в организации всех Вооруженных Сил Советского Союза и умелое руководство ими в Великой Отечественной войне, закончившейся полной победой над гитлеровской Германией». В Советском Союзе только три человека дважды были награждены орденом «Победы» — Маршалы Советского Союза И.В. Сталин, А.М. Василевский и Г.К. Жуков.

На следующий день после награждения вторым орденом «Победа», 27 июня 1945 года, Маршалу Советского Союза Иосифу Виссарионовичу Сталину было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина (второго) и медали «Золотая Звезда» как «возглавившему Красную Армию в тяжелые дни защиты нашей Родины и ее столицы Москвы, с исключитель-

ным мужеством и решительностью руководившему борьбой с гитлеровской Германией». На бюсте работы скульптора Яцыно Сталин изображен в распахнутой шинели, а на кителе видны две звезды Героя — Соцтруда и Советского Союза, чего в действительности никогда не было.

Сталин никогда не носил Звезду Героя Советского Союза, не считая себя достойным этого звания, так как считал, что поскольку он лично не принимал участия в боевых действиях на фронте и не совершал каких-либо подвигов на фронте, у него нет права на такое звание. Кстати говоря, узнав об этом награждении, он выразил крайне резкое недовольство этим и произнес в адрес не в меру расторопных, устроивших издание такого указа, резкое слово — «подхалимы».

Одновременно с присвоением звания Героя Советского С4юза по письменному представлению командующих фронтами Сталину было присвоено высшее воинское звание — Генералиссимус Советского Союза. Кстати говоря, попутно хотели учредить и орден Сталина, однако Иосиф Виссарионович до глубины души возмутился таким подхалимажем и категорически отверг такое предложение.

В 1949 году в связи с юбилеем — 70-летием — Сталин был награжден третьим орденом Ленина. Это была последняя награда в его жизни.

Итого 9 орденов и 5 медалей —14 наград, среди которых ни одной иностранной. Откровенно говоря, в сравнении с многопудовыми «иконостасами» тех же маршалов и генералов Победы — чрезвычайно не густо. Ну, а уж если сравнивать с незабвенным Леонидом Ильичом Брежневым, обладавшим 120 наградами, так и вовсе был обделен товарищ Сталин, как он сам же приказывал себя называть в ответ на попытки обращаться к нему «товарищ Генералиссимус Советского Союза».

Вот так Сталин и «любил себя награждать». А из имевшихся наград более всего ценил звание Героя Социалистического Труда. Потому как был созидатель!

Миф № 189. Сталин никогда не признавал свои ошибки.

Миф № 190. Сталин всегда сваливал свои ошибки на других.

Миф построен на пустом месте. Как, впрочем, и многие другие. Несть числа этим пустопорожним и глупым байкам. Потому как умный и сильный человек всегда обладает мужеством и волей признать свои ошибки. А Сталин и был таким. Внемлите, пожалуйста, содержанию отрывка из долго не издававшейся книги выдающегося советского конструктора артиллерийских систем В.К. Грабина — **«Оружие победы»** (М., 1989, с. 537—539).

«Работа спорилась. Ничто не предвещало грозы, которая уже собиралась над нами. В декабре 1941 года на завод приезжал Ворошилов. Целый день мы с ним ходили по цехам, не успели даже пообедать. Клименту Ефремовичу очень понравилось все, что он видел. "Это вы здорово сделали, молодцы!" — похваливал он. А 4 января (1942 г. — Л. М.) меня вызвали на заседание ГКО. Вот и представился долгожданный случай, когда можно будет доложить И.В. Сталину о пушке ЗИС-3, а возможно и показать ее, подумал я. Нужно разрешение наркома Д.Ф. Устинова. Дмитрий Федорович незадолго до того был на заводе и ознакомился с состоянием производства. Он видел,

что завод не только выполнит обещанное на декабрь пятикратное увеличение выпуска пушек, но и перевыполнит. К тому же в сборочном цехе он наблюдал за сборкой ЗИС-3. Завод попросил наркома разрешить доставить пушки в Москву, и он незамедлительно разрешил.

Ворошилов на заседании ГКО не присутствовал. Заседание Государственного Комитета Обороны сразу превратилось в резкий диалог между Сталиным и мною. Вся наша работа подверглась очень острой и несправедливой критике, а меня Сталин обвинил в том, что я оставлю страну без пушек. Я отстаивал позицию коллектива до последнего. Атмосферу этого заседания может вполне характеризовать лишь один эпизод. В очередной раз, когда я пытался возразить Сталину и защитить правильность выбранной нами позиции, обычная выдержка и хладнокровие изменили ему. Он схватил за спинку стула и грохнул ножками об пол. В его голосе были раздражение и гнев.

— У вас конструкторский зуд, вы все хотите менять и менять! — резко бросил он мне. — Работайте, как работали раньше!

Таким Сталина я никогда не видел — ни прежде, ни позже.

ГКО постановил: нашему заводу изготавливать пушки по-старому. В тяжелом и совершенно безнадежном настроении покинул я Кремль. Меня страшила не собственная моя судьба, которая могла обернуться трагически. Возвращение к старым чертежам и старой технологии неизбежно грозило не только резким снижением выпуска пушек, но и временным сокращением их производства вообще. Вот теперь-то страна действительно останется без пушек!

Ночь я провел без сна в бомбоубежище Наркома вооружения. Выполнить приказ Сталина — беда. Но как не выполнить приказ самого Сталина?! Выхода не было.

Рано утром 5 января, совсем еще затемно, ко мне подошел офицер и предложил подняться наверх, к телефону. Я не пошел: если хотят арестовывать, пусть арестовывают здесь. Тяжелая апатия охватила меня, мне уже было все равно. А в том, что меня ждет, я почти не сомневался: мой спор со Сталиным носил — если не вникать в его суть — характер вызова, а квалифицировать его как саботаж или вредительство — за этим дело не станет.

Через некоторое время офицер появился снова.

— Вас просят к телефону, — повторил он и добавил: С вами будет говорить товарищ Сталин.

Действительно, звонил Сталин. Он сказал:

— Вы правы...

Меня как жаром обдало.

— То, что вы сделали, сразу не понять и по достоинству не оценить. Больше того, поймут ли вас в ближайшее время? Ведь то, что вы сделали, это революция в технике. ЦК ГКО и я высоко ценим ваши достижения, — продолжал Сталин. — Спокойно заканчивайте начатое дело.

Что же произошло? Ночью, после грозового заседания ГКО, Сталин, по-видимому, созвонился или встретился с Ворошиловым, и тот рассказал ему о наших делах, обо всем, что видел собственными глазами. Но к этой мысли я пришел лишь впоследствии, сопоставив события. А тогда, слыша в телефонной трубке слова Сталина, я сообразил, что сейчас, именно сейчас тот самый подходящий момент, когда можно поднять вопрос о нашей «незаконнорожден-

ной» — о ЗИС-3. Да, это был на редкость подходящий момент. И я подробно доложил о пушке, просил посмотреть ее. Сталин хоть не сразу, но дал согласие

ЗИС-3 и Ф-22УСВ для сравнения были доставлены в Кремль. На осмотр пришли Сталин, Молотов, Ворошилов и другие члены ГКО в сопровождении маршалов, генералов, ответственных работников Наркома обороны и Наркомата вооружения. Все были одеты тепло, кроме Сталина. Он вышел налегке — в фуражке, шинели и ботинках. А день был на редкость морозный. Меня это беспокоило: в трескучий мороз невозможно в такой легкой одежде внимательно ознакомиться с новой пушкой.

Докладывали о пушке все, кроме меня. Я лишь следил за тем, чтобы кто-нибудь что-либо не напутал. Время шло, а конца объяснениям не было видно. Но вот Сталин отошел от остальных и остановился у щита пушки. Я приблизился к нему, но не успел произнести ни слова, как он попросил Воронова поработать на механизмах наведения. Воронов взялся за рукоятки маховиков и начал усердно вращать ими. Верхушка его папахи виднелась над щитом. «Да, щит не для роста Воронова», — подумал я. В это время Сталин приподнял руку с вытянутыми пальцами, кроме большого и мизинца, которые были прижаты к ладони, и обратился ко мне:

— **Товарищ Грабин, жизнь бойцов надо беречь. Увеличьте высоту щита.**

Он не успел сказать, на сколько надо увеличить, как тут же нашелся «добрый советчик»:

— На сорок сантиметров.

— Да нет, всего лишь на три пальца, это Грабин и сам хорошо видит.

Закончив осмотр, который длился несколько часов — за это время все ознакомились не только с механизмами, но и даже с некоторыми деталями, — Сталин сказал:

— Эта пушка — шедевр в проектировании артиллерийских систем. Почему вы раньше не дали такую прекрасную пушку?

— Мы еще не были подготовлены, чтобы так решать конструктивные вопросы, — ответил я.

— Да, это правильно... Вашу пушку мы примем, пусть военные ее испытывают.

Многие из присутствовавших хорошо знали, что на фронте находится не меньше тысячи пушек ЗИС-3 и что армия оценивает их высоко, но об этом никто не сказал. Умолчал и я.

Конечно, оценка Сталина была мне приятна. Никто не поверил бы мне, если бы я написал, что остался к ней безразличен. Но при этом я радовался и за свой коллектив, которому привез добрые вести».

Небольшой комментарий. Отнюдь не в оправдание, но всего лишь в объяснение внезапной вспышки гнева Сталина хотелось бы указать на следующее. Ситуация, в которой произошло это заседание ГКО, была очень даже не простой. Несмотря на то, что успешно развивалось мощное контрнаступление советских войск под Москвой, в тот период времени еще сохранялось крайне напряженное положение со снабжением действующей армии оружием и боеприпасами. После немыслимо гигантских потерь в дебюте войны, в ситуации, когда громадное количество оборонных предприятий пришлось эвакуировать далеко на восток, когда

большая часть этих предприятий еще не приступили к серийному выпуску оборонной продукции, Сталин в буквальном смысле поштучно выделял фронтам необходимые им оружие и боеприпасы. Более того. Он был крайне озабочен теми трудностями, которые мешали полноценному снабжению воюющей армии оружием и боеприпасами. Потому и все время нервничал в то время. В тот период он крайне чувствительно реагировал на любые задержки и попытки изменений в производственном процессе оборонных предприятий, тем более если они исходили от конструкторов. Как Верховный Главнокомандующий, он очень остро переживал, что не может полностью удовлетворить заявки фронтов. Вот почему и произошла такая вспышка гнева. Подчеркиваю, что изложенное выше не является попыткой автора оправдать поступок Сталина. Это всего лишь объяснение того, почему все это произошло. Вот и все. Обратите также внимание и на то, что при осмотре новой пушки Сталин с ходу заметил, что защитный щиток маловат для надежной защиты артиллерийского расчета и потребовал увеличить его высоту. Жизнь бойцов ему была дорога.

А вот другой пример. Приводим отрывок из книги знаменитого советского авиаконструктора А.С. Яковлева — «Цель жизни» (М., 1987, с. 253—254).

«При первой же встрече после моего возвращения в Москву из Сибири Сергей Владимирович Ильюшин рассказал, что в начале февраля Сталин вызвал его и наркома авиапромышленности к себе. Только

они вошли в кабинет, как Сталин с места обратился к Ильюшину:

— А ведь вы были правы.

— В чем, товарищ Сталин? — удивился Ильюшин.

— А как же, это мы вас сбили с толку. Вы сделали двухместный штурмовик Ил-2, а мы, не разобравшись как следует, по настоянию некоторых легкомысленных советчиков заставили переделать его в одноместный. Истребителей у нас мало, а одноместные штурмовики требуют прикрытия и несут большие потери. Вот несколько двухместных показали себя очень хорошо, они себя обороняют. Нужно немедленно вернуться к двухместной машине. Только с одним условием — чтобы выпускалось их не меньше.

— Трудновато будет, товарищ Сталин, — сказал Ильюшин.

— Делайте что хотите, но выполните это условие обязательно, — сказал Сталин.

Сталин, поставив вопрос о возврате к двухместному варианту штурмовика, подчеркнул, что штурмовику вовсе не нужны большая скорость и большая высота полета. Наоборот, штурмовик наносит тем больший урон, чем ниже он летает. Ильюшин попросил на размышления три дня.

Через три дня его опять вызвал Сталин. Ильюшин принес ему прямо в кабинет чертеж и доложил о том, что найдено весьма удачное решение — почти без всяких переделок и без потерь количественного выпуска машин на серийных заводах — можно восстановить вторую кабину стрелка-радиста и поставить пулемет для обстрела назад. Он обещал первую такую машину подготовить к 1 марта, а вторую — к 10 марта.

Сталин очень обрадовался. Тут же, еще до проверки в полете этой машины, было принято решение о запуске

ее в серийное производство. С тех пор на протяжении всей войны штурмовики выпускались в двухместном варианте. Потери их в воздушных боях резко снизились.

За недооценку и просчеты по самолету Ил-2 Сталин упрекал некоторых авиаторов, критиковал их за отсутствие инициативы, свежих мыслей. Он выговаривал им:

— А что с вас взять! Военные всего мира такие — держатся за рутину, за «проверенное», боятся нового.

— Знаете ли вы, — сказал он однажды, — что не кто иной, как руководители нашего военного ведомства, были против введения в армии автоматов и упорно держались за винтовку образца 1891 года? Вы не верите, улыбаетесь, а это факт, и мне пришлось перед войной упорно воевать с маршалом Куликом по этому вопросу. Так и в авиации — боятся нового. Чего стоит одна история со штурмовиком Ильюшина.

Между прочим, однажды Сталин сказал по адресу одного из руководителей ВВС:

— Увеличение числа звездочек на погонах ему ума не прибавило».

Небольшой комментарий. Опять-таки не в оправдание Сталина, но всего лишь в объяснение его действий хотелось бы указать на следующее. Прежде всего отметим, что историю о переделке изначально разработанного двухместным штурмовика «Ил-2» в одноместный по приказу Сталина очень часто используют в антисталинской пропаганде. Однако необходимо иметь в виду, что, прежде чем принимать такие решения, Сталин многократно консультировался с соответствующими военачальниками и авиаконструкторами. Это было незыблемым прави-

лом Сталина. Он всегда так действовал. Ну, вот и насоветовали «бравые вояки» и завистливые конструктора невесть что. К сожалению, это не редкость. Такое часто бывает при принятии на вооружение новых образцов оружия и боевой техники. Да и не только в этой сфере. К не меньшему сожалению, тогда Сталин прислушался к мнению этих «советчиков».

Дело в том, что у ВВС Красной Армии перед войной не было опыта массового применения штурмовиков в широкомасштабных боевых действиях. Соответственно не столь уж и очевидна была необходимость второго члена экипажа на «Ил-2». Тем более что перед войной у ВВС РККА было громадное количество истребителей, на координацию действий с которыми и рассчитывали вояки при применении штурмовиков. Естественно, что рекомендации, к которым прислушался Сталин, показались ему уместными, — и «Ил-2» было приказано переделать в одноместный штурмовик. Однако из-за грубейших, на грани измены, просчетов высшего военного командования трагический дебют войны оставил Красную Армию без той мощной авиации, которая имелась накануне войны. Количественно резко ослабленная истребительная авиация не могла заниматься прикрытием одновременно и сухопутных войск, и бомбардировочной авиации, и штурмовиков, и еще массой иных, важных на войне дел. Каждый вид авиации должен был решать свои задачи, прежде всего самостоятельно и в интересах сухопутных войск. Штурмовики старались это делать, но в отсутствие стрелка-радиста более низкая по сравне-

нию с германскими истребителями скорость «Ил-2» делала их удобными мишенями для гитлеровских стервятников, вследствие чего штурмовая авиация несла значительные потери. Слава богу, что Сталин очень быстро понял ошибочность своего приказа, основывавшегося на неправильных (в том числе явно и из-за зловредности отдельных «советчиков») рекомендациях, и, открыто признав свою ошибку, попросил выдающегося авиаконструктора срочно вернуться к двухместному варианту.

Кстати говоря, любопытно и упоминание Сталиным склоки, которую перед войной развели высшие военные начальники, особенно маршал Кулик, насчет автоматического оружия, в частности автоматов. Действительно, такое имело место быть. Сталин очень долго спорил с ним и все-таки заказ на автоматы в промышленность был передан. Хотя и небольшой. Автоматы прекрасно зарекомендовали себя в войне. Так что и Сталину не всегда удавалось сразу преодолеть железобетонную твердолобость генералитета, его неспособность видеть дальше собственного носа и сиюминутных настроений.

И еще один небольшой пример. Сталин очень любил великого советского полководца маршала Константина Константиновича Рокоссовского. Называл его Мой Багратион. Рокоссовский был вторым из двух советских маршалов, к которым Сталин обращался по имени и отчеству. Первым был мудрый ас Генштаба Борис Михайлович Шапошников. Принимая как-то в Кремле Рокоссовского, Сталин, после того как были решены вопросы фронта, которым командовал полко-

водец, в ходе последовавшей затем беседы лично извинился перед Рокоссовским за то, что с ним случилась жестокая несправедливость в 1937 году. Ведь Рокоссовский просидел в тюрьме с 1937 г. до марта **1940** г. **Сталин так прямо и сказал, что приносит свои личные извинения за это, в том числе и за то, что следователи НКВД применяли по отношению к полководцу недозволенное физическое насилие.** Этот факт нашел свое отражение в воспоминаниях Главного маршала авиации, основателя советской авиации дальнего действия А.Е. Голованова.

Кстати говоря, на эту же тему. По свидетельству бывшего зятя Сталина — сына ближайшего соратника вождя Юрия Жданова, — анализируя итоги прошедшей войны, в узком кругу членов Политбюро Сталин неожиданно сказал: **«Война показала, что в стране не было столько внутренних врагов, как нам докладывали и как мы считали. Многие пострадали напрасно. Народ должен был бы нас за это прогнать. Коленом под зад. Надо покаяться».**

Вот так Сталин и «не признавал» свои ошибки!

Миф № 191. Сталин не обладал необходимым для лидера государства даром предвидения.

Миф № 192. Сталин не заботился о будущем страны.

Вот уж мифы из мифов! Спокойно могут претендовать на «достойное место» в Книге рекордов Гиннесса по разделу «Лживый идиотизм». Что касается авторства этого мифа, то, пожалуй, лавры первенства следует отдать проклятому «бесу мировой революции» Л.Д. Троцкому. Злобствуя на страницах своей

книги «Сталин», Троцкий так и написал, что у Сталина нет **«ни теоретического воображения, ни исторической дальнозоркости, ни дара предвосхищения...».**

Однако за весь XX век Сталин был единственным руководителем Величайшей Державы Мира, который действительно обладал уникальным даром беспрецедентного предвидения. Причем это был не дар предвидения типа экстрасенсорного, наподобие уникального дара Вольфа Мессинга и иных прорицателей, а именно тот дар предвидения, который развивается у людей, обладающих высочайшим уровнем компетентности, глубочайшей эрудированностью и информированностью в различных областях человеческих знаний, но особенно в политике, экономике, истории и военном деле. Ни один из его предшественников, то есть ни Николай II, ни В.И. Ленин, ни один из его преемников вплоть до сегодняшнего времени не обладал и не обладает даже триллионной долей его дара предвидения. Этот величайший дар он развивал каждодневным упорным самообразованием на протяжении всей своей жизни. Потому и способен был заглянуть далеко вперед во многих областях, прежде всего в сфере политики и экономики. Вот несколько примеров, наглядно иллюстрирующих выдающиеся способности Сталина в части, касающейся стратегического предвидения, в том числе и в сфере экономики.

Судя по всему, какие-то серьезные данные о назревающем на Западе экономическом кризисе у Сталина были еще в 1928 году. Дело в том, что он еще в 1928 году открыто высмеивал тезисы несносного болтуна и демагога Бухарина о том, что на Западе тишь да благодать и никаких катаклизмов не предвидится. И в то же время именно в 1928 году началась первая пятилетка. Здесь все не случайно. Прежде всего стратеги-

чески. Когда первая пятилетка завершилась, то в своем выступлении в начале 1933 года Сталин заявил то, на потаенную суть чего никогда не обращается особого внимания. А зря, ибо это свидетельство серьезного стратегического замысла еще при начале первой пятилетки. Итак, вот что он тогда сказал: «В то время как объем промышленной продукции СССР к концу 1932 года вырос по сравнению с довоенным уровнем до **334** %, объем промышленной продукции САСШ[1] снизился за тот же период до 84 % довоенного уровня, Англии — до 75 %, Германии — до 62 %. В то время как объем промышленной продукции СССР вырос к концу 1932 года по сравнению с уровнем 1928 года до **219** %, объем промышленной продукции САСШ снизился за тот же период до 56 %, Англии — до 80 %, Германии — до 55 %, Польши — до 54 %».

Обычно это заявление Сталина используется для доказательства правоты его вывода об исторической победе социалистического способа производства, традиционно подтверждаемое его же словами: «О чем говорят эти данные, как не о том, что капиталистическая система промышленности не выдержала экзамена в тяжбе с советской системой, что советская система промышленности имеет все преимущества перед системой капиталистической». Далее эти тезисы развивают, как правило, в направлении того, что и на Западе открыто признали успехи социализма. Так, известный современный автор — Ю.В. Емельянов в своей новой работе «Европа судит Россию» (М., 2007) отмечает: «Успехи СССР на фоне кризиса капиталистической системы служили для многих людей доказательством

[1] Так тогда именовались США, то есть Североамериканские Соединенные Штаты.

преимуществ социализма. Губернатор штата Нью-Йорк Ф.Д. Рузвельт заявил в середине 1930 года: "Нет никакого сомнения... что коммунистические идеи наберут силу по всей стране, если мы не сумеем поддержать старые идеалы и первоначальные цели демократии". Ответ "коммунистической угрозе" Рузвельт нашел в "новом курсе", который он стал проводить после своего избрания на пост президента США в 1932 году (как бы ни превозносили "новый курс" Рузвельта, но в своей принципиальной сути это был уже апробированный сталинский курс на создание ненасыщаемого внутреннего рынка сбыта. — А. М.). Находя сходство методов организации экономики, к которым прибег Рузвельт, с советскими, писатель Герберт Уэллс в своей беседе со Сталиным 23 июля 1934 года говорил: "Ленин в свое время сказал, что надо "учиться торговать", учиться этому у капиталистов. Ныне капиталисты должны учиться у вас, постигнуть дух социализма" (всего 14 лет назад Уэллс называл Ленина "кремлевским мечтателем")».

Все это верно. Такие доказательные трактовки, бесспорно, справедливы. Но это далеко не все, что нужно говорить. **Принципиальная суть состоит в том, что, предвидя грядущий в скором будущем мировой экономический кризис, Сталин именно потому уже в 1928 году начал реализацию первой пятилетки и требовал максимальных усилий для ее реализации, что фактор времени, в течение которого Запад бултыхался бы в кризисе, превращался для СССР в колоссальный экономический выигрыш. Потому что объективно и в данном случае без каких-либо дополнительных усилий сокращался временной разрыв отставания СССР в экономическом развитии от Запада!** Именно поэтому-то в самый разгар первой пятилетки, 4 фев-

раля 1931 года, Сталин и заявил: **«Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют... Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»** (Сталин И.В. Сочинения, т. 13, с. 38—39). Спустя 10 лет гитлеровская Германия напала на Советский Союз. И если Советский Союз не успел бы пробежать это гигантское расстояние в своем экономическом и военно-экономическом развитии — его не только смяли бы, но и сровняли бы с землей. **Вот почему Сталин с таким упоением и говорил о фактическом снижении объемов промышленного производства в странах Запада.**

А вот как он видел пространственные контуры будущего вооруженного столкновения с Западом. **В 1934 г., на XVII съезде партии, Сталин поставил вопрос о развитии мощной базы по производству сельскохозяйственной продукции за Волгой, имея в виду «всякие возможные осложнения в области международных отношений».** То есть уже в 1934 г. Сталин прекрасно предвидел, что грядущее столкновение с Западом превратит европейскую часть Советского Союза в театр ожесточенных военных действий, вследствие чего развитые в аграрном отношении регионы этой части страны не смогут обеспечить армию и население продовольствием. Потому и потребовал создания новой аграрной базы за Волгой. Именно она-то и спасла Советский Союз — как его народы, так и армию — от голодной смерти в период Великой Отечественной войны.

Другой пример — из военной сферы. К примеру, все до сих пор уверены, что вся история знаменитой, коренным образом изменившей ход не только Великой Отечественной, но и Второй мировой войны в це-

лом Сталинградской битвы начинается со знаменитого приказа № 227 от 28 июля 1942 г., более известного как **«Ни шагу назад!»**

В действительности же подготовка к **Сталинградской битве началась еще в те дни 1941 года, когда решалась судьба самой Москвы.** Верный своей незыблемой традиции даже в самую тяжелую минуту смотреть далеко вперед и опиравшийся на безупречные данные разведки, а также на свое стратегически безошибочное видение перспектив развития ситуации, **Сталин уже в самом начале октября 1941 г. стал готовиться к битве за Сталинград и Кавказ!**

Первый приказ, затрагивавший вопросы подготовки к Сталинградской битве, был отдан 2 октября 1941 года. В тот день командующему Северо-Кавказским военным округом (СКВО) было передано следующее указание: «Ставка Верховного Главнокомандования считает необходимым немедленно приступить к укреплению Таманского полуострова и занятию его войсками. План организации оборонительных работ, соображения по дислоцированию сообщить по телеграфу 5 октября. К работам приступить немедленно». Кто не верит, пусть заглянет в архивы — **ЦАМО. Ф.48а. Оп. 1554. Д. 91. Л. 314.**

А уже 9 октября Ставка указала Военному совету СКВО конкретные участки оборонительных работ:

«Народный комиссар обороны (т.е. Сталин. *—А.М.)* приказал построить полевые укрепленные рубежи:

1. По линии — (иск.) Новохоперск, по р. Хопер до Усть-Хоперский, Машинский, ст. Суровикино, Нижне-Чирская, далее по р. Дон до Азов (вкл.).

2. По линии — Нов. Бирюзяк, по р. Кума до Величаевское, далее по южному берегу р. Маныч до Манычская (на р. Дон) — фронтом на северо-восток.

3. По линии — Красный Яр, по р. Медведица до Усть-Хоперский — фронтом на запад.

4. Обвод г. Сталинград по линии — Камышин, Зензеватка, Солодча, ст. Иловля, по р. Дон до Калач, ст. Ляпичев, Братский, вые. 150, Красноармейск (в тех местах и разыграются основные события Сталинградской битвы. — А. М.).

5. Для прикрытия Керченского пролива и укрепления Таманского полуострова построить полевые укрепленные рубежи на линии: 1 — Фонталовская, Ахтанизовская, х. Комышана; 2 — Темрюк, Анапа.

6. Для прикрытия г. Новороссийск с моря и недопущения десантных высадок противника в этом районе построить оборонительный рубеж по линии: Красно-Медведовская (ныне Раевская. — *А.М.),* выс. 540, Б. Цемесская, Шапсугская, увязав его строительство с Военным советом Черноморского флота.

На Военный совет СКВО возлагается проведение рекогносцировок. Рекогносцировки проводить в первую очередь первого рубежа и по окончании переходить на остальные рубежи.

Рекогносцировки и строительство вести на глубину полковых участков.

В первую очередь вести рекогносцировки и строительство батальонных районов первых эшелонов полковых участков, после чего приступать к рекогносцировкам батрайонов вторых эшелонов полков.

При проведении рекогносцировок руководствоваться указаниями Генерального штаба и примерной схемой батальонного района.

Строительство возлагается:

а) первого и второго рубежа на начальника Главного военно-инженерного управления Красной Армии силами формируемых армий, саперных частей и местного населения;

б) пятого и шестого рубежа на Военный совет СКВО. Кроме того, Военному совету СКВО формировать строительство обводов г. Ростов.

В первую очередь вести строительство противотанковых препятствий (рвы, эскарпы, контрэскарпы, надолбы и пр.) и сооружений по переднему краю.

При строительстве особое внимание обратить на постоянную готовность возводимых сооружений и артиллерийскую противотанковую оборону.

Военному совету СКВО мобилизовать для строительства необходимое количество рабочих из местного населения, инструмента, авто- и гужтранспорта, материалов, продовольствия для всего работающего местного населения и передать все в распоряжение начальника ГВИУ КА в сроки по согласованию с начальником ГВИУ КА.

Строительным организациям разрешается порубка леса на месте в необходимом количестве.

Рекогносцировки закончить:

а) первого и второго рубежа — 25.10.41 г.

б) остальные рубежи — 10.11.41 г.

К строительству рубежа начальнику ГВИУ КА приступить 25.10.41 г.

Полный срок готовности рубежа 25.11.41 г.». Опять-таки, кто не верит, может заглянуть в архив — **координаты архивного хранения те же, только Д. 10, Л. 352-353.**

Поскольку эти указания выполнялись медленно, то 22 ноября Ставка Верховного Главнокомандования вынуждена была обратить внимание командования СКВО на недопустимость медленных темпов оборонительных работ. Ставка также обратила внимание командования СКВО на необходимость вести оборонительные работы не только со стороны моря, но и с суши: «По имею-

щимся сведениям, оборонительные работы на Таманском полуострове и на территории Северного Кавказа (и в том числе 51-й отдельной армии) ведутся недостаточно организованно и слабыми темпами.

Предлагаю:

1. Всеми мерами форсировать строительство оборонительных рубежей на территории армии, и в первую очередь на Таманском полуострове и в районах баз флота Анапа, Новороссийск, Геленджик, Туапсе.

2. Оборудовать долговременными сооружениями Коса Тузла (так «прославившаяся» ныне. — *А.М.),* Коса Чушка, Кордон, отметка плюс 6,0 (3 км зап. Батарейки), выс. 35,8 (3 км сев. Малый Кут, Голопузивка), Тамань, Рыб. пр., Гадючий Кут, усилив эти позиции минометами, средствами ПВО с целью не допустить форсирования противником Керченского пролива на плавучих средствах и по льду.

3. Оборонительные работы в районах портов Приморско-Ахтарская, Анапа, Новороссийск, Геленджик и Туапсе вести не только со стороны моря, но и с суши, согласовав систему обороны с представителями Военно-Морского флота.

4. Разгрузить порт Новороссийск от эвакуационных грузов Одессы и Крыма, используя наличие позиционного имущества в Новороссийской базе для оборонительных работ на территории армии.

5. Широко использовать возможности Новороссийска и Краснодара по поставке цемента и производству блоков долговременных огневых точек» (координаты архивного хранения — там же, Л. 150—151).

Сталин сконцентрировал там громадные силы. Только саперные части из личного резерва Сталина — 24-е Управление оборонительного строительства РВГК — вырыли **1448** км окопов и траншей. Всего же

с учетом привлеченной рабочей силы из числа мирных советских граждан было вырыто 2572 км траншей и противотанковых рвов, а также: 57 км противотанковых рвов, 51 км эскарпов[1], 8 км надолб, 24 400 огневых точек, смонтировано 1112 т металлоконструкций и 2317 кубометров железобетонных изделий. Весь этот гигантский объем работ был выполнен задолго до того, как гитлеровцы вышли к Сталинграду. И именно потому, что в районе Сталинграда заранее все было подготовлено, туда заранее же перебросили и мощную группировку в составе 1,1 млн человек. Там были сосредоточены 15,5 тыс. орудий — одних только артполков и отдельных дивизионов знаменитых катюш из резерва Верховного было сосредоточено соответственно 129 и 115. Кроме того, 1,5 тыс. танков (2-я и 5-я гвардейские танковые армии) и 1,3 тыс. самолетов.

Именно поэтому-то, несмотря на всю сложность и тяжесть Сталинградской битвы, советские войска не только выстояли, но и, нанеся непоправимый урон гитлеровским войскам, сумели успешно окружить их и заставить сдаться на милость победителя. Более того. Именно благодаря этому Сталинградская битва стала единственной среди крупнейших битв Великой Отечественной войны, среднесуточные безвозвратные потери личного состава в которой были в 2—2,5 раза меньше, чем в любой из них. В битве под Москвой — 10 910 человек, на Курской дуге — 11 313, в операции «Багратион» (освобождение Белоруссии) — 11 262, в Берлинской операции — 15 712, а в Сталинградской битве — всего 6392 человека!

[1] Противотанковое препятствие в виде крутой стенки наружного рва укрепления на стороне, ближайшей к обороняющемуся, или на скате местности, обращенном к противнику.

Еще пример. Для многих наверняка откровением прозвучит, что, например, в самом начале войны, в обстановке тяжелейших неудач и потерь, Сталин лично подписал 1 августа 1941 г. Постановление ГКО № 348сс о строительстве самолета-перехватчика с реактивными двигателями! Не хватало самолетов на фронте, а он вон куда смотрел! Именно поэтому уже в феврале 1942 г. летчик Бахчиванджи впервые поднял в воздух первый советский реактивный самолет.

Еще один пример. Едва ли кому-либо известно, что столь бездарно и в высшей степени преступно проведенная либералами так называемая конверсия военно-промышленного комплекса страны в исполнении Сталина отличалась изумительной продуманностью и тщательностью и к тому же началась за год до Великой Победы, не нанося при этом ущерба военной мощи государства! Так, по инициативе лично Сталина ГКО еще **23.05.1944** г. принял постановление о создании промышленности по производству заводским способом домов из расчета 3,6 млн квадратных метров в год. Этим же постановлением предусматривалось и создание предприятий по производству домов из гипса и шлакобетона из расчета 1 млн квадратных метров в год.

Небольшой комментарий. Кстати говоря, не менее любопытна и предыстория этого постановления. Уж и не знаю, каким образом Сталину стало известно о разработке французскими архитекторами технологии строительства дешевого панельного жилья, возводимого в сжатые сроки, но факт остается фактом — Сталин обратил на эту информацию самое пристальное внимание. Вызвал известного в те годы профессора Карасева — да-

леко не последнего человека в строительной промышленности — и поставил перед ним задачу: на базе полученной информации создать в СССР домостроительную промышленность. Задача была выполнена. К сожалению, к тому моменту Сталина убили. И вся слава решения жилищного вопроса в 1950-е гг. досталась его убийце Хрущеву. Причем Хрущев изрядно извратил сталинские параметры жилья для советского человека. Сталин поставил задачу так, что параметры квартир были очень солидными: высота потолка — 3—3,5 м, минимальная площадь однокомнатной квартиры — 40—45 кв. м, двухкомнатной — не менее 70—75, трехкомнатной — примерно 100 кв. м, санузел везде раздельный. Хрущев же все урезал в два-три раза, вследствие чего даже трехкомнатная квартира в прозванных «хрущобами» домах не превышала 55 кв. м, а санузлы совместил так, что в каждой семье потом выстраивалась очередь, чтобы попасть в туалет.

Одновременно было дано указание па восстановлению мебельных фабрик, а на ряде военных заводов также по инициативе Сталина закипела работа по созданию новых образцов мирной продукции и подготовке новых технологических циклов для их массового производства. Уже в третьим квартале 1945 г. доля мирной продукции в советском ВВП достигла почти 60%!

А кто, например, сейчас знает, что даже и десяток лет спустя после его убийства ряд советских промышленных предприятий строился по постановлениям, подписанным еще Сталиным!

Или вот такой пример. Не так давно — в 2004 г. — праздновался 60-летний юбилей гимна СССР, кото-

рый, хотя и с небольшими изменениями, по-прежнему является гимном нашего государства. Так вот, сопоставьте — работы по отбору музыки и слов будущего гимна были начаты по приказу Сталина осенью 1942 г.! То есть Сталин заблаговременно осуществлял тотальную подготовку к коренному перелому в войне, в успехе которого он уже тогда, в 1942 г., не сомневался! Более того. Это означает, что Сталин не только не сомневался в грядущей Победе, но и предвидел, что из войны СССР должен выйти совершенно иным, обновленным, вплоть до того, что с иным государственным гимном, соответствующим статусу Величайшей Державы Мира и Главной Победительницы в войне!

Наконец, примем во внимание и сугубо политическое предвидение Сталина. Вспомним его знаменитое высказывание: **«Я знаю, что, когда меня не станет, на мою голову выльют не один ушат грязи, на мою могилу нанесут кучу мусора. Но я уверен, что ветер истории все это развеет!»**

И еще одно предвидение. Его суть относится к нашим дням. Еще в ноябре 1939 года Сталин говорил послу СССР в Швеции А.М. Коллонтай: **«Многие дела нашей партии и народа будут извращены и оплеваны, прежде всего за рубежом, да и в нашей стране. Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет жестоко мстить нам за наши успехи и достижения. Он все еще рассматривает Россию как варварскую страну, как сырьевой придаток. И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут много злодеяний.**

Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия больше никогда не могла подняться. Сила СССР — в дружбе народов. Острие борьбы будет направлено, прежде всего, на разрыв этой дружбы, на отрыв окраин от России. Здесь, надо

признаться, мы еще не все сделали. Здесь еще большое поле работы. С особой силой поднимет голову национализм. Он на какое-то время придавит интернационализм и патриотизм, только на какое-то время. Возникнут национальные группы внутри наций и конфликты. Появится много вождей-пигмеев, предателей внутри своих наций. В целом в будущем развитие пойдет более сложными и даже бешеными путями, повороты будут предельно крутыми. Дело идет к тому, что особенно взбудоражится Восток. Возникнут острые противоречия с Западом.

И все же, как бы ни развивались события, но пройдет время, и взоры новых поколений будут обращены к делам и победам нашего социалистического Отечества. Год за годом будут приходить новые поколения. Они вновь подымут знамя своих отцов и дедов и отдадут нам должное сполна. Свое будущее они будут строить на нашем прошлом».

Единственное, в чем хотелось бы подправить самого Сталина, так это в вопросе о сионизме. Не в нем все дело. Дело прежде всего в зоологической, патологически неизлечимой ненависти Запада к России. В той самой его ненависти, которая проистекает из сущности Запада — **агрессии,** которая никогда не сможет примириться с сущностью России — **безопасностью!**

Ну, так и как же, обладал Сталин даром предвидения и исторической дальнозоркости или нет?!

Миф № 193. Сталин установил свирепую цензуру в СССР.

Крайне глупый и неуместный миф. Хотя бы, например, потому, что цензура существует с незапамятных времен и к тому же во всех государствах. Это объек-

тивная необходимость, точнее, неотъемлемый атрибут государственности. Никому же не приходит в голову вопить о полной ликвидации правоохранительных органов. Так почему же это надо делать в отношении цензуры? Разве государство обязано все вываливать на обозрение? Разве оно по определению не имеет права на какие-то секреты? Если каждый человек в демократическом обществе имеет право на тайну личной жизни, то на каком основании мы должны лишать такого же права государство?!

Что же до фактов истории, то они таковы. Многие считают, что история советской цензуры начинается с 27 октября 1917 года. То есть с того самого дня, когда Временный революционный комитет принял Декрет о печати. По этому декрету 575 независимых издательств и более 2000 наименований газетно-журнальной периодики занесли в разряд сеющих смуту, что едва ли не автоматически подводило их под запрет. Но это не цензура как таковая — это элементарная политическая борьба.

На самом же деле отсчет истории советской цензуры следует вести с 23 декабря 1918 года, когда Реввоенсовет республики ввел военную цензуру. Инициатором этого декрета был лично Троцкий. Как к нему ни относись, но сугубо в этом вопросе он был прав. Если власть в стране, где полыхает сочетающаяся с иностранными интервенциями Гражданская война, хочет победить, то без цензуры на сообщения военного характера просто не обойтись. Иначе враг будет знать все. Кстати говоря, в разведывательной деятельности существует специальное направление, которое ныне именуют легальным шпионажем. Это систематическое, тщательное, аналитическое исследование всех публикаций по интересующим ту или иную разведку вопросам, на

основе чего делаются очень даже серьезные выводы, нередко высшего политического характера.

Соответственно охрана военных и государственных тайн в СМИ есть очень важное дело государственного характера. Это одна из передовых линий защиты национальной независимости, суверенитета, экономической, военной и политической мощи государства, которая осуществляется в интересах всех граждан того или иного государства.

Почти сразу же цензура была передана под надзор ВЧК. Многие и по сей день ёрничают на этот счет. Но чего тут ёрничать, когда понятно, что функция обеспечения государственной безопасности не может реализовываться без соответствующего контроля, в том числе и за публикациями в СМИ. А то ведь такого наболтают... Вспомните хотя бы годы катастройки Горбачева, и вам все станет понятно.

Или, например, нередко ёрнически ссылаются на мартовское 1927 года распоряжение Главлита, в котором говорилось: «Всем гублитам, облитам, крайлитам. Срочно. Секретно.

С получением сего не допускать в печати... никаких сведений и рассуждений тревожного характера о перспективах урожая в настоящем году, причем к числу таких сведений надлежит отнести и такие, которые хотя и не говорят непосредственно о самом урожае (например, неблагоприятные метеорологические наблюдения и т.п.), но могут быть истолкованы как угроза урожаю. Запрещается публиковать сведения: 1) о хлебном экспорте; 2) существовании разных видов цензуры; 3) работе и структуре ОГПУ; 4) о Кремле; 5) о крушении поездов; 6) случаях самоубийства и умопомешательства; 7) местонахождении членов Правительства; 8) девальвации червонца».

Возьмем, к примеру, запрет на публикации, касающиеся урожая и экспорта хлеба. Еще в четвертой книге пятитомника указывалось, что едва только был провозглашен курс на индустриализацию, Запад ввел против Советского Союза так называемую «золотую блокаду», в соответствии с условиями которой в качестве оплаты за поставляемое промышленное оборудование от СССР требовали поставок зерна, а не золота. Соответственно обладание хотя бы минимальными сведениями о видах на урожай позволило бы тому же Западу сбивать цены на советское зерно, в результате чего сильно пострадали бы планы индустриализации. В свою очередь, любые тревожные сведения о видах на урожай внутри страны могли бы откровенно спровоцировать рост цен на хлеб внутри Советского Союза, что неминуемо привело бы к социальному взрыву с крайне негативными политическими и иными последствиями. Тем более что 1927 год был годом «военной тревоги» — Советский Союз опасался вооруженного нападения консолидированными силами Запада. И только внутреннего взрыва нашей стране и не хватало.

Если хотя бы по минимуму знать такие нюансы истории, то не возникнет мысль о том, чтобы ёрничать по поводу таких цензурных ограничений. Но, увы, наши журналюги единственное, что умеют, так это в полной мере соответствовать поговорке «галопом по Европам», то есть ничего толком не знать, но с видом всезнающих знатоков вещать каждый раз очередную глупость. **«Владыка журнализм! Глупец, которому дано при помощи столбцов дурачить по утрам три тысячи глупцов!»** — говаривал еще Альфред де Мюссе.

Возьмем запрет на публикацию сведений о структуре ОГПУ. Положа руку на сердце скажите, где вы

видели действующую спецслужбу, которая на всеобщее обозрение выставляла бы свою внутреннюю структуру? Это же полный нонсенс с точки зрения государственной безопасности!

Возьмем запрет на публикацию сведений о Кремле или местонахождении членов правительства. Ведь и так должно быть понятно, что это относится к сфере государственной безопасности, а потому по определению не должно попадать в прессу. Во всяком случае, особенно в той части, которая касается намерений того или иного члена правительства выехать в то или иное место. Потому как могут быть покушения. Сколько их было — никто уже не сосчитает. Но для сведения читателей сообщу, что именно в 1927 году по указанию из-за границы, прежде всего из Великобритании, внутренняя оппозиция откровенно стала проводить курс террора, прежде всего в отношении представителей власти, причем как в центре, так и на местах. ОГПУ располагало документальными сведениями на этот счет.

Или запрет на информацию о девальвации червонца. **Во-первых,** значительная часть сведений о финансовой системе и политике государства в этой сфере по определению является закрытой, а нередко и совершенно секретной. От этого зависит не только ее устойчивость, но устойчивость всего государства. Не говоря уже о том, что любая просочившаяся информация на этот счет может привести к крайне негативным последствиям. Это правило, которое соблюдается практически во всех государствах мира. **Во-вторых,** именно в то время западными странами осуществлялся комплекс мер по подрыву финансовой системы Советского Союза. В том числе и с помощью массовой заброски в СССР фальшивых советских денежных ку-

пюр. Соответственно любая информация о действиях властей по защите своей финансовой системы априори должна была быть закрытой.

Наконец, о запрете на публикацию информации о железнодорожных катастрофах, умопомешательствах, самоубийствах. Прежде всего информация о таких катастрофах имеет по меньшей мере двоякий негативный смысл. С одной стороны, подрывает доверие к транспортной системе государства, а тогда железнодорожный транспорт имел (впрочем, и имеет поныне) исключительное, в том числе и транзитное, значение. Ну, и кто выиграл бы, если бы с утра до вечера публиковали сообщения о железнодорожных катастрофах, если Советских Союз солидно зарабатывал на транзитных железнодорожных перевозках?

Что касается информации об умопомешательствах и самоубийствах, то характер ее негативного воздействия на общество едва ли стоит подробно разъяснять. А в те времена такая информация была неприемлема для печати еще и потому, что на Западе очень ловко ее обыгрывали. Вот, мол, до чего большевики довели дело со своими планами преобразования общества — народ умом трогается, кончает жизнь самоубийством. Ну, и нужно ли это было Кремлю?

Были, конечно, и явные перекосы в этой политике. К примеру, мало кому известно, что жена почившего в полном безумии Ленина — Надежда Константиновна Крупская — до самой смерти выступала в роли руководителя свирепой идеологической инквизиции. Именно она составила первый список — в терминах инквизиции интердикт — литературы, особенно детской, публикация которой была запрещена в СССР. В этот список угодили очень многие произведения классиков русской и зарубежной литературы, в том числе даже и

те, что составляли и составляют золотой фонд литературного наследия всего человечества. Хорошо, что Сталин со временем разобрался с литературными запретами этой несносной вдовы, лишившей советских детей многих литературных сокровищ.

Особенно ёрничают по поводу Сталина. Мол, если в каком-либо писании автор никак не упоминал Сталина, то, «естественно», цензура снимала такое писание с печати. Единственное, что могу сказать по данному поводу, так только следующее: это полнейшая чушь. Для того чтобы понять в чем тут дело, обратимся к Лиону Фейхтвангеру — как никак он первым описал то, что тогда происходило именно в таких дефинициях. Итак, отрывок из книги Л. Фейхтвангера «Москва. 1937. Отчет о поездке для моих друзей» (цит. по изд. **М.,** 1937 С. **47—48).**

«**Культ Сталина.** Поклонение и безмерный культ, которыми население окружает Сталина, — это первое, что бросается в глаза иностранцу, путешествующему по Советскому Союзу. На всех углах и перекрестках, в подходящих и неподходящих местах видны гигантские бюсты и портреты Сталина. Речи, которые приходится слышать, не только политические речи, но даже и доклады на любые научные и художественные темы, пересыпаны прославлениями Сталина и часто это обожествление принимает безвкусные формы.

Примеры. Вот несколько примеров. Если на строительной выставке, которой я восхищался... в различных залах установлены бюсты Сталина, то это имеет свой смысл, так как Сталин является одним из инициаторов проекта полной реконструкции Москвы. Но, по меньшей мере, непонятно, какое отношение имеет колоссальный некрасивый бюст Сталина к выставке

картин Рембрандта, в остальном оформленной со вкусом. Я был также весьма озадачен, когда на одном докладе о технике советской драмы я услышал, как докладчик, проявлявший до сих пор чувство меры, внезапно разразился восторженным гимном в честь заслуг Сталина.

Основания. Не подлежит сомнению, что это чрезмерное поклонение в огромном большинстве случаев искренне. Люди чувствуют потребность выразить свою благодарность, свое беспредельное восхищение. Они действительно думают, что все, что они имеют и чем они являются, они обязаны Сталину. И хотя это обожествление Сталина может показаться прибывшему с Запада странным, а порой и отталкивающим, все же я нигде не находил признаков, указывающих на искусственность этого чувства. Оно выросло органически, вместе с успехами экономического строительства... Народ должен иметь кого-нибудь, кому он мог бы выражать благодарность за несомненное улучшение своих жизненных условий, и для этой цели он избирает не отвлеченное понятие, не абстрактный "коммунизм", а конкретного человека — Сталина. Русский склонен к преувеличениям, его речь и жесты выражают, в некоторой мере, превосходную степень, и он радуется, когда он может излить обуревающие его чувства. Безмерное почитание, следовательно, относится не к человеку Сталину — оно относится к представителю^ явно успешного хозяйственного строительства. Народ говорит: Сталин, разумея под этим именем растущее процветание, растущее образование. Народ говорит: мы любим Сталина, и это является самым непосредственным, самым естественным выражением его доверия к экономическому положению, к социализму, к режиму».

Нет никаких сомнений, что Л. Фейхтвангер честно и искренне описал то, что лично сам видел и слышал. Но кто бы объяснил, где здесь творящая собственный культ рука Сталина или подвластной ему цензуры? Их нет по определению! Потому что Л. Фейхтвангер четко подметил, что это явное свидетельство как искренних чувств народа, так и откровенного подхалимажа (хотя он таких слов и не использовал).

Что касается подхалимажа — объяснять, наверное, нет необходимости. В нашей стране это на каждом шагу и даже на каждой четверти шага. Ну кто, например, заставляет депутатов Госдумы развешивать на стенах своих шикарных кабинетов портреты президента — сначала одного, потом другого, далее «строго по результатам выборов»?! Кто заставляет чиновничество раздувать культ личности президента и к месту, а чаще всего не к месту его цитировать? Кто заставляет вопить истошным голосом о необходимости третьего срока для президента, если тот уже устал объяснять, что он не желает даже пытаться сделать подобное? Короче говоря, в части подхалимажа — все понятно.

Что касается проявления народных чувств, то ведь и тут Фейхтвангер объективен — он же напрямую увязал проявление народных чувств к Сталину с экономическим подъемом страны. Что же тут удивительного и где тут культ? Тем более что эти проявления если и называть культом, то уж никак не личности самого Сталина, а именно же того, что собой символизировало имя Сталина. Выдающийся немецкий писатель-гуманист и это подметил абсолютно верно, указав, что **«безмерное почитание... относится не к человеку Сталину — оно относится к представителю явно успешного хозяйственного подъема».**

А сам факт такой персонификации безмерного почитания на имени Сталин обусловлен тем, как объяснил Фейхтвангеру сам Иосиф Виссарионович, что люди должны во что-то верить. Царя нет, Бога отняли, а верить во что-то надо. Кстати говоря, почти за десять лет до встречи с Л. Фейхтвангером, на одном из заседаний Политбюро, Сталин сказал, что **«мужик не может почитать целый коллектив — мужику нужен кто-то один»! И** когда, говоря словами немецкого писателя, «явно успешный хозяйственный подъем» стал очевиден всем, то мужик и персонифицировал свое почитание на том имени, с которым более всего и увязывался факт этого подъема. Это почитание и проявлялось в СМИ. Для такой испокон веку идеократической страны, как Россия, то есть страны, где испокон веку царит господство той или иной идеи, — ничего удивительного.

Любопытно, что и сам Сталин не без юмора, но абсолютно точно воспринимал глубинную суть факта такого почитания своего имени. Както он вразумлял своего младшего сына, пытавшегося чего-то кому-то доказать, опираясь на то, что он носит фамилию Сталин. Иосиф Виссарионович вполне серьезно ответил ему, что ни он, Василий Сталин, ни тем более он сам, Иосиф Виссарионович Сталин, не есть тот самый Сталин, которого почитает народ. Почитаемым в народе Сталиным является тот, кто изображен на портрете, и, показав рукой на свой портрет, сказал: **«Это он Сталин!»** По малолетству Василий не сразу понял, что тут к чему, но, повзрослев, прекрасно себе уяснил, в чем суть ответа отца.

В то же время нельзя не отметить и некоторую гипертрофированность восприятия Л. Фейхтвангером «безмерного почитания» Сталина. Конечно, для западного человека это было в диковинку, но не настолько, чтобы настойчиво склонять «безмерное почитание». Дело в том, что во времена Сталина существовал как бы негласный запрет, но не от него самого на частое упоминание его имени. И хотя, если говорить откровенно, этот запрет не столь уж и четко соблюдался, не могу не обратить внимания современных читателей на одну любопытную деталь в нескольких измерениях.

1. У автора в домашней библиотеке имеется много книг по различным вопросам, изданных во времена Сталина. Помимо изумительной, поражающей масштабами своей информативности и глубиной анализа описываемых явлений — книги в основном по истории, политике и экономике, — глубокое впечатление оставляет и тот факт, что, например, в 500-страничной книге елееле отыщешь пару-тройку ссылок на труды Сталина! Люди старшего поколения прекрасно помнят, что во времена Хрущева, или Брежнева, или болтуна Горбачева каждое третье слово или выражение являли собой ссылки на этих деятелей. Но в изданных в период правления Сталина книгах ничего подобного нет и в помине.

2. Ю.И. Мухин в своей знаменитой книге «Убийство Сталина и Берия» описывает случай, когда ему удалось проанализировать иллюстрации в подшивках одного и того же журнала «Огонек» за 1952 г. и 1999 г. То есть в сталинский период и в наше время. И что его особенно поразило, так это малое количество фотографий Сталина (и вообще политиков того времени) в сравнении с тем, сколь часто рожи современных политических деятелей мелькают в печати. То, что описал Мухин, укладывается в рамки 6-кратной разницы. При Сталине его фотогра-

фии печатались в шесть раз реже, чем физиономии любого из современных политических деятелей. А ведь ни один из современных политических деятелей не достоин сравнения даже с пылью из-под сапог Сталина.

3. 1 марта 1936 г. Сталин дал интервью председателю американского газетного объединения «Скриппс — Говард ньюспейперс» г-ну Рою Говарду. Тогда это называлось беседой. В этом интервью Сталин очень много и очень подробно говорил о новой Конституции СССР, о новой избирательной системе и о тех надеждах, которые он возлагает на эту новую систему всеобщих, прямых, тайных выборов на альтернативной основе.

Но вот что поразительно. Отдельной брошюрой это интервью вышло только в 1937 году! Оказывается, во времена якобы «культа личности» и «жестоких сталинский репрессий» Партиздат ЦК ВКП(б) умудрялся тянуть волынку с изданием трудов вождя, в которых затрагивались самые актуальные вопросы тогдашней жизни. Более всего меня поразило следующее обстоятельство. В типографский набор текст беседы был сдан 15 декабря 1936 г., а к печати он был подписан только 26 марта 1937 г.! Брошюра-то между тем всего восемнадцать с половиной страниц, включая и титульную! И столько времени тянули издание небольшого по объему интервью вождя? Того самого вождя, который якобы раздувал свой собственный культ личности и цензура которого так свирепствовала?

4. Если заглянуть на с. 63—64 книги воспоминаний бывшего советского военного разведчика Леопольда Треппера, вышедших под названием «Большая игра» (М., 1990), то любой сможет прочитать о следующем. Весьма красочно Л. Треппер описал, как в середине 1930-х гг., то есть когда якобы раздувался культ личности Сталина и осуществлялись «жестокие

сталинские репрессии», главный редактор ежедневной советской еврейской газеты «Дер Эмес» («Правда») Моше Литваков именно в то время категорически отказывался печатать любые статьи о Сталине, даже те, что были написаны видными представителями ЦК. Ну, и как вам такая «жестокая» сталинская цензура?

Особенно расходятся любители ёрничать насчет цензуры сталинских времен, когда речь заходит о последних двух предвоенных годах. Точнее, начиная с момента подписания советско-германского Договора о ненападении от 23 августа 1939 года. Главный принцип этого ёрничанья состоит в следующем. Ранее, мол, не только в газетных статьях и книгах, но и в быту слово «фашист» употреблялось исключительно как бранное, но едва только Сталин сдружился с Гитлером, как все чудесным образом поменялось. Здесь все ложь, подлая ложь. Ведь никакого «сдружились» не было и в помине и что прежде чем был подписан Договор о ненападении, обе стороны договорились о том, что резко понизят, как ныне принято говорить, накал риторики в СМИ! Эта же договоренность продолжала действовать и далее. Потому что элементарная нормализация межгосударственных отношений не может осуществляться в ситуации, когда обе стороны старательно и изощренно «поливают» друг друга...

Тем не менее журналюги с удовольствием приводят такие факты, как, например, запрет на публикацию в октябре 1939 г. статьи академика Евгения Тарле «Фашистская фальсификация исторической науки в Германии» или запрет на оперу Сергея Прокофьева «Семен Котко». И, что самое интересное, приводят цензурное обоснование этих запретов, которое четко свидетельствует о действовавшей тогда договоренности о резком снижении накала риторики в СМИ. Например, в отношении

статьи Е. Тарле говорилось, что она «содержала негативные оценки Гитлера, Геббельса и других фашистских руководителей», а в отношении либретто оперы — что в него «попал эпизод с австро-германскими оккупантами».

Но как ни относись к этим личностям, но в то время они были официальными лицами государства, с которым СССР подписал Договор о ненападении. Гитлер же вообще был един в нескольких лицах — фюрер германской нации, рейхсканцлер, рейхспрезидент и Верховный главнокомандующий. Разве нужно было Сталину обострять отношения с Германией в октябре 1939 года путем всевозможных оскорблений и нападок в прессе? Ведь в то время — осенью 1939 года — только ленивый на Западе не пытался спровоцировать смертельное столкновение между СССР и Германией. Одна только британская разведка чуть ли не каждую неделю подкидывая то советским посольствам за рубежом, то германским дипломатическим представительствам в различных странах различные подметные письма, в которых стращала угрозой нападения одной из сторон. В такой ситуации еще и резкой риторики в СМИ или искусстве не хватало, чтобы война вспыхнула. Для Сталина же важней было выкачать из Германии новейшее промышленное оборудования, новейшие образцы военной техники, за которые, кстати говоря, он расплачивался в основном рыбьими пузырями и свиной щетиной, пухом и пером!

Особое место занимают нападки на цензуру в военное время. Отчаянно смакуют усилия цензуры по обеспечению безопасности армии и тыла — мол, «не счесть солдатских писем с фронта, которые приходили к адресатам с тщательно вымаранными словами и строчками. Так армейская цензура предотвращала утечки "нежелательной информации" с переднего края». Ну, надо же хоть чуточку понимать, что такое безопасность армии и

тыла, безопасность единства армии и тыла в такой страшенной войне, как та, которую вел Советский Союз! Даже из самых благих побуждений, а ими, как известно, и мостится дорога в ад, нельзя допускать просачивания негативной информации о положении на фронте в тыл. Иначе угроза фронту придет с тыла. Не говоря уже о том, что при той массовой заброске агентуры в советский тыл (как глубокий, так и прифронтовой), которую практиковали гитлеровские спецслужбы, особенно абвер, подобная информация могла нанести колоссальный ущерб планам советского командования. Во время войны разведки всегда гоняются за солдатскими письмами. В годы Великой Отечественной войны советские цензоры не допустили в печать или к распространению **82161** материал, сведений и данных, из которых **36121** по мотивам сохранения государственной тайны, **17047** по политическим мотивам и изъяли **28 902** антисоветских материала из иностранной печати. Что в этом плохого видят журналюги — понять более чем трудно.

А цензура была, есть и будет. Естественно, что меняются времена, меняются и задачи цензуры. Но всегда они были, есть и будут сугубо государственного, державного характера.

Миф № 194. После войны Сталин осуществил грабительскую денежную реформу 1947 года.

Миф № 195. Послевоенная экономическая политика Сталина была направлена не на благо населения, а на гонку вооружений.

Глупые и неуместные мифы, не имеющие под собой каких-либо оснований. Дело в том, что денежная реформа 1947 года была вынужденной — из-за послед-

ствий войны — мерой. Во время войны денежное хозяйство воюющей страны, особенно если на ее территории ведутся боевые действия, приходит в упадок, валюта этой страны обесценивается в силу как упадка товарно-денежных отношений, так и неизбежно резкого развития спекуляции и отсутствия товаров гражданского назначения, самораскручивания инфляции. К тому же гитлеровская Германия в небывало широких масштабах использовала против Советского Союза эмиссию фальшивых советских денег, пытаясь тем самым подорвать советскую экономику во время войны.

Сталин был очень дальновидным государственным деятелем и потому задумался о необходимости проведения после войны денежной реформы еще в 1943 году. Поскольку лучше всех данный вопрос знал его славный министр финансов Арсений Зверев, то, естественно, ему и слово. Ниже приведены отрывки из книги его мемуаров «Записки министра» (М., 1973, с. 231—235).

Война приносит ущерб троякого рода. Одни ее последствия можно изжить сравнительно быстро, восстановив, например, разрушенную дорогу или дом. Другие ликвидируются гораздо медленнее, и, чтобы избавиться от них, требуется длительное время. Третьи вообще вечны, как, скажем, человеческие жертвы, сгоревшее великое произведение искусства, не имевшее копий и эскизов. Возможная расшатанность товарно-денежных отношений относится к последствиям второго рода. Нельзя сразу поставить под контроль вышедшую из-под него денежную массу.

Что же нас прежде всего волновало с точки зрения финансов? Во-первых, взносы и платежи населения по налогам и займам, сложившиеся во время войны, были

чрезмерно высокими. Во-вторых, выросшее денежное обращение вело к обесценению рубля.

Уже в ходе войны исподволь мы начали готовиться к послевоенной денежной реформе. Помню, как-то в конце 1943 года, часов в пять утра, на дачу позвонил И.В. Сталин. Вечером я вернулся из Казахстана. Глава правительства извинился за поздний (правильнее было бы сказать — ранний) звонок и добавил, что речь идет о чрезвычайно важном деле. Вопроса, который последовал, я никак не ожидал. Сталин поинтересовался, что думает наркомат финансов по поводу послевоенной денежной реформы.

Я ответил, что уже размышлял об этом, но пока своими мыслями ни с кем не делился.

— А со мной можете поделиться?

— Конечно, товарищ Сталин.

— Я вас слушаю.

Последовал 40-минутный телефонный разговор. Я высказал две основные идеи: неизбежную частичную тяжесть от реформы, возникающую при обмене денег, переложить преимущественно на плечи тех, кто создал запасы денег спекулятивным путем; выпуская в обращение новые деньги, не торопиться и придерживать определенную сумму, чтобы первоначально ощущался некоторый их недостаток, а у государства были созданы эмиссионные резервы. Сталин слушал меня, а затем высказал свои соображения о социальных и хозяйственных основах будущего мероприятия. Мне стало ясно, что он не впервые думает о реформе. В конце разговора он предложил мне приехать на следующий день в **ГКО.**

Небольшой комментарий. Обратите внимание на подчеркивание А. Зверева **«мне стало ясно, что он не впервые думает о реформе».** Война была

в самом разгаре, и хотя хребет фашистскому зверю уже был сломан, но до конца войны еще было далеко, а Сталин уже думал о будущем. И что самое интересное, судя по словам Зверева, стал думать об этом задолго до конца 1943 года. Все-таки удивительный он был человек, Иосиф Виссарионович Сталин. Неимоверная тяжесть военных забот — ведь пять тяжеленных функций на себе тащил в то время, не говоря уже о просто персональной ответственности за судьбу Советского Союза, — а вот, поди ж ты, ни на йоту война не заслоняла проблемы послевоенного будущего. Созидатель был Сталин, все думы у него были о созидании мирного и счастливого будущего для СССР и его великих народов.

На сей раз беседа была долгой. Очень тщательно рассматривалось каждое предложение. Так, например, были подробно проанализированы перспективы перехода на мирный лад. В войну значительная часть товаров поступает не к гражданскому населению, а в армию, розничный товарооборот не обеспечивает имеющегося спроса, и деньги либо остаются на руках, либо перемещаются в карманы обладателей деревенской продукции или, что еще хуже, к спекулянтам, которые пользуются трудным моментом. Так или иначе, деньги минуют государственную казну. Нормальное денежное обращение нарушается. Для своевременной выдачи трудящимся зарплаты, обеспечения военных расходов и т.п. государство вынуждено прибегать всякий раз к эмиссии. Возникает излишек денег.

Затем мы обсудили вопросы о том, как определить, у каких категорий населения оседает излишек денег? Чему равен размер государственного долга? Кто яв-

ляется кредитором по этому долгу? Сколько понадобится времени для напечатания новых денег? Год? Больше? Техника этого дела весьма сложна. Сталин дал мне несколько указаний общего характера, которые следовало понимать как директивы. Можно было отступить от них в деталях, если того требовали особенности финансовой системы, но принципы должны были сохраняться неукоснительно.

Вот в чем состояли эти принципы: чтобы финансовая база СССР была не менее прочна, чем до войны; неизбежный рост общих расходов и ежегодное увеличение бюджета в целом требуют от системы финансов способности на протяжении ряда лет приспосабливаться к меняющимся условиям; трудности восстановления народного хозяйства потребуют от граждан СССР дополнительных жертв, но они должны быть уверены, что эти жертвы — последние.

Сталин специально, причем трижды, оговорил требование соблюдать абсолютную секретность при подготовке реформы. Он редко повторял сказанное им. Отсюда видно, какое значение он придавал полному сохранению тайны. Действительно, малейшая утечка информации привела бы к развязыванию стихии, которая запутала бы и без того сложные проблемы. Еще хуже, если о замысле узнает враг и попытается испбльзовать будущую ситуацию в своих целях. На этом этапе подготовки реформы из всех сотрудников Наркомата финансов знал о ней я один. Сам я вел и всю предварительную работу, включая сложнейшие подсчеты. О ходе работы я регулярно сообщал Сталину. Знал ли об этом упомянутом замысле в тот момент еще кто-нибудь, мне неизвестно.

Примерно через год я доложил примерный план мероприятия на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). По

окончании заседания решение письменно не оформлялось, чтобы даже в архиве Генерального секретаря партии до поры до времени не оставалось лишних бумаг об этом важном деле. Начался второй этап подготовки реформы. Мне разрешили использовать трех специалистов.

Еще через год, когда Сталин уехал в отпуск, он сообщил мне оттуда, что просит представить ему мой доклад о будущей реформе. Я отправил ему доклад на **12** машинописных страницах. Это был уже третий этап подготовки мероприятия. Ознакомившись с материалами, глава правительства предложил мне расширить его, дав некоторые объяснения, до 90—100 страниц и через две недели снова представить ему. Отложив все другие дела в сторону, я взялся за выполнение этого сложного задания.

Небольшой комментарий. Этот доклад, датированный 8 октября 1946 года и имевший гриф «Совершенно секретно», слава Богу, сохранился. Читать его одно удовольствие — ведь он был написан одним из самых компетентнейших специалистов в области финансов. Тем более что доклад содержит детальный анализ истории денег в СССР с дореволюционных времен. Желающие могут ознакомиться с ним на страницах прекрасной книги современного автора Ю.И. Мухина **«За державу обидно!» (М., 2004,** второй раздел). Не менее интересны и комментарии самого Ю.И. Мухина.

Еще ранее передо мной возник вопрос, нельзя ли реформу использовать попутно для упорядочивания системы цен. И вставил в новый текст особый раздел об упорядочивании финансов тяжелой промышленно-

сти. Наряду с другими мерами для этой цели предлагалось включить в условия денежной реформы дополнительные элементы деноминации: снизить доход граждан и соответственно, чтобы они не пострадали, — цены на товары народного потребления и тарифы за транспортные и иные услуги в 5 раз.

Сделал это я по собственной инициативе, за что и получил соответствующий нагоняй. Когда Сталин позвонил мне с юга, меня в министерстве финансов не было, весь день просидел в различных служебных комиссиях, переезжал из одного здания в другое. Наконец, меня разыскали на заседании в Комитете государственного контроля. Слышу по телефону возмущенный голос Сталина: почему я вставил в текст вопрос, который ранее не был оговорен и который к денежной реформе не имеет прямого отношения? Положение у меня, как говорится, "хуже губернаторского". Рядом сидят люди, которые пока не имеют право знать об этом деле. А я по причине секретности материала не могу ничего сказать по существу. Сталин спрашивал, а я вынужден был отделываться в ответ общими словами и односложными репликами. Возмущенный моим косноязычием, Сталин делает мне серьезный упрек, заметив невзначай, что печатать такой реферат вряд ли целесообразно (раньше было такое намерение). Еще через некоторое время Сталин снова вызвал меня. Состоялось длительное обсуждение того же текста, причем никаких отрицательных замечаний по поводу дополнительного раздела уже не было сделано. Мы обсуждали детали реформы вплоть до организационно-подготовительных мер: темы агитационных плакатов и пропагандистских лекций, необходимость тотчас начинать с художников из Гознака подбор рисунков на денежных купюрах и т.д.

Небольшой комментарий. Нагоняй, который получил Зверев, не следует расценивать как проявление никогда не существовавшего у Сталина самодурства. Дело в том, что Иосиф Виссарионович всегда любил четко придерживаться достигнутых договоренностей. Для него это было святым делом. Раз договорились о чем-то — следовательно, именно это и должно быть исполнено. Конечно, при всей своей принципиальной важности, инициатива Зверева тем не менее выходила за рамки его компетенции. Снижение доходов граждан и серьезные изменения в ценовой политике, тем более в плане их понижения, — по тем временам это уже компетенция Политбюро и Совета Министров. И, откровенно говоря, Зверев вначале должен был получить хотя бы устное разрешение на обоснование таких вопросов в увязке с проблемами денежной реформы. Он этого не сделал. За что и получил нагоняй. Однако же обратите внимание и на то, что, разобравшись с сутью затронутых Зверевым новых, ранее не обговаривавшихся вопросов, Сталин воспринял их как само собой разумеющееся, требующее соответствующего решения и более не критиковал своего министра финансов. Более того. Поражает глубина и детальность проработки всех вопросов на самом высшем уровне. В этом весь Сталин и его наиболее эффективные министры, среди которых Зверев занимал одно из самых первых мест.

Я получил разрешение привлечь к делу еще 15 человек (14 — из министерства финансов, одного из Госбанка СССР), но с условием, что никто из них не будет

знать о плане в целом, а получит представление только о своем узком задании.

На этом этапе окончательно договорились, что отмена карточной системы снабжения совпадет с обменом старых денег на новые и переходом к единым государственным розничным ценам на товары. Мне было поручено подготовить первый проект соответствующего постановления и проект обращения к советским гражданам. В них следовало сообщить о порядке обмена денег; порядке переоценки вкладов в Госбанке и сберкассах; о конверсии предыдущих займов; соблюдении интересов трудящихся; о стремлении ударить рублем по нечестным элементам; об основах отмены карточной системы.

Постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР было опубликовано через год после этого. С 16 декабря 1947 года выпустили в обращение новые деньги и стали обменивать на них денежную наличность, за исключением разменной монеты, в течение недели (в отдаленных районах в течение двух недель) по соотношению 1 за 10. Вклады и текущие счета в сберкассах переоценивались по соотношению 1 за 1 (до 3000 рублей), 1 за 2 (от 3 тысяч до 10 тысяч рублей), 1 за 3 (свыше 10 тысяч рублей), 4 за 5 (для кооперативов и колхозов). Все обычные старые облигации, кроме займа 1947 года, обменивались на облигации нового займа по 1 за 3 прежних, 3-процентные выигрышные облигации — из расчета 1 за 5. Налоги, долги, финансовые обязательства оставались неизменными. Снижались государственные цены на хлеб, муку, крупу, макароны, пиво; не менялись государственные сцены на мясо, рыбу, жиры, сахар, кондитерские изделия, соль, картофель, овощи, водку, вино, табак и спички; устанавливались новые цены на моло-

ко, яйца, чай, фрукты, ткани, обувь, одежду и трикотажные изделия (ниже коммерческих в 3,2 раза).

Документы о реформе, разработанные заранее, своевременно разослали на места, в адреса учреждений органов государственной безопасности специальными пакетами с надписью «Вскрыть только по получению особого указания». В одном из документов, лежавших в пакете, говорилось: «Немедленно доставить первому секретарю областного комитета партии». У отдельных местных сотрудников любопытство перетянуло служебный долг. Пакеты были вскрыты раньше времени. Кое-где пошли слухи о предстоящей реформе. За это нарушение государственной дисциплины виновные понесли серьезное наказание. Их неправильное поведение не помешало мероприятию в целом.

Ну и что грабительского в той денежной реформе?

Миф № 196. Современные ему политические, государственные и общественные деятели негативно характеризовали Сталина.

Это настолько неуместный и глупый миф, что даже и не знаешь, что с ним делать. Потому как все обстояло ровным счетом наоборот. Доказательства?! Извольте.

Анри Барбюс, французский писатель: «...История его жизни — это непрерывный труд побед над непрерывным рядом чудовищных трудностей. Не было такого года, начиная с 1917, когда он не совершил бы таких деяний, которые любого бы прославили навсегда. Это — железный человек. Фамилия дает нам его

образ: Сталин — сталь. Он несгибаем и гибок как сталь. Его сила — это несравненный здравый смысл, широта его познаний, изумительная внутренняя собранность, страсть к ясности, неумолимая последовательность, быстрота, твердость и сила решений, постоянная забота о подборе людей.

Если Сталин верит в массы, то и массы верят в него. В новой России — подлинный культ Сталина, но этот культ основан на доверии и берет свои истоки в низах. Человек, чей профиль изображен на красных плакатах — рядом с Карлом Марксом и Лениным, — это человек, который заботится обо всем и обо всех, который создал то, что есть, и создаст то, что будет. Он спас. Он спасает.

Человек с головой ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата.

Сталин есть центр, сердце всего того, что лучами расходится от Москвы по всему миру».

Кордел Хэлл, государственный секретарь США в годы Второй мировой войны: «Сталин удивительная личность. Он наделен необыкновенными способностями и разумом, а также умением схватывать суть практических вопросов. Он один из тех лидеров, наряду с Рузвельтом и Черчиллем, на плечи которых ложится такая ответственность, какой не будет знать ни один человек в ближайшие 500 лет».

Аверелл Гарриман, посол США в СССР: «...У него (то есть у Сталина. — *А.М.)* глубокие знания, фантастическая способность вникать в детали, живость ума и поразительно тонкое понимание человеческого характера... Я нашел, что он лучше информирован, чем Рузвельт, более реалистичен, чем Черчилль, и в опре-

деленном смысле наиболее эффективный из военных лидеров».

Ю.К. Паасикиви, президент Финляндии: «Сталин — одна из величайших фигур современной истории. Он прочно вписал свое имя не только в историю Советского Союза, но и во всемирную историю. Под его руководством старая история изменилась, обновилась, помолодела и превратилась в сегодняшний Советский Союз. Он поднял СССР до уровня могущественной мировой державы — сделал его могущественнее, чем когда-либо была и могла быть Россия.

Сталин один из величайших созидателей государства в истории. В отношении Финляндии Сталин проявлял симпатию и дружественность. Поэтому его уход из жизни вызывает искреннюю скорбь нашего народа. Я имел возможность много раз встречаться с генералиссимусом Сталиным и вести с ним переговоры. Об этих встречах я сохраняю самые наиприятнейшие воспоминания».

Гарри Гопкинс, американский государственный деятель и дипломат, ближайший помощник и доверенное лицо президента США Рузвельта: «... Сталин ни разу не повторился. Он говорил так же, как стреляли его войска — метко и прямо. Он приветствовал меня несколькими быстрыми русскими словами. Он пожал мне руку коротко, твердо, любезно. Он тепло улыбался. Не было ни одного лишнего слова, жеста или ужимки. Казалось, что говоришь с замечательно уравновешенной машиной, разумной машиной.

Иосиф Сталин знал, чего он хочет, знал, чего хочет Россия, и он полагал, что вы также это знаете. Во вре-

мя второго этого визита мы разговаривали почти четыре часа. Его вопросы были быстрыми, ясными, краткими и прямыми. Как я ни устал, я отвечал в том же тоне. Его ответы были быстрыми, недвусмысленными, они произносились так, будто они были обдуманы им много лет назад».

Христофор, Патриарх Александрийский: «Маршал Сталин... является одним из величайших людей нашей эпохи, питает доверие к Церкви и благосклонно к ней относится... Маршал Сталин, Верховный Главнокомандующий, под руководством которого ведутся военные операции в невиданном масштабе, имеет на то обилие божественной благодати и благословения, и русский народ под гениальным руководством своего великого вождя с непревзойденным самоотвержением наносит сокрушительные удары своим вековым врагам».

Пабло Неруда, чилийский поэт и общественный деятель: «...И вот моя позиция: темные стороны периода культа личности, о которых я не знал долгие годы, не могли вытеснить из моей памяти образ Сталина, который сложился у меня с самого начала, — образ строгого к себе, как анахорет, человека, титанического защитника русской революции. Помимо всего, война возвеличила этого невысокого человека с большими усами. С его именем бойцы Красной Армии шли на штурм гитлеровской крепости и не оставили от нее камня на камне».

Алексий I, Патриарх Московский и Всея Руси: «Великого Вождя нашего народа Иосифа Виссарионовича Сталина не стало. Упразднилась сила великая,

общественная сила, в которой наш народ ощущал собственную силу, которой он руководился в своих созидательных трудах и предприятиях, которою он утешался в течение многих лет. Нет области, куда бы ни проникал глубокий взор великого Вождя... Как человек гениальный, он в каждом деле открывал то, что было невидимо и недоступно для обыкновенного ума».

А.Ф. Керенский, премьер-министр России в 1917 году, видный деятель антисоветской белой эмиграции: «Сталин поднял Россию из пепла. Сделал великой державой. Разгромил Гитлера. Спас Россию и человечество. Показал, что значит Россия для мира».

Лион Фейхтвангер, выдающийся представитель еврейской интеллигенции Германии, писатель: «Сталин... работал, он шел по правильному пути. Он объединил крестьян в артели, возделывал почву для социализма в Советском Союзе и строил социализм. Если Ленин был Цезарем Советского Союза, то Сталин стал его Августом... Действительность, создаваемая им, опровергала неопровержимые теории Троцкого».

И сколько таких высказываний — все не перечислить. Никаких книг не хватит. Ведь даже такие заклятые враги Сталина, как А. Гитлер и У. Черчилль, и то, что называется, в один голос восхваляли Сталина как выдающегося государственного деятеля всемирного масштаба, особо подчеркивая его созидательный гений.

Удивительно также и то, что даже те, кто при жизни Сталина встречался с ним, но впоследствии радикально изменил свое мнение о социализме, ни на йоту

не поменяли своего мнения о личности самого Сталина. В этом смысле очень характерна история с писателем Эмилем Людвигом. Он еще в 1930 году решил написать биографию Сталина, собирал материалы и даже был удостоен аудиенции у Иосифа Виссарионовича. Свой труд о Сталине он закончил лишь в 1945 году, неоднократно перед этим переделывая его, показав себя в конце концов убежденным противником социализма. Однако это нисколько не изменило его оценки Сталина как деятеля мирового класса и калибра!

Вот так оценивали Иосифа Виссарионовича Сталина его современники. И нам, ныне живущим, очевидно, не грех поучиться у них объективности в оценке столь выдающегося человека и государственного деятеля!

Миф № 197. Сталин планировал в качестве своего преемника М.А. Суслова.

Миф № 198. Сталин не подготовил себе преемника.

Оба мифа гуляют давно, но оба беспочвенны. Как, впрочем, практически любой миф антисталинианы. В отношении Суслова— «серого кардинала» СССР времен застоя, — наибольшую активность проявляет Рой Медведев. Во всех своих книгах о Сталине он вворачивает эту бессмыслицу. Последний раз это прозвучало со страниц его расширенного труда «Неизвестный Сталин» (М., 2007). В действительности же после войны, незадолго до своей гибели, Сталин второй раз в своей жизни принял решение оторвать партократию от власти и вообще свести партийный аппарат до состояния, когда он не имел бы никакого

влияния на государственные дела. Он прекрасно видел, что партия уже выполнила свою историческую миссию и теперь только мешает бурному развитию страны и государства. Он не видел в ней, особенно в партаппарате, чего-либо прогрессивного. Известно, например, что когда А.А. Жданов предложил созвать съезд партии для обсуждения проблем развития и истории, то Сталин, по словам сына А.А. Жданова — Ю.А. Жданова, — ответил: **«Партия... Что партия... Она превратилась в хор псаломщиков, отряд аллилуйщиков... Необходим предварительный, глубокий анализ».**

На протяжении ряда послевоенных лет Сталин осуществлял этот глубокий анализ, резюмирующую суть которого блестяще изложил Д. Кропотов. Изложение приводится по материалам упоминавшейся выше книги С. Миронова "Загадка 37 года. Сталинский порядок". (М., 2007).

Только через 7 лет после войны Сталин решился на попытку постановки партноменклатуры под контроль народа (сразу же заметим, что второй раз. — *А.* М.). На XIX съезде ВКП(б) Сталин, несомненно, попытался учесть свои ошибки (имеются в виду ошибки 1937 г.— А.М.).

...Сталин решил начать с изменения статуса партии. Наибольшей проблемой страны, еще более усугубившейся после окончания Великой Отечественной войны... было своеобразное "двоевластие". По Конституции вся власть принадлежала советским органам, а фактически всем управляли органы партийные, во главе с Политбюро. Это было более или менее терпимо в годы Гражданской войны и во время угрозы иностранной интервенции, когда члены партийного руководства были кровно заинтересованы в успешном преодоле-

нии молодым советским государством всех трудностей, в создании мощной армии и промышленности. Партийные руководители несли полную ответственность за успех социалистических преобразований. И эта ответственность не исчерпывалась опасностью просто ухода в отставку. Победа контрреволюции неизбежно привела бы к физическому устранению лидеров большевиков, причем просто расстрел для них был бы еще достойным итогом, многих из них могла ждать не просто смерть, а мучительная смерть — пример сожженного в паровозной топке Сергея Лазо об этом свидетельствовал совершенно ясно. В этих условиях "двоевластие" было оправдано и эффективно. Советские органы, руководители промышленности делали свое дело, а за ними надзирали и присматривали партийные чиновники, которые под влиянием угрозы своей жизни не могли предаваться волоките, бюрократизму и безделью.

Однако положение изменилось после международного признания СССР, после его успехов в индустриализации, создании своей мощной армии, особенно после победы в Великой Отечественной войне. Теперь уже коммунизм и коммунисты приобрели большой авторитет во всем мире как основная сила, уничтожившая фашизм. В это время уже не было угрозы лишиться жизни, как это было в годы Гражданской войны, тем партийным руководителям, которые заваливали порученное им дело. Осталась угроза со стороны начальства, во главе со Сталиным, но с этой угрозой помогала справиться круговая порука и солидарность партократов. Кроме того, сами по себе партийные руководители занимались только контролем, а не реальной работой, как руководители промышленных предприятий — члены "новой команды" Сталина.

Сталин как глава государства легко мог контролировать работу промышленности, а как можно было проконтролировать контролеров — партийных чиновников? Ранее их контролировал страх перед победой контрреволюции или приходом немцев, суливший всем коммунистам смерть. А теперь, после победы в Великой Отечественной войне, коммунистом стало быть выгодно и безопасно. Вместе с устранением угрозы для благополучия партийных чиновников со стороны дела исчезла и ответственность этих чиновников за то, что они делали. Попасть в партию, в ряды контролеров, которым самим делать ничего не надо, а только руководить другими, стало заветной мечтой массы проходимцев и карьеристов.

Противостоять им можно было только одним способом — и Сталин неизбежно пришел к его осознанию. Следовало, как он и мечтал ранее, превратить партию в "орден меченосцев", убрать возможность для членов партии почивать на лаврах, отстранить ее от соблазнов политической власти. Если нет "пряника", а есть только одна тяжелая работа по пропаганде коммунистических идей, — нет и необходимости защищать партию от нашествия проходимцев и карьеристов.

Именно на такое отстранение партии от государственной власти, на сосредоточение на работе по агитации и пропаганде, работе, которая не должна была приносить никаких дивидендов в виде красивых должностей, возможности не отвечать ни за какое реальное дело, и были направлены реформы Сталина, озвученные им на XIX съезде:

— партия поменяла свое название, с ВКП(б) на КПСС... Сталин тем самым желал подчеркнуть подчиненное положение партии по отношению к советскому государству;

— Политбюро было упразднено не только фактически (в начале 50-х годов оно уже и так выполняло чисто номинальную функцию — большинство вопросов Сталин, как глава правительства, решал со своими заместителями), но и юридически — вместо компактного всесильного органа партии оно превратилось в Президиум ЦК КПСС, орган, состоящий из двух десятков человек и поэтому неспособный к оперативному руководству партией. "И эта замена Политбюро на Президиум означала, что партия лишается органа, непосредственного руководящего всей страной, и ей создается орган, который руководит только партией и то — в перерывах между пленумами ЦК".

— Сталин ликвидировал в партии единоначалие — сделал то, что хотел сделать еще в 1927 г. Должность генерального секретаря была упразднена, а секретарей ЦК стало 10 человек. Причем вместе они не образовывали никакого органа, просто все 10 вошли в Президиум, в котором опять-таки, по Уставу, не было никакого председателя, никакого главного. Дело в том, что единоначалие нужно для хорошего управления организацией, для того чтобы в ней были несущие ответственность руководители, для того чтобы вся организация была сильной. Но единоначалие мешает дискуссиям, "поиску истин". А поиск истин, агитация и пропаганда коммунизма — это именно то, на что Сталин собирался нацелить "орден меченосцев" — партию коммунистов.

— Сталин... позаботился и о том, чтобы после его ухода из секретарей партии ЦК не вздумал создать себе нового вождя, так сказать, неформального. Известно, что на Пленуме ЦК, сразу после XIX съезда, Сталин обрушился с уничтожающей, зачастую не

слишком справедливой критикой на своих ближайших подвижников — Молотова и Микояна. Обычно "исследователями" этот демарш Сталина объясняется его маразмом на почве паранойи (чего в действительности никогда не было в помине. — *А.* М.).

...Гораздо более реалистичное и логичное объяснение такого поведения Сталина состоит в том, что, уничтожив единоначалие и готовя свой уход из партии, Сталин заботился о том, чтобы у партноменклатуры не возникло соблазна это единоначалие вновь ввести, назначив вождем кого-нибудь из старейших членов Политбюро.

Небольшой комментарий. Трудно не согласиться с тем, что это действительно более реалистичное и логичное объяснение. Однако это далеко не все. За годы войны и первые послевоенные годы у Сталина скопилось достаточное количество данных о явно неблаговидном поведении тех же Молотова и Микояна. Это были данные официальных спецслужб (разведки и контрразведки), а также личной разведки и контрразведки Сталина. По имеющимся у автора данным от высокопоставленного сотрудника личной разведки Сталина Константина Мефодиевича, Сталин располагал сведениями об особо конфиденциальных личных контактах Молотова и Микояна с некоторыми мощными закулисными силами Запада. Предать их огласке он не мог, но сильно одернуть бывших товарищей по Политбюро — запросто. Что он и сделал, в том числе и в назидание остальным. А те и так знали, за что Сталин на них ополчился.

Десятилетия спустя, уже в наше время, когда на русском языке была опубликована блестящая книга бывшего высокопоставленного сотрудника британской разведки Дж. Коллемана **«Комитет 300», то** оказалось, что, например, А. Микоян входил в состав **Комитета 300.** А в отношении Молотова стали ползти обретавшие со временем все более серьезную плоть слухи о каких-то его связях с оставшимся после 1917 года масонским подпольем в СССР. Кстати говоря, реакция самого Молотова на слухи о масонах более чем показательна: он ёрнически делал вид, что то ли вообще не понимает, о какой якобы чертовщине идет речь, то вообще высказывался на эту тему насмешливо, сводя все к грубоватым шуткам... Однако такой опытнейший политический и государственный деятель, как Молотов, метко прозванный писателем Ф. Чуевым **«полудержавным властелином»,** не мог не знать о существовании масонского подполья как в дореволюционной России, так и особенно в Советской. Тем более он не мог знать, за что многих из так называемых ленинских гвардейцев в 1937—1938 гг. поставили к стенке...

— Состав Президиума был определен в 25 членов и 11 кандидатов (имеющих совещательный голос). По сравнению с 9—11 членами Политбюро (тем более во главе со Сталиным. — Л. М.) это получился очень многоголосый колхоз. Однако не надо думать, что Сталин не понимал, что делает. Большинство из этих 25 человек были не партийные, а государственные деятели, которые... подчинялись Председателю Совета Мини-

стров (то есть тогда самому Сталину. — *А. М.)* и, соответственно, Верховному Совету (парламенту. — А. М.). Таким образом, власть в партии (даже в партии. — Л. М.) перешла от партийной номенклатуры к Советской власти (строго говоря — ее номенклатуре).

— Будучи последовательным в устранении единоначалия в партии, Сталин попытался уйти с должности секретаря ЦК по старости и подал соответствующее заявление в ЦК.

Но партноменклатура понимала, что без вождя как главы партии (даже и номинального, одного из 10 секретарей ЦК — лишь это был Сталин), партия немедленно будет отстранена от рычагов государственной власти, поэтому этой попытке Сталина они устроили полнейшую обструкцию.

Сталин совершил всего одну ошибку — не смог настоять на немедленном освобождении его от должности секретаря ЦК, с полной ясностью, тем не менее, обрисовав свои дальнейшие замыслы. После этого «у номенклатуры оставался единственный выход из положения — Сталин обязан был умереть на посту секретаря ЦК, на посту вождя партии и всей страны. В случае такой смерти его преемник на посту секретаря ЦК в глазах людей автоматически был бы и вождем страны, а сосредоточенные в руках ЦК СМИ быстро бы постарались сделать преемника гениальным — закрепили бы его в сознании населения в качестве вождя всего народа». Что и произошло. Стране явили «дорогого Никиту Сергеевича Хрущева» — который, узурпировав власть в стране, в том числе и за счет государственного переворота 26 июня 1953 года, инициировал процесс будущего развала величайшей державы мира.

Как видите, нет ни малейшего основания даже на слух воспринимать беспочвенные утверждения Роя Медведева о том, что-де Сталин якобы метил Суслова в свои преемники на посту генерального секретаря. Это полнейшая околоинтеллигентская чушь.

Однако вовсе не чушь, что Сталин и впрямь готовил себе преемника... по государственной линии. Известный сталинский нарком И.А. Бенедиктов впоследствии вспоминал: «Сталин... достойного, с его точки зрения, преемника, по крайней мере на один из высших постов, подобрал. Я имею в виду Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, бывшего первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии, который во время войны возглавлял штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. Обладая твердым и самостоятельным характером, Пантелеймон Кондратьевич одновременно был коллективистом и демократом до мозга костей, умел располагать к себе, организовывать дружную работу широкого круга людей.

Небольшой комментарий. Именно ему, Пантелеймону Кондратьевичу Пономаренко, Сталин доверил в 1938 г. тяжелейшую миссию — немедленно прекратить репрессии в Белоруссии и предоставил для этого исключительные права. Более того. Сталин лично его инструктировал, как надо вести себя в республике, чтобы немедленно положить конец безобразиям «ежовщины». П.К. Пономаренко блестяще справился с этим заданием, не только прекратив огульные репрессии в республике, но и освободив сотни и тысячи людей из тюрем с одновременным жестким наказанием виновников этих репрессий.

Сталин учитывал, что Пономаренко не входил в его ближайшее окружение, имел собственную позицию и никогда не стремился переложить ответственность на чужие плечи.

Документ о назначении П.К. Пономаренко Председателем Совета Министров СССР был завизирован уже несколькими членами Политбюро, и только смерть Сталина помешала выполнению его воли[1].

Став первым секретарем ЦК, Хрущев, который, естественно, был в курсе всего, предпринял необходимые шаги с тем, чтобы отодвинуть Пономаренко подальше — сначала в Казахстан, затем, в 1955 г., на дипломатическую работу, послом в Польшу, потом в Нидерланды. Впрочем, и здесь он работал недолго — опасного "конкурента" быстренько препроводили на пенсию, весьма скромную и без причитавшихся ему льгот за государственную службу. Человек простой, скромный и непритязательный в личной жизни, обремененный заботами о родных и близких, он в буквальном смысле влачил полунищенское существование, когда, наконец, после отставки Хрущева друзья, обратившись в ЦК, добились достойного обеспечения его старости.

Такова подлинная правда в отношении указанных выше мифов.

[1] Интересный ряд получается. Сталин прочил достойного лидера Белоруссии в руководители советского правительства — не вышло. Во времена Брежнева не менее достойный и авторитетный лидер Белоруссии П.М. Машеров тоже вроде бы намечался в лидеры СССР - опять не вышло, так как Машеров погиб в более чем подозрительной (более похожей на умышленное убийство) автокатастрофе. И в наше время более чем странная возня вокруг не столько Белоруссии, сколько ее президента А.Г. Лукашенко, который сделал все, чтобы белорусский народ не пострадал от развала СССР и навязывавшихся извне различных преступных реформ. И из-за этого никак не сдвигается с места процесс объединения России и Белоруссии в союзное государство.

Миф № 199. В последние месяцы жизни Сталин удалился от дел и тихо жил на даче.

Миф № 200. Сталин умер своей смертью (в результате инсульта).

Мифов и домыслов на эту тему тьма-тьмущая. Кто только и как только не упражнялся и не упражняется на эту тему! Результат только один — до такой степени запутали все, до чего дотянулись лапы и перья действовавших, как правило, по заказу властей мифотворцев, что разобраться в том, что же тогда произошло, до чрезвычайности трудно. Но тем не менее надо. Очень даже надо. Потому что тема эта не сходит с авансцены политики. Именно политики, а не истории. И так и сяк склоняют эту историю... Последний раз, например, это проделал то ли полумосковский, то ли полулондонский денди А.К. Пушков — известный «деятель телевизионных искусств» (ироничное выражение Фаины Раневской) в своей телепрограмме **«Постскриптум» 7 июля 2007 года. Итак, в той передаче, которую под общим руководством А.К. Пушкова готовили его сотрудники Рамиль Гатаулин и Артем Широков, говорилось следующее:**

— А теперь о загадочных страницах нашей истории. Как мы уже рассказывали вам в прошлом выпуске программы, недавно Центральное разведывательное управление США рассекретило свои архивы, которые относятся к периоду с 1953-го по 1973 год. Среди прочего эти документы содержат отчет о смерти Иосифа Сталина. При этом эксперты ЦРУ, которые готовили отчет, не исключали, что генералиссимус мог умереть насильствен-

ной смертью за несколько дней до официального объявления о его кончине. Эта же версия, кстати, высказывалась и некоторыми в нашей стране, включая членов семьи самого Сталина. Так своей ли смертью умер Иосиф Сталин или ему помогли? ***Об этом в материале Рамиля Гатаулина и Артема Широкова.***

— В рассекреченных материалах ЦРУ, посвященных Сталину, есть одна интригующая фраза: ***«Неизвестно, был ли он убит или скончался, как об этом сообщалось в медицинских бюллетенях».*** *Это в очередной раз дает повод задуматься: умер ли Сталин своей смертью или был убит? И кто мог желать смерти всемогущего вождя? По официальной версии, Иосиф Сталин умер 5 марта 1953 года от обширного кровоизлияния в мозг. Однако еще до того, как это сообщение опубликовали, в народе заговорили о том, что Сталин умер не своей смертью, а убийц надо искать в ближайшем окружении вождя. Уже тогда возникло несколько версий смерти генералиссимуса.*

Версия первая. Отравитель Берия

— Первым, кого стали подозревать в убийстве, был Лаврентий Берия. Ведь к его услугам была специальная токсикологическая лаборатория НКВД. Ее создали еще в 1930-е годы, кстати, по инициативе самого Сталина. Но у Берии был не только яд. У него был и повод желать смерти хозяина. В начале 50-х в Москве шептались, что он утратил доверие вождя. В народе даже пошла шутка «Берия, Берия — вышел из доверия». А отсюда ему оставался лишь один шаг до повторения судьбы предшествен-

пиков — Ягоды и Ежова, ***Вспоминает племянница Сталина Кира Аллилуева-Политковская.***

— Он стал страшным для Берии, Он уже в Берии разочаровался, И Берия, наверное, очень испугался. От страха-то чего не сделаешь, вы что? Ведь когда человек боится и у него выхода нет, он любой выход найдет,

— Сталин же, видимо, опасался покушения и поэтому был чрезвычайно осторожен, Анастас Микоян позже вспоминал: «Он делал так: поставит новую бутылку и говорит мне или Берии: "Вы, как кавказцы, разбираетесь в винах больше других, попробуйте, стоит ли пить это вино? " Я всегда,,, пил бокал до конца, Берия тоже,,. Таким образом, он охранял себя от возможности отравления: ведь винное дело было подчинено мне, а бутылки присылал Берия, получая из Грузии, Вот он нас и проверял»,

— Сталин создал невероятно строгую систему контроля за продуктами, воду ему доставляли из Абхазии, из ледников Абхазских гор, и никакой другой воды он не пил. Вино доставляли из винных заводов Грузии, прямо из Грузии, спецмаршрутом. Пища проверялась тщательнейшим образом и никаким образом никакие яды попасть на стол Сталина не могли, Даже когда ему было плохо, Сталин никогда не принимал лекарства, которые ему давали, А посылал охранников за таблетками в обычную аптеку, причем каждый раз в новую. Однако есть версия, что охрана все-таки больше слушалась своего непосредственного шефа — Ааврентия Берию, И его люди вполне могли дать Сталину нужное «лекарство»,

— Конечно, все проверялось. Но дело в том, что он был НКВД, и все проверялось его людьми. Какими

еще могло проверяться? Берии людьми. Он же был там главный, не Сталин. Сталин был вождь, а он был среди НКВД, так что он мог туда что-то и положить. Светлана, например, считала, что его отравили.

— Чуть ли не единственный человек, которому доверял тогда Сталин, Валентина Истомина, «сестра-хозяйка» и по совместительству — офицер госбезопасности. Последние 18 лет она прислуживала вождю за столом и, говорят, делила с ним постель. Где была Истомина в ночь, когда со Сталиным случился удар, до сих пор неизвестно. Впрочем, желать смерти Сталина мог не только один Берия.

Небольшой комментарий. Поразительно, что указанные выше «деятели телевизионных искусств» даже не отдавали себе отчета в том, что они выволокли на экран, мягко говоря, не вполне адекватную по возрасту и количеству обид на Сталина какую-то его родственницу. Впрочем, возможно, что именно в том и был смысл для них. Перед телеобъективом она плела, невесть что, но журналисты даже и бровью не повели. Но ведь отчаянно врала **Кира Аллилуева-Политковская. Берия-то никакого отношения к органам госбезопасности не имел с конца 1945 года!** Чтобы удостовериться в этом, не надо развешивать уши перед «лапшой» какой-то старушки— достаточно всего лишь взглянуть в обычные исследования о Берии. Даже в самом «демократическом» исследовании этот факт упоминается. Органами госбезопасности руководил в то время не Лаврентий Павлович Берия, а Семен Денисович Игнатьев! Что, между прочим, также со-

вершенно четко и документально зафиксировано в истории органов госбезопасности. И, следовательно, приплетать сюда Берию вовсе не было нужды. Впрочем, старушка-то по своей исторической безграмотности и лютой ненависти к Сталину и Берии могла ляпнуть такое, но вот «деятели телевизионных искусств» куда смотрели?!

К слову сказать, как только к этой истории приплетают Л.П. Берию, можете быть абсолютно уверены, что перед вами махровая ложь!

Что же касается токсикологической лаборатории Лубянки, то, **во-первых,** она была создана по указанию не Сталина, а Ленина. Пора бы это знать. **Во-вторых,** уйдя из органов госбезопасности на атомный проект (только в его рамках Берия соприкасался с органами госбезопасности — главным образом, с нелегальной разведкой, по каналам которой осуществлялось добывание необходимой для советских ученых-атомщиков информации), Лаврентий Павлович никакого отношения к этой лаборатории не имел по определению. В этот период времени она подчинялась первому заместителю министра государственной безопасности Огольцову, командовать которым Берия не мог. И, наконец, самое главное — в-третьих. Не следовало старушке лгать с помощью извращенной частушки, а «деятелям телевизионных искусств» развешивать свои уши. Прежде всего потому, что в подлинном виде частушка имела такой вид:

Вышел из доверия наш товарищ Берия.
А товарищ Маленков надавал ему пинков.

К тому же она появилась не перед смертью Сталина, а после убийства самого Берии, то есть после 26 июня 1953 года. Откровенно говоря, не грех бы тележурналистам хоть чуточку знать историю, чтобы не вляпываться каждый раз в очередной конфуз.

Следует знать историю еще и потому, что Берия не терял доверия Сталина в то время — напротив, как облеченный особым доверием Сталина он вел всю атомную и водородную программы СССР. Что, и это никому не известно, что потребовалась брехология неадекватной по возрасту старушки?! Кстати, накануне смерти Сталина, по настоянию именно Иосифа Виссарионовича было принято решение о возвращении Лаврентия Павловича в МГБ, так как органы госбезопасности своей деятельностью под руководством Игнатьева уже окончательно вывели из себя Сталина. Он уже им не доверял, что особенно проявилось в «деле врачей», когда он сам же назначил независимую экспертизу.

Тем более неприличны ссылки на Анастаса Микояна— вот уж «свидетель» так «свидетель»! Одно то, что он успешно отмахал «от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича» и был способен, как утверждала молва, пройти сухим между струями дождя, делает любое его свидетельство крайне ненадежным. Анастасу Микояну было что скрывать от посторонних глаз, было из-за чего лгать... К сожалению, анализ этих причин выходит за рамки настоящего исследования. Однако же ясно: верить ему нельзя ни на грош — слишком уж «гибкий» он был, когда речь заходила о смерти Сталина... Тем более что впослед-

ствии он сам же признавался лидеру Албании Энверу Ходже, что вместе с Хрущевым готовил покушение на Сталина.

Точно так же нет ни малейшего основания доверять и бредням старушки о том, что-де воду Сталину доставляли из ледников Абхазии. Сталин отличался особо аскетичной скромностью и не позволял себе роскошеств в личной жизни. За примерами далеко ходить не надо. Многолетний глава его личной охраны знаменитый Власик слетел со своего поста прежде всего из-за того, что пытался списывать на Сталина невероятно огромные объемы продуктов питания и напитков. Сталина, в частности, до крайности возмутило, что по документам он якобы съел несколько десятков тонн какой-то особо деликатесной рыбы, которую самолетами доставляли в Москву из Мурманска и Архангельска. И чтобы он, Иосиф Виссарионович Сталин, который едва ли не в буквальном смысле слова дрожал над каждой народной копеечкой, позволил себе такие пищевые закидоны — доставку воды из ледников Абхазии?! Право же, не грех бы я меру знать в мифотворчестве...

Далее. Неадекватная старушка не ведала о том, как осуществлялась проверка продуктов питания и напитков, поступавших на стол Сталину. Этим занималась специальная лаборатория, существовавшая в системе личной охраны Сталина. И по результатам проверки она ставила свое клеймо (ярлык) на продукты питания и напитки. Никакой сверхъестественности в этом не было, нет и никогда не будет. От сотворения мира в любом государстве питание и питье пер-

вого лица подвергаются особо тщательной проверке. Это важнейший элемент всей системы безопасности первого лица государства. И это никак не связано с характером Сталина или с существовавшей тогда системой, на что старушка так намекает. Это всего лишь система безопасности первого лица.

А то, что Сталин был особенно внимателен к этим вопросам, — тем более ничего удивительного нет. Вся мировая история буквально нашпигована всевозможными историями отравлений и убийств первых лиц различных государств. Что в древности или в Средневековье, что уже в XX веке и в наше время. Да и разве мало было желающих отправить его праотцам?! Как за рубежом, так и внутри страны. Если, например, на жизнь лидера кубинской революции Фиделя Кастро было совершено свыше 648 покушений, то неужели у Сталина должно было быть меньше оснований опасаться за свою жизнь, чем у знаменитого команданте?! Ведь это же абсолютно несравнимые политические фигуры, не говоря уже о том, что беспрецедентно несравнимы масштабы, значение и роль Кубы и СССР на мировой арене!

Наконец, неадекватная по возрасту старушка настолько ни черта не знает, что даже не понимала простой вещи. В интересующий нас период времени охрана Сталина подчинялась не Лаврентию Павловичу Берии, а лично министру госбезопасности С.Д. Игнатьеву так как в результате особой интриги, но на основании серьезного компромата начальник личной охраны Сталина, знаменитый Власик, был упрятан за ре-

шетку. А сами органы госбезопасности с конца 1949 года курировал не кто иной, как «дорогой» Никита Сергеевич Хрущев. К тому же пора бы знать, что в 1953 г. никакого НКВД не существовало. Существовало Министерство государственной безопасности.

Так что прежде чем развешивать уши перед «лапшой» какой-то старушки, не грех было бы просто перелистать хотя бы пару обычных исследований по этому вопросу. Тогда обошлось бы без конфуза.

Но в одном болтовня старушки имеет право на особое внимание. Сталина действительно отравили. И чуть ниже мы докажем это с помощью документов.

Версия вторая. Заговор ближайшего окружения

О гибели вождя могли мечтать многие его соратники, которые устали от того, что вся власть, в том числе и над ними, находилась в его руках. Возможно, имел место и коллективный сговор с участием Берии, Маленкова, Хрущева. В реальность такого заговора можно поверить, если вспомнить, как Сталин провел последние часы жизни. Инсульт у него произошел в ночь на 1 марта 1953 года. Однако помощи глава государства дождался только на следующий вечер, 2 марта. Более суток, примерно 36 часов, к Сталину, лежавшему на полу, не подходил ни один врач. Первые 10 часов это было виной самого Сталина. Он жил в одиночестве, не позволял никому входить к себе, нарушать сон. Охрана появлялась тогда, когда ее звал Сталин. Сталин ее не зовет — она не появляется. Когда он уж очень долго

ее не звал, где-то порядка, по-моему, 8—10 часов, они забеспокоились, зашли туда сами и увидели, что он лежит на полу без сознания. Но высшие руководители СССР приехали в Кунцево лишь еще через 20 часов. Прислуге приказали только переложить Сталина с пола на диван. И пояснили: «Товарищ Сталин просто спит». Хотя всем было понятно, что он на самом деле был без сознания.

Возможно, именно тогда, в те часы, когда вождь тихо умирал, и возник стихийный заговор. Большинство историков уверены — договориться заранее они не могли. Члены Политбюро слишком друг другу не доверяли и слишком подозревали друг друга, чтобы рискнуть сговориться всем вместе против Сталина. Всегда была большая вероятность, что кто-то донесет ему и за счет других укрепит свое положение. Ни Хрущев, ни Берия, ни Маленков, ни Молотов, ни Каганович не были друзьями, они были противниками, политическими противниками. Они не встречались никогда друг с другом наедине, они не могли ни о чем договориться, они боялись смерти Сталина, потому что они боялись, что вместе со смертью Сталина рухнет режим, механизма которого они не понимали, понимал его только один Сталин. И вместе со Сталиным рухнет и их собственная карьера. Однако, увидев беспомощного вождя на полу, Хрущев, Берия и Маленков поняли, что это их шанс, и сели за стол переговоров. Сначала нужно разделить власть, а потом решать, кто будет лечить и хоронить. И примерно с 2—3 часов дня 2 марта и до вечера 2 марта шли какие-то абсолютно тайные консультации, о которых мы ничего не знаем, между Берией, Маленковым и Хрущевым. И только ночью они договорились, кто возьмет на

себя какую часть государства. Хрущев — партию, Маленков — государство. Совет министров, а Берия — карательные органы. И тогда они вызвали врачей к Сталину. Другими словами, Сталину помогли умереть, отказав ему в нужный момент в медицинской помощи.

Небольшой комментарий. В данном случае мы не будем комментировать эту версию, чтобы дважды не служить обедню. К ней мы вернемся после анализа третьей версии.

Версия третья и главная. Естественная смерть

В «Правительственном сообщении» о смерти Сталина говорилось: «В ночь на 2-е марта у товарища Сталина, когда он находился в Москве в своей квартире, произошло кровоизлияние в мозг, захватившее важные для жизни области мозга». Если исходить из того, что это правда и Сталина на самом деле настиг апоплексический удар, то бывшим соратникам осталось лишь поделить власть. Они не были прямыми убийцами. Убил Сталина в конце концов сам режим, который он установил. Он сам себя обрек на такой режим: полное одиночество, отсутствие аптеки, отсутствие врачей в охране на всем протяжении этой большой Кунцевской дачи, среди нескольких сот человек охраны не было даже фельдшера. Ну, какое здесь убийство? Это уже система.

Историк Юрий Жукову автор двух исследований о Сталине, раскрывает малоизвестные фак-

ты о последних годах жизни вождя. Жуков убежден, в убийстве Сталина не было никакого смысла, к концу 1952 года он уже и так отошел от дел, а его смерть была лишь вопросом времени.

Всем было известно и понятно, что Сталин умрет вот-вот. Три инсульта, ну скажите любому непросвещенному в медицине человеку, он скажет, это очень много. И четвертый мог наступить в любой момент. Тем более Сталин уже не бился за власть и не требовал ее. Он скромно отошел в сторону и жил на даче как пенсионер. От политики он напрочь отрешился. Поэтому не было ни смысла, ни повода его убивать. Соратники Сталина напряженно следили за состоянием его здоровья, а оно становилось все хуже.

У него начала пропадать память. Какие-то минуты просветления, он твердо помнил, потом все забывал, что, где, когда. Кроме того, у него изменился почерк. Аккуратный прежде, обязательно на хорошей бумаге, четкий, среднего размера вдруг стал иным: угловатый, огромные буквы. Когда я показал ксерокопию одному своему приятелю врачу-психиатру, не говоря, кто написал, что, к чему, он сказал: явно у человека дрожали руки, и он держал одну руку другой, чтобы двумя руками с трудом писать. Отсюда огромные угловатые, острые буквы. Зачем нужно было в этот момент убирать тяжело больного Сталина? Он и так уже не играл в политике никакой роли. Он гулял на ближней даче, и единственное развлечение было — он сам делал вино, домашнее. Ему с Кавказа, из Грузии присылали виноград, и он, вспомнив, как это делается на его Родине, сам давил и делал молодое вино.

И все же вопросы остаются. Но ответы на них, скорее всего у надо искать не в материалах ЦРУ, а в советских архивах. Однако эти исторические документы, включая медицинскую карту Сталина, похоже, пока никто не собирается рассекречивать».

Небольшой комментарий. Трудно в это поверить, но именно такую версию последних месяцев жизни Сталина 7 июля 2007 года привел тот самый авторитетный исследователь, доктор исторических наук Юрий Николаевич Жуков — автор ряда действительно очень интересных, блестяще аргументированных книг о Сталине, среди которых особенно выделяются **«Иной Сталин»** и **«Сталин: тайны власти».** Самое обидное состоит в том, что произошло это на телевидении, то есть его заявление слышали десятки миллионов людей.

При всем своем личном и искреннем уважении к Ю.Н. Жукову и его научным заслугам категорически не могу, не имею права согласиться с таким заявлением. Потому что оно в корне не соответствует действительности. А вот на вопрос, почему оно не соответствует действительности, отвечу с помощью сталинского министра финансов Арсения Зверева. Вновь хочу обратить внимание на то, что он был интереснейшим человеком и великолепным финансистом — не чета современным «российским» министрам финансов. Так за советскую копеечку и советский рубль стоял, что впору было его сравнивать с защитниками Сталинграда или Москвы. Но в то же время был столь мудр, столь гибок в выборе финансовых средств укрепления советской экономи-

ки и повышения благосостояния советских граждан, столь дальновиден, что Сталин почитал за благо постоянно с ним советоваться. Итак, цитируем мемуары А.Г. Зверева «Записки министра» (М., 1973, стр. 242—246; согласно мемуарам А.Г. Зверева, ниже цитируемое относится к 1—2 марта 1953 года; запомните это обстоятельство, чуть ниже очень даже пригодится).

«Перестройка хозяйства на мирный лад в основном завершилась в 1946 году. В 1948 году объем промышленного производства в стране превзошел довоенный уровень. Таким образом, на восстановление промышленности потребовалось около двух с половиной лет. Героический труд рабочих, неутомимая деятельность партии обеспечили выполнение первой послевоенной пятилетки в промышленности за четыре года и три месяца.

Однако успехи вовсе не означали, что путь, по которому шла страна, был легким. На фоне впечатляющих успехов в промышленности было особенно заметно отставание сельского хозяйства. Восстановить его было сложнее, чем промышленность. Трудности в сельском хозяйстве в значительной степени объяснялись серьезными упущениями в руководстве им, нарушением принципа материальной заинтересованности колхозов и колхозников в результатах своего труда.

Из встреч со Сталиным, из бесед с ним, из его высказываний я составил вполне определенное представление, что он не был уверен в правильности всех применявшихся нами методов руководства сельским хозяйством...

...Моя область — финансы. Этого аспекта проблемы я и коснусь, причем в его самой злободневной для тех лет части: вопроса о сельхозналогах.

Налоги применяют и для поощрения коллективных форм развития. Им присущ возвратный характер: полученные средства опять используются в интересах трудящихся.

Расскажу, в частности, о сельскохозяйственном налоге. История эта уходит еще в довоенные годы. Когда разрабатывался закон об этом налоге, Сталин чрезвычайно настороженно отнесся к предложению Наркомата финансов увеличить его (мы мотивировали это грозной международной обстановкой и потребностью дать срочно крупные суммы в промышленность), но в конце концов согласился на увеличение обложения колхозников в 1,8 раза.

При обсуждении вопроса в ЦК ВКП(б) я попросил разрешить некоторую амплитуду налоговых колебаний. Отмечая, что со статистикой у нас не все в порядке, я говорил о желательности установить верхний предел с превышением прежнего в 1,9 раза. Получив согласие, занялся уточнением данных. Только после основательной подготовки финансовые органы приступили к делу и неплохо с ним справились.

Дальнейшей разработке этой проблемы помешала Великая Отечественная война. С переходом к миру нужно было решать вопрос о снижении налогов военного времени. Снова остро встал вопрос о сельхозналоге. Опять потребовалось провести большое исследование, чтобы доказать необходимость его пересмотра. В цен-

тральном аппарате находились люди, которые были убеждены, что Министерство финансов заблуждается. Сталин даже обвинил меня в недостаточной информированности относительно материального положения колхозников. Как-то он полушутя-полусерьезно сказал мне:

— Достаточно колхознику курицу продать, чтобы утешить Министерство финансов.

— К сожалению, товарищ Сталин, это далеко не так — некоторым колхозникам, чтобы уплатить налог, не хватило бы и коровы.

После этого я послал в ЦК партии сводку с фактическими данными. Цифры говорили сами за себя. Правительство приняло решение о снижении сельхозналога на одну треть. (Обратите внимание на то, сколь открыто и напористо говорил Арсений Зверев, защищая интересы колхозников. И заметьте, всякий раз он опирался на результаты серьезных исследований, а не просто так говорил. Обратите внимание также и на упорство А. Зверева в решении вопроса о снижении сельхозналога. Казалось бы, глава финансового, по определению самого скупого в любом государстве ведомства, склонного только обдирать население и хозяйствующие субъекты, а вот, поди ж ты, — рьяно ратует за скорейшее снижение сельхозналога! С цифрами в руках ломает предвзятость правительства и добивается своего! Вот это сталинский министр! Вы слышали или видели что-либо подобное в наше время? — *А.М.)*

В начале марта 1953 года специально созданная комиссия рассматривала справку о размерах подоходного налога с граждан, занимающих-

ся сельским хозяйством, и отдельных местных налогов. Некоторые члены комиссии внесли тогда предложение отдельно ввести налог с оборота и налог на трудодни. Я возразил, поскольку налог с оборота и так существовал: он образовывался в основном из разницы в заготовительных и розничных ценах на сельскохозяйственную продукцию, с учетом стоимости переработки, а также с учетом прибыли, получаемой перерабатывающими предприятиями.

Таким путем государству передавалась часть национального дохода, созданного колхозами и колхозниками. Тогда мне поручили составить справку о размерах налога с оборота по отдельным видам сельхозпродукции. Там значилось, что налог с оборота по зерну был равен 85 процентам, по мясу — 75 процентам и т.д.

Эти цифры вызвали сомнение. Справку показали Сталину. В разговоре со мной по телефону Сталин, не касаясь происхождения цифр, спросил, как я истолковываю природу налога с оборота. Я ответил, что налог родственен прибыли, одна из форм проявления прибавочного продукта. Слышу: "Верно". Новый вопрос: "А помните, до войны один член ЦК на заседании ЦК назвал налог с оборота акцизом?" Я помнил этот случай. Сталин тогда ответил, что у акциза иная экономическая природа.

Далее Сталин спросил: чем объясняется столь высокий налог с оборота по основным видам сельскохозяйственной продукции? Я отвечал, что здесь выявляется разница между заготовительными и розничными ценами, установленными правительством на сельхозпродукты.

Следующий вопрос: для чего мы раздельно берем прибыль и налог с оборота и не лучше ли объединить эти платежи? Говорю, что если объединим, хотя бы в виде отчислений от прибыли, то в легкой и пищевой промышленности возникнет прибыль процентов 150—200 в год; исчезнет заинтересованность в снижении себестоимости, которое планируется в размере 1—3 процентов в год, ибо прибыль будет и без того велика, но не в результате работы. Опять слышу реплику: "Верно!" Так были затронуты многие коренные проблемы деятельности финансов, причем ни разу не упоминался вопрос о сельскохозяйственном налоге. По окончании беседы Сталин сказал: "До свидания". (Редчайший случай: обычно он просто клал трубку.)

Однако свидание уже не состоялось — через несколько дней И.В. Сталин скончался».

Так вот кто бы вразумительно разъяснил, каким это образом якобы ослабевший памятью Сталин в последние месяцы своей жизни удалился от дел, если накануне своей смерти (насильственной) он въедливо занимался столь тонкими и сложными вопросами управления экономикой государства с помощью налогов (вспомните, что говорилось на стр. 155-156 со ссылкой на К.Н. Брутенца)? Не говоря уже о том, что в октябре 1952 года он провел XIX съезд партии, а затем и Пленум ЦК. Похоже что он удалился от дел и тихо давил вино на даче?

Между прочим, сразу после смерти Сталина решением советского правительства были внесены серьезные изменения в законодательство о сельском хозяйстве, в том числе и в вопросе снижения сельхозна-

лога, что подтолкнуло аграрный сектор к ускоренному развитию. Неужели это могло быть делом рук Хрущева или Маленкова?

Поразительно также и то обстоятельство, что в своих мемуарах А.Г. Зверев оперировал датой 1—2 марта. Поразительно, потому что человек он был чрезвычайно привыкший к абсолютной математической точности, и в таком случае выходит, что несчастье со Сталиным произошло не в ночь на 1 марта, а позже. К глубокому сожалению, на сегодня нет ни малейшей возможности хоть как-то перепроверить данные А.Г. Зверева. Однако поскольку он был человеком очень честным и точным, иначе Сталин не держал бы его на финансах, то нет и оснований не доверять его мемуарам. Очевидно, только время покажет, что скрывается за этой датой, которую поставил Зверев при описании своего разговора со Сталиным.

Зато современные данные позволяют напрочь отвергнуть как абсолютно несостоятельные утверждения Ю.Н. Жукова о том, что не было никакого мотива для убийства Сталина, что он отошел от политики и тихо жил на даче. Насчет «тихо жил на даче» — только что мы показали, что это не так. Живя на даче (кстати говоря, очень давно), Сталин не отошел от политики, напротив, явно готовился к очень серьезным, крупномасштабным изменениям в политике и государстве, о чем и свидетельствуют мемуары А.Г. Зверева, К.Н.Брутенца, Д. Шепилова да и не только их.

Известный современный исследователь Ю.И. Мухин в своей знаменитой книге **«Убийство Сталина и Берии»** (М., новое издание 2007) блестяще доказал, что незадолго до своей смерти Сталин предпринял новую попытку отсечь партократию от власти, от руководства государством. **Первая попытка — 1937 г. —**

окончилась провалом и вакханалией репрессий, спровоцированных партократией в ответ на демократическую по характеру и сути попытку Сталина путем прямых, тайных выборов на альтернативной основе произвести уже тогда крайне необходимую ротацию правящей элиты. **Вторая же попытка, предпринятая Сталины после войны, привела к его убийству в результате заговора партократии. Это и есть главный (внутренний) мотив убийства.**

И что самое страшное, произошло это в точном соответствии с принципиальными положениями «классиков научно обоснованного» бандитизма во всемирном масштабе. Есть у них такое, внешне кажущееся сугубо политэкономическим выражение: **«Вместе с возможностью удерживать товар как меновую стоимость, или меновую стоимость как товар, пробуждает алчность или auri sacra fames, "проклятая жажда золота", как говорил древнеримский поэт Вергилий».**

Между тем в сфере политики вместе с возможностью удерживать власть (товар) как меновую стоимость (то есть как возможность «рулить» государством, причем ни за что не отвечая, но располагая невиданными привилегиями) или меновую стоимость (сиречь возможность «рулить» государством, ни за что не отвечая, но располагая невиданными привилегиями) как товар (то бишь власть), тождественная «проклятой жажде золота» алчность пробуждает в виде **"LIBIDO DOMINANTI", то есть в виде «СТРАСТИ К ВЛАСТВОВАНИЮ».** Когда партократия поняла, что Сталин вновь решил оторвать ее от власти в государстве, то, вспомнив 1937 год, она буквально озверела. После этого Сталину не так много осталось жить. **И хотя это главный мотив убийства, но это всего лишь один из четырех мотивов.**

Кстати сказать, к нему вплотную примыкает еще один — если и не в статусе главного, то очень близко стоящего к такому определению — мотив. Дело в том, что после войны Сталин возобновил интенсивное расследование причин невероятной трагедии 22 июня 1941 года в целях установления как сути трагедии, так и тем более конкретных виновников. Многим наверняка хорошо известны слова Сталина о том, что **«победителей можно и нужно судить, можно и нужно критиковать и проверять... меньше будет зазнайства, больше будет скромности».** Нередко эти слова Сталина увязывают с делом маршала Жукова, тем более что они были произнесены также в 1946 году, когда полководца примерно «выпороли» за отчаянную нескромность и приписывание себе чуть ли не всех боевых заслуг Советской Армии. Частично это и в самом деле так, но только лишь частично. На самом же деле Сталин подразумевал тщательное расследование причин трагедии 22 июня 1941 года, которое он в глубокой тайне начал еще в дебюте войны и которое в принципе-то никогда не прекращалось, — просто на некоторое время активность разбирательства была снижена. Однако к концу 1952 года Сталин практически завершил это расследование — уже был завершен опрос оставшихся в живых генералов, командовавших частями в западных приграничных округах накануне войны. И это очень сильно встревожило высший генералитет и маршалитет. Особенно того же Жукова. Не случайно же они так резво переметнулись на сторону Хрущева и чуть позже помогли ему осуществить государственный переворот 26 июня 1953 года. Смертоносная убойность материалов этого расследования для нашего генералитета и маршалитета была чрезвычайно велика. Даже в 1989 г., когда «Военно-исторический

журнал» начал печатать некоторые материалы этого расследования, в частности, результаты проведенного Сталиным опроса генералов о том, когда они получили предупреждение о нападении Германии (кстати говоря, все показали, что 18—19 июня, и только генералы ЗапОВО черным по белому написали, что никаких указаний на этот счет не получали, а некоторые и вовсе узнали о войне из речи Молотова), так тут же редакции ВИЖ дали по рукам. И печатание материалов немедленно было прекращено! Выходит, что даже тогда эти материалы были опасны для генералитета и маршалитета. Не публикуют их полностью и до сих пор. Следовательно, они опасны для генералитета и сейчас. Впрочем, и для властей тоже, потому как публикация этих материалов в полном объеме вызовет термоядерный взрыв во всей исторической науке, ибо перевернет буквально все и придется на коленях просить прощения перед могилой Сталина за всю клевету и грязь, которые на него обрушили после 5 марта 1953 года.

Так вот, чем все это не мотив для убийства, тем более объективно консолидировавший шкурные интересы обеих частей военно-партийного комплекса? Ведь как партократии, так и высшему генералитету и маршалитету в принципе было понятно, что Сталин планировал удар сразу по двум направлениям: по партократии, которую намеревался навсегда отсечь от управления государством, и, в назидание будущим полководцам, по высшему генералитету и маршалитету, потому как за те невероятные жертвы, которые *понес советский народ, они должны были ответить.* Свою вину Сталин открыто признал, что хорошо известно. Более того, он вообще намеревался открыто покаяться перед народом за допущенные ошибки, осо-

бенно перед войной (кстати, и это тоже сильно испугало партократию, потому как знала она свою кровавую вину перед народом, ох как знала, как, впрочем, знала и то, что при Сталине-то ей придется ответить за все преступления перед народом). Сталин прекрасно видел и понимал, что за годы войны партократия и высший генералитет так сцементировались на горе СССР, что уже как военно-партийный комплекс представляли колоссальную угрозу самому существованию СССР — делу всей жизни Сталина. Что, в общем-то, и подтвердилось в 1991 году.

Так что в смерти Сталина был заинтересован также и высший генералитет и маршалитет, не все, конечно, но значительная часть во главе с Жуковым. Вновь обращаю на это внимание, так как эта группировка мгновенно переметнулась на сторону Хрущева и под его общим руководством устроила 26 июня 1953 года государственный переворот, в ходе которого без суда и следствия был убит (застрелен в собственном доме) Лаврентий Павлович Берия. Между тем Л.П. Берия, судя по всему, в тот момент был единственным человеком в тогдашней верхушке, который после смерти Сталина сконцентрировал в своих руках материалы этого красноречивого расследования причин трагедии 22 июня. Не говоря уже о том, что он фактически полностью расследовал и дело об убийстве Сталина. На повестку дня вышел вопрос об аресте главных виновников-убийц Иосифа Виссарионовича — бывшего министра госбезопасности Игнатьева и Хрущева, который курировал органы госбезопасности. 25 июня 1953 года Берия официально запросил санкцию ЦК и Политбюро на арест Игнатьева, а уже к обеду 26 июня был застрелен военными в собственном доме. Кстати говоря, военные во главе с Жуковым устроили не про-

сто государственный переворот с использованием вооруженных сил, а именно по сценарию Тухачевского — то есть в соответствии с его танковым сценарием госпереворота...

Но вот что далее интересно. В настоящее время можно с уверенностью говорить о квартете реальных мотивов убийства Сталина. Поразительно, но факт, что три из них связаны с самыми потаенными антисоветскими и русофобскими замыслами Запада. Соответственно вывод напрашивается только один: произошла объективная консолидация интересов партократии (в том числе и как неотъемлемого компонента военно-партийного комплекса) с глобальными интересами Запада[1]. Причем не исключено, что эта консолидация интересов была предварительно обсуждена. Посудите сами.

1 марта **1950** года в советских газетах было опубликовано постановление Правительства СССР следующего содержания: «В западных странах произошло и продолжается обесценение валют, что уже привело к девальвации европейских валют. Что касается США, то не прекращающееся повышение цен на предметы массового потребления и продолжающаяся на этой основе инфляция, о чем неоднократно заявляли ответственные представители правительства США, привели также к существенному понижению покупательской способности доллара.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами покупательская способность рубля стала выше его официального курса.

[1] Точно такая же консолидация произошла и накануне развала СССР, точнее, она начала уже реально складываться с момента прихода к власти нобелевского комбайнера, более известного под кличкой «Михаил-меченый».

Ввиду этого Советское правительство признало необходимым повысить официальный курс рубля, а исчисление курса рубля вести не на базе доллара, как это было установлено в июле 1937 года, а на более устойчивой золотой основе, в соответствии с золотым содержанием рубля.

Исходя из этого, Совет Министров СССР постановил:

1. Прекратить с 1 марта 1950 года определение курса рубля по отношению к иностранным валютам на базе доллара и перевести на более устойчивую золотую основу, в соответствии с золотым содержанием рубля.

2. Установить золотое содержание рубля в 0,222168 грамма чистого золота.

3. Установить с 1 марта 1950 года покупную цену Госбанка на золото в 4 рубля 45 копеек за 1 грамм чистого золота.

4. Определить с 1 марта 1950 года курс в отношении иностранных валют, исходя из золотого содержания рубля, установленного в пункте 2:

4 руб. за один американский доллар вместо существующего 5 р. 30 коп.

11 руб. 20 коп. за один фунт стерлингов вместо существующего 14 р. 84 коп.

Поручить Госбанку СССР соответственно изменить курс рубля в отношении к другим иностранным валютам.

В случае дальнейших изменений золотого содержания иностранных валют или изменений их курсов, Госбанку СССР устанавливать курс рубля в отношении к иностранным валютам с учетом этих изменений».

«Вдумайтесь, на что посягнул Сталин, — подчеркивает Ю.И. Мухин, — на святая святых США, на их

базу паразитирования, на доллар! Ведь благодаря тому, что в международной торговле универсальной валютой является (в то время стал. — *А.М.)* доллар, США имеют возможность всучивать миру крашеную бумагу с портретами своих президентов вместо реальных ценностей. А Сталин не то что отказался использовать доллар во все расширяющейся международной торговле СССР, он даже оценивать товары в долларах прекратил. Можно ли сомневаться, что для США (да и Великобритании тоже. — А. *М.)* он стал самым ненавистным человеком?» Сталин попросту подорвал установленную после войну систему золотого стандарта доллара, опиравшегося на схему 34,5 доллара за одну тройскую унцию золота (31,103477 г), под которую янки сумасшедшим образом производили бешеную эмиссию зеленых фантиков.

Более образно суть дела передает малоизвестный эпизод последних лет правления президента Франции де Голля. В 1964 году французский министр финансов рассказал президенту Франции генералу де Голлю историю о том, как сложилась довоенная, а затем и послевоенная международная финансовая система. Он привел такой пример: «Представьте, на аукционе продается картина Рафаэля и идет битва за нее между немцем Фридрихом, арабом Абдуллой, русским Иваном и янки Джоном. Каждый из них предлагает за картину свои товары: араб — нефть, немец — технику, Иван — золото, а янки Джон с веселой улыбкой предложил двойную цену, вынул кошелек с пачкой новеньких стодолларовых банкнот, отсчитал, забрал картину и ушел».

«Где же трюк?» — спросил де Голль.

«Трюк в том, — ответствовал его министр финансов, — что янки выложил сто стодолларовок, а фак-

тически заплатил 3 доллара, потому что стоимость бумаги на одну банкноту в 100 долларов — 3 цента...» То есть все богатство мира, все его золота текло в обмен на зеленые бумажки! Ранее, до войны, такую же роль играл английский фунт стерлингов.

Де Голль рассвирепел, собрал по всей Франции 750 млн бумажных долларов и в 1967 году во время официального визита в США с диким скандалом, но обменял бумажки на золото, благо тогда в США сохранялся золотой стандарт. В Париж де Голль вернулся, имея на борту своего самолета почти 66,5 тонны золота (в 1967 г. средняя цена одной тройской унции золота составляла 35,23 доллара). После этого он прожил всего два года, причем на следующий год, в мае 1968 года, ему устроили, как теперь говорят, знаменитые студенческие волнения, в результате которых он вынужден был уйти в отставку. А уже в 1969 году Франция со слезами на глазах прощалась с великим французом XX века. Сталин же после фактически такого же действия — разве что доллары прямолинейно не обменивал на золото — прожил ровно три года.

Так вот, чем это не мотив для убийства — постановление Совета Министров СССР от 1 марта 1950 года?! Когда речь идет о золоте, Запад не останавливается ни перед каким преступлением. Кстати говоря, обратите внимание на то, что во всех исследованиях о смерти Сталина четко указывается, что беда с Иосифом Виссарионовичем произошла в ночь на 1 марта. Между тем, с давних пор, еще со времен смерти Ивана Грозного, наблюдается англосаксонская "традиция" именно в это же время оказываться причастными — прямо или косвенно — к смертям великих государей России — в самом начале марта...

К вопросу о вводе золотого стандарта рубля и исчисления валютного курса рубля именно на этой основе вплотную примыкает одна, фактически детективная история. Дело в том, что по данным ныне, к глубокому сожалению, покойного профессора В.Г. Сироткина, после войны «Сталин отказался искать "царское золото" вместе с союзниками по антигитлеровской коалиций, не послал в июле 1944 года в США своих представителей на Международную финансовую конференцию в Бреттон-Вудс, где были созданы **МВФ** и Всемирный банк (а в их уставной капитал перешло все "бесхозное золото" — нацистское, "еврейское", царское и т.д.), и доллар после этого стал самой обеспеченной послевоенной международной платежной валютной единицей.

...Сталин начал поиски "царского золота", включая и золота семьи последнего царя, самостоятельно. Для этого был разработан план **"Крест"** (к слову сказать, аналогичная операция проводилась еще до войны. — А. М.)... Американцев не устраивала такая акция. Поэтому в 1946 г. вторично появляется "лже-Анастасия" — все та же Андерсон. В ответ Сталин поручает в том же 1946 г. соорудить под Екатеринбургом **"Могилу"** расстрелянной царской семьи, закрывая вопрос об Анастасии. Кстати, операция **"Могила"** была настолько серьезной, что курировал ее сооружение [(уж какие кости в нее закопали — Бог ведает) — примечание профессора В.Г. Сироткина.] лично В.М. Молотов. После смерти Сталина операцию **"Крест"** почему-то прекратили. Материалы ее до сих пор за семью печатями хранятся в архиве ФСБ».

Так вот, все дело в том, что США, а также Великобритания своровали у России гигантское количество золота. При царе под надуманным и навязанным

лично Витте предлогом в США уплыло примерно 23 доверху груженных золотом парохода. Как минимум тысяча тонн. Не меньшее количество золота переправил в США и В.И. Ленин (по данному вопросу подробнее см. мою книгу «Кто привел войну в СССР?», М., 2007, а также четвертую книгу пятитомника). Личное же золото и драгоценности последнего русского царя, которые он по неосторожности переправил в Англию, нагло присвоила британская королевская семья и до сих пор не отдает их. Хуже того. Великобритания и Франция присвоили себе также и то залоговое золото, которое царское правительство держало в западных банках накануне еще Первой мировой войны. Одним росчерком пера 1 августа 1914 года был введен банковский мораторий на операции с русским золотом. Ну а после двух «революций» в России и вовсе невозможным стало требовать золото обратно. Особой краже подверглось золото, которое находилось в германских банках, в том числе и то, которое по второму Брест-Литовскому договору вывез Ленин. Всего украденное указанным выше образом золото составляет более **610** тонн. **Так что яростное нежелание отдавать сворованное золото, тем более в таких количествах, — более чем серьезный мотив для убийства Сталина. Особенно когда стало известно о том, что он начал проводить операции «Крест» и «Могила».**

А чем не мотив для убийства Сталина, который обнаружил один из исследователей сталинской эпохи Алексей Чичкин, опубликовавший свое открытие в труде «Забытая идея без срока давности». По его данным, в апреле 1952 года в Москве состоялось международное экономическое совещание, на котором СССР, страны Восточной Европы и Китай предложи-

ли создать зону торговли, альтернативную долларовой. Причем громадный интерес к этому плану проявили также: Иран, Эфиопия, Аргентина, Мексика, Уругвай, Австрия, Швеция Финляндия, Ирландия, Исландия. **На совещании Сталин предложил создать свой «общий рынок». Более того. На совещании была озвучена также и идея введения межгосударственной расчетной валюты. Учитывая же, что инициатором замысла создания альтернативного долларовой зоне торговли фактически трансконтинентального «общего рынка» был Советский Союз, то и межгосударственной расчетной валютой в таком «общем рынке» все шансы имел стать именно советский рубль, определение курса которого за два года до этого было переведено на золотую основу.**

Чтобы современному читателю было понятней, позволю себе напомнить, как США реагируют всего лишь на гипотетическую мысль о возможности создания газового аналога ОПЕК во главе с Россией. При одной только тени намека на эту идею янки уже психуют и недвусмысленно грозят весьма суровыми санкциями, не стесняясь намекать даже и на применение силы. Можете себе представить, как психанули янки (и вообще англосаксонское ядро Запада), когда известие об этом совещании и тех идеях, которые на нем прозвучали, докатилось до Вашингтона?! Ведь тогда ситуация была во многом более благоприятная для Советского Союза, чем ныне для современной России. Одно только имя Сталина тогда враз остужало самые горячие на Западе головы — с генералиссимусом шутки и фокусы не проходили. Более того, могли закончиться очень даже плачевно для тех, кто посмел бы «пошутить» с Советским Союзом во главе со Сталиным!

Так вот, посмотрите на простую хронологию событий. В апреле 1952 года было проведено международное экономическое совещание, озвученные идеи на котором вызвали такой широкий отклик фактически на всех континентах мира. Не прошло и года, как Сталин был убит...

Наконец, четвертый мотив. Никто в мире не ожидал, что после такой крайне разрушительной войны Советский Союз восстановит свою экономику в кратчайшие сроки. Фактически к началу 1948 года восстановительный этап был завершен, что, кстати говоря, позволило не только осуществить денежную реформу, но и одновременно с ней произвести отмену карточной системы.

Для сравнения: Великобритания, которая пострадала в войне несоизмеримо меньше, еще в начале 1950-х гг. не могла себе позволить отказаться от карточной системы распределения продуктов питания.

Вообще, надо отметить, что первая же послевоенная пятилетка, несмотря на все трудности этого периода, побила буквально все рекорды. Если в первой советской пятилетке новое предприятие входило в строй каждые двадцать девять часов, во второй — каждые десять часов, а в третьей, не завершенной из-за начала войны, — каждые семь часов, то в послевоенной — каждые шесть часов!

Бурные темпы роста советской экономики не остались незамеченными на Западе. Уже в начале 1950-х гг. Запад стал психовать по этому поводу. И если англичане, например, в основном ограничивались тревожной констатацией факта — «Россия переживает чрезвычайно бурный экономический рост», то янки с присущей им прямолинейностью делали вывод: «Со-

ветский экономический вызов реален и опасен». В том же 1953 году американский журнал «Нейшнл бизнес» в статье **«Русские догоняют нас...»** отмечал, что **по темпам роста экономической мощи СССР опережает любую страну. Более того, что темп роста в СССР в 2—3 раза выше, чем в США. А кандидат в президенты США Стивенсон во всеуслышание заявил, что если темпы роста производства в сталинской России сохранятся, то к 1970 году объем русского производства в 3—4 раза превзойдет американский. И если это произойдет, то последствия для западных стран, прежде всего для США, будут плачевными.**

И в этой связи хотелось бы напомнить об одной из главнейших причин привода Гитлера к власти и развязывания Второй мировой войны. Дело в том, что привод Гитлера к власти был обусловлен не только, а, возможно, даже и не столько геополитическими, политическими и идеологическими причинами, сколько имевшими колоссальнейшее значение причинами экономическими. До 1932 г. включительно в мире было четыре крупных промышленных района: Пенсильвания в США, Бирмингем в Великобритании, Рур в Германии и Донецкий (тогда находился в составе РСФСР) в Советском Союзе. В конце первой пятилетки к ним добавились Днепровский (на Украине) и Урало-Кузнецкий (в РСФСР). Теперь в мире стало не просто шесть промышленных районов. Просто шесть Запад как-нибудь да перенес. Ему стало невыносимо по иной причине. До 1932 г. три четверти промышленных районов мирового значения дислоцировались на Западе. С конца 1932 г. ровно половина индустриальных районов мирового уровня уже находилась на территории СССР!

Подлинные властелины Запада превосходно владели (и владеют) базисными принципами экономики.

Потому прекрасно поняли, что столь быстро достигнутые количественные показатели быстро трансформируются в такое фантастическое качество, что Западу придется сдаваться на милость созидающего социализма. **Вот почему Запад и свернул им же устроенный мировой кризис, прозванный Великой депрессией. Дальнейшее его затягивание было уже опасно для самого Запада. И одновременно Гитлера привели к власти на рубеже завершения первой — начала второй пятилетки. Именно Гитлер как фактор войны должен был прервать поступательное развитие ненавистной Западу России, называвшейся тогда Советским Союзом. По тем временам Запад ничего более умного выдумать не мог.**

После войны вообще сложилась крайне встревожившая Запад ситуация. Образовалась система стран народной демократии, куда вошел и мировой демографический гигант Китай. То есть в руках выбравших социалистические ориентиры развития стран оказались сосредоточены гигантские ресурсы, которые при содействии Советского Союза могли быть вовлечены в хозяйственный оборот, что в свою очередь привело бы едва ли не к полному падению экономического, а, следовательно, и политического значения Запада. Естественно, что на Западе задумались о том, как ликвидировать такую угрозу своему бытию. Проще говоря, агрессивная сущность Запада в очередной раз взяла верх. Однако после войны силовой вариант решения проблемы уже был непригоден. Советский Союз убедительно продемонстрировал все свои преимущества и одержал невиданную в истории Победу. Более того, уже на мирном фронте СССР показал вообще невероятные темпы развития, в результате чего довоенный уровень был достигнут всего за два-три года. Соответ-

ственно вновь прибегнуть к войне, чтобы прервать развитие СССР, уже было невозможно. Тем более что, в отличие от предвоенной ситуации, у СССР теперь имелись союзники как на Западе, так и на Востоке.

Конечно, запад, особенно США, наплодили тьму-тьмущую всевозможных планов нападения на СССР после войны. Но вот реализовать их попросту не смогли. Вначале потому, что никто в мире и не понял бы Запад, если он посмел бы поднять руку на главного победителя во Второй мировой войне. Это сейчас кое-кто делает вид, что Америка да Англия внесли решающий вклад в разгром нацизма. А тогда люди всего мира прекрасно знали, что если бы не Красная Армия и не Сталин, то быть бы всем в коричневом рабстве, в том числе англосаксам, которых, в частности англичан, гитлеровцы даже планировали выселить с Британских островов. А чуть позже Запад не мог сделать этого уже по той простой причине, что СССР овладел секретами атомного оружия и разговаривать с ним на языке силы было бы просто бесполезно, что наглядно показала война на Корейском полуострове. Со Сталиным такие номера не проходили. Генералиссимус запросто мог так ответить, что Запад перевернулся бы вверх тормашками.

И вот тут-то я бы вернулся к некоторым словам К. Аллилуевой-Политковской. Помните, как с экрана она несла вещала о том, что-де Берия с испугу мог наделать такого, что... Так вот, Берия, конечно же, тут ни при чем. Тут надо искать руку Запада. Потому как при ясном осознании того факта, что языком Марса (бога войны) со Сталиным лучше не разговаривать, тем более после 1949 года, когда СССР стал атомной державой, Запад, по-настоящему испугался перспектив реального в скором времени экономического и поли-

тического доминирования СССР (тем более во главе целой системы стран народной демократии). Ведь темпы роста в 2—3 раза превышали американские. **В сочетании же с мотивами, которые были указаны выше, именно это и послужило основанием для принятия решения об устранении Сталина самым подлым, самым коварным, но столь характерным для Запада образом: убийством!**

Остается лишь только догадываться, каким образом Западу удалось не столько войти в контакт с Хрущевым и К°, сколько достичь взаимопонимания и тем более договориться с ними. Впрочем, и тут особой сложности не возникнет, если внимательно и тщательно все проанализировать, но это, к сожалению, выходит далеко за рамки настоящей работы. Это предмет для отдельного исследования.

Так что если говорить серьезно, то у уважаемого Ю.Н. Жукова отсутствуют веские основания заявлять о том, что не было ни смысла, ни повода убивать Сталина.

Что же до факта отравления, то позвольте ознакомить вас с интересными материалами современного историка Николая Добрюхи. «Естественно», как и полагается «демократически мыслящему историку», отравление он приписал Л.П. Берии. Ну не могут «демократические историки» взять в толк простую истину — что Берия не командовал охраной Сталина в последние месяцы жизни вождя. Ею командовал лично министр госбезопасности С.Д. Игнатьев. Не могут они взять в толк и другое — что токсикологическая лаборатория Лубянки в тот период подчинялась первому заместителю министра госбезопасности Огольцову, которого, между прочим, Лаврентий Павлович едва ли не сходу арестовал, как только возвратился на

Лубянку. А едва только Хрущев организовал убийство Берии, так Огольцова по распоряжению «дорогого Никиты Сергеевича» немедленно освободили...

Так вот, если не обращать внимания на эти, более чем характерные для «демократических историков», закидоны — просто это за пределами «демократического мышления» (ударение по Горбачеву), — а вникнуть в суть найденных им материалов, то увидим, **что отравление действительно имело место.** Итак, приводим отрывки из статьи Н. Добрюхи **«Как убивали Сталина. Часть II»,** опубликованной в № 52 «АиФ» за 2005 год.

Страшные анализы

Обнаруженные мною (то есть Н. Добрюхой. — А. *М.)* документы свидетельствуют о бесспорном наличии яда в организме Сталина. Вместе с тем точный его состав и происхождение эти документы не отражают. Видимо, в те жуткие дни и ночи, когда делались анализы крови страшно умиравшего Хозяина Кремля, разрешения, а тем более указания на это медики не получали.

Итак, первые результаты анализов крови и мочи, потрясшие врачей, поступили в их распоряжение примерно к началу суток 5 марта 1953 года. То есть тогда, когда предпринимать что-то было уже поздно, поскольку ядовитые вещества, попавшие в организм, привели к необратимым нарушениям в сердце и всей системе кровообращения Сталина. Включая и головной мозг. [Кстати говоря, головной мозг был мгновенно изъят из черепа усопшего Сталина, едва только врачи официально подтвердили, что Иосиф Виссарионович мертв. Однако никто никогда не проводил никаких

исследований его мозга, тем более биохимических. — *А. М.].* Но сначала о самих анализах.

Анализ крови от 5.03.1953 г. дал ошеломляющие результаты. Красные кровяные клетки (эритроциты) были в норме, а вот белые кровяные клетки (лейкоциты) оказались повышенными до 21 000 (норма 5000—8000). А ведь именно эти клетки поглощают бактерии, вредные для организма человека, и чужеродные вещества.

Была изменена и лейкоцитарная формула: «Лимфоциты — 4,5% *[При норме 22—30%. Такое резкое уменьшение означает серьезную борьбу организма за сохранение своей жизнеспособности и одновременно — опасное снижение защитных функций. Также это может говорить о том, что они зафиксировали в организме токсины, то есть отравляющие вещества природного происхождения, и начали активно превращаться в моноциты и макрофаги, способные поглощать и переваривать токсины. Что и нашло отражение в следующих ниже показателях крови. Примечание Н. Добрюхи.]*

Моноциты — 10,5% ***[При*** *норме 4—8%. Это дополнительное подтверждение наличия в организме токсинов. Примечание Н. Добрюхи.]*

Нейтрофилы — 85% *[При норме 55—68%. Этот показатель на бланке жирно подчеркнут синим карандашом. Рост числа нейтрофилов, пожалуй, — главный свидетель наличия токсических ядов в организме. Примечание Н. Добрюхи.]*

Палочко-ядерные нейтрофилы — 18%. ***[При норме*** *2—5%. Этот показатель тоже жирно подчеркнут синим карандашом. Примечание Н. Добрюхи.]*

Особые замечания. В части нейтрофилов имеет токсическая зернистость».

Лечебно-Санитарное Управление Кремля

Центральная Клинико-Диагностическая лаборатория

Исследование крови №

Гемоглобин по Сали 13

Эритроциты

Цветной показатель

Лейкоциты 21 000

Кровяные пластинки (тромбоциты)

Ретикулоциты

Микроскопическое исследование окрашен. препаратов

ЭРИТРОЦИТЫ

Анизоцитоз

Пойкилоцитоз

Гипохромия

Полихроматофилия

Базофильная зернистость

Нормобласты и др. формы

Лейкоцитарная формула

25–30%

4–8%

0–1%

0–1%

1–4%

55–68%

Фотокопии результатов анализов взяты из газеты «Вечерняя Москва». 9—15 марта 2006 г. № 39

Наверное, эти «особые замечания» и повергли врачей в шок, они-то знали (в отличие от простых смертных), что клетки крови, в которых была обнаружена «токсическая зернистость», защищают организм человека от бактерий и токсических веществ. Здесь необходим дополнительный комментарий специалистов, которым я (то есть Н. Добрюха. — *А. М.)* показал анализы, скрыв, кому они принадлежат. Вот что они ответили: **«Почему анализы крови не сразу, а только на 3-й день показали наличие токсинов?»** И дали следующее **разъяснение:** ***«Чтобы лейкоциты отреагировали на чужеродные токсины и произошло накопление антитоксичных клеток, лимфоцитам нужно время для распознавания по принципу "свой — чужой ". Когда врачи обнаружили эту токсичность, было уже поздно, так как произошли необратимые разрушения в сердце и головном мозге...»***

— **Когда же и что нужно было делать, чтобы попытаться спасти больного?** — не унимался я (то есть Н. Добрюха.— *А.* М.). И мне (то есть Н.Добрюхе. — *А.* М.) **ответили:** ***«Во всех случаях должно производиться промывание желудка. Полезность и сила этого метода в относительной быстроте и полноте выведения яда из желудка (если отравление произошло через рот), а также в опасности мозгового инсульта у пожилых людей благодаря отсутствию подъема кровяного давления, какое бывает из-за сильного натуживания при рвоте. Кстати, во многих случаях промывание желудка помогает и при других формах попадания яда в организм, а не только через рот. Почему? Долго объяснять... Но поверьте на слово, что это точно!..»***

Внимательно перечитывая журнал врачей, я (то есть Н. Добрюха. — *А. М.)* с удивлением обнаружил, что

все или почти все сказанное специалистами имело место и в случае со Сталиным. Итак, когда врачи, лечившие вождя, установили факт отравления, было уже поздно. [В этом месте Н. Добрюха делает свое примечание следующего содержания: «На что, скорее всего, и рассчитывал Берия!» В этой связи вынужден вновь обратить внимание читателей на то обстоятельство, что по состоянию на 1 марта, когда Сталин был отравлен, Л.П. Берия не имел отношения к органам госбезопасности и тем более к личной охране Сталина. Ею руководил непосредственно министр госбезопасности С.Д. Игнатьев, действия которого в ЦК курировал «дорогой» Никита Сергеевич Хрущев. — Л. М.]

После обнаружения «зернистой токсичности в лейкоцитах» врачи наверняка осознали, что отравление было совершено таким образом, чтобы сперва проявилось не само отравление, а его последствие — кровоизлияние в мозг и желудок. Медики знали: скажи они, что вождя отравили, а они все эти дни лечили инсульт и гипертонию, Берия арестует их тут же. [В данном случае Н. Добрюха опять выдает желаемое за действительное. В тот момент Л.П. Берия не имел права ареста, так как еще не возглавлял органы госбезопасности, но, как и любой член Политбюро, он имел права потребовать ареста. — А. М.]. **А уж под пытками они сами наговорят что угодно. Так организованное как раз в эти дни (не важно кем!) «дело врачей» сыграло зловещую роль в убийстве Сталина. [В** огороде бузина, да в Киеве дядька! Во-первых, занимающемуся проблемами истории сталинского периода историку не грех бы и знать, что «дело врачей» началось раньше, а не «как раз в те дни». Во-вторых, с какой это такой стати «не важно кем» оно было инспирировано?! Как раз наоборот, очень даже важно, принципиально важ-

но, особенно если еще и учесть, что оно было инспирировано почему-то в русле постановления (конца 1952 г.) сессии Совета НАТО о разжигании антисемитизма в странах Восточной Европы и СССР, а Сталин не имел отношения к инспирированию этого дела. Более того. Именно Сталин заподозрил серьезный подвох в этом деле и попытался организовать независимую экспертизу с помощью лиц, не являвшихся в то время сотрудниками МГБ, что и было показано выше. К тому же не следует забывать, что со 2 марта 1953 г. о «деле врачей» вся советская пресса дружно замолчала, а приказать ей могли только из **ЦК. — А. М.].**

Смерть Хрусталева

Все анализы производились без указания фамилии Сталина и выписывались на имя начальника его выездной охраны И.В. Хрусталева. Выходит, Хрусталев знал больше всех?! Существует чуть ли не официально принятая версия, якобы Хрусталев — последний человек, который видел вождя здоровым. В связи с этим вызывает вопросы внезапная смерть здоровяка Хрусталева вскоре после похорон Сталина, о чем рассказал мне (то есть Н. Добрюхе. — *А. М.)* несколько лет назад по секрету умерший 9 января 2005 года Ю.С. Соловьев (один из самых приближенных телохранителей Сталина). В дни похорон Сталина Хрусталев был арестован, но через несколько суток выпущен. Вряд ли бы Берия его выпустил, если хотел так быстро расправиться с ним. В связи с этим напрашивается версия о самоубийстве Хрусталева. Он мог свести счеты с жизнью, осознав, что стал невольным соучастником убийства человека, которому был так предан.

[Н. Добрюха пытался намекнуть, что-де Берия выпустил Хрусталева чуть ли не как соучастника преступ-

ления. Еще раз напоминаю, что Берия не командовал охраной Сталина. До того момента, как с Иосифом Виссарионовичем случилась беда, его охраной командовал лично Игнатьев — министр госбезопасности. Хрусталев же был арестован потому что, он, будучи начальником выездной охраны, отвечал за безопасность главы Советского правительства в тот период. И уж если с подопечным случилась беда, отвечает за это именно руководитель той группы охраны, которая в момент случившегося несчастья находилась при охраняемом лице. А вот выпустили его быстро именно потому, что Берия практически мгновенно установил, что Хрусталев ни в чем не виноват. Но зря выпустил. Потому что его тут же отправили на тот свет те, кто хотел скрыть все следы своего чудовищного преступления — Хрущев и его присные. Подержи Берия Хрусталева в тюрьме и выпусти он его чуть позже — может, и дожил бы он до пенсии. Потому намекать на самоубийство Хрусталева у Н. Добрюхи не было и не могло быть оснований. В охрану Сталина брали психически очень уравновешенных людей, которые ни при каких обстоятельствах не теряли головы. Но в одном Добрюха прав — Хрусталев явно осознал, что при условии выписывания направления на анализы на его имя и тем более после получения их результатов не мудрено, что каким-то образом он невольно стал соучастником убийства человека, которому был так предан, о чем и поведал Л.П. Берии. Потому и был выпущен на свободу очень быстро. Но тут до него и дотянулись Хрущев и К°, а заодно и еще до двух охранников. — *А.М.]*

Чтобы не ухудшить «условия бальзамирования», при вскрытии «не проверялись щитовидная железа, гипофиз, половые железы, полость рта, язык, минда-

лины, пищевод, гортань и трахея». [То есть не проверили ничего из того, что могло сразу же указать на отравление. — Л. **М.]**

Вскрытие Сталина было неполным... но сенсационным

Зато было сделано сенсационное открытие — «воспалительные очаги в легких», о которых писали врачи, отсутствовали. На воспаление легких, судя по всему, очень рассчитывали начальники от медицины, дабы объяснить им увеличение лейкоцитов и одновременно скрыть этим таинственную кровавую рвоту и «токсическую зернистость в лейкоцитах ». Ведь в медицинском заключении о болезни и смерти И.В. Сталина писалось: ***«С первого дня болезни повысилась температура и стал отмечаться высокий лейкоцитозу что могло указывать на развитие воспалительных очагов в*** *легких».* Сталина даже лечили пенициллином.

А вот состояние желудочно-кишечного тракта свидетельствовало об отравлении, слизистые оболочки желудка и кишечника будто посекли бесчисленной дробью. Вот как это описано в «Акте патолого-анатомического исследования»: ***«Содержимое желудка представляет собой черного цвета жидкость в количестве 200 куб. см. На слизистой желудка обнаружены множественные мелкие черно-красные точки, легко снимающиеся ножом. По удалении их на слизистой желудка обнаруживаются мелкоточечные углубления. Слизистая желудка сглажена. Такого же характера изменения обнаружены на слизистой двенадцатиперстной кишки. На вершине складок верхнего отдела тощей кишки в слизистой оболочке обнаружены мелкоточечные крово-***

излияния. Такие же кровоизлияния кое-где встречаются и на протяжении всего тонкого кишечника. В просвете тонкого отдела тонкого кишечника обнаружена густая темно-зеленого цвета масса, приобретающая на остальном протяжении кишечника черную окраску. Слизистая тонкого кишечника — местами интенсивно окрашивается этой полужидкой массой в черный цвет...»

Муки профессора Лукомского

Обращает внимание то, что патологоанатомы оценок увиденному в желудке не дают. Они употребляют общие слова, но вместе с тем достаточно добросовестно описывают все, что увидели. Создается впечатление, что они предполагали, что когда-нибудь к их акту обязательно вернутся и сделают на его основании выводы об истинных причинах смерти Сталина... [Похоже, что впечатление это очень даже близко к истине. Потому что один из врачей, участвовавших во вскрытии тела Сталина — профессор Русаков, «внезапно» умер. Министра же здравоохранения СССР А.Ф. Третьякова, в силу своего статуса возглавлявшего как комиссию по лечению вождя, так и комиссию по вскрытию тела Сталина, вскоре — 01.03.54 г. (то есть уже при Хрущеве) — снимают с должности, арестовывают и еще с двумя членами последней комиссии, также врачами, отправляют в Воркуту, «командовать» лагерной больницей... Очевидно, чтобы у них память как следует, точнее, как того желает Н.С. Хрущев, «проветрилась». Кстати говоря, вместе с Третьяковым на «проветривание памяти» в Воркуту отбыл и бывший начальник Лечебно-санитарного управления Кремля И.И. Куперин, должность которого упразднили, а его

самого арестовали и сослали. Вот так заметал следы своего чудовищного преступления «дорогой Никита Сергеевич». — Л. М.]

И все-таки даже в те мутные времена среди медиков нашелся человек, которому эта явно «преднамеренная смерть» не давала покоя. И именно ему, профессору Лукомскому, задним числом было поручено оформить «Историю болезни И.В. Сталина, составленную на основании журнальных записей течения болезни со 2 по 5 марта 1953 года». Вот наиболее показательные выдержки из его работы, свидетельствующие о попытке указать истинные причины смерти вождя (к сожалению, остальные члены консилиума лечащих врачей эту попытку не поддержали): **«В течение 2 марта перед каждым мочеиспусканием больной проявлял некоторые признаки беспокойства, которые позволяли вовремя подавать ему "утку"».** [Значит, сознание еще работало! — Примечание **Н.** Добрюхи.]

...Во всех 4-х порциях мочи содержался белок в количестве 2,7 промилле. В осадке имелись эритроциты» (то есть кровь. — примечание **Н.** Добрюхи).

5 марта

В 12 часов дня... консилиум обсудил вопрос о причинах кровавой рвоты и пришел к выводу, что она явилась результатом сосудистых трофических поражений слизистой оболочки желудка, связанных с основным заболеванием».

Чем была поражена слизистая, врачи, конечно, писать не стали. Зато витиевато сослались на связь «с основным заболеванием», которым при таком диагнозе могло быть что угодно, в том числе и не имевшая места гипертония. Врачам ничего не оставалось, как сделать этот неубедительный даже для дежурившего Булганина вывод. А что еще оставалось консилиуму,

если он был вынужден сделать вид, что в лейкоцитах крови «токсическая зернистость» не обнаружена...

Повышение температуры до 39° и лейкоцитов до 21 тысячи консилиум объяснил возникновением очаговой пневмонии, которая нередко имеет место у больных с гемиплегией (то есть параличом частей тела). А на вскрытии про это «забыли», словно упоминаний о воспалении легких не было.

5 марта 1953 года у больного повторно наблюдались явления острой сердечно-сосудистой недостаточности (коллапс), которые, по словам Лукомского, «в значительной степени зависели от желудочного кровотечения». **Одним словом, все началось с желудка. С яда в желудке. С «токсической зернистости в лейкоцитах».**

А профессор Лукомский еще не раз переделывал «Историю болезни И.В. Сталина, составленную на основании журнальных записей течения болезни со 2 по 5 марта 1953 года». И после него ее еще не раз переделывали...

После всего

Все вышесказанное я (то есть Н. Добрюха. — А. М.) попросил прокомментировать одного из крупнейших специалистов в области ядов. На условиях анонимности он заметил, **что не исключает в данной истории применения лекарства дикумарин. Дикумарин мог быть изготовлен специально с передозировкой, чтобы его прием вызвал инсульт...**

Справка о дикумарине.

Дикумарин был первым и основным представителем антикоагулянтов — лекарств, снижающих свер-

тываемость крови. Однако в связи с высокой токсичностью изъят из употребления. Эффект воздействия дикумарина проявляется медленно, но продолжительно — начинается через 2—3 часа и достигает максимума через 12—30 часов. [Что, заметим, соответствует времени углубления потери сознания у Сталина в течение первых суток... — примечание Н. Добрюхи.]. **Повышает проницаемость сосудов, что чревато кровотечениями. Могут наблюдаться выделения крови с мочой, кровотечения из полости рта и носоглотки, желудочные и кишечные кровотечения, кровоизлияния в мышцы и т.д. Особенно опасен для пожилых людей...**

И веще несколько фактов.

1. В № 5 за 1998 год журнала «Здоровье» было опубликовано интервью с выдающим российским хирургом Галиной Дмитриевной Чесноковой, которая в 1953 г. работала во Второй Градской больнице. Вечером 2 марта 1953 г. чекисты вызвали ее прямо из операционной, посадили в машину и отвезли на дачу Сталина. А там она вместе со своим однокурсником, известным советским реаниматологом Владимиром Неговским принимала участие в попытках реанимировать Сталина. Любопытно, что она указывает на вердикт консилиума врачей по состоянию на вечер 2 марта 1953года: гипертоническая болезнь, общий атеросклероз с преимущественным поражением сосудов головного мозга. Более того. Она прямо указала в своем интервью, что, посовещавшись с Неговским, они пришли к выводу, что делать искусственное дыхание нельзя, так как поражен головной мозг! Поэтому они избрали путь массажа сердца, что, к глубокому сожалению, также не дало никакого результата.

И в заключение своего интервью она сообщила уникальную «бомбу». Когда все окончательно удостоверились, что Сталин действительно мертв, дочь Сталина — Светлана — попросила Чеснокову прикрыть глаза отца, так как они были открыты. Говоря о том, как она лично закрывала глаза вождя, Чеснокова подчеркнула, что когда опускала веки Сталина, они не слушались движений ее рук. И поскольку у нее не было с собой медных пятаков, то ей пришлось (внимание!) очень долго держать руки на веках Сталина.

На основании консультаций с несколькими опытнейшими врачами и патологоанатомами, у каждого из которых за плечами не менее полувека медицинской и судебно-медицинской практики, считаю необходимым сообщить, что подобное, как правило, имеет место именно в случае отравления. Мышцы твердеют именно в том положении, в каком их застигло отравление. И потому не поддаются, во всяком случае сразу, внешнему воздействию. Потому ей и пришлось очень долго держать руки на веках Сталина, чтобы закрыть глаза вождя!

2. Авторитетный знаток сталинского периода истории Советского Союза, видный современный исследователь Ю.В. Емельянов в своей новой и очень интересной книге «Сталин перед судом пигмеев» (М., 2007) приводит потрясающий факт. В одном из ставших ему известным рассказов о подозрительных обстоятельствах смерти Сталина (Ю.В.Емельянов объяснил автору от кого он слышал этот рассказ, подчеркнув, что рассказавшее ему об этом лицо никогда не давало ни малейшего повода заподозрить его в распространении ложных слухов) утверждалось, что к умиравшему Сталину (то есть еще на сталинской даче) подо-

шел президент Чехословакии Клемент Готвальд. Увидев следы крови на губах Сталина, Готвальд вытер их своим носовым платком. 14 марта 1953 года Готвальд скоропостижно скончался в Праге от... воспаления легких, которое и в то время прекрасно лечили. Однако подлинной причиной его смерти мог быть только его носовой платок со следами крови Сталина. Подлинные убийцы Сталина не могли допустить того, чтобы Готвальд провел бы у себя тщательный анализ крови Сталина. Ведь тогда совершенно неконтролируемым ими образом вылезла бы история с отравлением. Потому как Сталина убили именно ядом — выше об этом уже говорилось. И именно анализы крови четко это показали. Помните «токсическую зернистость»?! То-то и оно, что...

А уж как добрались до самого Готвальда, гадать особенно не приходится — советской агентуры в его окружении было предостаточно...[1]

Вот так и был убит — отравлен — выдающий государственный и политический деятель мирового масштаба, создатель величайшей державы мира — Иосиф Виссарионович Сталин!

[1] Правда, многие по-прежнему грешат на Берию, мол, он отдал такой приказ об устранении Готвальда. Едва ли. Берии-то как раз было бы на руку, если экспертизу провели бы и независимые эксперты в Чехословакии.

Послесловие

Ключи от будущего лежат в прошлом.
Историческая заповедь

Итак, длинный путь анализа 200 мифов завершен. Конечно, далеко не все мифы попали в орбиту нашего внимания. Еще в предисловии к первому тому говорилось о том, что это невозможно даже по техническим причинам, ибо никаких объемов не хватит. Анализ некоторых из представленных в пятитомнике мифов также не является полным. И это также должно быть понято правильно — анализ ряда мифов вообще требует докторских диссертаций. Не говоря уже о том, что десятки коллег по перу занимаются объективными исследованиями различных аспектов жизни и деятельности Иосифа Виссарионовича Сталина. И составлять им конкуренцию не входило в планы автора.

Свою главную задачу автор видел прежде всего в том, чтобы с помощью накопленных материалов показать, в чем суть лживой кривды о Сталине, и где подлинная правда об этом великом человеке-созидателе. Насколько это получилось у автора — судить будут, естественно, читатели.

Убежден, что многих интересует вопрос, а зачем вообще автор пошел на такой шаг, какую цель преследовал? Помните, еще в самом начале первого тома ци-

тировались слова Сталина: **«Я знаю, что, когда меня не станет, на мою голову выльют не один ушат грязи, на мою могилу нанесут кучу мусора. Но я уверен, что ветер истории все это развеет!»**

Как в воду глядел. Более полувека назад по-варварски оскорбили память о нем — о великом человеке. А еще через некоторое время так и вовсе осквернили его последнее пристанище. Как язычники потревожили его прах! Созданную же им величайшую державу мира пустили под откос, где она и покоится с 25 декабря 1991 г.

Тоскуя же теперь о былом величии и втуне надеясь, что оно все-таки вернется, не пора ли начать с малого: сполна вернуть дань уважения и памяти великому человеку? То есть убрать весь тот «мусор», которым за полвека захламили его могилу, очистить память об этом великом человеке от грязной клеветы и подлой лжи!

Да, возможно, и не ангел он был, но и времена были — не Божья благодать! Однако сама история свидетель, **что в делах Сталина особенна была державна стать! И** как же нам в нее не верить, коли и по сей день Россия-матушка все еще жива его тогдашними трудами?

Великий русский ученый и патриот России, академик Павлов особо подчеркивал, что **«когда мы любим, гордимся Отечеством — это значит, что мы гордимся его великими людьми, то есть теми, которые сделали его сильным и уважаемым на исторической сцене».** А Сталин и был таким. И его судьба, в том числе и посмертная, неотделима от судьбы России. Потому что те великие люди нашей Отчизны, кто сделал ее сильной и уважаемой на исторической сцене, даже уходя в бессмертие, остаются с Россией, дабы грозным вели-

чием своих блистательных имен оберегать ее! А ведь Сталин и по сей день стоит на страже интересов России! Тысячекратно прав был великий француз XX в. — Шарль де Голль, как-то сказавший, что **«Сталин не ушел в прошлое — он растворился в будущем»!** И оттуда, из будущего, всеми силами своего великого таланта державника-созидателя он охраняет и оберегает Россию.

Абсолютно не претендуя даже на тень намека на «ветер истории», автор подготовил пятитомник **«200 мифов о Сталине»** лишь с одной целью. Насколько возможно помочь ветру Истории поскорее набрать такую силу, чтобы развеять наконец-таки пелену варварской несусветной лжи о великом человеке-созидателе, который всю свою жизнь боролся за счастье и безопасность народов России и погиб в этой борьбе как солдат!

А прав ли он был или нет — история уже рассудила. Прав! Да еще как прав! Ведь то, что Россия до сих пор жива и даже начала выкарабкиваться из грозящей Небытием пропасти — его заслуга! Потому как именно он создал столь беспрецедентный запас прочности для державы, что она выдержала даже варварство навязанной России «западной демократии».

И это высшее свидетельство его правоты!

БИБЛИОГРАФИЯ К ПРОЕКТУ «200 МИФОВ О СТАЛИНЕ»

Абрамов А. У кремлевской стены. М., 1983.

Абрамов В. Лубянка. СМЕРШ. Советская военная контрразведка против разведки Третьего рейха. М., 2005.

Абрамов В. Лубянка. Контрразведка. Щит и меч против абвера и ЦРУ. М., 2006.

Абрамов В. Лубянка. Евреи в КГБ. Палачи и жертвы. М., 2005.

Абрамов Н. Дело Тухачевского: новая версия // Новое время. 1989. № 13.

Абрамян А. Кавказцы в абвере. М., 2006.

Авдаков Ю.К. Организационно-хозяйственная деятельность ВСНХ в первые годы Советской власти (1917—1921 гг.). М., 1971.

Авторханов А. Технология власти. М., 1991.

Агабеков Г. Секретный террор. М., 1996.

Агурский М. Идеология национал-большевизма. М., 2003.

Александров А.А. Битва ставок: Великое противостояние 1941—1945. М., 2003.

Александров Г. Враг будет разбит. М., 1942.

Алидин В. Государственная безопасность и время. М., 1997.

Аллилуев В. Хроника одной семьи. Аллилуевы — Сталин. М., 1995.

Аллилуева К. Племянница Сталина. М., 2006.

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990.

Андреев А., Бережков В. Оккультисты Лубянки. М., 2006.

Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920—1930-е. М., 2003.

Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930—1940-е. М., 2003.

Анин Б. Радиоэлектронный шпионаж. М., 2000.

Анин Б., Петрович А. Радиошпионаж. М., 1996.

Антонов В.С., Карпов В.Н. Тайные информаторы Кремля-2. М., 2003.

Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны (22 июня — середина июля 1941). М., 1998.

Анфилов В.А. Дорога к трагедии сорок первого года. М., 1997.

Анфилов В.А., Голиков Ф.И. Загадка 1941 года. О войне под разными ракурсами. М., 2005.

Арад И. Холокост. Катастрофа европейского еврейства (1933—1945). Иерусалим, 1990.

Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление. 1953—1985 гг. М., 1991.

Архивы раскрывают тайны. Международные вопросы: события и люди. М., 1991.

Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927 (в 4 томах), М., 1990.

Атаманенко И.Г. Секретные операции Лубянки. М., 1999.

Атаманенко И.Г. Шпионами не рождаются. М., 2000.

Атаманенко И.Г. Тайная жизнь Лубянки. М., 1999.

Ахметов М. Сталин. Разгадка сфинкса. М., 2006.

Ахтамзян А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920—1933 гг.// Новая и новейшая история 1990. № 5.

Бабич Д. Экономический архив КГБ. КГБ вчера, сегодня, завтра. М., 1994.

Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1977.

Баграмян И.Х. Так шли мы к Победе, М., 1977.

Баграмян И.Х. Великого народа сыновья. М., 1984.

Бадигин К.С. На морских дорогах. М., 1978.

Байбаков Н.К. От Сталина до Ельцина. М., 1998.

Баландин Р.К., Миронов С.С. Тайны смутных эпох. М., 2003.

Баландин Р.К. Маленков. Третий вождь Страны Советов. М., 2007.

Баландин Р.К., Миронов С.С. Заговоры и борьба за власть. От Ленина до Хрущева. М., 2003.

Баландин Р.К, Миронов С.С. «Клубок» вокруг Сталина. М., 2002.

Баландин Р.К., Миронов С.С. Дипломатические поединки Сталина. От Пилсудского до Мао Цзэдуна. М., 2004.

Баландин Р.К. Тайные общества русских революционеров. М., 2007.

Баландин Р.К. Маршал Шапошников. Военный советник вождя. М., 2005.

Барбюс А. Сталин. М., 1935.

Бармин А. Соколы Троцкого. М., 1997.

Барнетт К. Военная элита рейха. Смоленск, 1999.

Барский Л. Сталин. Портрет без ретуши. М., 2007.

Батюк В.И., Евстафьев Д.Г. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945—1950 гг. М., 1992.

Беглов СИ. Внешнеполитическая пропаганда. Очерки теории и практики. М., 1980.

Бегун В. Вторжение без оружия. М., 1979.

Бегунов Ю. Тайная история масонства. М., 2006.

Безыменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. М.: 2000.

Безыменский Л.А. Германские генералы с Гитлером и без него. М., 1964.

Безыменский Л.А. Особая папка «Барбаросса». М., 1972.

Безыменский Л.А. Разгаданные загадки Третьего рейха. М., 1981. Кн. 1.

Безыменский Л.А. Разгаданные загадки Третьего рейха. М., 1984. Кн. 2.

Безыменский Л.А. Разгаданные загадки Третьего рейха. М., 1984. Кн. 3.

Безыменский Л.А. Операция «Миф», или сколько раз хоронили Гитлера. М., 1995.

Безыменский Л.А. Третий фронт. Секретная дипломатия Второй мировой войны.

Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная Армия. 1918—1945 годы. М., 2007.

Белади Т., Краус Т. Сталин. Пер. с венг. М., 1989.

Беленкин Б.И. Авантюристы Великой Смуты. Россия, XX век: Революция, Гражданская война. 20-е годы. М., 2001.

Белов М.И. Полководческий феномен Жукова. М., 1998.

Беломоро-Балтийский канал имени Сталина. История строительства / Под редакцией М. Горького, Л.Л. Авербаха, С.Г. Фирина. М., 1934.

Беляков А.В. В полет сквозь годы. М., 1988.

Берберова Н. Железная женщина. М., 1991.

Бережков В. Рядом со Сталиным. М., 1998.

Бережков В. С дипломатической миссией в Берлин. 1940—1941. М., 1966.

Бережков В. Тегеран. 1943. На конференции Большой тройки и в кулуарах. М., 1968.

Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. М., 1984.

Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994.

Берти Л. За кулисами Антанты. М.-Л., 1927.

Бешанов В. Танковый погром 1941 г. М., 2000.

Бешлосс М., Тэлботт С. На самом высоком уровне. Закулисная история окончания «холодной войны». М., 1994.

Бивор Э. Ольга Чехова. Пер. с англ. М., 2005.

Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995.

Бобренев В.А., Рязанцев В.Б. Палачи и жертвы. М., 1993.

Бойцов В. Секретные лаборатории рейхсвера в России//Армия. 1991. № 2, 3.

Боков Ф.Е. Весна победы. М., 1980.

Болтунов М. Невидимое оружие ГРУ. М., 2002.

Большая военная энциклопедия. Электронное издание. М., 2004.

Большая советская энциклопедия. М., 1926—1947.

Большая советская энциклопедия. М., 1949—1958.

Большая советская энциклопедия. М., 1969—1978.

Большая советская энциклопедия. Электронное издание. М., 2003.

Большой энциклопедический словарь. СПб., 1998.

Бонт Ф. Дорога чести. Пер. с фр. М., 1949.

Борисов А. Особый отдел империи. История заграничной агентуры российских спецслужб. М., 2001.

Бояджи Э. История шпионажа В 2-х т. М., 2003.

Бракман Р. Секретная папка Иосифа Сталина. М., 2004.

Брачев В.С. Чекисты против оккультистов. Оккультно-мистическое подполье в СССР. М., 2004.

Брачев В.С. Масоны у власти. М., 2006.

Брачев В.С. Травля русских историков. М., 2006.

Брюханов Б.Б., Шошков Е.Н. Оправданию не подлежит. Ежов и ежовшина. 1936—1938. СПб., 1998.

Буденный СМ. Пройденный путь. М., 1989.

Буденный СМ. Солдаты слова. М., 1980.

Булганин Н.А. Сталин и советские Вооруженные силы. М., 1949.

Булок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание. В 2-х т. Смоленск, 1994.

Бурлацкая Л.А. Тайные общества, или Кто правит миром. М., 2003.

Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники. М., 1990.

Буровский А.М. Несостоявшаяся империя. М., 2001.

Буровский А.М. Россия. Курс неизвестной истории. Крах империи. М., 2004.

Бурцев Вл. В погоне за провокаторами. М., 1988.

Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988.

Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. Часть 1. М., 1920.

Бушин В.С. Победители и лжецы. М., 1995.

Бушин В.С Честь и бесчестие нации. М., 1999.

Бушин В.С. За Родину] За Сталина. М., 2004.

Бушин В.С. Измена: знаем всех поименно! М., 2006.

Бушин В.С. Гении и прохиндеи. М., 2003.

Бушков А. Россия, которой не было. М., 1997.

Бушков А. Красный Монарх. М., 2004.

Бушков А. Сталин: Ледяной трон. М., 2005.

Был ли Сталин агентом охранки?/Редактор-составитель Ю. Фелынтинский. М., 1999.

Быстролетов Д. Путешествие на край ночи. М., 1996.

В дни великого сражения: Сб. документов и материалов о Сталинградской битве. Сталинград, 1958.

Вадер А. В нерушимом союзе. Таллинн, 1967.

Ваксберг А. Из ада в рай и обратно. М., 2003.

Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М., 1991.

Валентинов Н.В. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М., 1991.

Валянский С, Калюжный Д. Русские горки. Возвращение в начало. М., 2004.

Валянский С, Калюжный Д. О Западе, который пыжился, пыжился, а Россия сама по себе. М., 2004.

Валянский С, Калюжный Д. Русские горки. Конец Российского государства. М., 2004.

Вандам (Едрихин) Е.А. Геополитика и геостратегия. М., 2002.

Варакин А.С. Розенкрейцеры — рыцари Розы и Креста. М., 2007.

Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1973.

Васильева Л. Кремлевские жены. М., 1992.

Веденеев В.В. Великие XX века. Тайны Сталина. М., 2005.

Велидов А.С. Похождения террориста. М., 1998.

Великая Отечественная война. 1941—1945: Военно-исторические очерки. М., 1999.

Великая Отечественная катастрофа. Трагедия 1941 года. Сборник статей. М., 2007.

Веревкин С. Вторая мировая война. Вырванные страницы. М., 2006.

Верт А. Россия в войне. 1941—1945. М., 1967.

Верховский Я., Тырмос В. Сталин: тайный «сценарий» начала войны. М., 2005.

Верхотуров Д. Сталин. Экономическая революция. М., 2006.

Ветераны внешней разведки России. М., 1995.

Викторов Б.А. Без грифа «секретно». М., 1990.

Виноградов А. Тайны битвы XX столетия. М., 1999.

Вишлёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. (В 2-х т.) М., 1944—1946.

Внешняя политика Советского Союза. 1946 год. М., 1952.

Внешняя политика Советского Союза. 1947 год (в 2-х частях). М., 1952.

Внешняя политика Советского Союза. 1949 год. М., 1953.

Внешняя торговля СССР за 20 лет. 1918—1937 гг. М., 1939.

Военно-исторический журнал. 1969—2007.

Военнопленные в СССР. 1939—1956. М., 2000.

Военный энциклопедический словарь. М., 1984.

Вознесенский Н.А. Избранные произведения. 1931—1947. М., 1979.

Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980.

Волков А., Славин С. Адмирал Канарис — «железный» адмирал. Смоленск, 1998.

Волкогонов Д. Троцкий. Политический портрет. М., 1992.

Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина (в 2-х книгах). М., 1990.

Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История на продажу. Тупики псевдоисторической мысли. М., 2005.

Вольф М. Игра на чужом поле. Тридцать лет во главе разведки. М., 1998.

Воробьев В.Ф. И.В. Сталин — организатор побед на фронтах Гражданской войны. М., 1949.

Воронов Н.Н. На службе военной. М., 1963.

Ворошилов К.Е. Сталин и Красная армия. М., 1939.

Ворошилов К.Е. Рассказы о жизни. М., 1971.

Восемнадцатый съезд ВКП(б). 10—21 марта 1939 года. Стенографический отчет. М., 1939.

Воскресенская З. Под псевдонимом Ирина. М., 1997.

Восленский М.С. Номенклатура. М., 1992.

Враги народа. К итогам процесса антисоветского троцкистского центра. М., 1937.

Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра. М., 1990.

Вторая мировая война: Краткая история. М., 1984.

Вторая мировая война. Два взгляда. М., 1995.

Вторая мировая война. Актуальные проблемы. Сборник статей. М., 1995.

Гаврилов В., Горбунов Е. Операция «Рамзай». Рихард Зорге. 1895—1944. М., 2004.

Гагин В.В. Воздушная война в Корее (1950—1953 гг.). Воронеж, 1997.

Гайдар А. Сочинения. Т. 1. М., 1955.

Галин В. Запретная политэкономия. Красное и Белое. М., 2006.

Галин В. Запретная политэкономия. Революция по-русски. М., 2006.

Галин В. Политэкономия войны. Заговор Европы. М., 2007.

Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1989.

Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1971. Т.3.

Гареев М.А. Маршал Жуков: Величие и уникальность полководческого искусства. М., 1996.

Гасанов Р.М. Шпионаж и бизнес. М., 1993.

Геббельс Й. Дневники 1945 г.: Последние записи. Смоленск, 1993.

Гелен Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942—1972. М., 1999.

Геленсен В.М. Вальтер Николаи — глава германской военной разведки во время Первой мировой войны// Новая и новейшая история. 1998. № 2, 3.

Генкина Э.Б. Приезд товарища Сталина в Царицын в 1918 году. Сталинград, 1937.

Герои и антигерои Отечества. Сборник статей. М., 1992.

Гиренко Ю.С. Сталин—Тито. М., 1991.

Главный маршал авиации Голованов. М., 2001.

Гладков Т. Награда за верность — казнь. М., 2000.

Гладков Т. Наш человек в Нью-Йорке. Судьба резидента. М., 2007.

Гладков Т. Король нелегалов. М., 2000.

Гланц Д., Хаус Дж. Когда столкнулись титаны: как Красная армия остановила Гитлера, 1995.

Гоголицын Ю. Тайные правители человечества, или Тайные общества за кулисами истории. СПб., 2000.

Голенков А. Предлагаю объяснить Сталина. М., 1995.

Голенков А. Предлагаю объяснить Сталина. М., 2005.

Голенков А. Сталин без наветов. М., 1998.

Голинков Д.Л. Правда о врагах народа. М., 2006.

Гоголь В.А. Бомба для Сталина. М., 1993.

Голованов А.Е. Он стоял во главе тяжелой войны // Полководцы. М., 1995.

Голяков С, Ильинский М. Зорге. Подвиг и трагедия разведчика. М., 2001.

Горбатов А.В. Годы и войны. М., 1980.

Горбунов Е.А. Схватка с черным драконом. М., 2002.

Гордиенко А.Н. Иосиф Сталин. Минск, 1998.

Горлов С.А., Ермаченков Е.В. Военно-учебные центры рейхсвера в Советском Союзе // Военно-исторический журнал. 1993. № 6—8.

Горлов С.А. Советско-германское военное сотрудничество. М., 1993 (Кандидатская диссертация).

Городецкий Г. Миф «Ледокола». М., 1995.

Горьков Ю.А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941—1946): Цифры. Документы. М., 2002.

Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Сборник статей. М., 1995.

Гофман И. Сталинская война на уничтожение. Пер. с нем. М., 2006.

Грабин В. Оружие победы. М., 2000.

Гражданская война в СССР. М., 1980.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983.

Грайнер Б., Штайнгаус К. На пути к Третьей мировой войне? Военные планы США против СССР. Документы. М., 1983.

Грей Я. Лев Троцкий — Сталин. М., 1995.

Гречко А.А. Вооруженные силы Советского государства. М., 1971.

Грибанов С. Заложники времени. М., 1992.

Грибанов С. "Аз воздам". М., 1998.

Григорьев Б. Найти и завербовать. М., 2003.

Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993.

Громов Е. Сталин: власть и искусство. М., 1998.

Громыко А.А. Памятное. М., 1988.

Громыко Анат. А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания сына. М., 1997.

Губарев В. Белый архипелаг Сталина. М., 2004.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Пер. с нем. М., 1954.

Гудрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию. М., 1997.

Гуль Р. Красный маршал. Берлин, 1932.

Гуменюк Ю.Н. Сталину, Европа, поклонись. М., 2006.

Гус М.С. Безумие свастики. М., 1971.

Давиденко И.В., Кеслер Я.А. Мифы цивилизации. М., 2005.

Давиденко И.В., Кеслер Я.А. Ресурсы цивилизации. М., 2005.

Давиденко И.В., Кеслер Я.А. Строители цивилизации. М., 2005.

Дадаян В.С. Терновый венец России. Истоки национальной беды. М., 1994.

Даллес А. Искусство разведки. Пер. с англ. М., 1992.

Дамаскин И.А. 100 великих разведчиков. М., 2001.

Дамаскин И.А. 100 великих операций спецслужб. М., 2004

Дамаскин И.А. Битвы разведок. 1941—1945. М., 2005.

Дамаскин И.А. Сталин и разведка. М., 2004.

Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973.

Дейтон Л. Вторая мировая. Ошибки, промахи, потери. М., 2000.

Деко А. Великие загадки истории. М.: Вече, 1999.

Денглер Г. Тенета Бонна. Пер. с нем. М., 1962.

Деревянко И.В. Щупальца спрута. Спецоперации разведки и контрразведки Российской империи. М., 2004.

Дерр Г. Поход на Сталинград. Оперативный обзор:

Джанибекян В.Г. Провокаторы и охранка. М., 2005.

Джилас М. Разговоры со Сталиным. Белград, 1962.

Джилас М. Разговоры со Сталиным. Франкфурт, 1970.

Джугашвили Г. Тайны семьи вождя. М., 2007.

Дикин Ф., Стори Г. Дело Рихарда Зорге. М., 1996.

Диксон П. Фабрики мысли. М., 1976.

Дмитриевский С. Сталин. Предтеча национальной революции. М., 2003.

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. Архив Дирксена. М., 1938—1939 гг.

Докучаев М.С. Москва. Кремль. Охрана. М., 1995.

Долматовский Е. Зеленая брама. Документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны. М., 1985.

Дорофеев В. Сталинизм: народная монархия. М., 2006.

Дробижев В.З. Главный штаб социалистической промышленности. Очерки истории ВСНХ. 1917—1932 гг. М., 1966.

Дрожжин Г. Асы и пропаганда. Мифы подводной войны. М., 2004.

Дроздов Ю.И. Записки начальника нелегальной разведки. М., 1999.

Дроздов Ю.И. Вымысел исключен. Записки начальника нелегальной разведки. М., 2005.

Дугин А. Конспирология. М., 1993.

Дугин А. Конспирология. М., 2005.

Дугин А. Основы геополитики. М., 2000.

Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество 1922—1933 гг.: Неизвестные документы. М., 1992.

Дэвис Д., Трани Т. Первая холодная война. Вудро Вильсон и Россия. М., 2002.

Ежов В.В. Самые знаменитые заговоры и перевороты России. М., 2002.

Елисеев А. Социализм с русским лицом. М., 2007.

Емельянов В.С. На пороге войны. М., 1971.

Емельянов В.С. О времени, о товарищах, о себе. М., 1974.

Емельянов Ю.В. Записки о Бухарине. М., 1989.

Емельянов Ю.В. Европа судит Россию. М., 2007.

Емельянов Ю.В. Сталин. Путь к власти. М., 2003.

Емельянов Ю.В. Сталин. На вершине власти. М., 2003.

Емельянов Ю.В. Сталин перед судом пигмеев. М., 2007.

Емельянов Ю.В. Сталин. Путь к власти. М., 2006.

Емельянов Ю.В. Сталин. На вершине власти. М., 2006.

Емельянов Ю.В. Хрущев. От пастуха до секретаря ЦК. М., 2005.

Емельянов Ю.В. Хрущев. Смутьян в Кремле. М., 2005.

Емельянов Ю.В. Трагедия Сталина. 1941—1942. Через поражение к победе. М., 2006.

Емельянов Ю.В. Десять сталинских ударов. Триумф генералиссимуса. М., 2006.

Еремеев Л.М. Глазами друзей и врагов. М., 1966.

Еременко А.И. На западном направлении. М., 1959.

Еременко А.И. Сталинград. Записки командующего фронтом. М., 1961.

Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. Ростов-на-Дону, 2004.

Живая память: Ветераны войны и труда: верность Отечеству 1945—1997. М., 1997.

Жилин П. Как фашистская Германия подготовила нападение на Советский Союз. М., 1965.

Жилин П. О войне и военной истории. М., 1984.

Жомини А. Очерки военного искусства. В 2-х т. М., 1939.

Жук А.Б. Винтовки и автоматы. М., 1987.

Жуков Г.К. Величие победы СССР и бессилие фальсификаторов истории // Коммунист. 1970. № 1.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. М., 1990.

Жуков Ю.Н. Иной Сталин. М., 2005.

Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М, 2005.

Жуков Ю.Н. Сталин: операция «Эрмитаж». М., 2005.

Журавлев П.А. Двести встреч со Сталиным. М., 2004.

Журавлев Д.А. Огневой щит Москвы. М., 1972.

Жухрай В.М. Просчет Адольфа Гитлера: Новое о И.В. Сталине. М., 1995.

Жухрай В.М. Сталин: правда и ложь. М., 1996.

Жухрай В.М. Роковой просчет Гитлера. Крах блицкрига. М., 2000.

Залесский А.И. И.В. Сталин и коварство его политических противников. Минск, 2002.

Залесский К.А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.

Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. Биографический энциклопедический словарь. М., 2003.

Залесский К.А. Кто был кто во Второй мировой войне. М., 2003.

Залесский К.А. Семнадцать мгновений весны. Кривое зеркало Третьего рейха. М., 2006.

Залужная Д.В. Транссибирская магистраль. Ее прошлое и будущее. Исторический очерк. М., 1980.

Замойский Л. Масонство и глобализм. Невидимая империя. М., 2001.

Захаров В.В. Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии. 1921 г. — июнь 1941 г. М., 1992.

Захаров В.В. Политика Советского государства по отношению к Германии в военной области и ее влияние на оборону СССР (Докторская диссертация). М., 1993.

Зверев А.Г. Записки министра. М., 1973.

Звягинцев А., Орлов Ю. Прокуроры двух эпох. М., 2001.

Зданович А.А. «Ц-МО» информирует Берлин // Армия. 1991. № 1.

Зегер А. Гестапо-Мюллер. Ростов-на-Дону, 1997.

Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». М., 2006.

Земской И.Н. Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982.

Зенькович Н. Вожди на мушке. Минск, 1996.

Зенькович Н. Тайны кремлевских смертей. М., 1995.

Зенькович Н. Покушения и инсценировки. От Ленина до Ельцина. М., 1998.

Зенькович Н.А. Тайны уходящего века. Власть. Распри. Подоплека. М., 1998.

Зенькович Н. ЦК закрыт, все ушли... М., 1998.

Зенькович Н.А. Тайны уходящего века. Сенсации. Антисенсации. Суперсенсации. М., 1998.

Зенькович Н.А. Тайны уходящего века. Лжесвидетельства. Фальсификации. Компромат. М., 1999.

Зенькович Н. В тени Кремля. Смоленск, 2000.

Зенькович Н.А. Тайны ушедшего века. Границы. Споры. Обиды. М., 2004.

Зенькович Н.А. XX век. Высший генералитет в годы потрясений. М., 2005.

Зенькович Н. Маршалы и генсеки. М., 2003.

Зенькович Н. Вожди и сподвижники. М., 2004.

Зимняя война 1939—1940. В 2-х кн. М., 1998. Кн. 1. Политическая история. Кн. 2. И.В. Сталин и финская кампания.

Зиновьев А. Русский эксперимент. М., 1995.

Зиновьев А. Сталин — нашей юности полет. М., 2002.

Золотарев В. Военная безопасность Отечества. М., 1998.

Знаменитые шпионы XX века. М., 2001.

Зубков С. Третий рейх. Под знаменем оккультизма. М., 2007.

Зуйков В.Н. Создание тяжелой индустрии на Урале (1926—1932 гг.). М., 1971.

Зюганов Г.А. Строитель державы. М., 2004.

Иваненко В.И. Выполняя свой долг: из записок дипломата. М., 1990.

Иваненко В.И. Тропою памяти. М., 1968.

Иваницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996.

Иванов А.М. Обманутые надежды. М., 1992.

Иванов А.М. Логика кошмара. М., 1993.

Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. М., 1998.

Иванов Р.Ф. Сталин и союзники. 1941—1945 годы. М., 2005.

Иванов Ю. Осторожно: сионизм! М., 1969.

Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1988.

Игнатьев А.В. С Ю. Витте — дипломат. М., 1989.

Игнатьев А.Н. «Пятая колонна». М., 1998.

Илизаров Б. Тайная жизнь Сталина. М., 2003.

Ильинский М.М. Нарком Ягода. М., 2002.

Ильинский М.М. Тайны спецсвязи Сталина. М., 2004.

Ионин С.Н. Подводный флот Росии. От Первой мировой до наших дней. М., 2006.

Ионин С.Н. Военная авиация России. М., 2005.

Ионина Н., Истомин С, Кубеев М. 100 великих мятежников и бунтарей. М., 2005.

Иосиф Сталин в объятиях семьи. М., 1993.

Иосиф Виссарионович Сталин. Сборник (Составитель Маркова Л.В.). М., 1994.

Исаев А. «Котлы» 1941-го. История, которую мы не знали. М., 2005.

Исаев А. Когда внезапности уже не было. История, которую мы не знали. М., 2005.

Исаев А. АнтиСуворов. Большая ложь маленького человечка. М., 2004.

Исаев А. Краткий курс истории Великой Отечественной войны. Наступление маршала Шапошникова. М., 2005.

Исаев А. Георгий Жуков. Последний довод короля. М., 2006.

Иссерсон Г.С. Новые формы борьбы: опыт исследования современных войн. М., 1940.

Исторические чтения на Лубянке. 1998 г. Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX века — 1922 год. М., 1999.

Исторические чтения на Лубянке. 1999 г. Отечественные спецслужбы в 20—30-е годы. М., 2000.

Исторические чтения на Лубянке. 2000 г. Отечественные спецслужбы накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 2001.

Исторические чтения на Лубянке. 2001 г. Отечественные спецслужбы в послевоенные годы 1945—1953 гг. М., 2002.

Исторические чтения на Лубянке. 2002 г. М., 2003.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 (В 6-и томах). М., 1960—1965.

История Второй мировой войны 1939—1945 (в 12 томах). М., 1975—1982.

История дипломатии. Т. 3. М., 1945.

История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970.

История социалистической экономики. В 3-х т. М., 1977.

История народного хозяйства Урала (1917—1945 гг.). Свердловск, 1988.

Какая же она, правда о Сталине? М., 1998.

Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного и советско-государственного работника. М., 1996.

Казаринов О.И. Неизвестные лики войны. Между жизнью и смертью. М., 2005.

Казаринов О.И. Обратная сторона войны. М., 2006.

Калашников М., Крупное Ю. Оседлай молнию! Америка против России. М., 2003.

Калашников М. Крещение огнем. Вторжение из будущего. М., 2006.

Калашников М. Вперед, в СССР-2. М., 2003.

Калашников М., Кугушев С. Третий проект. Погружение. Книга-расследование. М., 2005.

Калашников М., Кугушев С. Третий проект. Точка перехода. Книга-расследование. М., 2005.

Калашников М., Кугушев С. Третий проект. Спецназ Всевышнего. Книга-расследование. М., 2006.

Калинин М.И. О Советской Армии. М., 1958.

Кантор Ю.З. Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005.

Капченко Н.И. Политическая биография Сталина. 1879—1924. Том 1. М., 2004.

Кара-Мурза С.Г. Гражданская война. 1918—1921. Урок для XXI века. М., 2003.

Кара-Мурза С.Г. Демонтаж народа. М., 2007.

Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация (в 2-х кн.). М., 2002.

Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация от начала до великой победы. М., 2005.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. Юбилейное издание. М., 2006.

Кара-Мурза С.Г. Матрица «Россия». М., 2007.

Карлей Майкл Дж. 1939. Альянс, который не состоялся, и приближение Второй мировой войны. Пер. с англ. М., 2005.

Карпов В.Н. Рассекречено внешней разведкой. М., 2003.

Карпов В.В. Расстрелянные маршалы. М., 1999.

Карпов В.В. Маршал Жуков: опала. М., 1999.

Карпов В. Генералиссимус (в 2-х томах). Калининград, 2002.

Карпов В. Генералиссимус (в 2-х томах). М., 2007.

Качановский Ю.В. Диктатура Сталина: уроки и выводы. М., 2004.

Кеворков В. Тайный канал. М., 1997.

Кен О. Чехословакия в политике Москвы. 1932—1936 гг. // Россия — XXI. 1997. № 1—2.

Ким Филби в разведке и жизни. Сборник статей. М., 2005.

Кириллина А.А. Рикошет. СПб., 1993.

Кирст Х. Зорге, которого мы не знали. М., 2001.

Киселев К.В. Записки советского дипломата. М., 1971.

Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.

Клавинг В. Гражданская война в России. Белые армии. М., 2003.

Клаузевиц К. О войне. М., 1941. Т. 1.

Клаузевиц К. Основы стратегического решения. М., 1924.

Клименко Б.М. Государственная территория. М., 1974.

Коваленко А. Правда о Матросове и матросовцах. М., 1994.

Ковригина М.Д. В неоплатном долгу. М., 1985.

Козенков Ю. Голгофа России. Схватка за власть. М., 2003.

Кожемяко В., Косолапов Р., Лобанов М. Какая же она, правда о Сталине? М., 1998.

Кожинов В. Россия. Век XX. 1901—1939. М., 1999.

Кожинов В. Россия. Век XX. 1939—1964. М., 1999,

Кожинов В. Правда сталинских репрессий. М., 2006.

Кожинов В. Великая война России. Почему непобедим русский народ? М., 2005.

Кожинов В. Пятый пункт. Межнациональные противоречия в России. М., 2005.

Колвин И. Двойная игра. М., 1960.

Колеман Дж. Комитет 300. Пер. с англ. М., 2006.

Колесник А.Н. Хроника жизни семьи Сталина. М.. 1990.

Колесников В. Тайная миссия Нидермайера // Служба безопасности. 1993. № 3—4.

Колесов Д.В. И.В. Сталин: загадка личности. М., 2000.

Колпакиди А., Прудникова Е. Двойной заговор, Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. М., 2000.

Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. КГБ: спецоперации советской разведки. М., 2000.

Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Империя ГРУ. В 2 т. М, 2000.

Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. СПб.; М., 2001.

Колпакиди А.И., Лемехов О.И. Главный противник. ЦРУ против России. М., 2002.

Комаровский А.Н. Записки строителя. М., 1972.

Коминтерн и Вторая мировая война. М., 1998.

Кондратов С. «Привет маршалу Ворошилову» // Новое время. 1993. № 33.

Конев И.С. Записки командующего фронтом. 1943—1945. М., 1981.

Конев И.С. Сорок пятый. М., 1966.

Константинов С. Своими руками // Независимое военное обозрение. 11.07.1996.

Коняев Н.М. Гибель красных Моисеев. Начало террора. М., 2004.

Коняев Н.М. Трагедия ленинской гвардии, или Правда о вождях Октября. М., 2007.

Коняев Н.М. Два лица генерала Власова. М., 2001.

Коняев Н.М. Власов. Два лица генерала. М., 2003.

Корнейчук А.Е. Фронт. М., 1943.

Королев В.И. Битва за Иерусалим и ядерный Армагеддон. М., 2004.

Косолапов Р.И. Слово товарищу Сталину. М., 1995.

Косолапое Р.И. Иудино семя. М., 1996.

Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. М., 1994.

Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2003.

Кочик В.Я. Разведчики и резиденты ГРУ. За пределами Отчизны. М., 2004.

Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина. М., 2004.

Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. М., 1988.

Краснов В. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. М., 2000.

Красильников Б.Н. Сталин: помощники. Тайна смерти. М., 2006.

Краснов В., Дайнес В. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт. М., 2000.

Кремлев С. Запад против России. Россия и Германия: стравить! М., 2003.

Кремлев С. Запад против России. Россия и Германия: вместе или порознь? М., 2004.

Кремлев С. Запад против России. Россия и Германия: путь к пакту. М., 2004.

Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М., 1991.

Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М., 1996.

Кринов Ю.С. Лужский рубеж. Год 1941-й. Л., 1983.

Кровавый маршал. Михаил Тухачевский. СПб, 1997.

Круглов А. Как создавалась атомная промышленность в СССР. М., 1995.

Крупное Ю.В. Стать мировой державой. М., 2003.

Крупнов Ю.В. Россия между Западом и Востоком. Курс норд-ост. СПб., 2004.

Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М., 2004.

Крысин М. Прибалтийский фашизм. М., 2007.

Крэймер М. Кризисы в отношениях СССР со странами Восточной Европы. 1948—1991. М., 1995.

Крючков В.А. Личное дело. В 2-х кн. М., 1996.

Кудрявцев Н.А. Государево око. Тайная дипломатия и разведка на службе России. СПб., 2002.

Кузнецов И.Н. Без грифа «секретно». Тайны архивов и материалов спецслужб. Ростов-на-Дону, 2007.

Кузнецов Н.Г. Накануне. М., 1966.

Кузнецов Н.Г. Крутые повороты. Из записок адмирала. М., 1995.

Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. М., 1971.

Кук Э. Сидней Рейли. На тайной службе его величества. Пер. с англ. М., 2004.

Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А. Война 1941—1945: Факты и документы. М., 2001.

Куманев Г.А. Рядом со Сталиным: Откровенные свидетельства. Встречи, беседы, интервью, документы. М., 1999.

Куманев Г.А. Говорят сталинские наркомы. М., 2005.

Куманев Г.А. Подвиг и подлог. Страницы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 2000.

Куманев В.А., Куликова И.С. Противостояние: Крупская — Сталин. М., 1994.

Кун М. Бухарин: его друзья и враги. М., 1992.

Куняев С. Поэзия. Судьба. Россия. М., 2001.

Курбатов В.И. Покушения на вождей. Тайны российской истории. М., 2006.

Куренский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993.

Курушин М.Ю. 100 великих военных тайн. М., 2006.

Ладейкин В.П. Источник опасного кризиса. М., 1973.

Лайнер Л. «Венона»: самая секретная операция американских спецслужб. М., 2003.

Ланщиков А. Череда окаянных дней. М., 1998.

Ларина А. Незабываемое. М., 1989.

Ларуш Л. Физическая экономика. М., 1997.

Ларуш Л. Вы на самом деле хотели бы знать все об экономике? М., 1992.

Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996.
Латышев И. Путин и Япония. Будут ли уступки? М., 2005.
Лемин И.М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно (1919—1925). М., 1947,
Леонидзе Г. Сталин. Детство и отрочество. М., 1947.
Леонов Н.С. Лихолетье. Секретные миссии. М., 1995.
Лесков В.А. Сталин и заговор Тухачевского. М., 2003.
Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. Пер. с англ. М., 1976.
Линдер И., Абин Н. Операция «восточный ветер». М., 2003.
Линия Паасикиви. Статьи и речи Юхти Кусти Паасикиви. 1944—1956. М., 1958.
Липартелиани Г. Сталин Великий. М., 2001.
Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая. Информационно-психологическая война. М., 1999.
Ллойд Джордж. Военные мемуары. М., 1934.
Логинов В. Тени Сталина. М., 2000.
Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. В 2-х кн. М., 2002.
Лота В. Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005.
Лота В. «Альта» против «Барбароссы». М., 2004.
Лубченков Ю.Н. 100 великих полководцев Второй мировой. М., 2005.
Лубченков Ю.Н. 100 великих сражений Второй мировой. М., 2005.
Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ: Дела и люди. СПб.; М., 2003.
Мадер Ю. Репортаж о докторе Зорге. Берлин, 1988.
Майский И.М. Путешествие в прошлое. М., 1960.

Майский И.М. Люди. События. Факты. М., 1973.

Майский И.М. Воспоминания советского посла. Война. 1939—1943. М., 1965.

Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. М., 1987.

Майский Иван Михайлович. Дневник дипломата. В 2-х кн. М., 2006.

Малеваный В., Малеваный А. Секреты ОГПУ и его председателя В.Р. Менжинского. М., 2005.

Маленков А. О моем отце Георгии Маленкове. М., 1992.

Маленков Г.М. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального комитета ВКП(б). М., 1952.

Мальков В. Манхэттенский проект: разведка и дипломатия. М., 1995.

Маренков Ф. Государь и погань. М., 1995.

Мартиросян А.Б. Заговор маршалов. Британская разведка против СССР. М., 2003.

Мартиросян А.Б. 22 июня. Правда Генералиссимуса. М., 2005.

Мартиросян А.Б. Трагедия 22 июня: блицкриг или измена? Правда Сталина. М., 2006.

Мартиросян А.Б. Кто привел войну в СССР? М., 2007.

Маршал Жуков: каким мы его помним. М., 1988.

Марьямов Г. Кремлевский цензор. М., 1992.

Марьямов Г. Сталин смотрит кино. М., 1992.

Маслов М.С., Зубков С.Л. Пёрл-Харбор: ошибка или провокация? М., 2006.

Медведев Р. О Сталине и сталинизме. М., 1990.

Медведев Р., Медведев Ж. Россия и Запад в конце XX века. М., 1997.

Медведев Р., Медведев Ж. Неизвестный Сталин. М., 2001.

Медведев Р., Медведев Ж. Неизвестный Сталин. М., 2007.

Медведев Ж. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М., 2004.

Медведев Р. Что читал Сталин? М., 2005.

Медведев Р. Никита Хрущев. Отец или отчим советской «оттепели»? М., 2006.

Медведева И.Я., Шишова Т.Л. Орден глобалистов. Российская ложа. М., 2006.

Мельгунов С.П., Сидоров Н.П. Масонство. Тайные знания. М., 1998.

Мельников Д. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии. М., 1962.

Мельников Д., Черная Л. Империя смерти. М., 1987.

Мельников Д., Черная Л. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1991.

Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. М., 2001.

Мельтюхов М. Упущенный шанс Сталина. М., 2000.

Мерецков К.А. На службе народу: Страницы воспоминаний. М., 1984.

Мерецков К.А. На службе народу. М., 1970.

Мерцалов А.Н. Мерцалова Л.И. Иной Жуков: Неюбилейные страницы биографии сталинского маршала. М., 1996.

Мильштейн М.А. Заговор против Гитлера. М., 1962.

Микоян А.И. Так было. М., 1999.

Микоян А.И. В начале двадцатых. М., 1975.

Минаев В. Подрывная работа иностранных разведок в СССР. В 2-х ч. М., 1940.

Минаков С. Сталин и его маршал. М., 2004.

Минаков С. Сталин и заговор генералов. М., 2005.

Минувшее. Исторический альманах. М., 1990.

Мировая война. 1939—1945 годы. Сборник статей. М., 1957.

Мировые войны XX века: Исторический очерк. В 4-х кн. М., 2002.

Мировая война. 1939—1945 годы. Сборник статей. М., 1957.

Миронин С. Загадка 37 года. Сталинский порядок. М., 2007.

Миронов С.С. Гражданская война в России. М., 2006.

Млечин Л.М. Алиби для великой певицы. Супершпионки двадцатого века. М., 1997.

Млечин Л.М. Председатели КГБ. Рассекреченные судьбы. М., 1999.

Млечин Л.М. Особая папка. Служба внешней разведки. М., 2004.

Млечин Л.М. Особая папка. Зачем Сталин создал Израиль? М., 2005.

Млечин Л. Адольф Гитлер и его русские друзья. М., 2006.

Млечин Л. Русская армия между Троцким и Сталиным. М., 2002.

Млечин Л. Иосиф Сталин, его маршалы и генералы. М., 2004.

Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918—1953). М., 2006.

Мозохин О., Гладков Т. Менжинский: интеллигент с Лубянки. М., 2005.

Мозохин О.Б. Лубянка. ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М., 2004.

Молодяков В.Э. Битвы империй. Россия и Япония: меч на весах. 1929—1948. М., 2005.

Молодяков В.Э. Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио. М., 2004.

Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990.

Моруков М.Ю. Правда ГУЛАГа из круга первого. М., 2006.

Мотов В.С. НКВД против абвера. Незримый поединок. М., 2005.

Муранов А.И., Звягинцев В.Е. Досье на маршала. М., 1996.

Муромов И.А. 100 великих авантюристов. М., 2006.

Мусский И.А. 100 великих заговоров и переворотов. М., 2002.

Мусский И.А. 100 великих дипломатов. М., 2004.

Мухин Ю. Путешествие из демократии в дерьмократию и дорога обратно. М., 1993.

Мухин Ю. Катынский детектив. М., 1995.

Мухин Ю.И. Убийство Сталина и Берии. М., 2003.

Мухин Ю.И. Убийство Сталина и Берии. М., 2007.

Мухин Ю.И. Продажная девка генетика. Познание мира или кормушка? М., 2006.

Мухин Ю.И. Антироссийская подлость. М., 2003.

Мухин Ю.И. Евреям о расизме. М., 2006.

Мухин Ю.И. За державу обидно! М., 2004.

Мухин Ю.И. За что убит Сталин? М., 2005.

Мухин Ю.И. Убийцы Сталина. Как нас лишили будущего. Главная тайна XX века. М., 2005.

Мухин Ю.И. Крестовый поход на Восток. «Жертвы» Второй мировой. 1941—1945. М., 2004.

Мухин Ю.И. Отцы-командиры. Звезды на погонах — звезды на могилах. М., 2004.

Мухин Ю.И. Если бы не генералы! М., 2006.

Мухин Ю.И. Асы и пропаганда. Дутые победы люфтваффе. М., 2004.

Мэнвелл Р., Френкель Г. Знаменосец «черного ордена». Гиммлер. М., 2000.

Мяло К.Г. Россия и последние войны XX века. М., 2002.

Назаров Г. Мифы советской эпохи. М., 2007.

Назаров М.В. Заговор против России. М., 1993.

Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Т. 1. М., 1994.

Назаров М.В. Тайна России. Историософия XX века. М., 1999.

Назаров О.Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М., 2002.

Найтли Ф. Шпионы XX века. М., 1994.

Нарочницкий А.Л. СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933—1945. М., 1986.

Нарочницкая Н.А. За что и с кем мы воевали. М., 2005.

Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2004.

Невежин В. Сталин о войне. Застольные речи 1933—1945 гг. М., 2007.

Недова И. Вечный комиссар. Иерусалим, 1988.

Неизвестная Россия / Под редакцией В.А. Козлова М., 1992.

Неизвестный Сталин. М., 1994.

Некрасов В. Тринадцать «железных» комиссаров. М., 1995.

Некрич А.М. 1941. 22 июня. М., 1965.

Непомнящий Н.Н. 20 лет неразгаданных тайн. От Гражданской до Отечественной. М., 2003.

Непомнящий Н.Н. Военные загадки Третьего рейха. М., 2002.

Непомнящий Н.Н. 100 великих тайн Второй мировой. М., 2005.

Непомнящий Н.Н. 100 великих загадок русской истории. М., 2006.

Непомнящий Н.Н. Тайны советской эпохи. М., 2006.

Нестеров Ф. Связь времен. М., 1987.

Нечаев С Ю. Масоны и «Великий Восток». М., 2007.

Низовский А.Ю. Самозванцы на Руси. М., 2006.

Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. М., 1998.

Никишин А. Водка и Сталин. Тайны русской водки. М., 2006.

Николаев В. Сталин, Гитлер и мы. М., 2002.

Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. М., 1995.

Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990.

Никольский В. ГРУ в годы Великой Отечественной войны. М., 2005.

Никулин П. Секретность и экономическая безопасность. КГБ вчера, сегодня, завтра. М., 1994.

Новиков А.А. В небе Ленинграда. М., 1970.

Норд Л.А. Воспоминания о М.Н. Тухачевском // Возрождение (Париж). № 63—68. 1957.

Овсяный И.Д. Тайна, в которой рождалась война. М., 1975.

Овсяный И.Д. 1939: последние недели мира. М., 1981.

Обухов В.Г. Схватка шести империй. Битва за Синьцзян. М., 2007.

Оккультные силы России. СПб., 1998.

Оккультные силы СССР. СПб., 1998.

Оклянский Ю. Роман с тираном. М., 1994.

Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. Нью-Йорк, 1983.

Орлов А.С. Сталин: в преддверии войны. М., 2003.

Орлов А.С. За кулисами второго фронта. М., 2001.

Орлов Б.М. В поисках союзников: командование Красной Армии и проблемы внешней политики СССР в 30-х гг.// Вопросы истории. 1990. № 4.

Орлов В. Двойной агент. М., 1998.

Ортенберг Д. Сталин, Щербаков, Мехлис и другие. М., 1995.

Освободительная миссия советских Вооруженных сил во Второй мировой войне. М., 1971.

Особая папка В.М. Молотова. Из материалов секретариата НКВД-МВД СССР. 1944—1953 гг. М., 1994.

Особая папка И.В.Сталина. Из материалов секретариата НКВД-МВД СССР. 1944—1953 гг. М., 1994.

Особая папка Л.П.Берии. Из материалов НКВД-МВД СССР. 1946—1949 гг. М., 1996.

Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина. М.; СПб., 2004.

От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. М., 1988.

От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны. М., 1992.

Открывая новые страницы. Международные вопросы: события и люди. М., 1989.

Очерки истории Министерства иностранных дел России. В 2-х т. М., 2002.

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 1. М., 1994;

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2. М., 1996.

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1997.

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. М., 1997.

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. М., 2003.

Павлов В.Г. Трагедия советской разведки. М., 2000.

Павлов В.Г. «Сезам, откройся»! Тайны разведывательных операций. М., 1999.

Павлов В.Г. Женское лицо разведки. М., 2003.

Павлов В.Г. Операция «Снег». М., 1996.

Павлюков А. Ежов. Биография. М., 2007.

Палецкис Ю. В двух мирах. М., 1974.

Памяти павших: Великая Отечественная война 1941—1945. М., 1995.

Пантелеев М. Агенты Коминтерна. Солдаты мировой революции. М., 2005.

Папанин И.Д. Лед и пламень. М., 1984.

Паршев А. Америка против России. Почему Америка наступает. М., 2002.

Патоличев Н.С. Испытание на зрелость. М., 1977.

Патон Е.О. Воспоминания. Киев, 1955.

Пегов Н.М. Далекое — близкое. М., 1982.

Первушин А. Оккультные тайны НКВД и СС. М., 2000.

Первушин А. Оккультные войны НКВД и СС. Спецслужбы и Армагеддон XX века. М., 2003.

Первушин А. Космонавты Сталина. М., 2005.

Первушин А. Оккультный Сталин. М., 2006.

Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В 2-х т. М., 1957.

Переслегин С. Вторая мировая. Война между реальностями. М., 2006.

Пересыпкин И.Т. ...А в бою еще важней. М., 1970.

Перин Р. Гильотина для бесов. СПб., 2001.

Пещерский В. «Красная капелла». Советская разведка против абвера и гестапо. М., 2000.

Пиманов А. Опаленные властью. М., 2005.

Писарев Ю.А. Тайны Первой мировой войны. М., 1990.

Писаренко К.Н. Тридцатилетняя война в Политбюро. 1923—1953. М., 2006.

Письма Сталина Молотову. 1925—1936 гг. Сборник документов М., 1995.

Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945—1991. М., 1998.

Платонов О.А. Тайная история России. XX век. Эпоха Сталина. М., 1996.

Платонов О.А. Терновый венец России. История масонства. 1731—1995. М., 1995.

Платонов О.А. Терновый венец России. Заговор цареубийц. М., 1996.

Платонов О.А. Терновый венец России. История масонства. 1731—1995. Издание 2-е, дополненное. М., 1996.

Платонов О.А. Терновый венец России. Загадка Сионских протоколов. М., 1999.

Платонов О.А. Терновый венец России. Тайна беззакония: иудаизм и масонство против христианской цивилизации. М., 1998.

Платонов О.А. Государственная измена. Заговор против России. М., 2004.

Платонов О.А. Бич Божий: эпоха Сталина. М., 2005.

Поварцов С. Причина смерти — расстрел. М., 1996.

Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. Сборник документов. М., 1968.

Пограничные войска СССР. 1919—1928. М., 1973.

Пограничные войска СССР 1919—1938. М., 1972.

Позняков В.В. Советская разведка в Америке. М., 2005.

Покушение на Великую Победу. Сборник статей. М., 2006.

Полководцы. М., 1995.

Полководцы и военачальники Великой Отечественной. М., 1979.

Полторак С.Н. Разведчик Кент. М., 2003.

Полторак А., Зайцев Е. Рурские господа и вашингтонские судьи. Л., 1968.

Полянский А.И. Ежов. История «железного» наркома. М., 2003.

Помогайбо А.А. Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны. М., 2002.

Помогайбо А.А. Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны. М., 2005.

Помогайбо А.А. Вырванный меч империи. 1925—1940. М., 2006.

Попов А.Ю. 15 встреч с генералом Бельченко. М., 2002.

Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. Факты и документы. М., 2003.

Попов В.И. Советник королевы — суперагент Кремля. М., 1995.

Попов В.И. Советник королевы — суперагент Кремля. М., 2005.

Попов Г.Х. Три войны Сталина. М., 2005.

Порецки Э. Тайный агент Дзержинского. М., 1996.

Похлебкин В.В. Великий псевдоним. М., 1996.

Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М., 2004.

Процесс над колчаковскими министрами. М., 1920; М., 2003.

Прохоров Д.П., Лемехов О.И. Перебежчики. Заочно расстреляны. М., 2001.

Прудникова Е.А. Сталин. Второе убийство. СПб., 2003.

Прудникова Е.А. Берия. Преступления, которых не было. СПб., 2005.

Прудникова Е.А. Берия: последний рыцарь Сталина. М.; СПб., 2005.

Прудникова Е.А., Колпакиди А.И. Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий. М., 2006.

Пруссаков В. Адольф Гитлер. Нью-Йорк — Москва, 1991.

Путлиц В.Г. По пути в Германию. М., 1957.

Пфафф И. Прага и дело о военном заговоре// Военно-исторический журнал. 1988. № 9—11.

Пыжиков А., Данилов А. Рождение сверхдержавы. 1945—1953 годы. М., 2002.

Пыхалов И. Великая оболганная война. М., 2005.

Пыхалов И. Время Сталина: факты против мифов. СПб., 2000.

Пэдфилд П. Рудольф Гесс — сподвижник Гитлера. Смоленск, 1998.

Пятницкий В. Заговор против Сталина. М., 1998.

Рабинович Я. Россия еврейская. Еврейский ответ на извечный русский вопрос. М., 2006.

Радзинский Э. Сталин. М., 1997.

Райле О. Тайная война. М., 2002.

Раппопорт В., Геллер Ю. Измена Родине. М., 1995.

Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. М., 1991.

Режим личной власти Сталина. К истории формирования / Под редакцией академика Ю.С. Кукушкина. М., 1989.

Рейнградт. Поворот под Москвой. Пер. с нем. М., 1980.

Риббентроп И. Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. Пер. с нем. М., 1996.

Риббентроп И. Мемуары немецкого дипломата. Пер. с нем. Смоленск, 1998.

Рид Д. Спор о Сионе. М., 1993.

Рисе К. Геббельс. Адвокат дьявола. М., 2000.

Ржешевский О.А. Война и история. М., 1976;

Ржешевский О.А. 1939 год — уроки истории. М., 1990.

Ржешевский О.А. Война и дипломатия: Документы, комментарии (1941—1942). М., 1997.

Ржешевский О.А. История второго фронта: Война и дипломатия. М., 1998.

Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль: Встречи. Беседы. Дискуссии. М., 2004.

Роговин В. 1937 год. М., 1996.

Роговин В. Власть и оппозиция. М., 1993.

Роговин В. Мировая революция и мировая война. М., 1998.

Роговин В. Партия расстрелянных. М., 1995.

Роговин В. Сталинский неонэп. М., 1995.

Розанов Г.Л. Крушение фашистской Германии. Последние дни Гитлера. М., 1963.

Розанов Г.Л. Сталин — Гитлер. 1939—1941. М., 1991.

Роковые решения: Пер. с англ. М., 1958.

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1997.

Романченко Ю. Охота на Россию. Наши враги и «друзья» в XXI веке. М., 2005.

Романько О. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС. М., 2006.

Ротмистров П.А. Время и танки. М., 1972.

Ротмистров П.А. Стальная гвардия. М., 1984.

Рубцов Ю.В. Маршалы Сталина. От Буденного до Булганина. М., 2006.

Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране. М., 2007.

Руге В. Гинденбург. Портрет германского милитариста. М., 1981.

Руге В. Как Гитлер пришел к власти. М., 1985.

Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947.

Русская православная церковь. 988—1988. Очерки истории. 1917—1988.Вып. 2. М., 1988.

Рыбин А.Т. Сталин на фронте. М., б.г.

Рыбин А.Т. Сталин предвидел. М., 1992.

Рясков О., Ряскова Н., Шатин В., Яновский Б. Тайны XX века. Полная версия нашумевших телевизионных расследований. М., 2005.

Савченко В.И. Отступник. Драма Федора Раскольникова. М., 2001.

Сайерс М., Канн А. Тайная война против Советской России. Пер. с англ. М., 1947.

Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. Саратов, 1995.

Самойлов Э.В. Фюреры. В 3-х кн.. М., 1993.

Самсонов А.М. Сталинградская битва. М., 1968.

Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление советского военно-промышленного комплекса. 1921—1941. М., 2001.

Сандалов А.М. 1941. На московском направлении. М., 2006.

Саттон Э. Уолл-стрит и большевицкая революция. Пер. с англ. М., 2005.

Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина. Реальность истории и мифы политики. М., 2003.

Сахаров В.В. Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии. 1921 г. — июнь 1941 г. М., 1992.

Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941—1942. Л. 1942.

Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1942—1943. Л. 1944.

Седова Я. Великий магистр революции. М., 2006.

Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. Пер. с англ. М., 1995.

Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995.

Селеменов В., Шимолин В. Забытые агенты Кремля. Минск, 2003.

Сельдерс Дж. 1000 американцев. Пер. с англ. М., 1948.

Селянинов А. Тайная сила масонства. М., 1999.

Семенов С. Сталин. Уроки жизни и деятельности. М., 2002.

Семенов С, Кардашов В. Иосиф Сталин: Жизнь и наследие М., 1997.

Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941. М., 1992.

Сергеев А., Глушик Е. Беседы о Сталине. М., 2006.

Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки. 1933-1945. М., 1991

Серебрянников В.В. Сталин и война // Безопасность Азии. 2002. № 4.

Серебрянников В.В. Природа человека: источник войн или миролюбия? М., 2007.

Симонов К.М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. М., 1988.

Синицын Е. Резидент свидетельствует. М., 1996.

Сироткин В.Г. Кто обворовал Россию? М., 2003.

Сироткин В.Г. Зарубежное золото России. М., 1999.

Сироткин В.Г. Почему проиграл Троцкий? М., 2005.

Сироткин В.Г. Византийский чин. М., 2006.

Сироткин В.Г. Сталин. Как заставить людей работать? М., 2004.

Скрытая правда войны: 1941 год. М., 1992.

Славин С.Н. Космическая битва империй. От Пенемюнде до Плисецка. М., 2006.

Славин С.Н. Оружие Победы. М., 2005.

Славин С.Н. Секретное оружие Третьего рейха. М., 2004.

Слово о Великой войне. М., 2005.

Смирнов Г.В. Колонка редактора. М., 2006.

Смирнов Г.Л. Уроки минувшего. М., 1997.

Смирнов С.С. Маршал Жуков. М., 1989.

Смыслов О.С. «Пятая колонна» Гитлера. От Кутепова до Власова. М., 2004.

Смыслов О.С. Василий Сталин. Заложник имени. М., 2003.

Смыслов О.С. Генерал Абакумов. Всесильный хозяин СМЕРШа. М., 2005.

Смыслов О.С. Загадки советских наград. М., 2005.

Смыслов О.С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М., 2006.

Соболев Г. Тайна «немецкого золота». СПб., М., 2002.

Советская жизнь. 1945—1953. М., 2003.

Советская историческая энциклопедия. М., 1961—1976.

Совершенно секретно! Только для командования: Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М., 1967.

Сойма В. Запрещенный Сталин. М., 2005.

Соколов Б.В. Михаил Тухачевский. Смоленск, 1999.

Соколов Б.В. Тайны Второй мировой войны. М., 2000.

Соколов Б.В. 100 великих политиков. М., 2006.

Соколовская Т., Лотарева Д. Тайные архивы русских масонов. М., 2007.

Соловьев Б., Суходеев В. Полководец Сталин. М., 1999.

Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998.

Соловьев О.Ф. Русские масоны. От Романовых до Березовского. М., 2004.

Солонин М. 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война. М., 2005.

Солонин М. 23 июня: «День М». М., 2007.

Сопедьняк Б. Три покушения на Ленина. М., 2005.

Сопряков В. Восток — дело тонкое. М., 1999.

Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Социология великой Победы. М., 2005.

Соцков Л. Операция «Тарантелла». М., 2001.

Соцков Л. Код операции — «Тарантелла». М., 2007.

СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933—1945. М., 1976.

СССР — Германия. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля 1939 г. по июнь 1941 г. (в 2-х кн.). Вильнюс, 1989.

Ставинский Э. Наш человек в гестапо. М., 2002.

Ставинский Э. Зарубины. Семейная резидентура. М., 2003.

Ставицкий В. Тайные операции российских спецслужб с IX по XXI век. М., 1999.

Стаднюк И.Ф. Исповедь сталиниста. М., 1999.

Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950.

Сталин И.В. Сочинения. В 13 т. М., 1997.

Сталин И.В. Сочинения. (14, 15 и 16 т.). М., 1997.

Сталин: в воспоминаниях современников и документах эпохи. Сост. Лобанов М.М., 1995.

Сталин и холодная война. М., 1998.

Сталин: Сборник. М., 1997.

Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.

Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995.

Стариков Н. Кто убил Российскую империю? Главная тайна XX века. М., 2006.

Стариков Н. Кто добил Россию? Мифы и правда о Гражданской войне. М., 2006.

Стариков Н. Преданная Россия. Мифы и правда о наших «союзниках». М., 2007.

Старков Б.А. Дела и люди сталинского времени. СПб., 1995.

Статистика антиармейского террора// Военно-исторический архив. Вып. 2. М., 1997.

Степаков В. Ленинградцы в борьбе за Кремль. М., 2004.

Стеттиниус Э. Ленд-лиз — оружие победы. М., 2000.

Сувениров О.Ф. Трагедия РККА. 1937—1938. М., 1998.

Суворов В. (Резун В.). День-М. Когда началась Вторая мировая война? М., 1994.

Суворов В. (Резун В.). Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну. М., 1992.

Суворов В. (Резун В.). Очищение. М., 1999.

Суворов В.А. (Резун). Последняя республика (Почему Советский Союз проиграл Вторую мировую войну). М., 1995.

Судебный отчет. Материалы военной коллегии Верховного Суда СССР. Бухаринско-троцкистский процесс. 1938 год. М., 1997.

Судоплатов А.П. Тайная жизнь генерала Судоплатова. В 2-х т. М., 1998.

Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., 1997.

Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы. М., 1999.

Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии 1941 года. М., 2001.

Суходеев В. Сталин в жизни и легендах. М., 2003.

Суходеев В.В. Эпоха. Сталин: события и люди. Энциклопедия. М., 2004.

Суходеев В.В. Сталин. Военный гений. М., 2005.

Суходеев В.В. Сталин. Энциклопедия. М., 2006.

Сухомлинов А.В. Кто Вы, Лаврентий Берия? М., 2004.

Сысоев Н.Г. Жандармы и чекисты. От Бенкендорфа до Ягоды. М., 2002.

Таратута Ж., Зданович А. Таинственный шеф Мата Хари. М., 2000.

Тарле Е.В. Политика: история территориальных захватов (XV—XX века). М., 2001.

Тартаковский Б. Русская королева Третьего рейха. М., 2004.

Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав. М., 1978.

Тегеран. Ялта. Потсдам. Сб. документов, М., 1970.

Телегин К.Ф. Войны несчитанные версты. М., 1988.

Телицын В.Л. Проект «Аненербе». Наследие предков и Третий рейх. М., 2001.

Телицын В.Л. Пылающий Китай. Военные конфликты в Китае и советские «добровольцы». М., 2003.

Телицын В.Л. «Пиренеи» в огне. Гражданская война в Испании и советские «добровольцы». М., 2003.

Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961.

Теплов Б.М. Ум полководца. М., 1990.

Терещенко А.С. «Оборотни» из военной разведки: девять предательств сотрудников ГРУ. М., 2004.

Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М., 1956.

Ткаченко К. И.В. Сталин. Штрихи к биографии. М., 1995.

Томин В. Большой шеф «Красной Капеллы». М., 2005.

Топтыгин А. Лаврентий Берия. Неизвестный маршал госбезопасности. М., 2005.

Торбеев Г.И., Свечников П.Г. Сталин: правда и вымыслы. Штрихи к политическому портрету. Челябинск, 2005.

Треппер Л. Большая игра. М., 1990.

Трибуц В.Ф. Балтийцы сражаются. М., 1985.

Троцкий Л.Д. Преданная революция. М., 1997.

Троцкий Л. Сталин. М., 1995.

Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990.

Троцкий Л.Д. Политические силуэты. М., 1990.

Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций. М., 1990.

Трояновский П. Взятие Берлина. Записки военного корреспондента. М., 1945.

Трудные вопросы истории. М., 1997.

Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. М., 1968.

Тюленев И.В. Через три войны. М., 1960.

1939 год — уроки истории. М., 1990. Под редакцией О.А. Ржешевского.

Удилов В.Н. Назад к истине. М., 1998.

Уоллер Дж. Невидимая война в Европе. Смоленск, 2001.

Усов В. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М., 2002.

Усовский А. Что произошло 22 июня 1941 года? М., 2006.

Устинов Д.Ф. Во имя Победы: Записки наркома вооружения. М., 1988.

Уткин А.И. Россия над бездной: 1918 г. — декабрь 1941 г. Смоленск, 2000.

Ушаков А.Г. Сталин: по ту сторону добра и зла. М., 2006.

Уэст Р. Иосип Броз Тито. Власть силы. Пер. с англ. М., 1997.

Фалиго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб. М., 1997.

Фалин В.М. Конфликты в Кремле. М., 1999.

Фальсификаторы истории (Историческая справка). М., 1948.

Фальсификаторы истории (Историческая справка). М., 1951.

Федоров М., Федорова Г. Будни разведки. М., 1994.

Федоров М., Федорова Г. Вся жизнь конспирация. История семьи нелегалов. М., 2002.

Федосюк Ю.А. Утро украсит нежным светом. Воспоминания о Москве 1920—1930-х годов. М., 1999.

Фейхтвангер Лион. Москва, 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М., 1937.

Феклисов А.С. За океаном и на острове: Записки разведчика. М., 1994.

Фелыитинский Ю. Вожди в законе. М., 1999.

Фест И. Адольф Гитлер В 3-х т. Пермь, 1993.

Фесюн А.Г. Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. СПб., 2000.

Финкер К. Заговор 20 июля 1944 г. М., 1976.

Фляйшхауэр И. Пакт: Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938—1939. М., 1991.

Фостер У. История трех Интернационалов. М., 1959.

Фрадкин В. Дело Кольцова. М., 2002.

Фришауэр В. Взлет и падение Геринга. М., 2000.

Фрунзе М.В. Избранные произведения. М., 1934.

Царев О., Костелло Д. Роковые иллюзии. М., 1995.

XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). М., 1934.

Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. Пер. с нем. М., 2001.

Хереш Э. Купленная революция. Тайное дело Парвуса. М., 2004.

Хлебников Н.М. ...Под грохот сотен батарей. М., 1979.

Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992.

Хлевнюк О.В. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы. М., 1993.

Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизм политической власти в 30-е годы. М., 1996.

Хогертон Дж. Ф. и Реймонд Э. Когда Россия будет иметь атомную бомбу? М., 1948.

Хозиков В. Ракетные боги Кремля. М., 2004.

Хрущев Н. Воспоминания. М., 1997.

Хрущев Н.С. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС. М., 1959.

Хрущев Н.С. О культе личности и его последствиях // Известия ЦК КПСС. М., 1989, № 3.

Чазов Е.И. Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». М., 1992.

Червов Н.Ф. Провокации против России. М., 2003.

Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. М., 2003.

Черняк В.З. Тайны промышленного шпионажа. М., 2002.

Чертопруд С. Юрий Андропов. Тайны председателя КГБ. М., 2006.

Черушев Н.С. 1937 год: элита Красной Армии на Голгофе. М., 2003.

Черушев Н.С. Удар по своим. Красная Армия 1938-1941. М., 2003.

Черушев Н.С. «Невиновных не бывает...». Чекисты против военных. 1918—1953. М., 2004.

Черушев Н.С. Коменданты Кремля в лабиринтах власти. М., 2005.

Черчилль У. Вторая мировая война. В 6 т. М., 1955.

Чиков В. Русские нелегалы в США. М., 2003.

Чуев Ф.И. Солдаты Империи: Беседы. Воспоминания. Документы. М., 1998.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991.

Чуев Ф. Так говорил Каганович. М., 1992.

Чуев Ф. Несписочный маршал. М., 1995.

Чуев Ф. Полудержавный властелин. М., 1998.

Чуев Ф. Каганович. Шепилов. М., 2001.

Чуйков В.И. От Сталинграда до Берлина. М., 1985.

Чуянов А.С. На стремнине века. М., 1976.

Шабалов А.А. Одиннадцатый удар товарища Сталина. Ростов-на-Дону., 1996.

Шамбаров В.Е. Оккультные корни Октябрьской революции. М., 2006.

Шамбаров В.Е. За веру, царя и Отечество! М., 2003.

Шапошников Б.М. Воспоминания: Военно-научные труды. М., 1974.

Шафаревич И. Русский народ в битве цивилизаций. М., 2003.

Шахурин А.И. Крылья победы. М., 1983.

Шевякин А.П. Загадка гибели СССР. История заговоров и предательства. М., 2003.

Шевякин А.П. Разгром советской державы. От «оттепели» до «перестройки». М., 2005.

Шевякин А.П. Три шага в пропасть. М., 2007.

Шевякин А.П. 17 тайн Лубянки. М., 2007.

Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. Пер. с англ. М., 1991.

Шелленберг В. Мемуары. Пер. с нем. М., 1991.

Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца 2-х. М., 1958.

Шиллеровский институт науки и культуры, бюллетени №№ 5 и 7. 1995—1996; «Зоопарк народов Пальмерстона». М., 1997.

Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Т. 1—2. М., 1991.

Широкорад А.Б. Тевтонский меч и русская броня. М„ 2003; 2005.

Широкорад А.Б. Чудо-оружие Российской империи. М., 2005.

Широкорад А.Б. Чудо-оружие СССР. М., 2005.

Широкорад А.Б. Атомный таран XX века. М., 2005.

Широнин В.И. КГБ — ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М., 1997.

Широнин В.И. Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки. М., 1996.

Шишкин В.А. Цена признания. М., 1991.

Шишкин О. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999.

Шишкин О. Убить Распутина. М., 2000.

Шишкин О. Сумерки магов. Георгий Гурджиев и другие. М., 2005.

Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М., 2000.

Шишов А.В. Разгром Японии и самурайская угроза. М., 2005.

Шишов А.В. Военные конфликты XX века. М., 2006.

Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и православная церковь. М., 2007.

Шрейдер М.Б. НКВД изнутри: Записки чекиста. М., 1995.

Штейн М.Г. Ульяновы и Ленины. Семейные тайны. СПб., 2005.

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. В 2-х кн. М., 1975.

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. 2-х кн. М., 1985.

Шубин А.В. Вожди и заговорщики. М., 2004.

Шубин А.В. 10 мифов советской страны. М., 2006.

Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929—1941 годы. М., 2004.

Шумейко И. Вторая мировая. Перезагрузка. 2007.

Шустер Г. История тайных союзов. В 2-х т. М., 1996.

Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу: Военные мемуары / Пер. с англ. М., 1980.

Экономическая контрреволюция в Донбассе. Итоги «Шахтинского дела». М., 1928.

Энциклопедия военного искусства. Операции военной разведки. М., 1997.

Энциклопедия Третьего рейха. М., 1996.

Эпперсон Р. Невидимая рука. М., 1996.

Эренбург Г.Б. Очерки национально-освободительной борьбы китайского народа в новейшее время. М., 1951.

Эткинд А.М. Эрос невозможного. Развитие психоанализа в России. М., 1994.

Яковлев А.С. Цель жизни: Записки авиаконструктора. М., 2000.

Яковлев Н.Д. Об артиллерии и немного о себе. М., 1984.

Яковлев Н.Н. Новейшая история США. 1917—1960. М., 1961.

Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт — человек и политик. М., 1965.

Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983.

Якубович Н.В. Авиация СССР накануне войны. М., 2006.

Якупов Н. Трагедия полководцев. М., 1992.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

200 мифов о Сталине

Мартиросян Арсен Беникович

СТАЛИН ПОСЛЕ ВОЙНЫ.
1945-1953 ГОДЫ

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В. П. Еленский*
Главный редактор С.Я. *Дмитриев*
Корректор *О.И. Богачева*
Дизайн обложки *Д. В. Трушин*
Верстка *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.98.953.Д.012232.12.06 от 21.12.2006 г.
E-mail: veche@veche.ru
http: //www. veche. ru

Подписано в печать 24.09.2007. Формат 84x108 $у_{32}$.
Гарнитура «MyslC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 14. Тираж 12000 экз. Заказ С-1269.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

цествует огромное количество «демократических» мифов о политике етского Союза под руководством И.В. Сталина в первые годы «холодной ны». Между тем именно лидеры Запада с грохотом опустили «железный авес», а затем разработали множество планов ракетно-ядерной агрессии тив СССР и стран народной демократии. Советские руководители после-линской эпохи, опорочив все дела и замыслы генералиссимуса, не смогли тойно ответить на вызовы времени и фактически довели до полного раз-а величайшую державу мира.

алин после войны. 1945—1953 годы» — пятая книга уникального пятитом-о проекта А.Б. Мартиросяна «200 мифов о Сталине». Она рассказывает только о мифотворчестве «демократов» по поводу внешней и внутренней итики СССР после Великой Отечественной войны, но и о «Ленинградском е», о загадках смерти И.В. Сталина и представляет собой попытку автора обраться в реальном положении дел.